

"Зимние костры"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Зимние костры

Глава 1

Удаленная на несколько миль от западного побережья Уэльса и находившаяся слева от Энгсли-Айленд маленькая деревушка уютно расположилась на крошечном участке вырубленного леса. На крутом холме, нависающем над деревней, стояло величественное здание из серого камня, словно охраняя ряд скромных домишек, совсем как наседка — цыплят.

Все вокруг было пронизано светом и как будто наслаждалось теплыми лучами летнего солнышка. Только замок на холме оставался холодным и зловеще-неприступным, хотя веселые зайчики и скользили по шершавым серым стенам. Путники, проходившие через эти места, часто дивились его суровому виду, совсем как сегодняшний гость.

Незнакомец медленно шел по деревне, не сводя тревожного взгляда с замка. Но вскоре происшедшее вокруг отвлекло его внимание от холма и от покровительницы-наседки. Чувство неловкости уступило место осознанию неожиданной удачи. Не раз он оборачивался и настороженно оглядывался по сторонам, удивляясь царившим повсюду миру и покою: дюжина тесно прижавшихся друг к другу домиков, носящиеся по улице ребята и женщины... Ах, эти женщины!

Молодой человек наметанным глазом выделил пять или шесть, явно пришедшихся ему по вкусу. Правда, те не обращали на него никакого внимания, занимаясь повседневными делами.

Незнакомец просто не мог поверить тому, что видит. Ни одного мужчины, совершенно ни одного! И столько женщин, всех возрастов! Что, если он наткнулся на оставшееся с древних времен поселение амазонок? Но он сразу же отбросил эту мысль: среди детей много мальчиков! Должно быть, мужчины трудятся на полях или ушли на охоту.

— Могу я помочь вам, добрый господин? Незнакомец, испуганно встрепенувшись, поспешно обернулся и оказался лицом к лицу с весело улыбающейся девушкой, в глазах которой светилось нескрываемое любопытство. По виду ей нельзя было дать больше шестнадцати зим. Аккуратно заплетенные светло-русые волосы и широко раскрытые зеленые глаза на ангельски-невинном лице сразу задели его за живое. Путник поспешно опустил глаза, чтобы не выдать истинных намерений, но налитые груди, распирающие коричневую сорочку, и крутые бедра мгновенно вызвали ноющую томительную боль в чреслах.

Видя, что мужчина не отвечает, девушка жизнерадостно продолжала:

— Прошло уже много месяцев с тех пор, как чужаки в последний раз проходили через нашу деревню — тогда переселенцы с Энгсли-Айленд искали новые земли для своих очагов. Ты тоже пришел оттуда?

— Да, там уже не так, как прежде, — отозвался гость.

Конечно, он мог бы рассказать девушке о своих бедах, но у нее вскоре собственных будет достаточно... если ему, конечно, удастся задуманное, а кроме того, не в сочувствии и понимании он нуждался сейчас.

— Где же ваши мужчины? Даже стариков, греющихся на солнышке, что-то не видно. Девушка печально улыбнулась.

— Так уж случилось, что две зимы назад в деревне разразилась лихорадка и унесла стариков. Да и молодых тоже много умерло тогда. Но плохое настроение длилось недолго. Этим утром кто-то увидел вепря, и оставшиеся мужчины устроили облаву, — весело объявила она, — вечером будет пиршество, и ты можешь присоединиться.

— Но разве вы не работаете в полях? — с любопытством осведомился незнакомец. — Или дикий вепрь важнее?

Девушка, не скрываясь, хихикнула:

— Да ты, должно быть, вправду пришел с моря, иначе знал бы, что если хлеб посеян весной, пора уборки урожая придет лишь осенью, и до этих пор в полях делать нечего.

— Так, значит, мужчины вскоре должны вернуться? — нахмурился пришелец.

— Вот уж нет! — засмеялась девчонка. — Скорее всего они постараются задержаться на охоте сколько возможно! Не так часто дикие звери подходят к деревне.

Морщины на лице незнакомца мгновенно разгладились, тонкие губы скривились в улыбке:

— Как тебя зовут, девушка?

— Энид, — весело ответила та.

— Ты замужем, Энид?

Легкий румянец залил личико девушки:

— Нет, сэр, я все еще живу с отцом.

— А он тоже покинул деревню?

Зеленые глаза вновь просияли смехом:

— Он ни за что на свете не пропустил бы охоту! «Слишком хорошо, чтобы быть правдой!» — злорадно подумал пришелец, прежде чем снова заговорить:

— Я прошел много миль, и солнце так жарко светит сегодня! Не могу я немного отдохнуть в твоём доме, Энид?

Первый раз с момента их встречи, девушка нервно осмотрелась по сторонам:

— Я... я не знаю.

— Только на несколько минут, Энид, — поспешно добавил мужчина.

— Думаю, мой отец не возражал бы, — кивнула наконец девушка и пошла вперед, показывая дорогу.

Вскоре они очутились в крошечном жилище: единственной комнате с занавеской, разделяющей тьюфяки, брошенные в углу на грязный пол. Почерневший каменный очаг

занимал одну стену, перед ним располагались стол и два грубо сколоченных табурета. Две изысканные чаши на столе — прекрасной работы, украшенные полудрагоценными камнями — мгновенно привлекли внимание гостя. Такие вещи немало стоили! Непонятно, каким образом могли оказаться эти сокровища в убогой хижине.

Энид с любопытством наблюдала, как гость жадно рассматривает дары, полученные от владельца замка за оказанные услуги. Незнакомец не казался красивым, но в нем не было и ничего отталкивающего. И хотя он, очевидно, не владел ни деньгами, ни скотом, однако на вид был крепок и силен и мог бы стать Энид неплохим мужем. Вряд ли ей удастся найти себе пару среди односельчан, поскольку все подходящие женихи давно уже испробовали ее прелестей и, несмотря на то, что охотно пользовались услугами Энид, не подумали бы жениться на ней, зная, что та щедра на милости и не пропустила ни одного мужчины в деревне.

Все быстро взвесив, Энид усмехнулась про себя. Она поговорит с отцом, когда тот вернется, и расскажет о своем замысле. Отец знал о похождениях дочери и, по правде сказать, не очень сердился, но мечтал о зяте, который мог бы стать помощником в полевых работах. Вместе они уговорят пришельца погостить подольше, а Энид тем временем пустит в ход свои чары, чтобы завлечь его в супружеские сети. Да, на этот раз она не ляжет в постель без брачной церемонии, не добавит еще одной ошибки к уже имеющемуся длинному списку совершенных.

— Не хотите ли утолить жажду элем, добрый господин? — Нежным голосом сирены она вновь привлекла к себе внимание гостя.

— Да, не помешало бы промочить горло, — ответил тот, терпеливо ожидая, пока девушка подаст ему чашу.

Нервно оглянувшись на оставшийся открытым вход, он заметил прислоненную к стене наспех сколоченную дверь без петель и, залпом допив эль, поставил ее на место. В комнате мгновенно стало темно. Насколько он понял, дверь предназначалась не для защиты, а лишь для тепла или, как в его случае, чтобы укрыться от любопытных глаз.

— Уж очень жарко становится, — пояснил он, и девушка, не выказывая ни малейшего страха, согласно кивнула.

— Может, пообедаете, сэръ? Приготовить недолго!

— Ты очень добра, — отозвался мужчина, благодарно улыбаясь, но про себя решил, что еда может подождать, главное — унять пожар в чреслах.

Девушка, повернувшись к нему спиной, подошла к очагу. Мужчина, вынув из-под тунки нож, бесшумно скользнул следом, оказавшись позади Энид. Девушка застыла, почувствовав, как лезвие коснулось шеи, а мужская грудь прижалась к спине. На этот раз она боялась не за свое тело, как многие девушки на ее месте, а за собственную жизнь.

— Не кричи, Энид, или мне придется сделать тебе больно, — медленно предупредил он, сжимая ее округлые груди. — И не только тебе, ж н всякому, кто придет на помощь. Я всего-навсего хочу немного поваляться с тобой, ничего больше.

Энид сдавленно всхлипнула при мысли о том, как вновь рушится давняя мечта — наконец получить мужа.

А в это время немного к югу от деревушки, в лесу, еще один путник ковылял между деревьями,

что-то бормоча себе под нос.

— Погоди ты у меня, избалованная кляча, отведаешь кнута! — погрозил юноша кулаком в ту сторону леса, где несколько часов назад его сбросила лошадь.

Правда, ущерб был скорее нанесен гордости, чем задней части, на которую приземлился незадачливый охотник, поэтому он, прижав руку к ноющим ягодицам, упорно продолжал путь к деревне.

Вскоре юноша, уже гордо подняв голову, стойчески выдерживал любопытные взгляды сельчан. Наконец одна из женщин решилась приблизиться и, явно подавляя желание задать очевидный вопрос о судьбе лошади, сообщила:

— У нас гость, Брен. Энид повела его к себе отдохнуть.

Холодные серые глаза на миг остановились на домике Энид.

— Но почему они закрылись?

— Ты ведь знаешь Энид, — понимающе улыбнулась женщина.

— Да, но она не щедра на милости к незнакомым мужчинам!

И юноша, сжимая в руке шпагу, в несколько прыжков оказался у домика Энид и бесшумно отодвинул дверь. Только через несколько мгновений глаза привыкли к полутьме. И наконец взгляд юноши упал на сплетенные на полу тела. Незнакомец, оседлав Энид, резкими толчками вонзался в покорное тело, словно обезумевший кабан.

Сначала серые глаза зачарованно уставились на слившуюся парочку, на лихорадочные движения мужчины, лежавшего между расставленными ногами женщины. До слуха юноши доносились стоны и почти нечеловеческое рычание. Но тут перед его взором блеснула сталь, и лицо потемнело, словно море перед надвигающимся штормом, — только сейчас он заметил приставленный к горлу Энид кинжал.

Не задумываясь, юноша решительно пересек комнату и, подняв меч, вонзил острие в зад насильника. Тот взвыл и в мгновение ока очутился на полу. Энид плакала, прикрываясь руками и стараясь отползти подальше от негодея, но, поняв, по какой причине тот неожиданно вскочил, мгновенно смолкла:

— Брен, что ты здесь делаешь?

Юноша широко расставил ноги и подбоченился:

— Думаю, тебе повезло, что эта кляча, которую я называю Уиллоу, сбросила меня, иначе правосудие не свершилось бы! Он ведь принудил тебя, не так ли? И опоздай я...

— Д-да, — пробормотала Энид, не в силах справиться с сотрясавшими тело рыданиями. На этот раз девушка плакала от облегчения.

— Но она не была девственной! — гневно вскричал неизвестный, схватившись за окровавленный зад.

Несмотря на боль, он мгновенно сообразил, что перед ним не отец Энид, а всего-навсего мальчишка, если судить по тонкому высокому голосу, и явно не из этой деревни, а

благородного происхождения, и к тому же богат: красиво вышитая мантия прикрывала, тунику из серебристой ткани в тон гневным серым глазам. Меч тоже был невиданным и, хотя мог считаться двуручным, все же казался чрезвычайно тонким и легким, с украшенной драгоценными камнями рукояткой.

— Пусть она не была девственницей, но все же не давала тебе разрешения овладеть ею. Да, всем известно, что Энид рада услужить мужчинам, но только тем, кого выберет сама. Она оказала тебе гостеприимство, и посмотри, какой подлостью ты отплатил за добро! Как его наказать, Энид? Отрубить голову и положить у твоих ног? Или лучше отсечь этот сморщенный увядший отросток, так гордо стоявший всего несколько минут назад?

— Я разделаю тебя на куски, мальчишка! — зашелся от бешенства мужчина. Среди женщин, сбежавшихся на крики, слышались смешки. Лицо обнаженного мужчины побагровело от ярости. В довершение позора юноша тоже звонко расхохотался. Но тут, к всеобщему удивлению, раздался осуждающий голос Энид:

— Боен, ты не должен издеваться над ним.

Смех мгновенно смолк, и юноша, поглядев на Энид, презрительно покачал головой:

— Почему, Энид? Незванный гость, по-видимому, считает себя достойным противником мне, пронзившему копьем первого кабана еще в девять лет и убившему пятерых грабителей, угрожавших деревне, мне, взявшему меч в руки, научившись ходить, и с детства обучавшемуся воинскому искусству! Подумать только, гнусный насильник воображает, что сможет вырвать у меня сердце вот этой игрушкой, которую держит в руке. Поглядите-ка! Правда, он высок, но на самом деле всего лишь жалкий трус!

При этом последнем оскорблении из груди мужчины вырвался оглушительный вопль. Замахнувшись кинжалом, он ринулся на юношу, намереваясь привести угрозу в исполнение. Только юноша, как оказалось, вовсе не хвастался зря и с гибкой грацией успел уклониться. Легкий поворот руки — и на груди противника показалась длинная кровавая царапина.

— Может, и не трус, но уж точно неповоротливый болван, — издевательски бросил юноша, когда мужчина врезался в противоположную стену. — Ну что, довольно с тебя, насильник?

Мужчина, однако, молниеносно подобрал выпавший при ударе кинжал, вновь бросился на юношу. На этот раз в воздухе свистнуло лезвие, и в левой части груди нападавшего появился багровый крест. Раны были неглубокими, но достаточными для того, чтобы весь торс мужчины залили кровавые ручейки.

— Это всего-навсего царапины, мальчишка! — проворчал тот. — Пусть мой кинжал и короток, зато найдет цель!

Поскольку теперь противников разделяло всего около фута, мужчина воспользовался возможностью ударить врага в тонкую белую шею. Но юноша снова отступил, двигаясь с необычной легкостью. Кинжал нападавшего всего лишь разрезал воздух и через мгновение уже валялся на полу, выбитый ловким ударом.

Незнакомец оказался лицом к лицу с Энид. Во взгляде девушки не было жалости.

— Глупец! Брен всего лишь играет с тобой! Поняв, что она права, незнакомец смертельно побледнел, и хотя самолюбие было жестоко задето — подумать только, быть побежденным жалким юнцом, — теперь приходилось бояться за жизнь. Оставалось лишь молиться, чтобы

последний удар был нанесен быстро и смерть оказалась легкой. В холодных серых глазах не было ни капли милосердия. Смех, сорвавшийся с мягких чувственных губ, леденил кровь.

— Как тебя именуют?

— Доналд. Доналд Джилли, — поспешно пробормотал он.

— Откуда ты пришел?

— Из Энгсли.

При упоминании этого названия глаза юноши сузились:

— И ты был там в прошлом году, когда проклятые викинги напали на Холихед-Айленд?

— Да, и видеть эту бойню не было сил...

— Прекрати! Я вовсе не требую отчета о том, что делали эти ублюдки! Но ты, Доналд Джилли, знай — твоя жизнь в руках этой девушки. — Юноша повернулся к Энид:

— Как с ним быть? Отправить в ад его жалкую душонку раз и навсегда?

— Нет! — охнула Энид.

— Тогда искалечить за то, что он с тобой сделал? Отрубить руку? Ногу?

— Нет! Нет, Брен!

— Правосудие должно свершиться, Энид! — нетерпеливо отрезал юноша. — Я милосерднее отца! Будь на моем месте лорд Энгус и найди он этого негодяя валяющимся между твоих ног, давно бы уже велел посадить его на кол и оставить волкам. Джилли совершил преступление и должен поплатиться!

Энид глядела на защитника широко раскрытыми испуганными глазами. Доналд Джилли съежился, ожидая приговора. Юноша задумчиво нахмурил лоб. И вдруг в его глазах заиграли бесенята.

— Вот что, Энид, скажи, возьмешь ли ты этого человека в мужа?

Почти сразу же послышался едва различимый шепот:

— Да.

— А ты согласен взять ее в жены, Доналд Джилли?

Серые глаза словно пронизывали Доналда насквозь.

Мужчина резко вскинул голову.

— Да. Да, согласен! — вырвалось у него.

— Да будет так — вы поженитесь, — объявил юноша непререкаемым тоном. — Поверь, Доналд Джилли, это хорошая сделка. Но знай: если согласишься сегодня, назад дороги нет. Не заставляй меня жалеть о том, что решение оказалось слишком мягким. Если причинишь вред

девушке или захочешь оставить ее, на земле для тебя не останется достаточно безопасного убежища. Я отыщу тебя и исправлю содеянное тобой зло.

Мужчина не смог сдержать радости, осознав, что так легко отделался.

— Я ничего не сделаю девушке.

— Прекрасно, — коротко ответил юноша и, повернувшись к двери, крикнул:

— Расходитесь, женщины! Развлечения на сегодня закончены! Оставьте эту парочку, пусть поближе познакомятся! — И, обратившись к Энид, прибавил:

— Энид, быстро помоги ему вымыться, пока отец не вернулся. Тебе еще многое придется объяснить этому доброму человеку.

— А твой отец вырастил поистине милосердного сына, господин, — вставил Доналд Джилли. Юноша искренне рассмеялся:

— У моего отца нет сыновей!

Доналд Джилли долго смотрел вслед удалявшейся фигурке и наконец ошеломленно пробормотал, обращаясь к невесте:

— Что он имел в виду?

— Не «он», — засмеялась Энид. — Твою жизнь пощадила леди Бренна.

Глава 2

Бренна распахнула тяжелую дубовую дверь, позволяя солнечным лучам проникнуть в затемненный зал замка. Здесь никого не было, но сквозь двойные двери большого зала для приемов доносились голоса. Там ее сводная сестра Корделла обсуждала с кухаркой блюда к вечерней трапезе.

Корделла была последним человеком на земле, которого хотелось бы встретить Бренне сейчас и вообще особенно сейчас, когда так болела спина после падения с проклятой Уиллоу, да и умыться не мешало бы.

Привыкшая пролетать зал в несколько прыжков, Бренна, едва сдерживая нетерпение, тащила теперь со скоростью улитки, чувствуя каждой частичкой тела, как ноют истерзанные мышцы, а короткая схватка с Доналдом Джилли отнюдь не улучшила ни самочувствия, ни настроения. Она с трудом удерживалась от того, чтобы не морщиться, и тихо стонала сквозь зубы, стараясь держать боль в узде.

Ха! Джилли посчитал ее мальчишкой! Бренна просто раздувалась от гордости. Разве не этого она добивалась?! Всего на несколько минут Бренна превратилась в настоящего сына своего отца, невзирая на то, что стойкий дух принадлежал нежной женской плоти.

Бренна с трудом одолела несколько ступенек лестницы, ведущей в лабиринт проходов и коридоров на втором этаже. Человек, незнакомый с замком, наверняка затерялся бы в этом хаотическом архитектурном решении, имевшем такой вид, словно два разных строителя начали возводить здание с разных концов и безуспешно попытались встретиться на середине. Но таково было желание отца Энгуса, первого хозяина замка. Строительство продолжалось

двадцать лет, и сын его уже успел вырасти к тому времени, когда был положен последний камень. Первый этаж был точно таким же, как в любом подобном замке, зато на втором располагалось девять изолированных покоев, в каждый из которых вел отдельный коридор. Пройдя первый зал, Бренна повернула направо и миновала спальню отца. Он, должно быть, сейчас в постели, поскольку вот уже неделю болел и до выздоровления было еще далеко. Девушка хотела было зайти и рассказать о забавном поединке с Джилли. Нет, лучше позже: сначала нужно выкупаться.

Дойдя до конца коридора, Бренна повернула и оказалась у покоев Корделлы и ее мужа. Слева находились ее собственные. Окна угловой спальни Бренны пропускали много света. Семнадцатилетняя девушка не возражала против того, что ее комнаты самые дальние, но вот сегодня каждый шаг давался с трудом.

Бренна едва не вскрикнула от облегчения, добравшись наконец до места, и остановилась лишь затем, чтобы позвать Элейн, свою служанку. Медленно прикрыв дверь, она прохромала к кровати, снимая на ходу накидку с капюшоном, скрывающим ее роскошные волосы. Длинные волосы. Единственное, что не соответствует образу, который так пыталась создать девушка. Отец запретил отрезать их, поэтому приходилось надевать либо шапку, либо капюшон, и Бренна ненавидела этот очевидный символ женственности.

Не успела ее голова коснуться подушки, в комнате появилась Элейн — ее спальня была рядом, за углом. Служанка была уже не первой молодости, но выглядела совсем неплохо. Рыжие волосы говорили о шотландской крови. Когда-то морковного цвета, теперь они выцвели и превратились в тускло-оранжевые, однако темно-синие глаза по-прежнему молодо блестели. Конечно, былого проворства не вернуть, и холодными зимами Элейн часто и долго болела, но тогда уже Бренна превращалась в служанку и ухаживала за ней.

— О Бренн, девочка моя, — задыхаясь, выговорила Элейн, поднося к груди маленькую руку. — Как я рада, что ты вернулась вовремя! Сама знаешь, отец разбушевался бы, пропусти ты встречу с Уиндхемом. Так что пора сбросить мужские одежды и нарядиться, как подобает дочери владельца замка. Когда Бойд явился с новостями о ведре, я уж было испугались, что появишься только к ночи!

— Проклятие на голову Уиндхема и всех его родичей! — устало отрезала Бренна. — И будь проклят этот чертов кабан!

— Господи, ну и в прекрасном же мы настроении сегодня, — прищелкнула языком Элейн.

— Не мы, а я!

— И что это с тобой случилось, спрашивается? Бренна попыталась сесть, но, поморщившись, снова легла.

— Уиллоу, эта стельная корова! Подумать только, я так старалась выучить ее, а паршивая кляча имела наглость испугаться кролика! Кролика! В жизни не прощу ее за это!

— Ага, вижу, ты грохнулась на землю и твоя гордость немного пострадала, — хмыкнула Элейн.

— О женщина, замолчи же! Не желаю я слушать твою трескотню! Хочу отлежаться в горячей водичке и хорошенько пропарить усталые косточки!

— Только побыстрее, дорогая! — покачала головой Элейн, ничуть не обидевшись, поскольку давно привыкла к нетерпеливой подопечной. — Уиндхем тебя ждет.

— Подождет!

Каждый день Бренна приходила на урок в большую залу для приемов. Прошло одиннадцать месяцев с того дня, как кровожадные язычники, пришедшие с севера, напали на Холихед-Айленд в году 850-м от Рождества Христова. Бренна едва выносила уроки, ненавидела их всех душой, но выбора не было. Правда, училась она старательно, но лишь потому, что имела на это свои причины, а вовсе не по приказу Энгуса.

Уиндхем, зловеще нахмурясь, встал, когда Бренна вошла в комнату:

— Вы опять опоздали, леди Бренна.

Одетая в шелк цвета морской волны, красиво оттенявший черные как вороново крыло волосы, ниспадавшие до тонкой талии, Бренна мило улыбнулась:

— Вы должны простить меня, Уиндхем. Мне жаль, что я заставила вас ждать и отрываю от важных дел.

Красивое угрюмое лицо норвежца смягчилось, но глазами он обежал комнату, останавливаясь при этом на чем угодно, кроме Бренны.

— Чепуха! Нет ничего важнее, чем подготовить тебя к новому дому и жизни.

— Тогда мы должны начать немедленно, чтобы восполнить потерянное время.

Нужно отдать должное, Бренна могла бить настоящей леди, когда требовали обстоятельства. Об этом позаботилась ее тетя Линнет. Девушка умела мгновенно стать грациозной, очаровательной и применить тонкую хитрость и неотразимые чары для достижения цели. Правда, женские уловки она пускала в ход не часто, но уж в этом случае ни один мужчина не мог перед ней устоять.

Ванна, конечно, помогла, но былая гибкость не вернулась. Бренна медленно проковыляла к одному из четырех треноподобных стульев, стоявших перед огромным камином, и присоединилась к Уиндхему. Тот начал урок с повторения норвежской мифологии. Теперь наставник говорил по-норвежски, на языке, который Бренна без труда понимала, поскольку это было первым, чему научил ее Уиндхем.

Неужели прошел почти год с тех пор, как они получили новости о Холихед-Айленд? Казалось, пролетел век. Случившееся было потрясением и вселило во всех страх смерти. Два дня спустя Энгус послал за Бренной и объявил о своем решении и судьбе, предназначенной дочери. Сцена эта до сих пор стояла перед глазами Бренны и даже преследовала ее во сне. Отец был одет, как подобает в таком случае, в черное. Черное, цвет печали, тоски и... проклятия. Черная мрачная туника, темные длинные волосы необычно сочетались с сияющими весельем голубыми глазами, невероятно яркими для пятидесятилетнего мужчины. Но в этот день Энгус Кармахем выглядел стариком.

Бренна только вернулась с прогулки верхом, когда ее позвали к отцу. Девушка еще не успела снять мужской костюм — тунику сизого цвета, короткую, расшитую серебром накидку, тонкие лосины из мягкой оленьей замши и сапоги лучшей испанской кожи. С бедра свисал меч, но она сняла его, прежде чем устроиться напротив отца в кресле с высокой спинкой, обитом бархатом.

— Ты станешь женой норвежского вождя, дочь моя, — первое, что объявил Энгус.

— И рожу двадцать прекрасных сыновей, которые будут разорять набегами наше побережье, — весело отозвалась девушка.

Но Энгус не рассмеялся шутке дочери, и при виде его серьезного лица кровь Бренны похолодела. Она вцепилась в подлокотники кресла, напряженно ожидая следующих слов отца. Тот устало вздохнул, словно годы давили на плечи тяжким бременем.

— Может, они и будут грабить наше побережье, но не нас.

— Что ты сделал, отец? — с тревогой спросила Бренна, не выдержав тягостного ожидания.

— Вчера я послал свата. Он доберется до Норвегии и заключит договор с викингами... Бренна вскочила:

— Теми, что напали на Холихед-Айленд?

— Нет, совсем необязательно. Посланец станет искать вождя, который согласился бы взять тебя в жены. Могущественного человека.

— Ты хочешь торговать мною? Предлагать как товар? — обвиняюще воскликнула Бренна, глядя на Энгуса широко раскрытыми глазами, впервые ощущая, что не знает человека, сидящего напротив и называющего себя ее отцом.

— О нет, Бренна, это не так! — убежденно запротестовал лорд Энгус, твердо сознавая, что поступает правильно, как бы ему ни было больно при этом. — Этот человек будет действовать осторожно и благоразумно. Я послал Фергюса. Он все выведает спокойно, не торопясь, и найдет могучего вождя, у которого еще нет жены. Никакой торговли. Фергюсу приказано не расспрашивать долго. Если ему не удастся никого отыскать, он просто вернется домой.

В глазах Бренны мгновенно вспыхнула ярость.

— Как ты мог сделать такое со мной?

— Другого пути нет, Бренна.

— Не правда! — вскричала она. — Мы так далеко от побережья! Чего нам бояться?

— Викинги с каждым годом наглеют, — попытался объяснить Энгус. — Первое известие о набеге пришло, когда я был совсем маленьким. С тех пор они успели завоевать противоположное побережье. Наши братья на севере склонились перед ними, восток Британии заселен норвежцами. И вот теперь они добрались до наших берегов. Пройдет совсем немного времени, и они появятся здесь... Не в этом году, так в следующем.

— Это совсем необязательно! Ты настоящий воин, закаленный в воинском искусстве, и меня воспитал точно так же. Мы сможем бороться с ними, отец!

— Ах, Бренна, моя Бренна, — вздохнул Энгус, — я слишком стар для этого! Можно убить многих, но не всех! Норвежцы — раса гигантов. Подобных им нет. Это свирепые жестокие люди. Я хочу, чтобы ты жила долго и счастливо и не сошла в могилу раньше времени. И желаю, кроме того, защитить своих людей.

— Пожертвовав единственной дочерью! — охнула Бренна. — Отдав ее в рабыни старику вождю,

по твоим же словам, лишенному сердца!

— Зато я не буду больше бояться за тебя! К тому же уверен, что ты сумеешь постоять за себя.

— Нет! — взорвалась Бренна. — Я ни за что не соглашусь выйти замуж!

Энгус угрожающе нахмурился:

— согласишься! Я велел Фергюсу поклясться моей честью!

— Но почему ты не сказал мне об этом вчера? Знал, что я остановлю Фергюса, не так ли?

— Совершенно верно, дочь моя. Но сделанного не воротишь. Кроме того, тут есть и твоя вина. Ты еще девица, а Корделла хоть и прелестная женщина, но уже замужем.

— Но к чему винить меня, отец?! Ты сам все решил!

— Ну уж нет! Я предлагал тебе самых богатых и знатных женихов, красивых и молодых, — угрюмо напомнил Энгус. — К этому времени ты уже давно должна была бы порадовать меня внуками, но, к несчастью, оказалась слишком разборчивой!

— Ты не предлагал мне никого, кроме невоспитанных хвастунов и смазливых щеголей. И ожидал, чтобы я выбрала себе мужа из этой своры дураков?

— Я знаю тебя, Бренна. Предстань здесь лучший из мужчин, ты все равно не выбрала бы его! Сама мысль о замужестве тебе отвратительна, и, думаю, я знаю почему.

— Тут вы правы, мой господин, — сухо бросила дочь.

— Поэтому я сам выбрал за тебя. Станешь женой человека, которого найдет Фергюс.

Бренна круто развернулась и встала лицом к огню. При одной мысли о замужестве ей стало плохо. Какой же беспомощной чувствовала она себя, с детства приученная сражаться и побеждать! Но с этой бедой не справиться. И прежде чем сдаться, девушка попыталась схватиться за соломинку.

— Пусть другая займет мое место, — бесстрастно объявила она. — Так будет лучше всего.

— И ты сумеешь выдать служанку за леди?! — неверяще охнул Энгус. — Представляешь, как ужасна будет месть викингов, когда они обо всем узнают? Фергюс должен заверить жениха в твоих добродетелях. Твоих! Какая служанка здесь, да и где бы то ни было, обладает твоей красотой, манерами или мужеством? Годы уйдут на то, чтобы обучить девушку низкого происхождения разным премудростям. Ты благородного происхождения и благодаря тетушке прекрасно воспитана. Благословляю день, когда Линнет приехала и взялась за тебя. Ни один человек на свете, не говоря уже о норвежце, не женился бы на таком сорванце, каким ты была.

— Ну а я проклинаяю этот день, причину всех моих несчастий! — взорвалась девушка.

— Бренна!

Она немедленно пожалела об опрометчивых словах. Бренна горячо любила тетку. Не познав материнской ласки и заботы, девочка привязалась к прелестной Линнет, появившейся в замке четыре года назад, после смерти мужа. Линнет была младшей сестрой Энгуса и выглядела

гораздо моложе своих сорока лет. Она сразу занялась воспитанием Бренны, хотя было слишком поздно менять ее мальчишеские привычки, и стала девочке второй матерью, тогда как мачеха, сварливая, скандальная и недобрая женщина, только и знала, что всячески ругать и обижать падчерицу. Энгусу пришлось горько пожалеть о поспешной вторичной женитьбе. Но, по крайней мере, долго терпеть не пришлось — мачеха умерла через год после приезда Линнет, оставив дочь, Корделию, свою точную копию во всем, что касалось характера.

— Прости, отец, — тихо вымолвила Бренна, — опустив свои серебристо-серые глаза и устало сгорбившись, словно признавая поражение. — Просто мне не по душе принятое тобой решение.

— Я предполагал, что ты расстроишься, Бренна, но не знал насколько, — признался Энгус и, встав, обнял дочь за плечи. — Мужайся, девочка! Ты всегда восхищалась храбростью и силой, а этого у норвежцев не отнимешь. Пройдет время, и, может быть, когда-нибудь ты поблагодаришь меня за этот брак.

Бренна, лишившись всякого желания и сил спорить, лишь устало улыбнулась.

Две недели спустя появился Уиндхем, норвежский торговец, осевший на Эмиралд-Айл. Его Энгус отыскал в Энгсли. Уиндхем получил богатое вознаграждение за обучение Бренны норвежскому языку и обычаям, поскольку отец не желал, чтобы, по его выражению, «дочь вступила с завязанными глазами в логовище льва».

Когда настало время жатвы, вернулся Фергюс с хорошими новостями и назвал имя нареченного Бренны.

Судьбу девушки решили без нее и за нее. Жених Бренны не был главой клана, как надеялся Энгус, им оказался сын богатого и могущественного вождя, молодой человек, прокладывающий собственную дорогу в жизни и сколотивший немалое состояние торговлей. Звали его Гаррик Хаардрад.

Правда, Фергюс сам не видел его, поскольку Гаррик отправился торговать на восток. Он вернется только будущим летом и до осени обязательно приедет за невестой. Обе стороны договорились об условиях брака. Все решено. Решено, решено, решено, и выхода нет!

Отныне Бренна с унылой тоской отсчитывала дни, пока наконец молодость и энергия не вытеснили мысли о неприятном будущем. Девушка решила извлечь из проигрышной ситуации как можно больше преимуществ. Она встретит врага на равных и не позволит взять над собой верх, наоборот, подчинит мужа себе, чтобы в будущем поступать как пожелает. Новая земля, новая страна... Да, только не новая Бренна!

Внимание Бренны вновь обратилось к Уиндхему, терпеливо повторявшему урок:

— Итак, Один небесный, верховный бог, бог знания и мудрости, бог-колдун, провидец будущего. Кроме того, он является покровителем воинских союзов. Один со своей армией погибших воинов [1], которых приводят к нему валькирии, эти воинственные девы, участвующие в распределении побед и смертей в битвах, скачет по облакам на восьминогом коне Слейпнире, никогда не устающем. Мечта каждого воина — отправиться после смерти в одиновскую вальхаллу: небесный воинский «рай», где они смогут наслаждаться пирами, на которых валькирии будут им прислуживать. Родной брат Одина — Локи. Его можно сравнить с христианским Люцифером. Он так же хитер и коварен и замышляет гибель богов.

вернуться

1

В немецких легендах Один — водитель «дикой охоты» душ мертвых воинов

Рыжебородый Тор, однако, — всеобщий любимец, хотя вспыльчив и легко впадает в гнев. Он — бог грома, бог грозы, чей огромный молот высекает молнии. Изображение летающего молота Тора можно найти в каждом норвежском доме.

Тир, тоже бог войны и укротитель гигантского волка Фенрира, мрачная Хел, дочь Локи и богиня подземного мира, всего лишь младшие боги, так же, как и Фрей, бог плодородия. Завтра ты узнаешь о них больше, Бренна.

— О Уиндхем, — вздохнула Бренна. — Когда кончатся все эти уроки?

— Ты уже устала от меня? — на удивление мягко для такого гиганта осведомился норвежец.

— Конечно, нет, — поспешно заверила девушка. — Я тебя очень люблю. Если бы все твои соотечественники были похожи на тебя, мне нечего было бы бояться.

Уиндхем улыбнулся с какой-то странной грустью:

— Хотел бы я, чтобы это было так, Бренна. Но говоря по правде, меня больше нельзя назвать викингом. Двадцать лет прошло с тех пор, как я простился с родиной. Вы, христиане, приручили меня. Ты же, дорогая, способная ученица. И уже знаешь о моем народе не меньше, чем о своих кельтских предках. С этого дня и до приезда твоего нареченного мы будем лишь повторять то, что успели выучить.

— Не можешь ли ты подробнее рассказать о клане, в который я войду? — попросила девушка.

— Не намного больше, чем уже поведал тебе. Я знал лишь деда твоего жениха, Ульрика Хитрого. Он был человеком большого мужества. Ульрик правил железной рукой, и сам Локи был на его стороне. Но он был еще и очень странным. Не желая враждовать с сыном, он оставил семью, отдав все земли отпрыску, Ансельму Нетерпеливому. Ансельм оказался достойным своего имени и не мог дожидаться, когда станет вождем. Однако Ульрик не ушел далеко, только на несколько миль вверх по фьорду, где нашел заброшенный участок, и там, со слугами, имея всего несколько лошадей и два десятка коров, построил дом, подобного которому нет в Норвегии. Камень привозили издалека, а здание воздвигли на скалах Хортен Фьорда. Оно довольно большое, хотя не так велико, как замок твоего отца, зато в каждой комнате есть камин.

— Но в чем же отличие от здешних домов? — удивилась Бренна.

— В деревянных норвежских постройках нет очагов. В центре комнаты раскладывается костер, а дыму некуда выходить, кроме как через открытую дверь.

— Какой ужас!

— Да, носу и глазам туго приходится.

— И я должна буду жить в подобном доме?

— Скорее всего. Но ты довольно скоро привыкнешь.

Глава 3

В вечерние часы все собирались за ужином в большом холле — самом светлом помещении в замке. Девять огоньков весело плясали в большом кованом канделябре, украшавшем центр длинного стола, а светильники на каждой стене освещали темные углы. Суровость обстановки немного смягчали потемневшие от дыма гобелены. Среди них был и незаконченный пейзаж, над которым трудилась мать Бренны. Она умерла при родах, так и не успев завершить начатое. Гобелен, вышитый Линнет, изображал замок у моря, рядом висела работа Корделлы с батальной сценой. Последний гобелен, несравненной красоты, привезенный из далекой восточной страны, был даром властителя соседнего королевства.

Неудивительно, что среди всего этого великолепия не было рукоделия Бренны — у девушки попросту не хватало терпения, необходимого для столь деликатного искусства. По правде говоря, она вообще не слишком отличалась хозяйственными талантами.

Первые годы жизни не прошли даром, оставив в Бренне неизгладимый отпечаток, поскольку все это время отец обращался с ней как с мальчиком, сыном, о котором так мечтал. Она и была сыном, пока бедра не округлились, а груди не налились, изобличая притворство. Тот год, когда фигура изменилась, стал кошмаром для Бренны, поскольку нежное женственное тело находилось в постоянном конфликте с мужским ясным умом. Победил ум. Бренна обращала внимание на перемены во внешности, если только для этого возникала настоящая необходимость. Корделле, однако, доставляло огромное удовольствие постоянно напоминать сводной сестре о ее принадлежности к прекрасному полу.

Корделла, с ее пламенеющими рыжими волосами, зелеными, как речная вода, глазами и изящной фигуркой, которую она вечно выставляла напоказ облегаяющими платьями с непристойно низкими вырезами, была злейшим и непримиримым врагом Бренны. Она могла считаться красивой женщиной... до тех пор, пока не открывала рта. Бренна, правда, прекрасно понимала причины такой сварливости и, как могла, старалась быть к ней терпимой.

Бренна сознавала, что Корделла несчастлива. Сейчас ей было всего двадцать. Она вышла замуж за Дунстана совсем молодой, причем по доброй воле. Сначала Корделла любила мужа, но теперь все изменилось. По каким-то причинам, о которых, вероятно, не было известно никому, кроме Дунстана, Корделла возненавидела его, и эта ненависть превратила ее в ядовитую змею.

Корделла вошла в холл и села за длинный стол рядом с Бренной. Несколько минут спустя слуги внесли блюда с тушеной крольчатинной. Корделла в ярко-желтом бархатном платье, оттенявшем волосы и делавшем их еще ярче, подождала, пока они останутся наедине, прежде чем заговорить.

— Куда это подевалась твоя тетка? — спросила она.

— Линнет решила покормить отца, — ответила Бренна, накладывая жаркое на тарелку.

— Это, кажется, твоя обязанность, — ехидно напомнила Корделла.

Но Бренна только пожала плечами:

— Линнет сама захотела.

— Как мой отчим?

— Если бы ты взяла на себя труд навестить его, то сразу увидела бы, что ему не лучше.

— Поправится, — сухо заверила Корделла. — Этот старик переживет всех нас. Но я не ожидала тебя к ужину. Насколько мне известно, охотники убили кабана, и теперь в деревне праздник. Я думала, ты отправишься к своим друзьям, как Уиндхем и Фергюс.

— Вижу, Дунстану деревня тоже пришлось по вкусу, — холодно бросила Бренна, не кстати вспомнив о своем падении с лошади во время погони за зверем. — Мне лично не нужен этот проклятый кабан!

— Ты что-то слишком обидчива сегодня, — заметила Корделла с коварной улыбкой на пухлых губах, намеренно пропуская мимо ушей упоминание о Дунстане. — Не потому ли, что Уиллоу вернулась в конюшню гораздо позже тебя? Или из-за того, что близится время приезда жениха?

— Осторожнее, Делла, — предупредила Бренна, взглянув на нее. — У меня сегодня нет терпения выслушивать твои бредни.

Корделла с деланной наивностью взглянула на сестру, но благоразумно решила промолчать. Она жестоко ревновала Бренну и не стеснялась признаться в этом себе. Так было не всегда. Когда восемь лет назад Корделла с матерью появились в замке, Бренна выглядела тощей девятилетней пичужкой. По правде говоря, Корделла узнала о том, что у нее сестра, а не брат, лишь месяц спустя.

Конечно, девочки невзлюбили друг друга с первого взгляда. Пропать усугублялась еще и тем, что у них не было ничего общего. Бренна, с ее мальчишескими повадками, открыто презирала Корделлу, которая в двенадцать лет была уже настоящей женщиной. Корделла же, со своей стороны, считала Бренну дурочкой, предпочитающей мечи шитью, а лошадей — ведению домашнего хозяйства. Однако обе внешне ничем не выказывали взаимной неприязни.

Шли годы, и однажды Корделла встретила Дунстана, огромного мускулистого гиганта, заронившего любовь в ее жестокое сердце. Они обвенчались, и поначалу Корделла была по-настоящему счастлива. Но радость длилась недолго и кончилась, когда Линнет начала заставлять Бренну хоть иногда носить женские наряды. У Дунстана открылись глаза. Никогда еще он не видывал подобной красоты! Бренна же, черт бы ее взял, даже не замечала, что Дунстан более чем равнодушен к ней. Сам Дунстан тоже не подозревал, что жена все видит, и знал только, что ее любовь к нему умерла в тот год.

Ревность Корделлы была смешана с ненавистью — к Дунстану и Бренне. Она не могла открыто напасть на сестру, поскольку та сражалась как опытный воин и не задумалась бы убить человека. В гневе сестра была страшна, и Корделла опасалась попадаться ей на глаза. Энгус недаром гордился дочерью.

Поскольку победить в честном бою у Корделлы не было шансов, она старалась вселить в душу Бренны страх веред одной вещью, еще не испытанной девушкой — близость с мужчиной. Ей доставляло огромное удовольствие подробно описывать страдания и муки, которые приходится испытывать женщине в постели с мужем. При каждой возможности она терзала Бренну, наслаждаясь ужасом, отражавшимся в ее серых глазах. Для Корделлы это было единственным способом отомстить. Если бы еще только как следует отплатить Дунстану...

Бренна скоро покинет их, и Корделла прекрасно понимала, как страшится сестра

неизведанного. Но после отъезда девушки на много миль вокруг не останется ни одной, кто мог бы сравниться с красотой Корделлы, и Дунстан быстро станет покорным и послушным.

Отодвинув тарелку, Корделла задумчиво оглядела Бренну:

— Знаешь, сестрица, корабль с севера может появиться со дня на день. Уже середина лета. Ты готова встретить будущего мужа?

— Я никогда не буду готова, — угрюмо пробормотала Бренна, отшвырнув свою тарелку.

— Ну да, принцессу бросили львам! Какое несчастье, что твоего мнения никто не спросил! Ты, конечно, не ожидала, что отец сможет так поступить с тобой! Что ни говори, а у меня был выбор!

— Ты знаешь, почему он так решил, — отрезала Бренна.

— Да, конечно. Чтобы спасти всех нас! — язвительно промурлыкала Корделла.:

— По крайней мере, ты представляешь, что тебя ожидает. Знай я заранее, как это бывает, то, должно быть, как и ты, ни за что не согласилась бы выйти замуж. Боже, как я страшусь каждой ночи при одной мысли об ожидающих меня муках!

Бренна окинула сестру ледяным взглядом:

— Делла, сегодня в деревне я видела соитие мужчины и женщины.

— Неужели? И тебе понравилось?

— Неважно. Во всяком случае, в этом не было ничего ужасающего, как ты пытаешься мне внушить.

— Ты ничего не узнаешь, пока сама не попробуешь, — резко бросила Корделла. — И тогда приучишься молча выносить боль, иначе мужчина попросту тебя изобьет! Удивительно, что многие женщины еще не перерезали себе горло! Уж лучше это, чем каждую ночь терпеть такие муки!

— Довольно, Делла! Я не желаю больше слушать!

— Будь благодарна, что узнала что-то. По крайней мере, не взойдешь на брачное ложе такой наивной, как я!

Корделла поспешно встала и удалилась, злобно улыбаясь, так, чтобы не увидела Бренна.

Глава 4

Булгар, город, выстроенный на восточном изгибе Волги, был к тому же большим оживленным портом, где запад встречался с востоком. Здесь корабли викингов вели торговлю с караванами, пришедшими из степей Центральной Азии, и арабскими владельцами грузовых судов из восточных провинций. От Булгара на восток уходил легендарный Великий Шелковый Путь в Китай.

Кого только не было в этом городе — от воров и убийц до торговцев и королей. В начале лета Гаррик Хаардрад бросил якорь своей великолепной галеры в гавани Булгара, намереваясь

увеличить накопленное в последние годы богатство.

Неожиданно для себя Гаррику пришлось провести зиму с племенем славян-кочевников, и теперь он не собирался долго задерживаться в Булгаре. Давно пора домой! Придется, однако, остановиться в Хедебю — избавиться от двадцати рабов, подаренных Александром, чтобы галера могла идти с большей скоростью. Первое путешествие Гаррика на восток хотя и оказалось полным неожиданных сюрпризов, но было очень удачным.

После отплытия в прошлом году из Норвегии с грузом мехов и рабами на продажу Гаррик с командой из девяти матросов отправился в Хедебю, большой торговый город, где обменял половину рабов на товары и изделия местных мастеров — гребни, заколки, игральные кости, а также янтарные бусы и подвески, привезенные из прибалтийских земель.

Из Хедебю они попали в Берку, островной центр торговли, на озере Мелар, расположенном в самом центре Швеции. В гавани Берки бросали якорь суда датчан, славян, норвежцев. Здесь Гаррик выменял богатые фрезийские ткани, усыпанную драгоценными камнями сбрую и рейнское вино, большую часть которого он сохранил для себя.

Оттуда корабль отплыл в Упланд, потом в Финский залив и спустился по Неве в Ладожское озеро. Старый Ладога, большой торговый город, был расположен в устье Волховы. Здесь они остановились, чтобы пополнить запасы. Была уже середина лета, а впереди предстоял еще долгий путь. Они направились на восток, в земли восточных славян, по реке Свирь к Белому озеру, пока наконец не достигли северного изгиба великой реки Волги. На полпути к Булгару — цели их путешествия — они наткнулись на судно, подвергшееся нападению живших по берегам реки славян. Вопли мужчин и женщин раздирали безветренный воздух. Гаррик велел причалить к несчастному кораблю, прежде чем кровавая бойня закончилась. Он и его люди перепрыгнули на борт маленького суденышка без парусов и прикончили грабителей, не успевших вовремя скрыться при виде огромной галеры викингов.

Но в живых остались лишь молодая женщина с ребенком, прятая в большой пустой бочке. Хаакорн, один из людей Гаррика, бывалый путешественник, говорил на славянском языке и смог объясниться с женщиной. Ему удалось выяснить, что она была дочерью могущественного вождя славянского племени. Ее мужа убили, и бедняжка, рыдая над изуродованным телом, пыталась рассказать о происшедшем. Негодяи принадлежали к враждебному племени и намеревались покончить с ней и с ребенком, чтобы отомстить отцу женщины. Нападение это было не первым.

Гаррик немедленно созвал совет из своих людей, чтобы решить, что делать с женщиной. Ближайший друг Гаррика, Перрин, с детства любимый им как брат, подал хороший совет. Поскольку они уже приобрели злейших врагов в лице нападавшего племени, не стоит заводить новых, пытаясь вернуть женщину родным за выкуп. Им еще не раз придется плыть этим путем, поэтому чем больше союзников, тем лучше.

В конце концов викинги отвезли женщину к отцу, не взяв награды. В их честь были устроены пышные празднества, и дни быстро перетекали в недели. Наступила пора дождей, что вынудило гостей задержаться дольше. Александр, вождь племени, оказался гостеприимным хозяином, и наконец стало слишком поздно пытаться достичь Булгара до наступления холодов.

Весной благодарный вождь проводил викингов, подарив на прощание рабов и по мешку серебра на каждого, так что потерянное время окупилось сторицей.

В Булгаре были проданы последние товары. Только за меха удалось выручить огромные деньги,

особенно за шкуры белых медведей, которых у Гаррика было четыре. Каждый продавал собственные товары, поскольку лишь корабль принадлежал Гаррику безраздельно.

Молодые люди, впервые попав на восток, не спешили уезжать, наслаждаясь новыми впечатлениями. Гаррик тем временем накупил подарков для семьи. Некоторые он отдаст по возвращении, остальные прибережет для специальных случаев. Для матери он привезет ожерелья и браслеты из драгоценных камней, задешево купленные у арабов, и китайский шелк. Отцу он отыскал великолепный меч, с лезвием из рейнской стали и рукояткой, украшенной золотом и серебром. Брату Хьюгу предназначался золотой шлем — символ вождя. Гаррик не забыл о друзьях и Ярмилле, женщине, которая вела его хозяйство и управляла рабами в отсутствие хозяина. Для себя Гаррик не жалел ничего — византийские шелка и парча на одежду, восточные гобелены для украшения стен и железные мотыги рабам. Каждый день он прибавлял что-то к уже немалым запасам. Наконец друзья начали биться об заклад, с каким количеством серебра расстанется Гаррик, прежде чем наступит вечер.

В один прекрасный летний день, когда на безоблачном небе сияло яркое солнце, Гаррик вместе с Перрином вошел в дом золотых дел мастера Боля.

Коротышка, трудившийся за рабочим столом, прищурясь поглядел на молодых норвежцев, одетых в короткие туники без рукавов. Оба огромного роста, широкогрудые, на голых руках булыжниками перекатываются мускулы. Оба стройные, сильные, ни капли лишнего жира. Глаза того, что повыше, были слишком холодны и недоверчивы для человека его возраста и переливались неуловимым цветом морской воды на мелком месте в солнечный день. На красивом лице второго смеялись изумрудно-зеленые глаза.

Боля ожидал лишь высокого светловолосого викинга, которому обещал изготовить красивый серебряный медальон, с изображением прекрасной девушки, выгравированным на обратной стороне. Викинг дал мастеру портрет этой девушки, и гравер гордился прекрасно выполненной работой. На лицевой стороне был изображен корабль викингов, с девятью парами весел, а над галерой красовался молот с перекрещенными крыльями и двуручным мечом. На обратной стороне сверкало прорисованное до мельчайших деталей лицо незнакомки. Возлюбленная или жена?

— Готово? — осведомился Гаррик.

— Готово. — Боля улыбнулся и, открыв подбитый мехом мешочек, вынул медальон на длинной цепочке.

Гаррик швырнул на стол кошель с серебром и, даже не взглянув на безделушку, надел на шею. Но Перрин, сгорая от любопытства, взял в руки тяжелый серебряный диск и начал внимательно изучать, восхищаясь символами богатства, власти и силы. Когда же он перевернул медальон, то неодобрительно нахмурился.

— Зачем?

Гаррик пожал плечами и направился к двери, но Перрин успел догнать друга:

— К чему так мучить себя? Она не стоит этого.

Гаррик удивленно поднял брови:

— Именно ты это говоришь?

— Да, — твердо кивнул Перрин. — Она моя сестра, но простить ей не могу.

— Ну же, друг, не расстраивайся. То, что я чувствовал к Морне, умерло, и давно.

— Тогда к чему все это? — показывая на медальон, спросил Перрин.

— Напоминание, — жестко бросил Гаррик. — Памятка того, что женщинам нельзя доверять.

— Боюсь, измена сестры оставила слишком много шрамов на твоем сердце. Ты так и не стал прежним с тех пор, как она вышла за этого жирного торговца.

Тень затуманила сине-зеленые глаза молодого человека, но губы по-прежнему кривила циничная усмешка.

— Просто я стал мудрее. И никогда больше не паду жертвой женских чар. Однажды я открыл свое сердце, но второй раз этого не будет. Теперь я знаю женщин.

— Но женщины не все одинаковы, Гаррик. Твоя мать другая. Никогда не знал женщины добрее и благороднее.

Лицо Гаррика мгновенно смягчилось:

— Мать — единственное исключение. Но хватит об этом. Сегодня, в нашу последнюю ночь, я намереваюсь выпить бочонок эля, а тебе, друг мой, придется нести меня на корабль — сам я идти не смогу.

Глава 5

Бренна сидела на большой кровати, осторожно полируя меч — свою самую большую драгоценность. Искусно сделанный и подогнанный как раз под ее руку он был легким, но очень острым. Отец подарил Бренне оружие в день десятилетия. На рукоятке было выгравировано ее имя, инкрустированное рубинами и яркими сапфирами размером с большие горошины. Ничто на свете Бренна не ценила так, как этот меч, именно потому, что он стал символом гордости отца смелостью и ловкостью дочери.

Но теперь она мрачно сидела, уткнувшись лбом в лезвие. Станет ли женское тело помехой для ее планов на земле будущего мужа? Сможет ли она когда-нибудь поднять этот меч, сражаться, как все мужчины, или никогда ей не пользоваться больше своим искусством и навеки стать женщиной, исполняющей лишь женские обязанности и ничего больше?

Будь прокляты мужчины и их замшелые обычаи! Она не позволит так с собой обращаться! Терпеть грубости и покорно выполнять приказания... нет, ни за что! Она не станет пресмыкаться! Она — Бренна Кармахем, а не какая-нибудь жеманная трусливая девчонка.

Кипя от негодования, Бренна не услышала шагов тетки. Войдя в спальню, та тихо прикрыла дверь, глядя на племянницу усталыми печальными глазами. Она ухаживала за мужем несколько долгих месяцев, полных мук и страданий, и каждый новый день высасывал из нее все больше сил. Когда он скончался, умерла и какая-то частица ее сердца, ведь она горячо любила его. Теперь все начиналось сначала. Милосердное небо, только не это! Не нужно больше смертей! Бедный брат!

Заметив краем глаза поникшую фигурку, Бренна вздрогнула, с трудом узнав Линнет.

Растрепанные волосы, грязная одежда, и лицо... почти незнакомое лицо! Смертельно бледное, с сжатыми в тонкую линию губами и темными кругами под покрасневшими от слез глазами.

Бренна вскочила с постели и подвела тетку к длинной лавке под окном.

— Линнет, ты плакала! На тебя это непохоже! — встревоженно пробормотала девушка. — Что случилось?

— О Бренна, девочка моя! Скоро твоя жизнь так изменится! Несправедливо, чтобы на тебя свалилось все сразу!

— Ты печалилась обо мне, тетя? Не стоит. — Бренна слабо улыбнулась.

— Нет, дорогая, не о тебе, для этого еще будет время. О твоём отце, Бренна. Он умер.

— Как можно шутить так жестоко?! — Бренна отпрянула, мгновенно забыв обо всем. С лица сбежала краска. — Ты злая!

— Бренна, — вздохнула Линнет, глядя племянницу по щеке. — Я ни за что не стала бы лгать тебе. Энгус умер час назад.

Бренна медленно покачала головой, не в силах поверить услышанному.

— Он ведь не был так сильно болен. И не мог умереть!

— У Энгуса была та же болезнь, что и у моего мужа, но, по крайней мере, он хоть не страдал так жестоко.

Огромные, широко раскрытые глаза девушки были полны ужаса:

— Ты знала, что он умрет?

— Знала.

— Во имя Господа, почему не сказала мне? Почему позволила мне поверить, что он снова поправится?

— Таково было его желание, Бренна. Он запретил мне объяснять кому бы то ни было, особенно тебе. Не хотел, чтобы ты день и ночь плакала у его ложа.

Энгус ненавидел слезы. Достаточно того, что ему пришлось терпеть мои.

Из глаз Бренны брызнули слезы. До сих пор она ни разу в жизни не плакала.

— Я должна была ухаживать за ним. А вместо этого я резвилась так, словно ничего не происходит.

— Отец не хотел, чтобы ты слишком грустила, Бренна. Знай ты обо всем, страдала бы день и ночь. А так скорбь со временем станет менее острой. Поможет и скорое замужество.

— Нет! Теперь не будет никакой свадьбы!

— Отец дал слово, Бренна, — напомнила Линнет. — Ты должна быть верна данной клятве, хотя Энгуса и нет в живых.

Бренна больше не смогла сдержать душераздирающие рыдания.

— Почему он должен был умереть, тетя? Почему?

Лорда Энгуса Кармахема предали земле в ясное солнечное утро. Птицы только начали приветствовать щебетанием наступающий день, и запах полевых цветов наполнял свежий прохладный воздух.

Бренна, у которой не осталось больше слез, была одета во все черное с головы до ног — тунику с облегающим трико и короткую широкую накидку, отделанную серебряной нитью. Длинные черные волосы, заплетенные в косу, как обычно были спрятаны под вырез туники. На фоне мрачной одежды выделялись лишь мертвенно-бледное лицо и блестящее серебро меча.

Тетка была недовольна ее видом, но Бренна оставалась непоколебимой, Отец видел в ней сына, растил и воспитывал как мальчика, и для последнего прощания она оделась в мужской костюм.

На похороны собрались все жители деревни, и многие горько плакали. Линнет стояла справа от Бренны, нежно обняв девушку за плечи. Слева находились Корделла и Дунстан. Дунстан говорил о добродетелях и заслугах покойного, но Бренна не слышала его. В эти короткие мгновения она вновь стала девочкой, сидевшей на коленях отца, гордого человека, выкрикивавшего слова одобрения, когда дочь смело объезжала свою первую лошадь. Сейчас Бренна не могла не припомнить эти светлые радостные минуты.

Что будет теперь? Что ей делать? Какая ужасная пустота в душе...

Однако окружающие видели лишь ее горделивую осанку и вызывающе поднятую голову. Только глаза, потускневшие и застывшие, выдавали сердечную боль.

Все присутствующие в скорбном молчании провожали Энгуса в последний путь. Внезапно, ко всеобщему удивлению, где-то совсем рядом послышался конский топот, и через мгновение из заросли выскочил всадник и, спешившись, подбежал к Бренне.

— Твой жених приехал, — задыхаясь, выговорил молодой человек. — Я возвращался из Энгсли и встретил их на пути.

— Откуда ты знаешь, что это именно он? — нахмурилась Бренна. Боже! Почему это должно случиться именно сейчас, когда отца только положили в могилу и ей так тяжело!

— Кто же еще это может быть? Большой отряд светловолосых великанов. Конечно, это викинги!

В толпе раздались встревоженные голоса, но Бренна в этот момент думала лишь о собственной судьбе.

— Господи Боже! Почему сейчас? — вскричала она.

На это у молодого человека не нашлось ответа. Линнет привлекла племянницу к себе:

— Не спрашивай, дорогая. Судьбу не изменить. — Они близко? — обернувшись к гонцу, спросила она.

— По другую сторону этих деревьев. — Юноша показал на северо-запад. — Примерно в миле отсюда.

— Прекрасно, — кивнула Линнет, — Мы должны принять их в замке. Возвращайтесь в деревню. Вам нечего бояться этих викингов. Они пришли с миром.

Вернувшись в замок, Бренна начала лихорадочно метаться по большому залу. Фергюс беспокойно переглядывался с членами семейства. Именно он привел сюда викингов, и теперь в его обязанность входило оказать им гостеприимство.

Фергюс много времени провел во вражеских землях, прежде чем отыскал поселение Хаардрадов. Глава рода сам принял Фергюса и заключил договор от имени сына, дав при этом торжественную клятву, что все будет, как решено. Со смертью лорда Энгуса приданое невесты неизмеримо увеличилось, поскольку Бренна была единственной наследницей отца, его замка и земель, и теперь все должно перейти ее мужу. Да, викинги наверняка останутся довольны.

— Бренна, дорогая, приличнее было бы переодеться в платье, — заметила Линнет.

— Нет.

— Бренна, нельзя принимать будущего мужа в таком виде. Что он подумает?

— Я сказала, нет, — рявкнула Бренна, не переставая мерить шагами зал.

Корделла, злорадно усмехаясь, глядела на сестру. Было забавно наблюдать, как корчится эта тварь! Должно быть, трясется, что жених захочет справить свадьбу еще до отплытия корабля. Значит, венчание состоится сегодня же вечером, в крайнем случае завтра. А потом настанет брачная ночь... и ужас, безжалостно терзающий Бренну.

Корделла едва не рассмеялась вслух. Конечно, в первый раз ей будет больно, и Бренна подумает, что это отныне станет ее участью. Какая сладкая месть! Жаль только, что Корделла этого не увидит.

Бренна думала именно об этом. Она не готова к замужеству и никогда не будет готова. Невозможно терпеть боль, не имея возможности отплатить. Она станет сопротивляться! Господи милостивый, не ровен час еще убьет мужа, если тот предъявит на нее права? Это означает ее собственный смертный приговор.

Дикие, беспорядочные мысли хаотически теснились в голове, когда первый огромный булыжник ударился в ворота замка. Раздались испуганные восклицания. Все вопросительно посмотрели друг на друга, когда со двора послышался душераздирающий вопль, а за ним еще один булыжник ударился о дерево. Бренна подскочила к окну и, выглянув, не поверила собственным глазам.

— О Боже! Они нападают!

На дорожке, ведущей к конюшне, лежал обезглавленный слуга, а двор кишел викингами, вооруженными мечами и копьями. У маленькой, грубо сколоченной катапульты трудились двое. В ворота с треском шлепнулся третий булыжник. От подножия холма клубами повалил черный дым — горела деревня.

Бренна повернулась к сгрудившимся позади домочадцам, осуждающе посмотрела на Уиндхема:

— Именно так твои соплеменники приходят за невестами?!

У наставника не нашлось слов.

— Эти викинги не могут быть теми, с которыми я договаривался! — неуверенно пробормотал Фергюс.

— Тогда погляди, может быть, узнаешь! — резко приказала Бренна.

— Успокойся, дорогая, — уговаривала девушку Линнет, хотя голос выдавал безмерную тревогу.

Фергюс в два шага оказался у окна и с первого взгляда узнал в великане-викинге вождя рода Хаардрадов. Ансельм Нетерпеливый стоял перед своими людьми, выкрикивая приказания.

— Но это невозможно! — в ужасе воскликнул Фергюс, не в силах взглянуть в глаза перепуганным людям, собравшимся в зале. — Он же дал слово!

Грохот ударившегося о ворота очередного булыжника побудил Бренну к действию:

— Уиндхем, ты с нами или со своими земляками-предателями? Я хочу знать, прежде чем подставить тебе незащищенную спину.

— С вами, моя госпожа! — оскорбление воскликнул норвежец. — Не желаю иметь ничего общего с такими земляками, которые неверны клятве!

— Да будет так, — ответила девушка. — Эти глупцы дали нам время подготовиться, осыпая камнями незапертые ворота. Дунстан, задвинь-ка поскорее засов, пока они не успели опомниться!

Дунстан отпрянул, со страхом взирая на девушку:

— Бренна, нас всего трое, а их больше тридцати!

— Четверо, будь ты проклят! Думаешь, я стану смотреть, как нас убивают?!

— Бренна, будь же разумной! У нас нет ни малейшего шанса!

— Предлагаешь сдать? Дурак, неужели позабыл Холихед-Айленд? Тех, кто сопротивлялся, и тех, кто покорно склонял голову, ждал один конец — кровавый топор. Ну, а теперь делай как сказано! Фергюс, собери слуг и раздай оружие! Уиндхем, посмотри, заперт ли черный ход. Встретимся в холле! Мы будем готовы сразиться с грязными ублюдками, когда ворота не выдержат.

Все без лишних вопросов отправились выполнять приказания. Корделла, истерически всхлипывая, скорчилась в углу. Линнет, сама готовая разрыдаться, схватила племянницу за руку:

— Ты не сможешь сражаться с ними, Бренна! Они убьют тебя, как любого мужчину!

— Так или иначе мне не жить, тетя. Отец обучил меня драться на равных! И я лучше погибну с честью, чем буду ныть и плакать от жалости к себе, как Делла.

— Тебя не прикончат, Бренна, если не станешь противиться, — уговаривала Линнет. — Они берут женщин...

— Никогда! — оборвала девушка. — Скорее умру, чем стану пленницей викингов!

И с этими словами Бренна вышла из зала, предоставив Линнет и Корделле взывать к небесам.

Но прежде чем успели вооружить всех слуг, ворота упали, и во дворе раздался боевой клич, от которого леденела кровь в жилах. Мгновение спустя дюжина воинов, горевших жаждой убивать, ворвалась в холл.

Бренна стояла у подножия лестницы, расставив ноги и обнажив меч. Боевой топор просвистел у самого виска, и Дунстан, стоявший между ней и врагом, рухнул на пол. Викинги разделились. Трое направились в глубь холла, а трое — в зал для приема гостей, громко захлопнув за собой дверь. Появившийся откуда-то Уиндхем схватился с одним из соотечественников. Он храбро сражался, но был слишком стар и быстро утомился, однако успел расправиться с одним, прежде чем меч другого пронзил его тело и оборвал жизнь.

Пятеро бросились к Бренне. Четверо из них начали взбираться по ступенькам, чтобы быстро затеряться в лабиринте коридоров второго этажа. Бренна без страха встретила викинга. Его двуручный меч был гораздо тяжелее ее собственного, и каждый удар, который удавалось отбить девушке, наносился с невероятной силой. Руки и спина Бренны надсадно заныли, но вопли, доносившиеся из-за закрытых дверей зала, лишь укрепляли ее решимость. Она сама не поняла, как удалось выбить меч из рук викинга и пронзить насквозь огромное тело. Ударом ноги девушка отшвырнула поверженного врага, но его место немедленно занял другой, постарше. Бренна чувствовала, что быстро теряет силы, но продолжала бороться до тех пор, пока противник точным ударом снизу не рассек ее меч надвое.

Девушка ошеломленно уставилась на острый обломок, оставшийся в руке, не обращая внимания на то, что смертоносное лезвие медленно опускается и не слыша отчаянного крика Фергюса:

— Остановись! Это леди Бренна!

Но тут Фергюс внезапно оказался между ней и сверкающим мечом и успел оттолкнуть девушку, приняв на себя предназначенный ей удар. Отрубленная рука ударилась о камни, и Фергюс, чувствуя, как вместе с кровью утекает жизнь, — упал у ног Бренны.

Ансельм Нетерпеливый с любопытством оглядел девушку. Подумать только, он сражался с ней и едва не убил! Хорошую славу привез бы он домой! Вся Норвегия смеялась бы над ним! Так эта девушка предназначалась в невесты его сыну! Красавица, в этом нет сомнения, и такая сила духа, и столько мужества. Никогда не приходилось ему встречать подобных женщин. Ей удалось даже ранить одного из людей Ансельма. Придется тому возвращаться домой с позором. Быть побежденным женщиной! Нет большего стыда!

Жаль, что она из враждебного рода. Эта темноволосая красотка могла бы стать прекрасной невесткой! И народила бы таких же храбрых и сильных сыновей, как сама. Жаль, поистине жаль.

Спешившие на помощь госпоже слуги падали один за другим. Кровь растекалась по полу ручьями. Вопли, доносившиеся из зала, стихли. Оттуда появились два викинга, смеясь и хлопая друг друга по спинам. Оглядевшись, насильники присоединились к остальным, грабившим замок. Неужели Линнет и Корделла мертвы?

Сверху послышался еще один сдавленный крик. Бренна подняла потухшие глаза. На площадке стояла Элейн, сжимавшая короткий кинжал. Внезапно оружие выскользнуло из ее пальцев, и потрясенная ужасом Бренна увидела, как лицо служанки посерело, глаза вылезли из орбит, и пожилая женщина, покачнувшись, покатила по ступенькам. Глубоко в спину вонзился боевой топор, кровь хлестала фонтаном из чудовищной раны.

И именно это последнее безумие, бессмысленно-жестокое кровопролитие окончательно добило Бренну. Казалось, она тоже лишилась рассудка — словно захлопнулась дверь, ведущая к свету, и тьма окутала девушку, хотя сознания она не потеряла и по-прежнему могла слышать голоса и оставалась на ногах. Еще кто-то начал истерически вопить. Крики раздавались так близко, что Бренне казалось, будто она может прикоснуться к тому, кто издает эти агонизирующие вопли. Но почему не двигаются руки? Как бы ни старалась Бренна, она не могла пошевелиться.

— Ансельм, почему ты не заткнешь глотку этой девке? Она, должно быть, рехнулась, а людям из-за этого не по себе. Чем слушать такое, лучше отправить ее к богине Хел!

— Есть лишь один способ, — устало отозвался Ансельм Нетерпеливый.

Бренна уже не почувствовала удара, так как мрак поглотил ее.

Глава 6

Путешествие пешком до побережья было медленным и заняло на два часа больше времени, чем понадобилось, чтобы добраться до замка Энгуса. Лошади, скот, повозки, груженые награбленной добычей, двигались не спеша, и все-таки колонна уже к вечеру добралась до корабля.

Пленницы в ужасе отворачивались при виде галеры викингов, изящного судна длиной в шестьдесят футов и шириной в средней части не менее пятнадцати. На носу красовалась искусно вырезанная фигура чудовища из подземного царства. Женщины понимали, что это судно увезет их в чужую землю, и мир, в котором они жили, будет навсегда потерян.

Гордый корабль викингов был пришвартован в маленькой пещере, скрытой высокими деревьями. Два человека были оставлены охранять его. Им было приказано в случае беды отвести галеру в море. Но все прошло как по маслу, и часовые приветствовали возвращающихся товарищей радостными воплями.

Обычно викинги предпочитали проводить ночи на суше, но, поскольку чересчур много врагов успело сбежать и могли привести подкрепление, а нападающие оставили слишком явные следы при перегоне скота, Ансельм велел поднять квадратный пурпурный парус и готовиться к отплытию.

Несколько мужчин принесли жертву Тору, моля могущественного бога о том, чтобы путешествие прошло благополучно, пока остальные грузили добычу на судно. Женщин отвели на корму, где для них было воздвигнуто нечто вроде шатра, и оставили одних. Грабители удовлетворили похоть и жажду крови и теперь не притронутся к пленницам, пока судно вновь не причалит к суше.

Женщин изнасиловали, многих по несколько раз, всех, кроме Бренны, которая так и не пришла в себя после удара Ансельма и очнулась лишь перед самым отплытием. Всего их было семеро: Бренна, Линнет, Корделла, Энид и еще три молоденькие девушки из деревни. Большинство мужчин были убиты, за исключением тех, кто успел скрыться в лесу, и тяжелораненых, которым не пережить сегодняшней ночи.

Бренна знала это, и душу терзали ни с чем не сравнимые муки. Она не смогла защитить своих людей, не говоря уже о себе. Поражение, нанесенное вождем викингов, уже немолодым человеком, оказалось жестоким ударом по ее гордости, вынести который не было сил. Ее ненависть к этому человеку превосходила все мыслимые пределы. Он лишил ее оружия! Он

нанес ей удар, от которого Бренна не могла опомниться несколько часов! Он показал ей, что она всего-навсего женщина! И теперь заплатит за это и за все остальное.

Корабль скользил по волнам, как грациозное чудовище. Берега Уэльса остались позади. Женщин кормили дважды в день, сушеной треской, ветчиной или солониной, лепешками и маслом. Вся еда была холодной и невкусной, и многих с непривычки рвало, особенно Корделлу. Мужчины забавлялись, видя это, и их громкий смех делал позор еще ошутимее.

Бренна ела лишь для того, чтобы поддержать силы, необходимые для достижения цели — убить Ансельма Нетерпеливого. Она не разговаривала с остальными, не слушала слезливых жалоб. Линнет пыталась утешить девушку, но та никак не реагировала на проявление участия и молча отворачивалась от тетки. Линнет поняла, что лучше пока оставить племянницу в покое.

Иногда Ансельм Нетерпеливый приходил взглянуть на Бренну. Огромный, широкоплечий, чем-то смахивающий на медведя, вождь, с его копной рыжевато-красных волос, густой бородой и пронизывающим взором голубых глаз, вселял страх в сердца врагов, всех, кроме — Бренны. Он смотрел на нее с нескрываемым любопытством и, казалось, с восхищением, но девушка отвечала ему злобным взглядом, полным такой неприкрытой враждебности и ненависти, что викинг поспешно отворачивался и уходил.

Теперь Ансельм почти жалел о содеянном, хотя ни за что не признался бы в этом. Он дал слово чести врагу. Однако не было ничего позорного в том, чтобы нарушить подобную клятву. Совсем другое дело, если речь идет о друге!

Посланец, явившийся с предложением брака, хвалил невесту, богатое приданое и, ничего не подозревая, объяснил, как найти ее дом. Разве сын Ансельма возьмет в жены чужестранку? Зато золота у нее, должно быть, немало! Вождь стал намного богаче после набега, а его люди были счастливы, что получили свою долю.

Каждый раз при взгляде на молодую красавицу, Ансельм удивлялся ее мужеству и открытому неповиновению. Гордость девушки была так же велика, как его собственная, но долго ли это продлится? Мысли о том, что этот мятежный дух можно легко сломить, оставляли горечь в его душе.

Ансельм невольно вспоминал ее поединок с одним из викингов. Тогда ему показалось, что перед ним стройный молодой человек, и вождь поразился искусству, с которым кельт отражал натиск превосходящей силы. Даже тогда Ансельму почему-то не хотелось убивать этого, как он думал, юношу, но нельзя было позволить, чтобы еще один воин стал его жертвой. А потом, обнаружив, что именно эта великолепная женщина предназначалась в жены его сыну, Ансельм впервые ощутил нечто вроде раскаяния.

Правда, он был немного разочарован, когда после столь мужественной борьбы увидел, что случилось с ней при виде рухнувшей с лестницы рыжеволосой старухи. Девушка словно лишилась рассудка и, прижав к вискам маленькие кулачки, пронзительно кричала, пока удар не поверг ее в глубокий обморок. «Может, она наблюдала смерть отца? Или та женщина — ее мать? Нет, вряд ли, ведь другая, темноволосая, больше походила на девушку». Если бы только они говорили на его языке, может, тогда Ансельм получил бы ответы, которые интересовали его. Но придется подождать до дома, там Элоиза сможет объясниться с пленницами. Пока же оставалось лишь гадать.

Да, эта девчонка одна стоит всей добычи, и Ансельм намеревался не подпускать к ней мужчин.

Девственность лишь повышала ее цену. Такая наверняка придется по вкусу его сыну, Гаррику.

Они переплыли Ирландское море, остановившись лишь у острова Мэн, чтобы провести ночь и приготовить ужин. Наиболее нетерпеливые вновь насильовали женщин, но к Бренне, смотревшей на происходившее с безумной ненавистью, опасались приближаться. Некоторые и вправду считали, что пленница не в себе.

Вскоре судно вошло в Северный пролив, миновало берега Шотландии, где викинги провели еще одну из тех ночей, которых так боялись женщины, отдохнули два дня на Гебридах, в поселении своих соотечественников — норвежцев, а оттуда корабль, проплыв мимо Оркнейских островов, причалил к Шотландским, где и остановился на ночь.

Потом галера оказалась в глубоких незнакомых водах, далеко от суши, где, казалось, на поверхности в любую минуту могут появиться чудовища и драконы и проглотить всех живьем, поэтому женщины пребывали в постоянном страхе. Неожиданно налетевший шторм тоже не способствовал их спокойствию. Огромные зловещие волны перекатывались по палубе, и океан словно манил, открывая ледяные объятия, где ждали змеи с огненными языками. Даже Корделла, не устававшая язвить и насмеяться над молчаливостью сводной сестры, жалобно всхлипывала, опасаясь за свою жизнь.

Линнет, сама встревоженная и перепуганная, прилагала все усилия, чтобы успокоить женщин. Она умоляла Бренну помочь ей, но ответа не получила. Линнет прекрасно понимала, что происходит с девушкой, однако считала, что сейчас не время отрекаться от тех, кого та клялась защищать. Несколько ободряющих слов — и все страхи наверняка бы улеглись. От Корделлы тоже не было никакого проку — она билась в истерике, убежденная, что настал конец света.

Не будь Линнет так расстроена, она скорее всего испытала бы искреннюю радость при виде страдающей Корделлы. Просто омерзительно, что молодая женщина слезинки не проронила по мертвому мужу! И всего несколько часов назад огненноволосая Делла бахвалилась, что не страшится будущего, поскольку все мужчины на борту, включая и самого вождя, предпочитали ее всем остальным, тогда как Бренну никто не выбрал ни разу. Корделла была уверена, что найдет для себя уютное местечко в этом мире.

Линнет съежилась от стыда, вспомнив, как грубо изнасиловали ее два скота в тот страшный день. Правда, с тех пор ее почти оставили в покое, если не считать самого предводителя, а тот вовсе не был так жесток, как более молодые викинги; он обращался с ней даже нежно, а сама же Линнет потеряла волю к борьбе. Она так давно вдовела, и за все это время у нее не было мужчины. Ей не на что надеяться, ведь если верить Фергюсу, Ансельм Хаардрад уже женат. И нет у нее никакого будущего в этой чужой стране!

Шторм, однако, продолжался не слишком долго, но все были измучены до предела. На следующий день свершилось чудо — вдали показалась земля. Длинная линия побережья Норвегии простиралась насколько хватало глаз. Викинги не остановились, чтобы пополнить припасы, а, воодушевленные надеждой скорее попасть домой, гребли день и ночь, продвигаясь все дальше к северу, пока наконец не сменили курс и не повернули вглубь, к Хортен Фьорду.

Стояла середина лета, и яркая зелень травы и листвы радовала взор. Синевя неба была испещрена пушистыми белыми облачками. Далеко впереди виднелась огромная туча в форме могучего летающего молота Тора.

Женщины при виде облака ничего не поняли, но мужчины разразились благодарственными

криками. Видно, это было добрым предзнаменованием — Тор дает им свое благословение!

Скалистые отроги поднимались по обе стороны корабля, словно отвесные стены. Когда берега вновь стали пологими, корабль причалил. Путешествие окончилось.

Глава 7

Поселение оказалось убогим, чтобы не сказать больше. Всего лишь в четверти мили от фьорда стоял большой деревянный дом без окон, окруженный постройками поменьше и хлевами. В полях были разбросаны другие, такие же грубо сколоченные домишки, Несколько женщин и детей в сопровождении своры собак бежали к кораблю, чтобы поскорее встретить мужчин; остальные ожидали у дома. Бренну и других пленниц связали, как скот, и двое викингов повели их в маленький дом. Глаза присутствующих были устремлены на стройную фигурку в черном, с гордым и бесстрашным видом шагавшую впереди. Остальные двигались гораздо медленнее. Их втолкнули в хижину и заперли снаружи дверь. Несчастные оказались во мраке.

— Что теперь будет?! — вскрикнула Энид.

— Знай я, может, не боялась бы так, — ответил кто-то. — Именно неизвестность страшит.

— Скоро все узнаем, не беспокойтесь! — нетерпеливо бросила Корделла. — Нет, эта темнота невыносима! Вы заметили, что ни в одном доме нет окон! Неужели эти храбрые викинги боятся света?

— Мы далеко на севере, Делла, — пояснила Линнет. — Должно быть, таких холодных зим, как здесь, ты еще не видывала. Окна, пусть и прикрытые ставнями, будут пропускать мороз и ветер.

— У тебя на все найдется ответ, — язвительно прошипела Корделла. — Тогда скажи, какова наша судьба? Что с нами будет?

Линнет устало вздохнула. Она стояла в центре комнаты, рядом с Бренной, но не могла разглядеть даже собственной руки в непроглядной тьме. Конечно, можно признаться, чего она опасается — отныне все они рабыни и ничего больше. Но нет причин еще больше пугать молоденьких девушек, ведь подозрения пока не подтвердились.

— Как ты сказала, Делла, скоро все узнаем, — наконец ответила Линнет.

Бренна продолжала молчать, не в состоянии ничем утешить женщин. Она тоже понимала, что ждет впереди, но не имела сил думать об этом — слишком тяжело было сознавать, что не смогла защитить бедняжек, когда они так нуждались в этом. Что она может сделать без оружия, со связанными руками? Их изнасиловали, жестоко, безжалостно, и Бренна ничего не сделала, чтобы помешать.

И то, что сама она сохранила девственность, почти не утешало. Должно быть, ее готовят к ненавистному замужеству. Но этому никогда не бывать! Уж лучше умереть, чем стать женой викинга. Она жаждет лишь мести и в конце концов добьется своего.

Корабль разгрузили, добычу заперли в хранилище, а лошадей и скот пустили пастись. В большом доме шли приготовления к пиршеству. На вертеле жарилась туша огромного кабана. Рабы на кухонной половине пекли лепешки и готовили рыбу.

Мужчины собрались за длинными столами в главной комнате и, не теряя времени, чашами черпали медовуху из большого сосуда. Некоторые соревновались, кто кого перепьет, остальные делали ставки и заключали пари. Большой, похожий на трон стул во главе стола был не занят, но Ансельма еще никто не хватился.

В купальне на огне грелись котлы с водой. Дым и пар щипали глаза. Гигантская лохань, в которой могли бы поместиться пятеро, стояла посреди комнаты.

Ансельм, с чашей меда в руке, растянулся в лохани по пояс в воде. Хорошенькая рабыня, наклонившись над ним, терла спину. Старший сын, Хьюг, восседал на скамье у стены.

— Не хочешь присоединиться? — ворчливо спросил Ансельм. — Локи бы побрал это ритуальное омовение, на котором настаивает твоя мать! — тут же пожаловался он. — В другое время я не возражал бы, но она знает, что мне не терпится присоединиться к пиршеству, и при этом настаивает, чтобы я сначала вымылся!

— Не ты один, отец, — ухмыльнулся Хьюг. — То же самое она проделывает со мной и Гарриком, когда мы возвращаемся из набега. Должно быть, считает, что запах крови врагов пропитывает все и его необходимо как можно скорее удалить.

— Какова бы ни была причина, — пробурчал Ансельм, — Локи смеется над моей досадой! Не понимаю, почему я терплю все это!

Хьюг от души расхохотался, сверкая пронзительно-голубыми глазами:

— Сам же не "раз говорил, что жена правит домом, а ты — на море.

— Верно, если не считать того, что эта женщина бесстыдно пользуется властью, которую я дал ей. Но довольно. Гаррик уже дома?

— Нет.

Ансельм нахмурился. Однажды, когда его младший сын не вернулся к зиме, оказалось, что его взяли в плен христиане. Но тогда Гаррик отправился в набег. Прошлой же весной он решил заняться торговлей, так что Ансельм особенно не волновался, во всяком случае, нет причин для тревоги, пока не начнутся холода.

— А мой побочный сын, Фейрфекс? Где он?

— Бьет китов на побережье, — коротко ответил Хьюг.

— Давно?

— С неделю.

— Значит, скоро возвратится.

Хьюг резко поднялся. Высокий, сильный тридцатилетний мужчина, он был точной копией отца, но ненавидел сводного брата, и его раздражало, что Ансельм уделял ему внимание.

— Почему ты так заботишься о нем? Правда, его мать — свободная женщина, но он ничем не отличается от рабского отродья!

Голубые глаза Ансельма сузились:

— Остальные всего-навсего дочери. У меня только двое законных сыновей и Фейрфлекс. Так что ты зря завидуешь моей любви к нему.

— Локи заведи его! Он не викинг! Слабак!

— Но моя кровь, пусть и небольшая ее часть, течет в его жилах. Не будем больше говорить об этом. Лучше расскажи, как шли дела в мое отсутствие. Клан Боргсенов не пытался снова доставить нам неприятности?

Хьюг пожал широкими плечами и сел.

— На полях нашли двух дохлых коров, но нет доказательства, что это сделали Боргсены. Может, какой-нибудь недовольный раб отважился на такое.

— Но ты, сын мой, сомневаешься?

— Да. Скорее всего это работа Эрве или Седрика, а может, их родича. Напрашиваются, нет, просто молят о мести! Когда прикажешь нанести ответный удар?

— Все должно быть по справедливости. Мы нападали последними.

— Значит, теперь их очередь? — язвительно осведомился Хьюг. — Только потому, что ты и Летем Боргсен были когда-то друзьями, нет причин оказывать ему такую честь. Годы прошли без кровополития!

— Ты слишком привык сражаться с врагами из других стран, Хьюг, и никогда не имел дела с соотечественниками. Летем не виноват в том, что произошло, но должен был принять сторону сыновей.

— Неужели ты забыл, что потерял единственную дочь из-за этих ублюдков? — прошипел Хьюг.

— Не забыл. И Один мне свидетель, остальные заплатят так же, как когда-то Эдгар. Но никаких нападений исподтишка, никакого коварства. Для нашего рода главное — честь!

Ансельм поднялся, и хорошенькая рабыня поспешно завернула его в шерстяное одеяние.

— Надеюсь, их коров тоже обнаружили дохлыми?

— Совершенно верно, — снова ухмыльнулся Хьюг.

— Хорошо, — кивнул Ансельм. — Значит, теперь их ход. Ну, а сейчас, поскольку Элоиза не сможет ни в чем меня упрекнуть, я оденусь, и мы встретимся в холле.

— Мне сказали, что ты привез пленников.

— Семерых.

— Интересно взглянуть, — продолжал Хьюг. — Говорят один из них — низкорослый мужчина с длинными черными волосами. У тебя и так достаточно рабов, к чему еще один?

— Но это тоже женщина. — Ансельм, весело прищурившись, усмехнулся. — И, по правде говоря, именно та, которая предназначалась в жены твоему брату.

— Да ну? Леди Бренна? Мне не терпится посмотреть на нее.

— Никогда не встречал такого мужества в женщине. Она сражалась с мечом в руках и ранила Торна. Сильна духом и прекрасна лицом.

— Я хочу ее!

— Что?

— Я сказал, что хочу ее. Гаррик ненавидит женщин, а у тебя есть Элоиза. Моя жена скромна и застенчива, не говоря уже о рабынях. Хочу другую, непокорную и смелую!

— Но ты даже не видел ее, Хьюг! — заметил Ансельм, едва улыбнувшись. — В этой маленькой красотке больше упрямства, чем ты можешь вынести. Она кипит злобой и ненавистью ко всем викингам.

— Упрямство можно сломить, — настаивал Хьюг, блестя глазами в предвкушении предстоящей забавы, — и я хочу ее.

— Не стоит делать этого, — резко бросил Ансельм. — Я желаю отдать ее Гаррику. Именно такая необходима ему, чтобы забылись горечь и обида.

Он не добавил, что Бренна — девственница, ибо тогда Хьюг уж точно заупрямился бы и получил девушку по праву перворожденного.

— Есть еще одна девка с огненными волосами и характером ведьмы. Она тебе придется по вкусу — пухленькая и куда более покорна в мужских руках.

— А если я выберу леди Бренну?

— Предпочел бы, чтобы ты не делал этого, — предостерег Ансельм.

— Посмотрим, — уклончиво пробормотал Хьюг, выходя вместе с отцом из купальни.

Дверь резко распахнулась. Пыль за клубилась крохотным смерчем и медленно осела пляшущими в свете солнечного луча точками. Пленниц вывели во двор, но всем им пришлось заслониться руками от яркого солнца. Их проводили в большой дом, втолкнули в открытую дверь, через которую проходил дым, и оставили стоять в центре заполненной людьми комнаты.

Линнет узнала в мужчинах, сидевших за двумя длинными столами и на скамьях у стены, тех, кто грабил и убивал в их замке. Многие собрались на конце стола, где шла игра в кости. Великан, не виденный ею ранее, осматривал лошадь, приведенную в зал вместе с пленницами. Линнет охнула от ужаса, поняв, что перед ней Уиллоу, кобыла Бренны. Если девушка увидит... кто знает, на что она способна!

К счастью, Бренна не обратила внимания на лошадь. Она с нескрываемым отвращением устала на Ансельма Нетерпеливого и даже не взглянула на коней, когда их выводили из зала.

Ансельм сидел во главе одного из столов. Ему прислуживали молодые девушки в платьях из грубой некрашеной шерсти, без сомнения, рабыни. Рядом восседала женщина почти тех же лет, что и Линнет, в ослепительном платье из желтого шелка. Подальше устроилась еще одна, молодая и пухленькая, с такими же светлыми волосами, что и у большинства присутствующих.

Высокий мужчина, осматривавший Уиллоу, направился теперь к пленницам и, оттолкнув

Линнет, остановился перед Бренной и приподнял ее лицо, чтобы разглядеть получше, совсем как несколько минут назад кобылу. Но девушка резко оттолкнула его руку связанными запястьями и уставилась на него горящими ненавистью глазами.

Он викинга несло потом и лошадьми. Он так походил на Ансельма Нетерпеливого, что, будь у Бренны нож, она с радостью бы перерезала ему горло, не задумываясь, что будет потом! Она жадно смотрела на клинок, заткнутый за пояс незнакомца, но, услышав тихий смех, вновь подняла голову.

— Клянусь Тором, да она красotka!

— Я говорил тебе, Хьюг, — отозвался Ансельм со своего места.

Хьюг ухмыльнулся и медленно обошел девушку. В серых глазах Бренны не было страха, хотя она и сознавала, что связана и безоружна.

Стоя совсем рядом, так, что никто не мог ни понять, ни услышать его, Хьюг прошептал ей на ухо;

— Я сотру это кровожадное выражение с твоего лица, госпожа моя! И сумею сломить гордый дух!

Он не знал, что Бренна понимает каждое слово. Девушка не испытывала ничего, кроме омерзения, до тех пор, пока он резким рывком не притянул ее к себе и требовательные губы не расплющили нежный рот. Другая рука безжалостно сжимала и выворачивала грудь, словно Хьюг задался целью немедленно утвердить над ней свою власть.

Отбиваться Бренна не могла — веревка по-прежнему стягивала запястья, но зубы... зубы были еще целы, и она впилась в нагло насилующий ее рот язык.

— Дочь Хел! — громко выругался Хьюг и размахнулся, чтобы ударить девушку, но Ансельм громко окликнул сына. Хьюг, обернувшись, разгневанно уставился на отца:

— Она прольет мою кровь, даже не понимая, что умрет за это!

— Я предупреждал, что она кипит ненавистью, — покачал головой Ансельм.

— Ненавистью, которая станет причиной ее гибели. Ба! Да она просто безумна! Так отдай ее моему брату, Гаррику, как и намеревался. Он ненавидит женщин и получит наслаждение, унижая и терзая эту девку! Пусть использует ее тело как выход для собственной ненависти, пока они не прикончат друг друга! Я возьму огненноволосую женщину!

— Довольно, Хьюг! — упрекнула женщина в желтом шелковом платье. — Кажется, ты забыл, что здесь твои мать и жена?!

— Прошу прощения, госпожа, — без всякого стыда ответил Хьюг. — Я в самом деле забыл. Теперь можете выполнить приказ отца и допросить пленниц.

— Не знала, что для этого нуждаюсь в разрешении собственного сына, — с властной холодностью бросила женщина.

Среди окружающих послышались громкие смешки, и Хьюга передернуло, но предостерегающий взгляд отца мигом заткнул ему рот. Хьюг широко развел руками:

— Еще раз простите, госпожа. Я, конечно, не должен препираться с вами!

Внутри у Бренны все кипело. Она прекрасно поняла все, что говорил этот ублюдок Хьюг. Отдать ее Гаррику, ненавидящему женщин? Ну что ж, скоро они поймут, что ее оскорблять опасно. Мужчина, женой которого Бренна должна была стать, умрет, если осмелится прикоснуться к ней. Боже, как она ненавидит их всех!

Линнет настороженно наблюдала за происходящим, с трудом сдерживая себя, чтобы не вмешаться, когда викинг издевался над Бренной, надеясь, что жестокое обращение выведет племянницу из состояния апатии, заставит вновь обрести жажду жизни. Но ничего не вышло. Господи, как бы Линнет хотела понять, о чем они говорят! Зря она не присутствовала на уроках Уиндхема! Да... но разве тогда они могли предвидеть подобное будущее? И как же теперь объясняться с похитителями, как узнать, что готовит им судьба, если Бренна не желает нарушить молчание? Только она знает норвежский язык.

Тревоги Линнет рассеялись несколько минут спустя, когда жена вождя встала из-за стола и подошла к пленницам. Она оказалась невысокой грациозной женщиной с каштановыми волосами и темно-кариими миндалевидными глазами.

— Я Элоиза Хаардрад. Мой муж — Ансельм Нетерпеливый, вождь нашего рода и человек, который привез вас сюда.

Линнет поспешно назвала себя и представила остальных, а под конец осмелилась спросить:

— Но как получилось, что ты говоришь на нашем языке?

— Как и вас, меня привезли сюда много лет назад, хотя и при других обстоятельствах. Я была помолвлена с Ансельмом, и мы поженились. Я христианка, как, вероятно, и вы.

— Да, конечно.

— Но я почитаю и богов мужа, — улыбнулась Элоиза, — чтобы угодить ему. Я помогу вам всем, чем можно, но поймите, что на первом месте — мой супруг, дети и дом.

— Что будет с нами? — Наконец Линнет отважилась задать неотступно мучивший их всех вопрос.

— Пока вы пленницы моего мужа. Ему и решать, что делать с вами.

— Так значит, мы рабыни?! — высокомерно осведомилась Корделла, хотя гордиться в ее положении было особенно нечем.

Но Элоиза невозмутимо подняла бровь:

— Попав в рабство, ты потеряла все права. Удивлена, что ты посмела спрашивать меня об этом! Думаешь, тебя освободят, дадут дом и скот? Нет, теперь ты стала собственностью. Будешь принадлежать моему мужу или любому, кому он тебя пожалует. Мне не особенно нравится слово «раб». Предпочитаю называть вас служанками, так, как именуются подобные тебе в твоей стране.

— Наши слуги были свободными людьми! — огрызнулась Корделла.

— Только на словах! Они ничем не отличались от рабов, все это прекрасно знают. А тебе лучше

сразу понять свое истинное место, иначе придется плохо!

— Она права, Корделла, — тихо предупредила Линнет. — Лучше придержи язык.

Корделла, не обращая внимания на женщин, демонстративно отвернулась.

— Думаю, мы можем стать друзьями, Линнет. — Элоиза негромко засмеялась.

— Мне бы искренне хотелось этого, — поспешно ответила Линнет. Сейчас она нуждалась в друзьях больше всего на свете.

— Жаль, что тебе пришлось попасть сюда, — сочувственно продолжала Элоиза. — Но надеюсь, ты быстро привыкнешь. Мне не по душе набеги мужа и его привычки возвращаться с пленниками, но эту часть его жизни я не вправе судить. Насколько я понимаю, тебя и твою семью обманули, заставив думать, что Ансельм прибыл за невестой для сына. Мне очень жаль.

— Но твой муж дал слово! — вновь перебила Корделла. — Неужели у викингов нет чести?!

— Делла!

— Я не виню вас за горечь и разочарование. Да, мой муж — человек благородный, но не по отношению к тем, кого считает врагами. Он солгал посланцу вашего родственника. Видите ли, мой младший сын Гаррик был взят в плен вашими соотечественниками и подвергся пыткам. С тех пор муж ненавидит кельтов. У него даже и намерения не было сдержать клятву. Он никогда бы не позволил сыну взять в жены дочь кельтов.

— Это Гаррик? — с любопытством осведомилась Линнет. — Тот, что рассматривал мою племянницу?

— Нет, это мой старший сын, Хьюг. Гаррика здесь нет, но это не имеет значения. Как ты понимаешь, свадьбе не бывать.

— Да.

— Гаррик ничего об этом не знает. Он отправился в плавание весной, еще до появления посланца. Мне искренне жаль, что все так получилось, и особенно больно за обман мужа. Будь я в силах изменить вашу участь, обязательно попыталась бы это сделать.

— Но ты не боишься, что они услышат?

— Никто не поймет, — усмехнулась Элоиза. — Я не смогла научить мужа своему языку, и; вместо этого пришлось обучиться норвежскому. Ансельм знает, как я отношусь к рабству. Как ты видишь по слугам, все они были захвачены в разное время, и я не сумела удержать мужа от набегов. Такова жизнь викингов!

— Но что станет с моей племянницей? — встревожилась Линнет.

— Ей придется стать служанкой, как и остальным, — ответила Элоиза.

— Понимаешь, о чем я, дитя мое? — обратилась она к Бренне.

Бренна ничего не ответила.

— Она упряма и полна ненависти. Никак не может смириться с тем, что случилось, — ответила

Линнет, вздохнув.

— Придется, — мрачно проговорила Элоиза. — Не стану лгать: если она будет продолжать упорствовать, ее просто продадут на одном из невольничьих рынков далеко отсюда или казнят.

— Нет! — испуганно воскликнула Линнет. Но Бренна лишь презрительно оглядела Элоизу и, гордо повернувшись, отошла к остальным.

— Пока не стоит тревожиться о ней, — посоветовала Элоиза. — Девушке дадут время успокоиться.

Муж восхищается ее мужеством и не допустит, чтобы с ней случилось что-то плохое.

Линнет по-прежнему не сводила с племянницы обеспокоенных глаз:

— Боюсь, она сама причинит себе много зла.

— Покончит с жизнью?

— Нет, станет искать мести. Я никогда не думала, что она способна на такую ненависть. С тех пор, как мы попали в плен, она не произнесла ни слова. Отказывается говорить даже со мной.

— Ее можно понять, но никто этого не станет долго терпеть.

— Ты не понимаешь, почему она так озлобилась, — поспешно объяснила Линнет. — Ее отец умер накануне нападения, и она не успела оправиться» как начался этот кошмар. Бренна и так с трудом согласилась на замужество, но Энгус дал слово, и она сдержала бы эту клятву и приняла бы нареченного с честью, не оказись твой муж предателем! Столько смертей в один день! Ее зять, слуги, любимая служанка убиты на глазах у Бренны. Она, должно быть, слышала крики, мои и Корделлы, когда нас... когда...

— Понимаю. Продолжай.

— И потом Бренну победили. До этих пор она не знала поражения. Племянница была единственным ребенком брата и росла без матери, умершей при родах. Для Энгуса она стала сыном, которого у него никогда не было. И он, не зная, как воспитывать девочек, научил дочь всему, чему учат сыновей. В тот день, когда твой муж выбил у нее из рук оружие, она посчитала, что опозорила отца. Через несколько мгновений ее служанка, женщина, ставшая Бренне второй матерью, была зверски убита. — Бренна начала истерически кричать, впервые в жизни. Должно быть, она чувствует стыд не только за это, но и за то, что не смогла помочь своим людям. И с этой минуты молча страдает.

— Действительно позор, — согласилась Элоиза. Темно-карие глаза сочувственно блеснули. — Но она — девушка умная, не так ли? И поймет, что у нее нет иного выбора, кроме как смириться.

— Но к чему ей это? — вмешалась Корделла, которая до сих пор молча слушала. — Что ждет ее, да и всех нас в этой стране? Особенно Бренну! Ха! Вы еще не знаете, как она горда! И никогда не смирится с рабством! Сначала придется ее убить!

Элоиза улыбнулась, но глаза мгновенно стали жесткими:

— Мне нет дела до того, покорится ли девушка. Муж отдал ее Гаррику, к нему в дом она и

отправится. Ты же, однако, подвластна мне, поскольку Хьюг выбрал тебя, а он с семьей живет здесь, в моем доме. Теперь твой хозяин — Хьюг, но я — госпожа здесь, и тебе придется во всем мне повиноваться.

Лицо Корделлы посерело, но она благоразумно промолчала. Конечно, ей совсем не улыбалось находиться под властью этой женщины, но, заметив жадный взгляд Хьюга, обращенный на нее, подумала, что, может, еще не все потеряно.

— Мне позволят поехать с Бренной? — тревожно осведомилась Линнет.

— Нет. Муж желает оставить тебя. Ты будешь жить с нами.

Щеки Линнет ярко вспыхнули.

— Но я... я... — Она осеклась не в силах продолжать.

— Не беспокойся, Линнет. Я не ревнива. У здешних мужчин в обычае заводить наложниц, и, кроме того, они не стесняются ублажать себя с рабынями. Думаю, что в этом нет ничего нового. Таков уж свет. Некоторые женщины не желают терпеть наложниц мужа в своем доме, но я не из тех. Поэтому не терзайся" понапрасну. Я же сказала, что мы станем друзьями.

— Спасибо тебе.

— Что же касается остальных: вы пока поживете в моем доме, — властно объявила Элоиза. — Мой муж решит, отдать ли вас приятелям за оказанные услуги или оставить здесь. Не бойтесь, ваша участь не будет такой уж тяжелой. Со временем вы привыкнете.

Глава 8

Бренну посадили в маленькую узкую лодочку и отвезли еще дальше в глубь страны. Только один человек, Огден, сопровождал ее, напутствуемый строгими и подробными приказаниями жены Ансельма. Путешествие было коротким. Вскоре по берегам фьорда вновь показались высокие отроги, придающие окружающему пейзажу мрачно-суровый вид. И наконец девушка увидела его — каменный дом Ульрика Хаардада, выстроенный на вершине обрыва и казавшийся естественным продолжением серой скалы.

Викинг, охранявший Бренну, отнюдь не был доволен таким поручением. По мере приближения к деревянному причалу он начал грести с удвоенной скоростью. Сам Огден предпочел бы перерезать девчонке горло и бросить в бездонные глубины фьорда — разве не она ранила его брата и не покрыла его несмываемым позором? Но тогда придется держать ответ перед Ансельмом, не говоря уже о Гаррике, новом хозяине девушки. И, по чести говоря, настоящий викинг не унижится до убийства девушки, тем более связанной и беспомощной. Теперь она ничем не напоминала ту черно-бурую лису, с такой хитростью и умением сражавшуюся с его братом. Но Огден все же ненавидел ее, женщину, которая одевалась и вела себя как мужчина и глядела на него жгучими злобными глазами тигрицы.

Причал находился не под домом, а немного дальше по берегу, там, где скала становилась немного более полой. Здесь Огден грубо выпихнул Бренну из лодки и потащил наверх по узкой тропинке, протоптанной когда-то рабами, толкавшими по ней неподъемные камни для постройки дома. Наверху лежал огромный валун, отодвинутый в сторону. При необходимости он мог бы полностью загородить выход из фьорда, а дом Ульрика стать неприступной крепостью.

Здание напоминало деревянные постройки норвежцев только в одном — в нем тоже не было окон. В остальном оно походило на огромные каменные замки, виденные Огденом на шотландском побережье. Здесь были и дымовые трубы, и второй жилой этаж. Дверь выходила не на море и не на поля позади дома, а была прорезана сбоку, где росли старые, скрюченные от времени деревья. Амбары и хлева, так же как и конюшня, построенные из дерева, тоже находились за домом.

Перед смертью Ульрик отдал дом и несколько акров плодородной земли Гаррику в присутствии Ансельма, чтобы потом не было споров из-за наследства. Ансельму все равно был не нужен этот дом, поскольку зимой от каменных стен шел ледяной холод. Для Гаррика, однако, это оказалось настоящим счастьем, так как, по законам предков все, чем владел Ансельм, должно было отойти старшему сыну, Хьюгу.

Гаррик не возделывал землю, как Огден, не занимался рыбной ловлей, как многие в этих краях. Он был охотником, непревзойденным в искусстве владения луком и стрелами, привыкшим пробираться сквозь густые заросли, заходить далеко в глубь страны, где водились рыси, лоси и даже горностаи. Зимой он не раз отваживался плавать на север, через теплые прибрежные воды, в поисках белых медведей. И как доказательство своего охотничьего умения он повез на восток огромное количество мехов.

Хотя Гаррик и не был фермером, все же позволял рабам выращивать лук, горох для его стола, рожь на хлеб и ячмень на пиво. Огден прожил в доме Гаррика неделю, прежде чем тот отплыл на запад. Гостеприимство Гаррика оказалось таким же щедрым, как и его отца. Он не жалел для гостя ни еды, ни питья и даже отдал Огдену хорошенькую рабыню, чтобы та согревала его постель в холодные ночи.

Огдену нравился Гаррик, и именно поэтому викинг решил, что молодой человек вовсе не нуждается в подобном подарке отца. Эта девушка станет настоящей помехой, колючкой в ноге, шипом, терзающим Гаррика, истинной дьяволицей, которая, скорее всего когда-нибудь перережет ему горло во сне. Но в конце концов это дело Гаррика и его домоправительницы.

Дверь в доме была открыта, пропуская теплый летний воздух. Правда, последнее время дни становились холоднее, а это означало, что осень не за горами и скоро наступят ледяные зимние ночи, когда солнце надолго покинет эту северную страну.

— Эй! Госпожа Ярмила! — громко завопил Огден, с топотом вваливаясь в холл и таща за собой Бренну, словно корову на веревке.

— Огден! — послышался изумленный возглас в конце холла. Там была поставлена перегородка, поскольку Ульрик на склоне лет не мог выносить запаха дыма и приказал, чтобы еду готовили за стеной. Остальные пытались последовать его примеру, но долго не выдерживали, поскольку тепло для них было гораздо важнее, чем дым.

Ярмила стояла в дверях, одетая в мягкое голубое полотняное платье; соломенные волосы, стянутые узлом на затылке, были перевязаны золотой лентой.

— Я не знала, что Ансельм вернулся.

— Только сегодня, — пояснил Огден. — Там сейчас пир в самом разгаре.

— Неужели?

Ярмила чуть подняла рыжеватую бровь. Эта женщина в свое время слыла красавицей, но

теперь, в пятьдесят лет, от былой прелести не осталось и следа. Удивительно, ведь она никогда по-настоящему не испытала тяжести жизни.

— Надеюсь, набег удался?

Огден что-то проворчал и выпустил Бренну.

— Как обычно. Добыча была богатой, да и пленниц привезли, целых семеро. Только один человек отправился в Валгаллу, счастливчик! Мой брат ранен, правда, не слишком тяжело. — Огден предпочел не рассказывать подробностей. — Кажется, Ансельм отдаст ему одну пленницу, а другую подарит вдове погибшего.

— Ну, а эту?

Ярмила кинулась на Бренну, стоявшую гордо и прямо, не обращая внимания на то, что ее волосы цвета воронова крыла рассыпались по плечам.

— Гаррику, — покачал головой Огден. — Это та, что была предназначена ему в жены.

По-видимому, весть об этом уже разнеслась по всей Норвегии!

— Леди Бренна? Вот так-так! Значит, Ансельм сдержал обещание? Я была там, после того как ушел этот дурень-посланец, — пояснила она, видя вопросительный взгляд викинга. — По-моему, Ансельм сказал тогда: «Гаррику предложили невесту, значит, он ее получит, вот только свадьбы не будет».

Огден рассмеялся, зная о ненависти Ансельма к кельтам. Никогда вождь не допустит подобного брака!

— Невеста без брачных обетов! Ха! Мне это нравится! Только сомневаюсь, что Гаррику придется по вкусу.

— Почему же? Она, кажется, довольно хорошенькая. Если ее принарядить, станет настоящей красоткой. — Может, так и есть, госпожа. Но за светлым лицом скрывается черная ненависть.

Ярмила подошла к девушке и повернула ее лицо к свету, но Бренна резко отдернула голову, даже не пожелав взглянуть женщине в глаза. Та неодобрительно нахмурилась:

— Да она, кажется, еще и упряма?

— Уж это точно, — угрюмо кивнул Огден. — И наверняка попытается сбежать при первой же возможности. Кроме того, она и мечом владеет, как мужчина, обучена сражаться а бою. Так что поосторожнее, госпожа!

— Да, но что мне прикажешь с ней делать? Огден пожал плечами:

— Я выполнил поручение госпожи Элоизы, только и всего. Доставил девушку к вам. Теперь она на вашем попечении, поскольку именно вы управляете хозяйством Гаррика в его отсутствие.

— Только этого мне и не хватало! — пренебрежительно бросила Ярмила. — Почти всех рабов Гаррик забрал на продажу, а в этом айсберге, который он называет домом, осталось всего несколько человек! Разве уследишь за ними? А эту нужно стеречь день и ночь!

— Госпожа Элоиза передала, чтобы вы оставили девушку в покое, пока не вернется Гаррик и

не решит, что с ней делать. Она сама прибудет через неделю, чтобы узнать, смирилась ли леди со своей участью.

— Элоиза явится сюда? Ха! — усмехнулась Ярмила. — Должно быть, сильно беспокоится за девчонку, если решила приехать, когда Гаррика нет дома.

Огден знал о взаимной неприязни между женщинами. У обеих были сыновья от Ансельма. Поэтому уж лучше не вмешиваться в их распри.

— Приказ госпожи выполнен. Не вернетесь со мной на пиршество, госпожа? Ансельм шлет вам приглашение.

Светло-голубые глаза Ярмиллы радостно заблестели.

— Сейчас соберусь, — с готовностью ответила она, направляясь к проему, ведущему к кухонной половине и к лестнице, затем позвала:

— Джейни, иди сюда.

Через мгновение в холле появилась крохотная женщина в грубой шерстяной рубаше.

— Что угодно госпоже?

— Джейни, возьми девушку с собой, искупай, накорми и уложи пока в постель в хозяйской спальне. Позже я решу, куда ее поместить.

— Хорошо, госпожа, — ответила женщина, с любопытством разглядывая Бренну.

— А теперь, Огден, буду очень благодарна, если отведешь леди Бренну в комнату Гаррика и постережешь, пока не придет раб, чтобы ее охранять.

Для Бренны время тянулось убийственно медленно. День почти не отличался от ночи. Комната, в которой ее держали, оказалась большой и холодной, без окон, но с двумя постоянно закрытыми дверями. Гнев девушки давно перешел в неудержимое бешенство, когда на второй день ее начали привязывать к большой кровати, поскольку властная Ярмила решила, что незачем отрывать от дела раба, чтобы охранять пленницу.

Бренну освобождали лишь на время, когда надо было поесть, умыться или облеγχиться, но каждый раз Джейни сопровождал раб, которого, правда, оставляли за дверью. Первые два дня девушка отказывалась от еды, выбивала поднос из рук Джейни в припадке ярости, но потом все же заговорила, сыпя столь ужасными проклятиями что прислуга, бледная, пулей вылетала из комнаты, и тогда раб снова связывал Бренну. Она сопротивлялась, изрыгая изошренные ругательства, но надолго ли могло хватить сил, ведь запястья ее были связаны!

На третий день Бренна, ослабев от голода, начала есть, хотя и неохотно, и полностью игнорировала Джейни. Между завтраком и ужином проходил почти целый день. Один раз Джейни приходила утром, перед началом заполненного различными обязанностями дня, другой — вечером, перед тем как отправиться спать. В промежутке Бренна едва не сходила с ума от безделья и злобы, чуть не рыдая от невозможности пошевелиться, встать и хоть что-то делать, а возраставшее с каждым часом чувство голода отнюдь не способствовало улучшению настроения.

Кроме того, ее мучили угрызения совести за то, что стала лишним бременем для бедняжки Джейни, которой приходилось ухаживать за ней. Девушка и без того работала с рассвета до заката, а приезд Бренны еще прибавил дел. Но Джейни никогда не забывала шепнуть ей несколько ободряющих слов по утрам, хотя к концу дня бывала так же молчалива и измучена, как Бренна. И Бренна иногда даже испытывала нечто вроде жалости к Джейни, весьма непривычное чувство для гордячки. Джейни говорила на ее языке, но выучила и норвежский и, хотя еще полностью не овладела языком, все же знала достаточно, чтобы понимать обращенные к ней приказы и не быть избитой за неповиновение. Бренна полагала, что Джейни тоже попала в плен, но ни о чем не расспрашивала девушку и старалась подогреть в душе неприязнь к ней, хотя и знала, что Джейни всего лишь выполняет приказы Ярмиллы и, будь ее воля, наверняка развязала бы пленницу.

Судьба у них одна. Правда, Бренна твердо знала, что никогда не смирится с жизнью рабыни, и была уверена, что когда-нибудь придет вожделенный час свободы, но когда?

Мысли Бренны уже в который раз обращались к Гаррику Хаардраду — когда-то жениху, а теперь хозяину. Она и раньше часто думала о нем. Бренна знала, что Гаррик молод и прожил всего двадцать пять зим. И не женат... к несчастью, поскольку именно это заставило Ферпоса заключить договор о свадьбе, которой теперь уже не суждено состояться. Кроме того, если верить Хьюгу, Гаррик по каким-то причинам ненавидел женщин, и это можно считать благом: он оставит ее в покое, а что, если начнет жестоко издеваться, терзать и мучить ее? Бренна молилась лишь о том, чтобы ее ненависть оттолкнула его. Но, связанная, она полностью в его руках и не в состоянии защитить себя, а за избиениями, по всей вероятности, последует казнь. Будь проклята эта слишком осторожная ведьма Ярмилла!

Неделю спустя Элоиза, как и, обещала, приехала навестить Бренну. Бренна узнала голоса, ее и Ярмиллы, еще до того, как женщины вошли в комнату. Увидев привязанную к кровати пленницу, Элоиза остановилась как вкопанная, но Ярмилла, словно ни в чем не бывало, подошла поближе.

— Вот видишь, — снисходительно бросила она, — от нее ничего, кроме беспокойства!

Элоиза смерила домоправительницу ледяным взглядом:

— Так вот как ты обращаешься с собственностью моего сына! Связать девушку, будто животное! — рассерженно воскликнула она.

— Огден сказал, что она непременно сбежит, — объяснила Ярмилла. — Я боялась, что Гаррик, вернувшись, не найдет ее!

— Сбежит? — словно не веря своим ушам, переспросила Элоиза. — Но куда? Нет такого места, где беглянка могла бы скрыться. Кроме того, мы не знаем, когда вернется Гаррик. Может пройти несколько месяцев. Что ж, так и будешь держать девушку привязанной?

— Я...

— Взгляни на нее! — резко перебила Элоиза. — Леди Бренна бледна и так исхудала всего за неделю! У тебя совсем нет разума, женщина?! Эта девушка — ценное приобретение и может быть продана за большую цену на невольничьем рынке, но даже если Гаррик захочет сохранить ее для собственных развлечений, вряд ли поблагодарит тебя за такую заботу о ней в его отсутствие.

Ярмилла слегка побледнела, признавая справедливость слов Элоизы. Что если девушка в

самом деле умрет?! И она мгновенно возненавидела пленницу за то, что по ее вине попала в такое положение, и поспешила скрыть свои чувства под сухой улыбкой, которой одарила Элоизу.

— Ты права. Отныне я сама прослежу за девушкой. Может, хоть эта угодит Гаррику и даже заставит его забыть о Морне, как ты считаешь?

— Сомневаюсь, старинная моя подруга, — процедила Элоиза и обратилась к Бренде:

— Тебя развяжут, дитя мое, но ты не должна пытаться сбежать. Понимаешь? — мягко спросила она. — Тебе некуда бежать.

Бренна ничего не могла ответить на ее добрые слова, поскольку они не оставляли никакой надежды, особенно после того, как эти женщины обсуждали ее, не стесняясь, словно бездушную вещь. Девушка безмолвно отвернулась.

— Упрямое молчание ни к чему хорошему не приведет, Бренна. — Элоиза села на постель. — Я надеялась, чтоб ты, по крайней мере, немного привыкнешь к своему новому дому. Ансельм думал, что ты доставишь Гаррику немного радости. Если постараться, жизнь твоя может стать не такой уж тяжелой.

Бренна по-прежнему отводила глаза, но Элоиза не сдавалась:

— Если боишься чего-то, поговори со мной. Может, я сумею успокоить тебя, — поколебавшись, добавила она. — Моему сыну нетрудно угодить, он не требователен и не жесток. Может, ты даже полюбишь его и найдешь здесь счастье?

Бренна гордо вскинула голову, глаза сверкнули словно полированное серебро.

— Никогда! — прошипела она, удивив обеих женщин своим тоном и неожиданно прорезавшимся голосом. — Я ничего не боюсь, госпожа! Это вы должны дрожать от ужаса, ибо горько пожалеете о том дне, когда попытались сделать меня рабыней! Кровь потечет рекой, и не сомневайтесь, вашего драгоценного Гаррика ждет страшная смерть!

— Что она сказала? — допытывалась Ярмила. Элоиза, вздохнув, покачала головой:

— Все еще полна горечи, но это долго не продлится. Скоро она узнает, что другого выхода, кроме как смириться, нет.

— Ну, а пока что с ней делать? Элоиза задумчиво оглядела Бренну, спокойно встретив вызывающий взгляд девушки:

— Будешь ли ты вести себя прилично, если получишь позволение передвигаться по комнате?

— Я не стану давать обещаний! — упрямо ответила Бренна, снова отворачиваясь.

— Неужели ты не можешь быть хоть немного рассудительнее?

Бренна больше не желала отвечать, и Элоиза, сдавшись, вышла из комнаты. Ярмила, однако, осталась.

— Ну что ж, Бренна Кармахем, теперь, когда ее милость удалась, нет необходимости освобождать тебя, по крайней мере до вечера, — бесстрастно объявила Ярмила, не подозревая, что пленница понимает каждое слово. — Завтра велю давать тебе побольше еды,

чтобы мясо на костяхросло, и выносить проветриваться — совсем как старую ветошь!

Смеясь над собственной шуткой, она пошла к выходу. Бренна с наслаждением убила бы эту ведьму, не будь руки стянуты проклятой веревкой. Какое лицемерное, злобное, ядовитое создание! Позднее, когда Бренну наконец освободят, она начнет строить планы побега. Только последние глупцы могли ей довериться!

Глава 9

Огромная галера викингов с ленивой грацией вошла во фьорд словно зловеющий дракон с веслами вместо крыльев, спешивший домой. Мужчины хотели было разразиться приветственными криками, когда судно проплывало мимо дома Ансельма, однако Гаррик остановил их. Хотя солнце по-прежнему висело над горизонтом, подобно огромному огненному шару, но все же стояла глубокая ночь, и все крепко спали. Завтра будет достаточно времени, чтобы отпраздновать прибытие и встретиться со старыми друзьями. Сейчас же Гаррик хотел лишь поскорее добраться до дома и проспаться остаток ночи в собственной постели.

Мужчины тоже переночуют у Гаррика. Утром все разойдется по домам и вернется к тому времени, когда придет пора начать пиршество. Все измучились до предела, поскольку всего несколько часов назад пришлось бороться со штормом.

Двое решили остаться на корабле, стеречь груз, остальные последовали за Гарриком по узкой горной тропинке, захватив лишь самое необходимое. В доме было тихо и темно, поскольку погода была не такой уж холодной, чтобы оставлять на ночь зажженный костер. Солнечные лучи струились сквозь открытую дверь, позволяя пробираться по холлу, не натываясь на стулья и столы.

Гаррик без труда добрался до темной лестницы, поскольку прекрасно ориентировался в доме, где провел много времени с дедом. На втором этаже было четыре комнаты: его спальня — просторная хозяйская комната по одну сторону от лестницы, маленькая каморка для шитья — по другую, отделенная широким коридором комната для гостей, где стояли две большие кровати, и еще одна, принадлежавшая Ярмилле, его домоправительнице. В конце коридора была дверь на каменную лестницу, ведущую наружу. Летом она всегда была открыта для доступа теплого летнего воздуха, но Гаррик слишком мало бывал дома и редко наслаждался этим.

Открыв дверь, чтобы осветить коридор, Гаррик вернулся за Перрином и желающими провести ночь в комнате для гостей. Остальные переночуют в холле на скамейках: жесткие постели были им больше по вкусу.

Наконец он вошел в свою комнату. «Здесь будут стоять тахта без спинки, привезенная с востока, и два троноподобных стула, купленных в Хедебю», — подумал Гаррик. Пока же в комнате находились всего лишь громадная кровать, единственный стул и огромный сундук. Ни ковров, чтобы согреть холодный пол, если не считать старой медвежьей шкуры, ни занавесей, ни гобеленов на стенах. Но все появится, как только разгрузят корабль, ведь Гаррик не жалел никаких расходов, чтобы придать этой неуютной комнате некоторое подобие комфорта.

Тусклый свет из коридора почти не проникал в комнату. Гаррик подошел к противоположной двери, которая открывалась на небольшой каменный балкон и немного постоял, наслаждаясь прекрасным видом. Внизу во всем мрачном великолепии простирался фьорд. К западу синевой переливалась океанская гладь, на востоке вздымались фиолетово-серые вершины гор. Но

самым ошеломляющим зрелищем был оранжевый огненный шар солнца, висевшего совсем низко над горизонтом.

Гаррик не помнил, сколько простоял, прежде чем вновь почувствовал усталость. Оставив балконную дверь открытой, так, что комната оказалась залитой светом, он подошел к кровати. На белом горностаевом покрывале, сделанном матерью из принесенных им шкур, лежала маленькая изящная фигурка спящей девушки, свернувшейся в комочек и выглядевшей совсем крохотной на огромной кровати.

Гаррик остановился как вкопанный. Длинные черные волосы незнакомки разметались по снежной белизне меха, скрывая ее лицо. Тело тоже казалось бесформенным под слишком просторной шерстяной сорочкой. Кто она и откуда взялась?

Однако Гаррик не испытывал особого любопытства, а всего лишь разозлился: подумать только, именно когда он больше всего нуждается в отдыхе, его постель занята невесть кем! Повернувшись, он почти выбежал из комнаты и направился прямо в спальню Ярмиллы, даже и не подумав постучать.

— Проснись же госпожа! — Он грубо тряхнул женщину за плечо.

Ярмилла открыла сонные глаза и тупо уставилась на высокого мужчину, нависшего над узкой кроватью. Лицо скрывал полумрак, но она мгновенно узнала нежданного гостя:

— Гаррик! Ты вернулся!

— Как видишь, — сухо бросил он, не пытаясь скрыть гнев. — Вижу, ты распоряжаешься здесь, словно хозяйка!

— Я... о чем это ты? — негодуя осведомилась она, натягивая вышитое покрывало до самой шеи. — В чем ты обвиняешь меня?

Брови Гаррика мрачно сошлись.

— По какому праву ты позволила гостье занять мою комнату, когда гостевая спальня пуста?!

— Гостья? — недоуменно переспросила Ярмилла, не сразу сообразив, о чем он говорит. — Нет, она не гостья. — Ярмилла рассмеялась.

— Объясни же, Ярмилла, да покороче, — теряя терпение, потребовал Гаррик. — Кто эта женщина?

— Она принадлежит тебе. Твоя мать просила приглядеть за ней, поэтому я и не поместила ее с остальными. Кроме того, я знала, что, когда ты вернешься, комната для гостей будет занята и ты, конечно, не будешь возражать, если она разделит с тобой хозяйские покои!

Гаррик оцепенел от раздражения.

— Во-первых, возражаю! — резко бросил он. — Во-вторых, что это значит, моя?

Ярмилла не привыкла видеть Гаррика таким разгневанным. Конечно, ей бы следовало помнить о его ненависти к женщинам и поместить девушку куда-нибудь в другое место.

— Твой отец совершил набег на Британские острова этим летом и вернулся с семерыми пленницами. Эта девушка — одна из них, и Ансельм послал ее тебе. Она дочь лорда и должна

была стать твоей женой.

— Моей женой! — взорвался Гаррик.

— Так считали она и ее отец, — поспешно добавила Ярмила. — Ансельм дал ложную Клятву, что так и будет, чтобы затем разграбить их поместье. Это долгая история, и уверена, Ансельм с удовольствием расскажет тебе подробности.

— Что такого страшного в этой девушке, почему Хьюг отказался от нее? — спросил Гаррик, зная, что брату всегда первому предоставлялся выбор, особенно теперь, когда Ансельм больше не интересовался молодыми хорошенькими рабынями.

— Девчонка — сущая ведьма! Должно быть, отец сильно недоволен тобой, если наградил тебя таким подарочком! Мне сказали, что она настоящий воин и жаждет крови.

Без сомнения, она еще и уродлива, поэтому Хьюг и отказался от нее, но к чему отцу понадобилось посылать ему такую змею?

Гаррик вздохнул, он слишком устал, чтобы допытываться дальше.

— Она спит, так что пока можешь оставить все, как есть. Но утром поселишь ее где угодно, мне все равно.

— Но она попытается сбежать, Гаррик! Нельзя же оставить ее на женской половине, пока остальные рабыни трудятся на кухне и в доме! Оттуда слишком легко ускользнуть.

— Клянусь Тором, женщина! Я же сказал, что мне все равно! Только держи ее подальше от моей спальни!

И Гаррик решительно направился к себе. Холодный ветерок, теребивший волосы на щеке Бренны, разбудил девушку. Она сонно прищурилась от резкого солнечного света и застонала. Уже утро? Казалось, " прошло всего несколько часов с тех пор, как ее отвязали и предупредили, чтобы не покидала комнаты. Скорее всего за дверью стоит стражник, но это не имело значения. Она все равно сейчас не готова к побегу. Прежние гибкость и ловкость еще не вернулись, и она была не в том состоянии, чтобы отважиться на неведомое. Сначала нужно восстановить силы, а потом разведать, как лучше выбраться отсюда. Глупо пытаться скрыться, ничего не зная о чужой земле.

Девушка встала, затворила обе двери, так что комната погрузилась во мрак, а потом снова забралась в постель и почти задремала, когда услышала гневный голос. Прошло несколько минут, прежде чем дверь снова распахнулась и в спальне появилась высокая фигура.

Бренна моментально забыла о сне — каждая клеточка тела словно предупреждала об опасности. Она настороженно наблюдала за незванным гостем сквозь полуопущенные веки, готовая сорваться с места и схватить его меч, если понадобится.

Незнакомец даже не взглянул в ее сторону, не сделал ни шага по направлению к постели, а подошел к стулу у стены и начал сердито срывать с себя одежду и оружие. За мечом и коротким кинжалом на спинку стула полетела туника без рукавов, потом, поставив ногу на сиденье, викинг расшнуровал кожаную подвязку и снял сапог из мягкой кожи.

Бренна украдкой разглядывала молодого человека. Красив... никогда раньше не видела она такого мужчину! Длинные волнистые волосы цвета расплавленного золота падали на его

широкие плечи. Прямой нос, твердый гладкий подбородок... Сильные обнаженные руки бугрились мышцами, перекатывавшимися при малейшем движении под загорелой кожей. Светлые завитки покрывали грудь, кончаясь у границы упругого плоского живота. Тело его говорило о силе и мощи. Лишь на ребрах виднелось несколько небольших шрамов. Он весь — словно опасное злое оружие!

Бренну пронзило какое-то странное, неведомое ранее чувство.

Мужчина начал развязывать штаны, и Бренна невольно замерла. Какая-то часть ее существа торопилась поскорее увидеть, насколько великолепно сложен этот человек, но трезвый голос подсказывал, что это не сулит ей ничего хорошего. К счастью, викинг, взглянув на постель, явно передумал.

Бренна затаила дыхание. Она еще не успела сообразить, — что означает его присутствие. Как он осмелился прийти сюда и раздеваться при ней, словно ее тут и не было? Ей и в голову не пришло, что это может быть Гаррик Хаардрад.

Мужчина, явно недоумевая, устоял на балконную дверь и, снова распахнув ее, вернулся к кровати.

Бренна больше не притворялась спящей, чувствуя, что ее притворство раскрыто. Она быстро перекаталась к дальнему краю кровати, готовясь вскочить в любую минуту.

Глаза их неожиданно встретились. Оба замерли, потрясенные. Бренна вдруг поняла, что эти светлые озера цвета сине-зеленой морской воды заколдовали ее, лишили воли. Наконец, с невероятным усилием сбросив с себя оцепенение, Бренна резко выпрямилась.

— Я так и думал, что ты ведешь нечестную игру, девушка. — Глубокий мягкий голос, без ноток гнева или доброты. — И ты мне вовсе не кажешься злой ведьмой, у которой на уме лишь одно — поскорее сбежать. Просто испуганное дитя, хотя и хитрости тебе не занимать, — не зря же ты получила самую удобную комнату в доме!

— Уж не тебя ли я боюсь, викинг? — дерзко рассмеялась Бренна. — Тебе сказали правду!

— Но ты все еще здесь, — заметил Гаррик.

— Только потому, что меня все это время привязывали к кровати.

— Хорошо придумано, но разоблачить ложь ничего не стоит, — натянуто улыбнулся викинг.

Темные брови Бренны угрожающе сошлись. Она не привыкла слышать обвинения во лжи и сейчас гибко, словно кошка, спрыгнула с кровати и расставив ноги и, подбоченившись, смело встретила вопросительный взгляд.

— Знай, викинг, — в бешенстве процедила она, — я Бренна Кармахем и никогда не сказала ни одного слова не правды! Не будь это так, ты не нашел бы меня здесь сегодня!

Веселые искорки загорелись в глазах Гаррика при виде этой гордой красавицы. Но он пропустил мимо ушей все, как ему казалось, пустые угрозы.

— Поскольку Ярмила не знала, что делать с тобой, видно, я вовремя подросел, чтобы взять тебя в руки! — небрежно бросил он.

— Как это? — удивилась девушка, но прежде чем он успел ответить, с подозрением спросила:

— Кто ты, викинг?

— Твой хозяин, по крайней мере мне так сообщили.

— Я не рабыня! — взвилась Бренна. — И не позволю, чтобы мной владели!

Гаррик пожал плечами. «Да уж, покорностью ты не отличаешься», — подумал он.

— У тебя нет выбора.

— Я сказала — ни за что! — прокричала Бренна, всем существом восстав против самой мысли о смирении. — Никогда! — Серые глаза яростно сверкнули.

— Не стану спорить с тобой по этому поводу, — с едва заметным нетерпением объяснил Гаррик. К его удивлению, девушка высокомерно бросила:

— И я тоже, Гаррик против воли, рассмеялся. В жизни у него не было подобной рабыни! Такие роскошные смолянисто-черные отливающие синевой волосы, сливочно-белая кожа и лицо... как из волшебных сказок. Ему почему-то страшно захотелось узнать, что скрывается под грубой сорочкой.

Бренна настороженно наблюдала, как Гаррик садится на постель, рассеянно проводя рукой по вьющимся волосам. Так вот он каков, Гаррик Хаардрад, мужчина, который должен был стать ее мужем, тот, кто, как он считал, владеет ею теперь. К удивлению Бренны, он говорил на ее языке. Должно быть, мать научила.

Жаль, конечно, что он так скоро вернулся, совсем не оставив ей времени как следует оглядеться и оценить ситуацию. Теперь Бренна никак не могла понять, бояться ей этого человека или нет. На него, несомненно, приятно взглянуть, и ей почему-то на мгновение стало обидно, что им суждено было встретиться как рабыне и хозяину, а не как мужу с женой. Во всем случившемся виноват Ансельм, и Бренна возненавидела его за это еще больше.

— Что ты имел в виду, когда пообещал взять меня в руки? — осведомилась она.

— Мне ни к чему бесполезная собственность. Мои рабы зарабатывают на свое содержание, а если нет, я избавляюсь от них.

Ледяной тон в сочетании с бессердечными словами больно ударили в сердце, так, что Бренна вздрогнула, как в ознобе:

— Значит, попытаешься продать меня?

— Попытаюсь? Ты хочешь сказать, что у меня на это нет права?

— Никакого! — отрезала Бренна. — Я уже сказала, что не потерплю ничьего господства.

— Один, помоги мне! — раздраженно воскликнул Гаррик, окидывая ее разъяренным взглядом. — Лучше смирись, госпожа, иначе я докажу, что ты ошибаешься!

Бренна хотела было спросить, каким образом он собирается доказать это, но предпочла остаться в неизвестности. Она, конечно, не покорится, но раз он не пытается овладеть ею, лучше, пожалуй, сейчас не затевать лишних ссор.

— Вот и прекрасно, Гаррик Хаардрад, — деловито кивнула девушка.

Викинг с подозрением посмотрел на пленницу, не вполне уверенный, что понимает причину такой внезапной уступчивости: испугалась угроз или поняла, что принадлежит ему? Не будь он так измучен, ни за что не потерпел бы подобной заносчивости. Видно, эту рабыню впрямь необходимо укротить!

Гаррик неожиданно осознал, что с нетерпением предвкушает столь заманчивый труд. Да, за такое дело он примется с огромным наслаждением! И это удивило его. Как давно он не испытывал подобного тяготения к женщине! Что сильнее привлекает его в ней — красота или гордый вызов? Как все-таки жаль, что он устал. Но ничего, он подождет, она ведь никуда не денется!

— Можешь спокойно спать, госпожа, — вяло разрешил он. — Утром мы обсудим, каковы будут твои обязанности в этом доме.

Девушка недоуменно посмотрела в сторону балкона:

— Но уже утро?!

— Нет, сейчас середина ночи, девушка, и мне смертельно хочется спать.

— Я не слепа, викинг! — ехидно заметила Бренна. — И прекрасно вижу свет солнца.

Гаррик окончательно потерял желание спорить и, откинув горностаевое покрывало, лег.

— Мы далеко на севере. Летом у нас нет ночи и никогда не бывает темно, а зимой всегда стоит мрак.

Теперь Бренна вспомнила уроки Уиндхема. Он тоже говорил, что летом солнце здесь не заходит, а зимой поднимается всего на несколько часов или вообще не показывается. В то время девушка думала, что наставник рассказывает детские сказки, чтобы уроки казались интереснее.

— Но где же мне спать? — Она взглянула на Гаррика, лежавшего с закрытыми глазами.

— Я никогда ни с кем не делил постель, но сейчас, думаю, можно сделать исключение, — ответил он, не подняв ресниц.

— Мне ни к чему такое великодушие! — прошипела девушка. — Я не стану спать с тобой!

— Как пожелаешь, госпожа! Готов, правда, побиться об заклад, что пол вряд ли придется тебе по душе!

Бренна проглотила готовое сорваться с губ проклятие и направилась к двери.

— Я не давал тебе разрешения покинуть эту комнату, госпожа Бренна! — чуть повысив голос, сказал Гаррик.

— Твое разрешение? — Бренна, негодуя, расширив глаза, обернулась. — Я его не просила! Гаррик приподнялся на локте:

— Нет, но с этой минуты всегда будешь просить.

— Ты, несносный болван! — взорвалась девушка. — Неужели ни одно, сказанное мною слово не дошло до твоей глупой башки? Я не потерплю ничьих приказов...

— Немедленно прекрати трескотню, девчонка! — резко одернул ее Гаррик. — Должно быть, Локи радуется, глядя сейчас на меня, и именно он подбил отца подарить тебя мне! Ты жестоко ошибаешься, если думаешь, что я хочу делить с тобой постель, просто иначе, кажется, мне сегодня не дадут поспать!

Бренна решила оставить оскорбление без внимания:

— Неужели в доме нет другой свободной комнаты?

— Все заняты. Мой дом полон мужчин, госпожа, тех, кто вернулся со мной. Уверен, что они не станут возражать, если ты наткнешься на кого-нибудь из них в темноте, но твои вопли о помощи не дадут мне спать.

— Не мои вопли, викинг, а твоих людей, — пригрозила Бренна.

— Ты сильно переоцениваешь свои силы, девушка. — Гаррик громко вздохнул. — А теперь дай мне немного покоя и ложись в постель.

Бренна прикусила язык, чтобы снова не сорваться, и медленно подошла к кровати. Нужно признать, мягкая перина привлекательнее пола. Девушка легла, отодвинувшись на добрых два фута от викинга и прижавшись к стенке. Кроме того, меховое покрывало, под которым лежал Гаррик и на котором лежала Бренна, было еще одной, дополнительной преградой.

Через минуту она услышала глубокое ровное дыхание Гаррика. Но к самой Бренне сон пришел нескоро.

Глава 10

Пробуждение было неприятным. В комнату с криком ворвалась Ярмила:

— Вставай! Вставай, девушка, пока он не вернулся и не застал тебя в постели!

Подняв голову, Бренна увидела, что Гаррика рядом нет, и перевела полные презрения глаза на неодобрительно поджавшую губы старуху. Интересно, что сделает эта ведьма, если Бренна набросится на нее? Возможно, с воплями помчится к хозяину, а ведь Бренна так и не смогла еще понять, стоит ли его опасаться.

— Ну-ка, одевайся и поскорее, — торопила Ярмила, бросив Бренне сорочку из грубой домотканой шерсти. — Гаррик не желает, чтобы ты жила в его комнате. По правде говоря, он совсем тобой недоволен. И неудивительно: у тебя такая злобная рожа, что, пожалуй, еще сглазишь нас!

Бренна пронзила ее взглядом, но не удостоила ответом. Она решила продолжать притворяться, что не знает норвежского языка. Если они будут без опаски говорить в ее присутствии, может, она сумеет узнать что-нибудь полезное. Правда, трудно сдерживаться, когда так и хочется как следует отчитать старую клячу, но придется попытаться.

Ярмила направилась к двери и сделала Бренне знак следовать за ней. Снизу доносился шум разгульного веселья, но они не спустились по ступенькам, а подошли к маленькой каморке по

другую сторону лестничной площадки. Когда Ярмила зажгла несколько светильников с китовым жиром, Бренна поняла, что они находятся в комнате для шитья, почти такой же, как в ее доме. Девушка никогда не проводила там много времени и сейчас с любопытством разглядывала колесо прялки, ковроткацкий станок, деревянные доски для выделывания лент, гребни с длинными зубьями и ножницы. В одном углу были сложены шкуры животных, на полках стояли горшочки с красителями. Это была чисто женская комната, и Бренна окончательно растерялась.

— Гаррик отправился за отцом, но строго-настрого приказал, чтобы ты оставалась в этой комнате и не покидала ее, — объяснила Ярмила, подкрепляя слова жестами. — Мне нужно все подготовить к празднеству, так что я не могу еще и за тобой следить. Вот!

Она подошла к большому станку в углу комнаты с натянутым на нем грубым, наполовину законченным ковром, давая понять, что Бренна должна приняться за работу.

— По крайней мере будет, чем отвлечь тебя от мыслей о побеге.

— Скорее я покроюсь плесенью и сгнию, чем хоть пальцем до него дотронусь, — бросила Бренна на своем языке, пренебрежительно улыбаясь.

— Хорошо, хорошо, — напряженно усмехнулась в ответ Ярмила. — Гаррик, кажется, считает, что я с тобой наплачусь, но, по всей видимости, он ошибался. Принимайся за работу, и все пойдет как по маслу. Ты должна оставаться здесь. Здесь, — строго добавила она, прежде чем уйти, и плотно прикрыла за собой дверь.

Бренна злобно взглянула на станок и презрительно прошипела:

— Ха! Если она думает, что заставит меня выполнять женскую работу, старая кляча навлечет на свою голову столько бед, что опомниться не успеет!

Она начала лениво слоняться по комнате. Найдя несколько широких полосок кожи, Бренна скрутила их так, что получился довольно грубый пояс, и подхватила рубашку, а потом заплела волосы в длинную косу, ниспадавшую до самых бедер, и вместо ленты подвязала еще одним тонким обрывком кожи.

Звуки, доносившиеся снизу, напомнили девушке о доме и тех вечерах, когда отец принимал гостей. И снова ею овладела печаль. До сих пор гнев и ярость оттесняли скорбь, а ужасные сцены похорон отца и кровавой бойни лишь усиливали злобу и бешенство.

— О отец, каким ты был глупцом, — прошептала она. — Ты сам привел их к нам, своим опрометчивым предложением! Хотел спасти нас, но вместо этого погубил навеки.

Нет, она больше не будет плакать! Тоска навсегда останется в ее душе, но она ни словом никому не обмолвится. Слишком много у нее других дел!

Девушка твердо решила, что непременно сбежит. Каким-то образом надо найти способ покинуть эту Богом забытую землю и вернуться домой. Но для этого необходимо время, чтобы разведать пути побега. К тому же Бренна надеялась еще и отомстить и будет более чем счастлива, если добьется того и другого.

И тут она невольно подумала о викинге. Гаррик Хаардрад был для нее загадкой. Он явно не участвовал в преступлении, совершенном его отцом, однако представлял для Бренны большую угрозу, поскольку считал, что владеет ею и может сделать с ней все, что угодно. Правда, ему

еще не известно, что она этого не допустит.

Этот высокий, могучий мужчина не смотрит на нее с вожделием, и такое отношение удивляло девушку, но одновременно и очень устраивало. Если бы только она могла придумать себе подходящее занятие, не мешало бы и остаться тут ненадолго, чтобы выиграть необходимое время. Но что она может делать в этом незнакомом хозяйстве.

Бренна тихо приоткрыла дверь и остановилась в нерешительности. Уйдя из комнаты, она навлечет на себя гнев Ярмиллы. Но ведь всегда можно притвориться, что не поняла приказа, поскольку не знает языка.

Шум снизу стал еще громче. Может, это Гаррик вернулся? Значит, и Ансельм здесь. С каким удовольствием она прикончит этого человека, так же, как он недавно уничтожил ее людей и разграбил дом. Несчастные Фергюс и Уиндхем! А Дунстан, которому так не хотелось сражаться, и милая добрая Элейн, заменившая ей мать! Все они мертвы. Конечно, не от руки самого Ансельма — тот лишь наблюдал за кровавым побоищем, — но ведь именно он всему виной. Кроме того, он разрубил ее драгоценный меч. Впервые в жизни у нее выбили оружие из рук. Да, — Ансельм должен умереть. Она найдет способ, как это сделать.

Бренна вышла в широкий коридор, прикрыв за собой дверь, чтобы никто не заметил, что она покинула комнату, и, увидев в конце коридора еще одну дверь, ведущую наружу, направилась туда. Выйдя из дома, она пристально вгляделась в постройки. Вдалеке сверкали и переливались синевой океанские воды, так, что глазам было больно; слева простирался фьорд, а на противоположном берегу зеленели луга. На правом склоне виднелись поля и рощи, среди которых то тут, то там пестрели маленькие домишки.

Бренна собралась было спуститься к фьорду, чтобы посмотреть, есть ли там корабль. Для побега необходимо судно, но как она сможет управлять им одна? Лучше, наверное, спрятаться на какой-нибудь галере и дожидаться, когда викинги вновь отправятся в набег. Но раньше весны этого не произойдет. Сумеет ли она вытерпеть так долго?

Спустившись по ступеням, Бренна быстро зашагала к зданиям поменьше, расположенным за главным каменным домом. До слуха донеслось конское ржание, и девушка вошла в конюшню, дверь которой была широко распахнута. В стойлах переминались с ноги на ногу четыре прекрасные лошади.

Бренна пришла в восторг. Великолепный вороной жеребец приковал ее взгляд, и девушка, как зачарованная, шагнула к нему, но тут же встревоженно охнула, заметив старика, растирившего коня скребницей.

Старик со стоном выпрямился, прижимая руку к спине. Лицо закрывала густая посеребренная сединой борода. Рыжеватые волосы тоже были почти белыми. Добродушные карие глаза пристально рассматривали ее.

— И кто же ты будешь, девушка? — спросил он на родном языке Бренны.

— Бренна. Бренна Кармахем. Вы работаете здесь? — спросила она, протягивая руку к коню, которую тот сразу же принялся обнюхивать.

— Да, вот уже почти двадцать лет, как ухаживаю за лошадьми, — отозвался старик.

— И никто вам не помогает? Он покачал головой:

— Нет, с той поры, как хозяин забрал с собой почти всех рабов, чтобы продать их на востоке. А за меня много не дадут — слишком стар.

— Ты говоришь о Гаррике? Его называешь хозяином?

— Ну да. Он парень неплохой. Я служил еще его деду.

— Но как можно хорошо отзываться о человеке, который владеет тобой?

— Со мной хорошо обращаются. В Гаррике кровь кипит — не терпится поскорее разбогатеть и проложить свою дорогу в жизни, но он — хозяин справедливый и зря нас не наказывает.

— Это все его лошади? — Бренна решила, что лучше сменить тему.

— Нет, еще с полдюжины пасутся на лугу. А троих позаимствовали приятели Гаррика, те, кто был с ним в плавании, а теперь отправился, чтобы привезти на праздник родичей. Эти же... — Он показал на отдыхающих в стойлах коней. — ..Эти принадлежат Ансельму Хаардраду, только что прибывшему вместе с семьей. Лучшего коня, чем этот, в жизни еще не видел, — продолжая растирать вороного скакуна, добавил он.

— Уж это точно, — с готовностью согласилась девушка, с жадной тоской оглядывая грациозное животное. Очевидно, жеребец только что пробежал большое расстояние.

— Хозяин привез его с собой. Говорит, отыскал в Хедебю. Должно быть, немалых денег стоил!

Бренна кивнула, но мыслями уже унеслась далеко. Так значит, Гаррик уже вернулся с Ансельмом. Несомненно, там и Хьюг, это грубое животное, осмелившееся лапать ее при всех!

Девушка, нахмурившись, подошла к двери конюшни и невесело уставилась на каменный дом. Сколько у нее остается времени? Ищут ли ее уже или Гаррику и в голову не пришло, что пленница может послушаться приказа? Да и стоит ли вообще задумываться о такой, как она? Он ведь ясно дал понять, что не испытывает к Бренне ни малейшего интереса, что она для него ненужное бремя, досадная помеха. Даже Ярмила подтвердила, что Гаррику она не понравилась. Что ж, так даже лучше. Теперь главное — держаться от него подальше и не привлекать внимания других.

Бренна медленно вернулась к старику.

— Как тебя зовут? — спросила она раба, по-прежнему не отходившего от коня.

— Эрин Макки.

— Эрин, ты знаешь такую девушку Джейни? — осведомилась она с легкой улыбкой.

— Знаю. Хорошенькая тихая мышка.

— Где я могу ее найти? Джейни заботилась обо мне все то время, что меня держали взаперти, но я оказалась неблагодарной и теперь хотела бы извиниться.

— Тебя держали взаперти? — полюбопытствовал старик. — А, так значит, ты та самая, о которой столько болтают? Новая...

— Да, — поспешно прервала Бренна чтобы не слышать ненавистного слова «рабыня».

— Теперь тебя освободили?

— Наконец-то, — кивнула Бренна. — Ну так ты мне скажешь, где Джейни?

— Должно быть, в большом доме. Теперь она будет занята день и ночь, прислуживая гостям на пиру.

— О пир. Я и забыла, — нахмурилась Бренна. — И долго он будет продолжаться?

— Да уж не один день, — дружелюбно улыбнулся Эрин.

— Что?!

— Да, — хмыкнул старик, — роду Хаардрадов есть что праздновать! Хозяин вернулся богатым человеком, семья вновь объединилась, родственники встретились — так что для праздника причин хоть отбавляй!

Гримаса отвращения перекосила лицо девушки. Значит, все это время ей придется скрываться? Но почему Гаррик не хочет, чтобы ее видели?

— Можно мне помочь тебе, Эрин? — умоляюще попросила она.

— Нет, это мужская работа. Бренна не осмелилась спорить.

— А ты разве можешь управляться с лошадьми? — Старик поднял брови.

— Конечно! И не хуже тебя, могу поклясться, — тихо продолжала она. — Когда я жила дома, то каждый день ездила верхом... по полям, через ручьи и каменные стены и в лес... Какой свободной чувствовала я себя тогда... — Бренна помолчала, глядя на старика с невыразимой печалью. — Если я буду работать с тобой в конюшне, ты позволишь мне ездить верхом?

— Да, девочка. Ничто не доставит мне большего удовольствия. Но ты должна получить разрешение у хозяина, иначе я ничего не смогу сделать.

— Тогда я поговорю с ним.

— Лучше подожди, пока гости не разъедутся. Хозяин, должно быть, уже выпил немало и наверняка не вспомнит ни твоей просьбы, ни своего ответа.

Бренна, конечно, предпочла бы поскорее покончить с делом, но, скорее всего, Эрин прав.

— Так тому и быть. Я подожду.

— Советую тебе, девушка, держаться подальше от холла, пока не разойдутся гости. Не годится, чтобы тебя увидели.

Серые глаза сверкнули любопытством. Сначала Гаррик приказал ей оставаться в маленькой комнате, теперь старик предостерег, чтобы она не лезла на глаза.

— Но почему? Что во мне такого?

— Бренна, ты девушка красивая, а эти викинги — народ похотливый и всегда высматривают красоток вроде тебя. Хозяин не задумываясь отдаст любую рабыню на ночь тому, кто попросит. Да его друзьям и разрешения не требуется, в округе все знают гостеприимство хозяина.

— Ты, должно быть, шутишь! — воскликнула Бренна.

— Чистая правда, девочка. На одном особенно шумном пиру бедняжку растянули на полу холла перед всеми, а остальные наблюдали.

Глаза Бренны широко распахнулись, в серебристых озерах застыло отвращение.

— И Гаррик позволил такое? — усомнилась она.

— Сам он таких развлечений не любит и наверняка вмешался бы, да только к тому времени допился до того, что уже ничего не соображал. Говорят, положил голову на стол и уснул.

— И все это случилось на самом деле?

— Да, так что поосторожнее, девочка. Не хотелось бы, чтобы и с тобой такое произошло.

— Не беспокойся, Эрин. Я этого не допущу. Старик с сомнением покачал головой и долго смотрел вслед Бренне.

Глава 11

Гаррик восседал во главе длинного стола. Отец устроился по левую сторону, лицом к комнате, мать — по правую. Брат Гаррика, Хьюг, тоже приехал вместе со своей пухленькой женой. Собрались и ближайšie друзья Гаррика, те, кто ходил с ним в плавание. На противоположном конце стола скромно сидел его сводный брат Фейрфлекс.

Гаррик с сомнением разглядывал братьев. Он и Хьюг были похожи, но младший брат напоминал старших лишь глазами, унаследованными от их деда, Ульрика. Фейрфлекс был на год моложе Гаррика, но на добрую голову ниже — мать его, Ярмила, высоким ростом не отличалась.

Между Гарриком и Хьюгом всегда существовало естественное братское соперничество, хотя иногда и перераставшее в серьезные стычки, но все же они любили друг друга и редко ссорились. Фейрфлекса же Гаррик считал добрым приятелем, совсем как Перрина, с которым редко расставался.

Однако между Хьюгом и Фейрфлексом существовала взаимная неприязнь, возраставшая с каждым годом, и, когда они находились в одной комнате, напряжение становилось почти невыносимым. Хьюг ревновал сводного брата к отцу, а Фейрфлекс, со своей стороны, не желал мириться с ненавистью Хьюга.

В отличие от Фейрфлекса, Гаррик сумел снискать благосклонность Ульрика и получить в наследство дом и прилегающие к нему земли. У Фейрфлекса же не было ничего, кроме дома матери и маленькой рыболовной лодки. Просто чудо, что младший брат не ожесточился!

Жизнь Фейрфлекса была нелегкой, и приходилось трудиться с рассвета до заката, чтобы выжить. Гаррик знал, что тот не жалуется и предпочитает скромное существование рыбака грабежам и набегам.

Скальд [2] допел шуточную песню о проделках Локи, развлекая восторженных слушателей ужимками и непристойными жестами. Те ревели от восторга. Даже Ансельм хохотал до слез.

Когда шум немного утих, Элоиза наклонилась поближе к сыну и шутливо прошептала:

— Знаешь, Гаррик, твое повествование о славянском племени было почти таким же интересным, как это. Ты уверен, что немного не приукрасил?

вернуться

2

Скальд — бродячий музыкант и певец у скандинавских народов

— Стыдись, женщина! — проревел Ансельм, услышав слова жены. — Моему сыну ни к чему преувеличивать, как это обычно делаю я!

И сам первым рассмеялся собственной шутке.

— Да уж, у тебя никогда не поймешь, где кончается истина и начинается сказка, — согласилась Элоиза. — И насчет истории с кельтской девушкой. Хотела бы я знать, сколько здесь вымысла, — задумчиво добавила она.

Ансельм мрачно нахмурился:

— Ну уж эту историю мне нет нужды приукрашивать, госпожа!

Гаррик с любопытством оглядел родителей. Он подробно рассказал о своих приключениях, но еще не успел спросить об упрямой девице, которую нашел прошлой ночью в своей постели.

— Ну как девушка, Гаррик? — спросила мать. — Я видела ее вчера, и она по-прежнему была полна горечи и злобы. Даже не хотела поговорить со мной.

— Печально, конечно, но боюсь, она все-таки открыла рот!

— Так тебе довелось испытать на себе силу ее духа? — хмыкнул Ансельм.

— Духа? Скорее уж ослиного упрямства. Так она принадлежит мне?

— Тебе одному.

— Понятно. Только ей это не по нраву, — проворчал Гаррик.

— Я так и думал, — ухмыльнулся Ансельм, отчего сын еще больше помрачнел.

Отец рассказал Гаррику о поимке и пленении Бренны. Эту историю он никогда не уставал повторять, и, хотя остальные почти не слушали, Гаррик не пропустил ни единого слова.

— Но почему же ты отдал ее мне? — спросил он наконец, наполняя кубок из чаши с медовухой.

— Девушка ненавидит меня, поскольку считает виновным во всех своих бедах. Я видел, как она управляется с мечом, и должен признаться, что хотел бы держаться от нее подальше, чтобы не быть постоянно начеку. Мать же твоя, в ее преклонном возрасте, нуждается в тишине и покое, ей уже тяжело справляться с такими буйными созданиями. Правда, Хьюг хотел ее, но, после того как девчонка показала коготки, передумал. Он знал, что я хочу отдать Бренну тебе и поэтому выбрал ее сводную сестру.

— Если она действительно такова, как ты говоришь, — раздраженно нахмурился Гаррик, — к чему она мне? От такой рабыни одни лишь неприятности. Уж лучше ее продать.

— Значит, она тебе не угодила? — Ансельм помрачнел. — Любому мужчине пришлось бы по вкусу такая красавица!

— Ты ведь знаешь, как я отношусь к женщинам, — резко прервал его Гаррик. — А эта ничем от остальных не отличается. Конечно, она ценная собственность. Но какое от нее удовольствие? Нет, она мне ни к чему. — Он медленно покачал головой, не желая признаваться даже себе, что девушка чем-то притягивает его.

Бренна как раз успела вернуться в комнату для шитья, когда дверь снова открылась и вошла молодая женщина с подносом. Растрепанные потускневшие оранжево-красные волосы повисли унылыми прядями, голубые глаза застланы дымкой усталости.

— Джейни?

— Значит, станешь говорить со мной? — удивленно спросила женщина. — А я уже начала сомневаться.

— Прости, — виновато пробормотала Бренна. — Я не хотела срывать злость на тебе. Знаю, что и без того слишком тебя обременяю.

Джейни безнадежно пожала плечами:

— Нехорошо, что Ярмила велела держать тебя связанной. Кого такое не рассердит? Мне все еще приказано приносить сюда еду, хотя ты и на свободе.

Бренна вновь ощутила угрызения совести, ведь маленькая женщина выглядела такой измученной.

— Я бы сама позаботилась о себе, но Ярмила приказала оставаться здесь.

— Знаю, — кивнула Джейни, пытаясь улыбнуться. — Такая красавица обязательно вызовет переполох внизу. Ты, должно быть, умираешь от голода. Ярмила совсем забыла о тебе, да и я тоже только сейчас освободилась. Вот, поешь, это поможет тебе продержаться, пока я смогу принести ужин.

— Ты можешь остаться и немного поговорить со мной? Я хотела поблагодарить тебя за все, что ты для меня сделала.

— Это совсем ни к чему. Мне было велено позаботиться о тебе, но я и так бы все сделала. Мы ведь дочери одного народа.

— Тогда посиди со мной немного.

— Нельзя, Бренна... можно называть тебя Бренной?

И, дождавшись, пока девушка кивнет, Джейни продолжала:

— Внизу слишком много работы. Почти все утро мне пришлось провести в комнате мужчин, — с гримаской пояснила Джейни. — Этим мужчинам все равно, день ли, ночь, лишь бы получить удовольствие!

Бренна ошеломленно смотрела вслед девушке. Неужели Линнет, Корделла и остальные подвергаются тем же унижениям? Неужели и ее вынудят подчиниться... всякому, кто захочет удовлетворить свою похоть?

— Нет! Никогда! — громко воскликнула она, перед тем как усесться на пол с подносом. Только сейчас девушка поняла, как проголодалась, но тревога оказалась сильнее. — Пусть только попробуют!

Тем не менее Бренна с жадностью набросилась на еду, мысленно благодаря Джейни за то, что позаботилась и оказалась единственной, кто вспомнил о ней. На блюде лежали две фазаньих ножки, половина каравая плоского хлеба, щедро намазанная маслом, и маленькая чаша с луком, сдобренным сливками. Еда была великолепной, но питье... Джейни все испортила, принеся всего лишь кружку молока. Молоко! Какая гадость! Она, наверное, считает ее ребенком! Бренна так соскучилась по элю... вино, в крайнем случае, тоже не помешало бы!

Не успела Бренна доесть, как дверь снова открылась и на пороге появился Гаррик Хаардрад, в красивой облегающей тунике и штанах, сшитых из мягкого голубого полотна и отделанных соболем. Широкий золотой пояс с большой пряжкой, украшенной синими камнями, охватывал талию. На груди висел серебряный медальон.

Взгляд Бренны бессознательно скользнул по мощным обнаженным рукам, бугрившимся мышцами под бронзовой кожей. Она вдруг так ясно представила, как эти руки обнимают ее, что сердце встревоженно заколотилось. Но эти запретные мысли быстро улетучились при воспоминании рассказов Корделлы о кошмарах, которые ждут ее в постели с мужем.

Наконец их взгляды встретились, и девушка вспыхнула, заметив легкую усмешку и веселые искорки в глазах Гаррика, от которого не ускользнуло то, как оценивающе она смотрит на него.

— Что ты хочешь, викинг? — резко спросила Бренна, пытаясь скрыть смущение.

— Узнать, улучшилось ли твое настроение.

— Напрасно трудился! — яростно выпалила она, вспомнив все те ужасные вещи, которые слышала об этом человеке. — Так что не стоит больше спрашивать!

Но Гаррика, казалось, совсем не задела ее недобрые слова, он беззаботно улыбался, показывая белые ровные зубы и глубокие ямочки на щеках.

— Рад, что ты послушалась приказа Ярмиллы и начала работать. Уже успела столько сделать? — удивился он, показывая на незаконченный ковер на станке.

Бренна едва не рассмеялась вслух, но, поняв, что Гаррик не шутит, покачала головой:

— Да я бы и палкой к этой штуке не притронулась!

— Почему? — Он мгновенно перестал улыбаться.

— Потому, что это женская работа, — пожала плечами Бренна, продолжая есть.

— Хочешь сказать, что ты не женщина? Бренна окинула его многозначительным взглядом, явно сомневаясь в сообразительности хозяина:

— Конечно, женщина. Просто никогда не занималась женской работой.

— Считаешь это ниже своего достоинства? — ехидно осведомился он.

— Да, — с готовностью подтвердила Бренна. Гаррик, проворчав что-то, покачал головой.

— Говорят, тебя предлагали мне в невесты. Как же ты собиралась править домом и выполнять обязанности жены?

— Я могу вести дом, викинг! — отрезала Бренна, вконец обозлившись. — Тетка научила меня всему. Только я никогда не применяла ее уроки на деле! А что касается невесты... да, так оно и было. Но я хочу, чтобы ты знал, что я с самого начала отказывалась выходить замуж, и считаю ненавистной самую мысль об этом. И согласилась лишь потому, что мой отец дал слово отцу жениха! В отличие от вас, мы уважаем святость клятвы!

Гаррик прекрасно понял, на что намекает девушка:

— Ты во всем винишь меня? Но, поверь, я не участвовал в обмане.

— Я знаю, кого винить, — вскинулась Бренна. — И когда-нибудь он за все заплатит!

Гаррик только улыбнулся. Значит, отец был прав, когда сказал, что Бренна ненавидит его! Судя по вызывающему поведению, можно верить всему, что говорил о ней Ансельм.

Он снова скользнул глазами по девушке. Неужели эта крошка могла ранить викинга? Нет, такого просто не может быть! Эта точеная фигурка создана для наслаждений, а не для битв! И снова он ощутил ее колдовское притяжение и рассердился на себя. Она действительно опасна, не угрозами и гневом, а ослепительной красотой. Гаррик не привык доверять женщинам и брал их, лишь когда потребность становилась чересчур сильной. Обычно же попросту сторонился их и заранее решил, что эта ничем не отличается от остальных.

— Раз ты знаешь, что я не виноват в том, что ты оказалась здесь, почему же срываешь на мне свою злость?

— Ты глупец, викинг, если смеешь спрашивать. Меня силой привезли сюда, а потом являешься ты и объявляешь, что я — твоя собственность. Так вот, ни один мужчина не станет моим хозяином! Ни один!

— Значит, ты опять за свое? — вздохнул он, складывая руки на груди. — Я еще не готов доказать обратное, госпожа, но когда настанет время, ты наверняка узнаешь, кто здесь господин!

Бренна рассмеялась, чувствуя, что его нерешительность позволяет ей остаться победительницей.

— Я уже знаю об этом, викинг. И не подумала бы считать иначе.

Искорки в глазах девушки заставили Гаррика улыбнуться.

— Пока ты не будешь противиться этому, девушка, думаю, мы поладим без лишних споров, — кивнул он и вышел.

Глава 12

Бренна внезапно проснулась от безжалостно мучивших ее кошмаров. Еще не открыв глаза, она вскочила, готовая ринуться в бой. Но тусклый свет, просачивающийся через полуоткрытую дверь, осветил маленькую комнатку, и она, облегченно вздохнув, вновь улеглась на импровизированную постель из меховых шкур.

Что сейчас — утро или ночь? Как могут эти викинги пить столько часов подряд и оставаться на ногах?

Урчание в животе заставило Бренну вновь встать. Неужели она должна умирать с голоду в ожидании того, что наконец о ней вспомнят? Дьявол их поberi! Она сама найдет себе еду!

Девушка решительно выбралась из душной каморки. Она, конечно, не так глупа, чтобы спускаться по внутренней лестнице, ведущей в большой холл, вместо этой она отыскала другую, в конце коридора, а потом пробралась к двери, из-за которой доносились соблазнительные запахи, и осторожно заглянула внутрь. Две женщины, старая и помоложе, вращали вертел со свиной тушей. Джейни снимала караваи плоского хлеба с железного противня и укладывала их в большую корзину, стоявшую на столе. Ярмиллы нигде не было видно, поэтому Бренна неслышно ступая, вошла в узкую длинную комнату. Глаза Джейни расширились при виде девушки.

— Бренна! О Господи, я опять совсем забыла о тебе. Так много дел! Ярмилла с самого утра надавала столько приказов!

— Ничего, Джейни, я все равно только проснулась. Очень поздно?

— Сейчас полдень, и многие гости тоже лишь глаза открывают, — устало пробормотала Джейни, откидывая со лба прядь грязных волос.

— Немудрено, что я ужасно голодна, — покачала головой Бренна, удивленная тем, что проспала так долго. — Никак, это веселье продолжалось всю ночь? — осведомилась она, кивнув в сторону холла, откуда доносились выкрики и пьяные песни.

— Да, — вздохнула Джейни, — ничем их не угомонить! Некоторые перепили и свалились под стол, но большинство предусмотрительно решили немного отдохнуть, прежде чем продолжать пир. Однако есть и такие, которые глаз не сомкнули и все еще поднимают чаши с вином.

— Когда же это кончится?

— Если повезет, завтра. Но тебе лучше поскорее подняться к себе, Бренна. Время от времени мужчины приходят за нами и сюда. Если тебя увидят, дело кончится плохо. Они уже насытились мной и Модьей и просто головы потеряют, увидев новую рабыню, которую еще не попробовали.

— Понимаю, — кивнула Бренна, уверенная, однако, что Джейни преувеличивает. В конце концов, Гаррик ни разу не поглядел на нее с вожделием.

— Я сейчас принесу тебе обед, вот только нарежу мясо.

— Хорошо, — согласилась Бренна и направилась к выходу. Но, как видно, слишком замешкалась: за спиной раздался рев, походивший на рычание дикого зверя. Встревоженная, девушка оглянулась и увидела широкоплечего взлохмаченного гиганта, с топотом мчавшегося к ней. Двое других стояли в дверях холла, смеясь и подзадоривая приятеля.

— Бренна, беги! — крикнула Джейни. Хотя не в натуре Бренны было отступить, здравый смысл подсказывал, что сейчас неподходящее время бросаться в бой, не имея оружия. Кроме того, врагов было трое против нее одной. Девушка рванулась к двери, но как оказалось, потеряла слишком много времени, решая, что предпринять. Викинг, схватив ее за длинную косу, рывком притянул к себе.

— Отпусти меня, язычник проклятый! — взорвалась Бренна. Но тот лишь рассмеялся над бесплодными яростными попытками вырваться. Бренне пришлось закусить губу, чтобы не осыпать его проклятиями на норвежском языке — тогда ее замыслы уж точно потерпят крах. Поэтому она шипела что-то невнятное, пока насильник тащил ее к двери холла, сунув под мышку, словно ненужную вещь. Двое приятелей уже ожидали его, но Бренна успела заметить, что Джейни на кухонной половине больше не было, впрочем, она ничем не могла помочь ей.

— Да, Горм, неплохая добыча тебе досталась! Клянусь, боги сегодня благосклонны к тебе!

— Это, должно быть, новая рабыня Гаррика. Странно, почему он прятал ее до сих пор, — поинтересовался один из них.

Мужчина, державший Бренну, презрительно фыркнул:

— Что спрашиваете, разве сами не видите?

— Нет, просто Гаррику больше не нужны женщины, с тех пор, как Морна так жестоко обманула его.

— Да, но эта какая-то особенная.

— Согласен, Горм. И все же на месте Гаррика я бы воспользовался своей собственностью. Он ведь всегда щедр к друзьям, особенно в отношении рабынь. Зачем ему скрывать от нас такую красоту?!

— Думаю, девчонка сама не хотела выходить, это ясно из того, как она сопротивлялась, видно, не желала, чтобы ее обнаружили!

— Ансельм говорит, что она дерется как викинг.

— Оружием, да только у нее ничего... ой! — вскрикнул Горм, швыряя Бренну на пол и потирая то место на бедре, куда впились ее зубы.

— Да, с мечом в руках она дерется как мужчина, а без оружия — как женщина! — заревел от смеха его приятель.

В одно мгновение Бренна вскочила, но оказалась в кругу троих противников, без всякой защиты. Самый высокий, мрачно нахмурясь, вновь потянулся к ней, но Бренна уже испытала его силу и не хотела снова быть пойманной. Притворяясь, что дрожит от страха, она увернулась от протянутой руки Горма и налетела на другого викинга, ухитрившись молниеносно вытащить у него из-за пояса кинжал, а потом, легко выскользнув из некрепких объятий, отступила, повернув клинок так, чтобы металл сверкнул на солнце.

— Клянусь молотом Тора! Тебя одурачила хитрая девчонка, Байярд!

Викинг, чей кинжал держала в руке Бренна, смерил приятеля убийственным взглядом:

— Ее нужно хорошенько проучить!

— Так сделай это! Лично я не имею ни малейшего желания возвращаться к жене с раной, которую не смогу так просто объяснить!

— Тогда давай вместе! Я вырву кинжал, а ты держи ее! Какие дураки! Эта болтовня лучше всякого оружия! По крайней мере она успела подготовиться и знает, чего ожидать!

Девушка подняла клинок, и, когда Байярд прыгнул на нее, быстро опустила оружие и нанесла рану чуть повыше пояса — узкий разрез в тунике мгновенно побагровел.

— Это за твои труды, свинья, — презрительно бросила она Байярду, направив одновременно острие ножа на Горма, Злоба на их лицах заставила девушку подобраться и насторожиться. Теперь она медленно отступала, однако волей-неволей остановилась, столкнувшись с третьим викингом. Слишком поздно Бренна поняла свою ошибку. Она оказалась в холле, и теперь целая толпа противников окружала ее. Поспешно повернувшись, прежде чем стоявший сзади успел дотянуться до нее, Бренна ступила на открытое пространство.

В холле стояла мертвая тишина. Глаза Бренны перебежали с одного ошеломленного лица на другое. Никто не пошевелился, если не считать Горма и Байярда, намерения которых, очевидно, были отнюдь не добрыми. Если они набросятся на нее сразу, все погибло. Однако не одному придется заплатить жизнью за оскорбление, и, по крайней мере, она сумеет отомстить.

В эту минуту Бренна была на высоте положения: не впала в панику, как сделали бы многие, оставшись в одиночестве среди врагов. Когда какой-то вдребезги пьяный гость, глупо ухмыляясь, похлопал ее по ягодицам и пробормотал непристойную шутку, девушка хотела было броситься на него, но вместо этого лягнула его с такой силой, что он опрокинулся на спину. Потом снова повернулась лицом к противникам, которые воспользовались моментом, чтобы придвинуться ближе.

Присутствующие неожиданно разразились громким хохотом при виде такого позора. Напряжение немного рассеялось, викинги обменивались замечаниями относительно ловкости Бренны. Многие уже знали ее и видели, что пленница вновь готова ринуться в бой. Любопытство пересилило вражду, к тому же мужчины успели заметить, что туника Байярда залита кровью.

— Прекрасное развлечение, Байярд! — раздался оглушительный вопль Ансельма, перекрывший шум. — Ты в самом деле считаешь разумным вооружать рабов?

При этом ехидном намеке Байярд густо покраснел и, поскольку Ансельм намного превосходил его знатностью и богатством, предпочел отделаться шуткой:

— Нет, конечно, но нужно же было хоть как-то оживить праздник! Многие уже засыпали вместо того, чтобы продолжать пить!

Последовали язвительные выкрики, и Бренна настороженно наблюдала, как двое противников, по всей видимости, оставив задуманное, скрылись в толпе. Девушка повернулась в направлении голоса, который так легко узнала, и ее дымчато-серые глаза загорелись от ненависти. Она сразу заметила Ансельма, сидевшего на углу длинного стола. Взгляды их встретились, и Бренне потребовалось собрать все свое мужество, чтобы не завопить от ярости и не кинуться на врага, как дикий зверь на добычу.

— Брось кинжал, Бренна.

Тело девушки напряглось, но рука только крепче сжала рукоятку.

— Нет, он теперь мой!

— Но что это даст тебе? — удивилась Элоиза.

— По крайней мере поможет защититься от грязных лап этих животных, — отрезала Бренна, снова оглядевшись, прежде чем сунуть нож за пояс.

— Наверное. Только Гаррик вряд ли позволит тебе сохранить оружие.

Глаза Бренны зловеще сузились, рука вновь потянулась к клинку.

— Тогда он очень пожалеет об этом! — резко бросила она и, кивнув на Ансельма, добавила:

— Скажи от меня мужу, что я вызываю его на поединок. Он может даже выбрать оружие, я одинаково искусно обращаюсь с любым!

— Нет, Бренна. Я не стану этого говорить. — Элоиза, вздохнув, покачала головой.

— Но почему? Ты же скажешь это от моего имени, а не от своего.

— Викинги не сражаются с женщинами. Это бесчестное деяние.

— Но я должна видеть его мертвым! — вскричала Бренна в отчаянии. — Я не привыкла прятаться от врага и хочу встретиться с ним в честном бою! Пусть выйдет против меня!

— Он не станет делать этого, девушка. И, поверь, Ансельм знает, как ты к нему относишься!

— Но этого недостаточно! Неужели ты не понимаешь, что моя жизнь разбита, и во всем виноват твой муж! Мои люди мертвы из-за него, люди, с которыми я выросла, делила хлеб, заботилась и защищала! Муж моей сестры... погиб! У нас в замке жил норвежец... — Она поспешно замолчала, чтобы не выдать слишком многого. — Он был моим другом и пал от меча викингов. А моя служанка, старая женщина, любившая меня как мать... — Бренна повысила голос, не в силах сдержать скорбь. — Она рухнула с лестницы, с топором в спине. За что? Она никому не сделала зла. Если викинги не сражаются с женщинами, почему погибла Элейн?

— Мужчины иногда в набегах теряют голову и не знают, что делают, — печально ответила Элоиза. — Много невинных гибнет при этом, и, конечно, это большое несчастье, когда так случается. Потом остается только сожалеть. Поверь, Ансельм тоже не рад содеянному.

Бренна с недоверием уставилась на женщину:

— Но при этом держит в рабынях моих сестру и тетку.

— И тебя тоже?

— Нет, я ни перед кем не склонюсь.

— Со временем покоришься, Бренна.

— Сначала умру!

Взрыв ее гнева, вновь заставил всех присутствующих в холле замолчать. Никто не понимал

слов Бренны, но ее ярость была очевидна, и Хьюг Хаардрад придвинулся поближе, опасаясь за жизнь матери.

— Она угрожает тебе, мама?

— Нет, она гневается на твоего отца.

— Не доверяю вооруженному рабу, особенно этой, — мрачно проворчал Хьюг. — Отвлеки ее внимание, а я зайду сзади.

— Нет, Хьюг, оставь ее, — приказала Элоиза. — Сейчас девушка готова сразиться. И рвется в бой.

— И что? Какие у нее шансы? — рассмеялся Хьюг.

Бренна пронзила его убийственным взглядом. Именно этот человек осмелился лапать ее, связанную и беспомощную, своими мерзкими руками.

— Свинья! — прошипела она, плюнув на пол у его ног.

Лицо Хьюга исказилось бешенством, рука поднялась сама собой, чтобы нанести удар:

— Ах, ты...

— Хьюг, прекрати! — потребовала Элоиза. Но Бренна уже успела выхватить нож из-за пояса, и вытянув руки, приняла боевую стойку. На губах играла вызывающая ухмылка.

— Сука! — заревел Хьюг. — Ее счастье, что я не выбрал ату дикую кошку, иначе она давно бы уже сдохла! И, судя по виду, он испытывает то же самое, — добавил он, кивнув на дальний конец холла.

Обернувшись, Бренна увидела Гаррика, стоявшего в двери, через которую она пробралась на кухню. Лицо его было темнее ночи, в глазах плескалась ледяная ярость. Как долго он простоял здесь? Сколько успел услышать?

Позади Гаррика маячила Джейни, беспокойно озираясь. Очевидно, именно она привела его. «О Джейни, Джейни! Думала помочь, но, боюсь, навлекла на мою голову новые беды!» — простонала про себя Бренна.

Гаррик приблизился к ней, медленно, с угрожающим видом, но, подойдя ближе, спросил у матери по-кельтски, не обращая при этом никакого внимания на Бренну:

— Что она здесь делает?

— Спроси меня, викинг! — огрызнулась Бренна, но Гаррик только холодно оглядел ее.

— Твои приятели, Горм и Байярд, погнались за ней, Гаррик, — поспешно объяснила Элоиза.

— А кинжал?

— Она выхватила его у Байярда, — Я, кажется, прекрасно могу объясниться за себя! — рассерженно вмешалась Бренна.

— Не сомневаюсь, девушка, — сухо бросил Гаррик. — Поэтому скажи, как случилось, что тебя

нашли? Не верю, что мои друзья забрели в комнату для шитья.

— Я спустилась вниз.

— Но тебе было приказано не выходить, — резко напомнил он.

— Значит, намереваешься уморить меня голодом? — негодуя осведомилась она, чувствуя, как к горлу подкатывается тугий комок. — Никто не принес мне поесть, поэтому я решила сама отправиться на кухню.

Лицо Гаррика едва заметно смягчилось.

— Прекрасно. Все произошло из-за того, что о тебе забыли. Но это не дает тебе права воровать оружие, госпожа!

— Я сделала это только, чтобы защититься!

— От кого? — удивился Гаррик. — Никто не причинит тебе зла.

— Возможно, однако намерения у них были недобрыми, уж это точно!! — огрызнулась Бренна.

— Но то, что они собирались сделать, позволительно в этом доме! — объяснил Гаррик, насупив брови.

— Значит, ты разрешил бы им овладеть мною?

— Конечно! Я не запрещал друзьям развлекаться и прежде и не собираюсь делать этого сейчас.

— Тогда почему ты велел мне скрываться от всех? — Бренна в очевидном недоумении распахнула глаза.

— Хотел дать тебе время привыкнуть к новой жизни, — как ни в чем не бывало бросил Гаррик, словно ожидая, что она оценит такую предусмотрительность. — И по-прежнему намереваюсь подождать, пока ты не смиришься.

Девушка пренебрежительно оглядела его потемневшими от гнева глазами:

— Ты снова показываешь себя последним дураком, викинг, поскольку я никогда не привыкну к той жизни, которую ты хочешь навязать мне. И не стану шлюхой для твоих приятелей.

По всему было видно, что Гаррик едва сдерживается.

— Думаю, девушка, настало время показать, кто здесь хозяин!

— Нет, Гаррик, не надо! — вмешалась Элоиза. — Не перед всеми!

Она сказала это по-норвежски, уверенная, что Бренна не понимает ни слова.

— Ее нужно проучить, — резко ответил он.

— Да, только с глазу на глаз, сынок! С ней нельзя обращаться как с остальными рабами, гордость ее слишком велика.

— Гордый дух можно сломить, госпожа.

— И ты поступишь так, с этим великолепным созданием?

— Почему ты принимаешь ее сторону, мать? — Гаррик задумчиво склонил голову набок. — Надеешься, что я буду терпеть ее капризы и выходки?

— Нет, просто чувствую, что-то вроде родственной связи с девушкой, — призналась Элоиза. — Когда-то я испытывала почти то же, что и она. Но меня завоевали любовью.

— Что же ты тогда предлагаешь?

— Можешь попробовать победить ее добротой, сын, — тихо предложила Элоиза.

— Нет, это не по мне, — покачал головой Гаррик.

— Было время, когда ты не был столь жесток, Гаррик. Неужели Морна убила в тебе душу? Прости меня, — поспешно добавила она, видя, как сузились глаза сына. — Но эта девушка — не Морна. Разве ты не можешь быть хоть немного терпимее... ради нее?

— Она принадлежит мне?

— Д-да... — нерешительно подтвердила мать.

— Тогда предоставь мне обращаться с ней так, как я считаю нужным.

Бренна едва не лопалась от злости. Ей с каждой минутой становилось все труднее не вмешаться, понимая, что речь идет о ней самой. Гаррик уже показал себя холодным, бессердечным врагом, и по крайней мере теперь она знала это.

— Отдай нож, госпожа, — приказал он, окинув ее ледяным взглядом.

Тон его не допускал возражений, однако Бренна отчаянно затрясла головой:

— Нет, попробуй-ка отнять его у меня!

— Гаррик, ради Бога, оставь пока кинжал у нее! — умоляюще пробормотала Элоиза. — Неужели ты рискнешь получить новую рану?

— Клянусь Тором! — взорвался Гаррик. — Ты, мать, сильно переоцениваешь ее, как, впрочем, и она себя! Девчонке не под силу справиться с мужчиной!

— Пожалуйста, Гаррик!

В нем боролись самые противоречивые эмоции, но в конце концов материнские мольбы победили воинственные инстинкты.

— Пойдешь со мной по доброй воле? — Он повернулся к Бренне, стоявшей с вызывающим видом.

— Да, — кивнула она, зная, что победила и на этот раз. — Я хочу поскорее покинуть это место.

Гаррик сделал ей знак идти вперед, и девушка, гордо вскинув голову, не глядя по сторонам, направилась к лестнице, сунув за пояс кинжал, в уверенности, что больше никто не осмелится

и пальцем ее тронуть.

Но когда она добралась до верхней площадки и хотела повернуть налево, Гаррик остановил девушку и подтолкнул к своей комнате. Пленница не возражала, по крайней мере в его покоях — мягкая постель.

Однако стоило Бренне переступить порог, как Гаррик, мгновенно подхватив ее одной рукой, оторвал от пола, а другой вытащил похищенный у Байярда кинжал. Затем он с такой силой оттолкнул ее, что девушка, перелетев через всю комнату, рухнула на холодные плиты.

— Мне нужно было сделать это еще внизу, — зарычал он, — чтобы показать тебе твое место!

— Лгун, — прошипела Бренна, поднимаясь. — Предатель! Побоялся сразиться, когда я была готова к поединку! Напал из-за спины, как жалкая трусливая свинья!

— Осторожно, девушка, — зловеще процедил Гаррик. — Или получишь порку, которой давно заслуживаешь!

— Значит, к тому же еще; и бьешь незащищенных женщин! Есть ли предел твоей подлости?

— Не незащищенных женщин, госпожа, — строптивых рабов! — в бешенстве прорычал Гаррик. С диким воплем Бренна ринулась на него.

— Стой смирно, девушка, если дорожишь жизнью! Но Бренна не обратила внимания на его слова, полная решимости прикончить викинга. Наверное, произошла бы схватка, но тут с постели донеслось злобное рычание. Бренна с опаской повернула голову и увидела огромную белую овчарку, свернувшуюся на кровати и скалившую зубы.

— Ударь ты меня хоть раз, госпожа, и он вцепился бы тебе в горло.

— Отзови его, — боязливо шепнула Бренна, смертельно побледнев.

— Ну уж нет! Пес — именно то, что нужно, чтобы держать тебя в узде, — ответил Гаррик, скривив губы.

— Ты не можешь оставить меня с ним! — Бренна, почти обезумев, уставилась на него.

— Он не причинит тебе зла, если будешь вести себя смирно.

Гаррик пошел было к выходу, но остановился.

— Мы еще не переспали с тобой, Бренна Кармахем, но когда это произойдет, думаю, получу настоящее наслаждение!! — Он весело ухмыльнулся.

— И я тоже, викинг! — зло вскинулась Бренна, забыв на секунду о собаке. Он от души расхохотался.

— Охраняй ее, пес, — приказал он, взглянул на животное и, снова усмехнувшись, закрыл дверь, оставив девушку и зверя одних.

Глава 13

Холодный ветер, врывающийся через балконную дверь, разбудил Бренну. Девушка вздрогнула

и поспешно подобрала босые ноги под сорочку. Она уже свернулась клубочком и снова прикрыла глаза, когда слышались чьи-то шаги, и Бренна подняла голову. Рядом с кроватью стоял Гаррик с большим, наполненным едой подносом. Приказав овчарке выйти, он захопнул ногой дверь и поставил поднос на стол.

— Что ты имеешь против свежего воздуха, госпожа? — осведомился он, не глядя на нее и пошире распахивая балконную дверь.

— А что имеешь ты против тепла? — беззаботно огрызнулась она. Но Гаррик неожиданно расплылся в улыбке:

— Боюсь, девушка, что зимой ты погибнешь, если считаешь холодной такую прекрасную погоду!

Бренну снова охватил озноб. Как она сможет вынести зиму? Здесь, далеко на севере, длинные безрадостные месяцы... ничего похожего на те, которые доставляли такую радость дома! Неужели Уиндхем и Гаррик говорили правду, и за все это время ни разу не выглянет солнышко, чтобы растопить снег?

— Поешь, госпожа, — предложил Гаррик, подвигая к столу два стула с высокими спинками.

— Твои гости наконец разъехались? — осведомилась она, вкладывая в слово «гости» все отвращение и презрение, которые испытывала к этим людям.

— Да, и в доме опять стало тихо и мирно. Сейчас мы поедим, а потом побеседуем.

— О чем это? — насторожилась Бренна.

— О тебе и твоей новой жизни. Самое время. Хочу объяснить, что тебя ожидает.

О Боже! Кажется, грядет очередная схватка, а она еще от предыдущей не опомнилась! Неужели отныне придется постоянно мериться силами с этим человеком? У Бренны не было ни минуты покоя с тех пор, как умер отец, а ей так хотелось хоть немного отдохнуть душой!

Вздохнув, Бренна уселась напротив Гаррика за маленький стол. Оказалось, он принес две большие чаши с обычным завтраком — жидкой овсянкой. Кроме этого, на подносе оказались подогретые остатки вчерашнего фазана и каравай плоского ячменного хлеба. Но, потянувшись за кружкой, Бренна снова обнаружила в ней теплое молоко и не смогла сдержать гримасу отвращения.

— Интересно, за кого меня принимают, если поят молоком, словно грудного младенца? — взвилась она, гневно глядя на Гаррика.

— Но я и себе принес молока, госпожа. Мы всегда пьем по утрам молоко. Это напиток здоровья.

— Ненавижу молоко! — огрызнулась девушка. — Неужели здесь женщинам не дозволяется пить вино или медовуху?

— Дозволяется, только не рабыням. — Гаррик с язвительной усмешкой чуть откинулся назад.

Бренне неудержимо захотелось выплеснуть молоко ему в физиономию, чтобы стереть проклятую ухмылку. Интересно, что он тогда запоеет?

Но девушка тут же передумала, решив, что это хорошо для нее не кончится, и с жадностью принялась за еду. Скорее бы доесть и избавиться от Гаррика.

Викинг молча наблюдал за пленницей, подмечая покрасневшие щеки и сверкающие глаза. Да, не много нужно, чтобы она вновь вспыхнула и набросилась на того, кого считает врагом! Одного упоминания о ее новом положении вполне достаточно. Никогда еще он не встречал такой гордой и высокомерной женщины. Он и сам уже не был уверен, стоит ли благодарить богов за то, что послали ему в дар такую строптивицу.

Гаррик вспомнил, как впервые увидел ее. Тогда Бренна спала на его постели, свернувшись клубочком, и во сне лицо ее было таким по-детски невинным, а красота — не поддающаяся описанию. Но потом... внизу... с кинжалом в руке... сплошное яростное пламя, бешеная ненависть. Даже теперь он не мог не восхищаться ее прелестью, огненными искрами в глазах, румянцем, горевшим на щеках...

Гаррик не мог не признать, что возмущен до глубины души тем, как дерзко спорила она с его матерью. Правда, после ее рассказа о том, сколько страданий выпало на долю девушки, гнев исчез, но тут же вновь закипел, когда она начала угрожать Хьюгу.

Подумать только, его собственная рабыня осмеливается дерзить господам! А мать, родная мать, защищает негодницу и не дает задать ей порку, которой та, несомненно, заслуживает! Однако, может, хорошо, что Элоиза была рядом, иначе Гаррик, вне себя от бешенства, мог искалечить девушку, в чем потом бы жестоко раскаялся.

— Ну так что, теперь ты собираешься объявить мне свои условия?

Кокетливая интонация заставила Гаррика невольно улыбнуться, и на щеках вновь появились ямочки;

— А ты станешь их выполнять?

— Сначала послушаю, а потом решу, — ответила она бесстрашно.

— Хорошо, — кивнул Гаррик, откинувшись на спинку стула. — Начать с того, что ты не будешь больше закатывать таких сцен, как сегодня утром.

— Я не закатываю сцен, викинг, просто высказываю свое мнение.

— Слово «викинг» в твоих устах звучит проклятием, госпожа. Я не потерплю больше такого.

— Не дождешься, чтобы я называла тебя хозяином! — с омерзением прошипела Бренна.

— Согласен, но у меня есть имя, и неплохо бы время от времени вспоминать об этом!

— Как и у меня, но я ни разу не слыхала, чтобы и ты о нем вспомнил!

— Ладно... Бренна, — усмехнулся он.

— Вижу, с тобой не так трудно договориться. — Она сухо улыбнулась.

— Разве? На твоём месте, я бы подождал, пока разговор не будет закончен, — отозвался Гаррик, со странным сожалением наблюдая, как гаснет эта столь редкая улыбка. — Кроме того, — властно продолжал он, — Ярмила предложила поселить тебя вместе с двумя молодыми женщинами, Джейни и Модьей, в маленьком домике позади конюшни. Там ты

будешь ночевать и проводить свободное время. Согласна?

— Да.

— Прекрасно. Обязанности твои будут такими же, как и у остальных рабынь. Станешь помогать готовить, убирать дом, стирать, доить коров и молоть зерно. Работы не так уж много, потому что хозяйство мое скромное и служить нужно мне одному. Ярмила объяснит, что делать, а в ее отсутствие всегда можешь обратиться к Джейни. И, поскольку у меня нет жены, иногда придется чинить старую одежду и шить новую.

— Это все? — сдержанно осведомилась Бренна.

— Да. Маленьких детей здесь нет, и не скоро будут, поскольку я не собираюсь жениться. Так что остается угодать только мне, — поспешно заверил Гаррик, решив уже, что никаких споров не возникнет.

— Но все это женская работа.

— Конечно.

Девушка пристально смотрела на него, стараясь сохранить спокойствие:

— Ты был прав, когда сказал, что мне стоит приберечь свои выводы до конца беседы, поскольку, если ты не предлагаешь мне иного выбора, между нами никогда не будет согласия.

— Ты отказываешься повиноваться? — Гаррик нахмурился.

— Я уже говорила, что женская работа не для меня, — бросила Бренна свысока. — И я никогда не буду заниматься ничем подобным!

— Будешь! — Гаррик резко подался вперед, сузив глаза, подавляя нарастающий гнев.

— Нет, викинг! Ни за что!

Короткое перемирие кончилось. Надвигалась гроза.

— Я даю тебе еду и одежду! Дом, в котором ты спишь, — мой! — взорвался он, вскакивая. — И если ты не будешь отрабатывать свое содержание, госпожа, то какая мне от тебя польза?!

— Я могу отрабатывать свое содержание! — ответила она, на удивление спокойно.

— Каким-образом?! Если ты имеешь в виду мою постель, забудь об этом!

— Не волнуйся, уж этого наверняка не произойдет! Нет, просто Эрин позволил мне помогать ухаживать за лошадьми, если ты дашь разрешение.

— Когда это ты успела поговорить с Эрином? — Гаррик нахмурился.

— В день твоего возвращения.

— Но тебе было приказано оставаться в комнате для шитья!

— Я не привыкла бездельничать, викинг! — с жаром воскликнула девушка. — И подчиняться глупым приказам!

— Ничего, скоро научишься! А что касается работы с Эрином, об этом не может быть и речи!

— Но почему? Если я должна содержать себя, что может быть лучше? Лошадей я знаю так же хорошо, как и воинское искусство, и не против того, чтобы чистить стойла, как не раз делала раньше. Если же этого недостаточно, я могу охотиться. Дома именно мне поручалось привозить мясо для стола!

— Существует ли предел твоим талантам? — язвительно осведомился Гаррик.

— Нет! — неожиданно расплылась в улыбке Бренна. — Если у тебя есть враг, могу прикончить его!

— Ты просто удивительная девушка, — задыхаясь от смеха, еле выговорил Гаррик. — Неужели ты действительно всерьез разыгрываешь из себя мужчину?!

Бренна съежилась под издевательским взглядом.

— Но я ничего не могу поделать с собой, — срывающимся голосом пролепетала она. — Так меня воспитали.

— Ну а здесь тебе придется вести себя по-другому, госпожа.

— Так ты не согласен?

— Ни за что! Будешь работать по дому. Бренна гордо выпрямилась, расправив плечи и вызывающе выдвинув подбородок.

— Тогда у меня нет иного выбора, кроме как покинуть твой дом.

— Что?! — не веря своим ушам пролепетал Гаррик.

— Ты слышал меня, викинг. Поскольку я не желаю делать то, что ты приказываешь, а ты не позволяешь заниматься привычной для меня работой, значит, как уже было сказано ранее, от меня нет никакой пользы. Поэтому мне лучше уйти отсюда.

— Нет, девушка, это невозможно. — Гаррик медленно покачал головой. — Ты опять забываешь, что больше не вольна поступать, как вздумается, теперь ты принадлежишь мне.

— Ты, болван безмозглый! — взорвалась Бренна, яростно сверкнув глазами. — Думаешь, что сумеешь остановить меня?!

Гаррик оцепенел от бешенства. Поразительно, как долго он сумел вытерпеть ее ослиное упрямство, эту дерзость!

— Если попробуешь скрыться, госпожа, каждый викинг в округе будет рад отправиться на охоту за такой добычей! Тебя поймут, выпорют и в довершение всех бед посадят в холодную — на всю жизнь!

— Пусть сначала попробуют отыскать! — расхохоталась Бренна.

— Я много вытерпел от тебя, — ледяным тоном предупредил Гаррик. — Довольно! Пора тебе наконец понять, что значит быть рабыней, чьей-то собственностью!

Бренна невольно взглянула на закрытую дверь, но упрямство и гордость помешали ей

попытаться сбежать. Может, удастся выхватить кинжал из-за пояса Гаррика и наконец отомстить.

— Что ты имеешь в виду, викинг?

— Для начала хорошую трепку, — ответил он, шагнув к ней.

Гаррик не ожидал, что Бренна попытается убежать, и поэтому она легки застала его врасплох. Бросившись вперед, она внезапно нагнулась и легко проскользнула под его рукой. Выругавшись, Гаррик повернулся, чтобы схватить ее, но остановился как вкопанный: перед глазами блеснуло лезвие кинжала.

При виде недоуменного лица противника, девушка рассмеялась;

— Что скажешь, викинг?

— Немедленно отдай кинжал! — угрожающе проревел он.

— Подойди и возьми! — усмехнулась Бренна.

— Отдай, не то хуже будет!

— Осторожнее, викинг, — издевательски осклабилась Бренна. — Твоего пса здесь нет, и защитить тебя некому!

С тихим, леденящим душу рычанием Гаррик ринулся на нее. Бренна держала клинок перед собой, стараясь не убить противника, а лишь заставить держаться подальше. Конечно, он заносчивое грубое животное, однако зла ей пока не причинил. Она жаждала крови, но не его, а Ансельма.

Молниеносным броском Гаррик оказался рядом и начал выворачивать руку, державшую нож. Боль была невыносимой, перед глазами мелькали искры, но Бренна, закусив губу, стойко держалась, ухитрившись при этом перехватить кинжал таким образом, что острие вонзилось в плечо Гаррика. Тот от неожиданности разжал пальцы. Несколько мгновений девушка смотрела на рану, из которой капала кровь, но, поняв, что это всего-навсего незначительный порез, пожала плечами. Воспользовавшись заминкой, Гаррик успел вновь безжалостно сжать ее ладонь. Кинжал, звеня, покатился по полу. Сильная пощечина оглушила Бренну. Девушка потеряла равновесие и едва не упала.

Из рассеченной губы сочилась багровая струйка. Бренна медленно вытерла кровь, не сводя с врага вызывающего взгляда. В глазах не было страха и мольбы — лишь гордое неповиновение.

— Твоя взяла, викинг. Можешь убить меня. Гаррик, не отвечая, долго смотрел на пленницу. Гнев почему-то почти испарился. Бренна не шевельнулась, когда он снял тяжелый пояс и взвесил на руке, только во взгляде загорелась жгучая ненависть.

Но тут он внезапно уронил пояс на пол. Девушка, недоуменно хмурясь, увидела, что Гаррик избавился и от туники, а когда он нагнулся, чтобы отстегнуть кожаные подвязки от штанов, испуганно охнула:

— Что ты делаешь?

— Раздеваюсь. — Жесткая усмешка искривила губы Гаррика.

— Собираешься избить меня голым? — неуверенно спросила она, широко распахнув глаза.

— Нет, госпожа, — холодно объяснил он, стягивая сапоги из мягкой кожи. — Я решил разделаться с тобой по-другому.

— Но как?

— По-моему, это очевидно! — Густые брови слегка приподнялись. — Я покорю тебя единственным верным способом, которым мужчина берет верх над женщиной, — овладею тобой!

Девушка непонимающе уставилась на него, не в силах до конца осознать смысл его слов. Впервые в серых глазах мелькнул неподдельный ужас. С лица сбежала краска. Бренна невольно подалась назад. Смертельная паника охватила ее. Этого не должно было случиться! Все говорили, что он ненавидит женщин! Байярд сказал, что Гаррик к ней и пальцем не притронется! И, кроме того, он никогда не смотрел на нее с вожделием, как остальные мужчины! Перенесет ли она пытки, которые так красочно расписывала Корделла? И неужели опозорит себя криками и мольбами о пощаде? Ведь Бренна не знает, какие муки уготовил ей викинг!

Гаррик был окончательно сбит с толку. Чего она так испугалась? До сих пор мужество ни разу не изменило девушке. Она вынесла все испытания не моргнув глазом, ожидала жестоких побоев, а теперь трясется при мысли о том, что ляжет в постель к мужчине!

Столь разительная перемена не поддавалась объяснению. По вызывающему поведению и чисто мужской стойкости Бренны можно было предположить, что никакая боль не заставит ее сдаться. Но то, что происходит с ней, нельзя отнести за счет решимости Гаррика унижить девушку, ведь не в ее характере отступать перед испытаниями.

— Неужели я наконец нашел способ укротить тебя? — тихо, но с любопытством осведомился он.

— Я не животное! И не нуждаюсь в укрощении!

— Нет, ты рабыня, чья дерзость не имеет границ, — мягко напомнил Гаррик.

— Но ты не хочешь меня, викинг! Тогда к чему все это? — приглушенно пробормотала она. Гаррик задумчиво оглядел девушку:

— Согласен, женщины мне ни к чему. Я беру их только, когда тело мое испытывает нужду в плотских утехах. И красивые девушки совсем не привлекают меня, как раньше. Но, судя по всему, это единственный способ, которым можно сломить твое упрямство.

Он шагнул вперед, и лицо Бренны побелело еще больше. На мгновение она застыла в оцепенении, но, опомнившись, ринулась к лежавшему на полу кинжалу. Только Гаррик на этот раз был начеку. Схватив девушку, он прижал ее к себе, прежде чем она успела добраться до оружия. Бренна вырывалась словно пойманный зверь, знающий, что смерть близка. Острые ногти впились в каменно-твердую грудь, но Гаррик лишь весело рассмеялся:

— Теперь тебе нечем драться. Конечно, можешь помериться со мной силами, но сама знаешь, кто выйдет победителем.

Вместо ответа она впилась зубами в его руку, и Гаррик, вскрикнув от неожиданности, ослабил

хватку. Бренна попыталась метнуться к двери, но он успел схватить ее за подол сорочки. Девушка хотела было вырваться, но ветхая ткань затрещала, и она оказалась обнаженной до пояса. Гаррик вновь притянул Бренну к себе. Она повернулась, и сжатый кулак едва не врезался ему в лицо. Гаррик безжалостно сжал ее руку и завернул за спину.

— Отпусти меня! — истерически вскрикнула Бренна.

— Ну уж нет!

Бренна решила униженно умолять, но, взглянув на викинга, заметила, что глаза его загорелись наконец страстью. Он прижался к ней всем телом, и она ощутила силу его желания. Ужас, охвативший девушку, лишил ее способности сопротивляться, и она могла только слабо уклоняться от поцелуев. Наконец Гаррик, потеряв терпение, сжал ее подбородок огромной ладонью и наклонил ее голову назад, но, прежде чем их губы встретились, Бренна вцепилась в его золотистую гриву и резко дернула.

— Клянусь Тором, девушка, — прорычал он, — ты сопротивляешься, словно еще не потеряла невинности!

— Так и есть, — прошептала она, уткнувшись носом ему в плечо и морщась от боли в руке, которую он все еще не выпускал. Гаррик недоуменно оглядел темноволосую макушку с длинной черной косой, сползавшей, словно змея, по стройной спине, и слегка разжал пальцы, хотя по-прежнему стискивал девушку в объятиях.

— Не могу поверить, чтобы люди моего отца не попытались овладеть тобой!

— Они не посмели, — спокойно объяснила она, моля Бога, чтобы теперь Гаррик передумал. — Ансельм запретил приближаться ко мне.

— Так вот почему ты боишься меня! — Громкий смех неожиданно наполнил комнату.

— Только не тебя, викинг!

— Боишься, — парировал он, смягчившись. — Потому что именно я стану тем, кто первым овладеет тобой. Но не бойся, Бренна, я буду нежен, если окажется, что ты и в самом деле девственна.

Он подхватил девушку, но та, окончательно потеряв голову и обезумев от страха, рвалась и брыкалась, так что Гаррику с величайшим трудом удалось добраться до постели. Бросив Бренну с размаху на кровать, он всем телом придавил ее к перине. Девушка сопротивлялась, пытаясь освободиться от огромной тяжести, и царапала ему спину, пока Гаррик не поймал ее руки.

— Почему ты не хочешь сдаться, девушка? Я же сказал, что буду нежен!

— Лжешь! — вскричала она, безуспешно пытаясь освободиться. — Еще одна хитрая уловка, чтобы сломить меня!

— Лежи спокойно! — резко велел он, когда острое колено едва не врезалось ему в пах. — Ты готова вытерпеть боль от побоев и трясешься при мысли о том, что дарит лишь наслаждение!

— Твои лживые слова не заставят меня покориться! — выдавила Бренна. — Я знаю, какие пытки придется вынести в твоих объятиях!

— Пытки? — пробормотал Гаррик, глядя в полные ужаса серебристые глаза, не понимая, какие демоны овладели ее разумом. — Но скоро истина откроется тебе, госпожа.

Он слегка отодвинулся от нее, и Бренна с облегчением решила, что викинг и в самом деле передумал. Но оказалось, что она ошиблась, поскольку в следующее мгновение ее пояс оказался развязанным, а сорочка отброшена на пол. Девушка тихо застонала от унижительного осознания своей наготы, открытой жадному мужскому взору. Этот человек так откровенно разглядывал ее тело, что Бренна невольно закрыла глаза.

— Так значит, это тело ты скрывала от всех? — хрипло пробормотал он. — Я-то думал, что ты во всем похожа на мальчишку, и не ожидал увидеть все эти совершенные изгибы и выпуклости! Да, ты действительно женщина, гордая и прекрасная. Никогда не видел такой красоты... подумать только, что все это принадлежит мне!

Бренна мгновенно вскинулась, распахнув глаза;

— Перестань молоть вздор, викинг! Я не твоя, и попробуй доказать иное!

— С наслаждением, Бренна. — Он широко улыбнулся прямо в ее мятежные серые глаза и легко погладил покрасневшие щеки. Даже ее имя звучало в его устах лаской. — С огромным наслаждением.

Гаррик нагнулся над Бренной, продолжая удерживать тонкие запястья. Горячими губами он прикоснулся к груди девушки и нежно поцеловал. Бренна судорожно дернулась. Никогда она не представляла, что мужские губы могут быть такими огненными. Казалось, они опалили ее тонкую кожу, оставляя ожоги в тех местах, которых касаются. Неужели это г нестерпимый жар лишь часть тех мучений, которые он собирается причинить ей?

Бренна потрясение устала на Гаррика, на золотистую голову, склоненную над ее грудями... чуть вздрогнула, почувствовав, как щекочут ее волнистые волосы. Какие у него невероятно широкие плечи! И все покрыты кровавыми бороздами от ее ногтей!

Девушка молча наблюдала, как перекачиваются мускулы на его спине, когда она пыталась пошевелить руками, а Гаррик останавливал ее. Но сила этого человека была невероятной. Он с такой легкостью удерживал ее, несмотря на то, что Бренна сопротивлялась изо всех сил. И хотя его тело было поистине великолепно, само сознание того, что она оказалась в его власти, было невыносимым.

— Гаррик... Гаррик!

Гаррик, слегка отстранившись, ошеломленно взглянул на нее:

— Ты впервые назвала меня по имени! Оно так чудесно звучит в твоих устах.

— Гаррик, отпусти меня. — Сцепив зубы, Бренна приготовилась к новому поединку.

Она никогда и никого еще не умоляла так... но все-таки сейчас пыталась, пыталась, как могла. Гаррик лишь мягко улыбнулся, оглядывая ее затуманенными страстью глазами.

— Нет, моя красавица. Слишком поздно. Он снова наклонил голову, чтобы поцеловать ее, но Бренна быстро отвернулась. Гаррик отпустил ее руку, чтобы сжать подбородок, но тут же пожалел, когда ее ногти, словно острые зубы, впились в его грудь. Завопив от боли, он снова завладел ее рукой.

— Так значит, у тебя есть оружие, моя кровожадная малышка!

— Да, но я сожалею, что не смогла добраться до твоего сердца! Тогда я смогла бы вырвать его и скормить волкам!

— Ошибаешься, ведьма, я все-таки подарю тебе кое-что, хотя это поглотят не волки, а расселина между твоими ногами! — гневно прорычал он и, стиснув ее руки огромной ладонью, постарался освободиться от штанов. Девушка вновь начала отбиваться, но безуспешно: его твердая плоть вдавилась в ее бедро. Опустив глаза, девушка невольно охнула. В эту минуту она поняла, что Корделла не лгала. Этот гордый зверь наверняка разорвет ее и заставит вопить от боли. И хотя страх вновь сковал Бренну, она не могла заставить себя просить пощады. Почти задыхаясь от паники, она начала так судорожно биться, что не заметила, как Гаррик, раздвинув коленом ее ноги, навис над ней. Когда он медленно опустился, раз и навсегда прекратив ее бесплодные попытки сопротивляться, Бренна поняла — надежды не осталось. Ни малейшей.

— Ты так отбиваешься, словно я намереваюсь убить тебя, девушка, — шепнул он, все еще удивляясь ее отчаянной борьбе. — Тебе нечего бояться в моей постели.

— Хитрый лис улещает жертву перед тем, как сожрать! — прошипела Бренна сквозь стиснутые зубы. — Предупреждаю, викинг, ты еще пожалеешь о содеянном! Я никогда не смирюсь с несправедливостью!

Не обращая внимания на угрозу, Гаррик прижался губами к нежному местечку на изгибе ее шеи, а потом, чуть приподняв голову, пробормотал:

— Успокойся, Бренна, вот увидишь тебя ожидает лишь наслаждение. Я ведь обещал, что буду нежен!

— Что может грубое животное знать о нежности? — вскрикнула Бренна.

Терпение Гаррика наконец лопнуло. Она не видела искаженного гневом лица, но голос выдавал его состояние.

— Тогда будь по-твоему!

Он бесцеремонно раздвинул коленями ее бедра. Мужская плоть прижалась к ее женской плоти, стараясь отыскать вход, однако встретила преграду ее девственности, крепостную стену чистоты. Еще мгновение — и разъяренный бык, словно безжалостный таран, вломился в покоренную крепость, грубо разрывая тонкую перегородку, заставив девушку закрыть глаза от жгучей острой боли. Она невольно напряглась в ожидании новых мучений, чувствуя, как тело пронзает боль. В этот момент Гаррик неожиданно отстранился, но лишь только затем, чтобы проникнуть еще глубже. Снова и снова он дразнил ее, то выходя до конца, то быстро возвращаясь, чтобы вновь скрыться в ней.

Но где же страдания, которых так панически боялась Бренна? Боль куда-то ушла, и что означает это странное чувство, медленно разливающееся по всему телу, начиная с раскаленного лона? Ощущение необычной легкости, бездумного полета на волшебном облаке, с каждым мгновением поднимавшем ее все выше и выше... но куда? И каков же будет исход?

Бренна не знала, что Гаррик видит ее недоумевающе-смущенное лицо. Наконец он, закрыв глаза, вонзился так глубоко, словно хотел слиться с ней навечно, и замер. Ему так хотелось отбросить опасения и без помех наслаждаться этой сладостной близостью, но не мог позволить

себе довериться этой девушке.

Когда он вновь поднял глаза, Бренна, нахмутив лоб, задумчиво уставилась в пространство. Гаррик не мог понять причину столь странного настроения. Почему она лежит так неподвижно и не требует, чтобы он оставил ее в покое? Никогда он не испытывал такого ослепительного наслаждения и теперь, с некоторым удивлением, понял, что не может дождаться пока снова возьмет ее.

— Почему ты остановился? — заносчиво поинтересовалась Бренна.

Взглянув в ее ошеломленные глаза, Гаррик рассмеялся:

— Потому что я пролил в тебя свое семя, и теперь мне необходим отдых.

— Но я по-прежнему чувствую твою силу, ведь ты не вышел из меня, — бесстыдно настаивала она. — Неужели ты не можешь продолжать?

— А ты хочешь этого? — Гаррик уставился на девушку, потеряв дар речи.

— Нет, настроение прошло, — чуть помолчав, спокойно ответила Бренна.

Он что-то раздраженно проворчал, не в силах понять, кто же все-таки на этот раз вышел победителем.

— Кажется, ты наконец поняла, что в этом нет ничего ужасного, не так ли? — спросил он наконец, отодвигаясь и протягивая руку к штанам.

— Да, ничуть, — пробормотала Бренна, лениво потягиваясь. Внезапно лицо ее исказилось гневом. — Но кое-кто дорого заплатит за обман!

— Кто же?

— Это касается лишь меня, — бросила Бренна и, громко рассмеявшись, добавила:

— Благодарю, викинг, сегодня я многое узнала!

Глава 14

Поскольку ни Ярмила, ни Гаррик не отдавали никаких распоряжений, Бренна весь день решила провести в доме, стараясь поближе познакомиться со слугами. Гаррик, поспешно одевшись, вылетел из комнаты в самом отвратительном настроении и вернулся лишь затем, чтобы швырнуть Бренне новую сорочку, а потом снова молча ушел. Бренна понимала, что это исход любовного свидания так вывел из себя викинга. Он ожидал увидеть ее смирившейся, сломленной, а на деле именно она оказалась хозяйкой положения. Это пришлось совсем не по душе Гаррику, может, сейчас он изобретает новые способы унижить Бренну, но она сумеет справиться со всеми невзгодами.

Однако после его ухода Бренна, немного оправившись от удивления, принялась размышлять, как отомстить сводной сестре. Ее так и подмывало взять одну из лошадей Гаррика и разыскать Корделлу. То, что сотворила эта сука, непростительно! И дело не столько в пережитом ужасе, сколько в том, что Бренна невольно выдала викингу, как страшится неизведанного. Сама того не желая, девушка снова и снова вспоминала приятные ощущения, охватившие ее тело, когда Гаррик вошел в нее. Но она тут же выбросила крамольные мысли из головы. Все-таки не

понятно, почему Корделла так старалась внушить ей эту басню. Ну что ж, скоро она узнает обо всем!

Бренна сидела за столом в длинной узкой кухне, наблюдая, как Джейни печет хлеб на ужин. Модья стояла у очага, помешивая густой куриный суп. Молодая женщина, с рыжеватыми волосами, лет двадцати от роду, была немного полнотела и невысокого роста, но обладала веселой улыбкой и добрым нравом.

Рабыни уже успели рассказать Бренне, как попали сюда. Бесхитростная, простая история. Обе жили по соседству в деревне, на которую викинги четыре года назад совершили набег. Гаррик сам взял их в плен и привез сюда. В то время он жил в доме отца совершил немало таких набегов. Женщины не жаловались на жизнь у милостивого хозяина, почти ничем не отличавшуюся от той, которую они вели дома, и, кроме того, здесь они всегда были сыты и одеты. Модья, в отличие от Джейни, не слишком печалилась от того, что любой гость, охваченный похотью, мог овладеть ими, просто потому, что они рабыни и совершенно бесправны. Джейни, напротив, очень угнетало это обстоятельство. Но, слава Богу, подобное случалось не так уж часто.

Обе, затаив дыхание, слушали трагическую историю Бренны и с почтением отнеслись к столь необычным методам воспитания, какие применял ее отец. Теперь девушка была вдвойне благодарна ему, презревшему обычаи и традиции, ведь в противном случае она стала бы одной из многочисленных бессловесных жертв, покорно склонивших голову под ярмом. Но Бренна никогда не согнетса, и Гаррику Хаардраду еще предстоит это понять.

— Расскажите мне о Гаррике, — попросила она, грызя лесные орешки, принесенные Эрином. — Он справедливый человек?

— Очень, — не задумываясь кивнула Модья.

— Кроме тех случаев, когда отдает нас на потеху своим приятелям, — добавила Джейни, все еще не в силах забыть о празднестве.

— А, по-моему, ты зря жалуешься, — лукаво подмигнула Модья. — Я слышала, как ты визжишь и хихикаешь, когда оказываешься с мужчиной!

— Да, если это бывает с одним, а не с несколькими по очереди, — раздраженно объяснила Джейни. — Можно подумать, тебе нравится на следующий день ходить враскорячку!

Бренна быстро постаралась сменить тему, поскольку сама лишь впервые была с мужчиной и не хотела пока думать об этом.

— А как насчет проданных им рабов? Разве ему все равно, что случится с ними?

— Гаррику пришлось продать их, — пояснила Джейни. — Здесь их было слишком много. Тех, кого он сам захватил, кто перешел к нему от Ульрика, и подаренных отцом. Он продал только самых выносливых, которые нигде не пропадут, и, конечно, зачинщиков беспорядков.

Бренна смертельно побледнела, но Джейни и Модья ничего не заметили.

— Сколько же у него осталось рабов? — как бы невзначай поинтересовалась она.

— Около дюжины. Мы и те две старухи, которых ты видела вчера. Кроме того, есть еще Эрин, и

старый Дункан, и пятеро помоложе. Конечно, если не считать детей.

— Детей?

— У меня тоже сын, Шелдон, ему два года. — Джейни расплылась в горделивой улыбке. — У Модьи трое, из них двое — близнецы.

— Старушки присматривают за ними днем, — вмешалась Модья. — Позже ты их увидишь, когда отправишься с нами домой. Надеюсь, ты любишь детей.

— Конечно, — улыбнулась Бренна. — Я часто брала на охоту ребятшек, пока их отцы работали в поле. Может, я и ваших возьму, когда они станут постарше.

И тут же с ужасом поняла, что говорит о будущем на этой земле. Но ведь она не собирается оставаться здесь слишком долго! Придется держаться настороже и не позволять себе заводить друзей, иначе потом будет тяжело расставаться. А пока необходимо как можно больше узнать о Гаррике и его близких.

— Это все дети Гаррика?

— Хозяин никогда не взглянет на меня! — надулась Модья. — Хотя я как могла старалась понравиться ему.

— Он несколько раз переспал со мной, когда только привез сюда, — вставила Джейни, — но сразу же потерял всякий интерес и ездит к отцу, чтобы попробовать его рабынь. Отец Шелдона — Перрин.

— Перрин?

— Ближайший друг Гаррика. Они даже стали кровными братьями, чтобы скрепить узы дружбы. Смешали свою кровь, пролив ее на землю, когда приносили жертву богу плодородия, шесть лет назад. Гаррику в то время было девятнадцать зим, а Перрину — двадцать и три.

— Это Перрин тебе сказал?

— Да, он часто навещает меня и ничего не скрывает.

— А Перрин знает, что Шелдон — его сын? — спросила Бренна.

— Конечно.

— Тогда почему не женится? Обе девушки уставились на Бренну с таким видом, будто испугались за ее рассудок.

— Викинг не может жениться на рабыне, — пояснила наконец Модья. — Это не разрешено.

— Но что, если рабыню освободят?

— Свободы мне никогда не видать, — сказала Джейни. — Существует лишь один путь избавиться от рабства — помочь роду в тяжелое время междоусобицы, убить злейшего врага. Но даже в этом случае все зависит от великодушия хозяина. Перрин хочет купить меня у Гаррика, просто ждет подходящего момента, когда тот немного смягчится. Гаррик был таким жизнерадостным молодым человеком, когда мы попали сюда, добрым и мягким со всеми. Теперь же презирает всех женщин и посмеется над Перрином, если узнает, что тот любит

меня. И всему виной сестра Перрина!

Любопытство Бренны было невольно возбуждено.

— Это та Морна, о которой все говорят с таким отвращением?

Джейни огляделась, желая убедиться, что их не подслушивают:

— Именно. Злобная, бессердечная тварь, если хочешь знать, и совершенно не похожа на Перрина. Так вот, Гаррик влюбился в Морну и считал, что она отвечает взаимностью. Они стали женихом и невестой. Но потом в эти края приехал богатый торговец, и Морна сбежала с ним, предпочтя, как оказалось, богатство любви. И с тех пор Гаррик стал таким, каким ты его знаешь. Он ненавидит женщин и поклялся никогда не жениться. Рвет и мечет по каждому пустяку. Превратился в бессердечного, жестокого человека, по любому поводу лезет в драку и рассорился со многими друзьями. Вот уже две зимы подряд он уходит в леса или отправляется охотиться на север и доводит себя до изнеможения, чтобы привезти груды звериных шкур. Он продал их вместе с рабами, когда отплыл на восток. Его внезапная жажда разбогатеть неутолима. Но он своего добился. Перрин говорит, что теперь Гаррик стал состоятельным человеком, и уже не так безобразно груб с нами, как перед отъездом, хотя по-прежнему холоден и подозрителен.

— Думаете, он собирается завоевать Морну богатством? — поинтересовалась Бренна.

— Может быть, — ответила Джейни. — Кто знает, что у него на уме? Как сказал Перрин, Гаррик никогда не отдаст свое сердце другой женщине. Теперь он всегда настороже, и единственная, кому он доверяет, — это мать. Он считает, что Элоиза не способна на дурное и несправедливое деяние.

— Да, я видела, какое уважение оказывает ей Гаррик, — заметила Бренна. — Но скажите, почему она обучила нашему языку именно Гаррика, а не старшего сына, Хьюга?

— Хьюг — перворожденный и наследник, так что должен стать истинным викингом. Она не могла выказывать ему свою любовь на людях, поскольку весь род пристально наблюдает за ней, и вряд ли бы такую слабость одобрили. Так что Элоиза вынуждена была пожертвовать сыном. Гаррик же — ее душа и сердце, и Элоиза любит его до безумия. Он говорит на нашем языке и поклоняется христианскому Богу, как и своим, норвежским. Гаррик потому такой добрый и мягкий, что мать его так воспитала. А эта ведьма Морна превратила его в чудовище!

— Просто трудно поверить, что разбитое сердце может стать тому причиной, — задумчиво протянула Бренна.

— Легко говорить, когда твое сердце не затронуто, иначе понимала бы, что дьяволы наслаждаются мезтью, когда видят тоску и скорбь души. Гаррика они превратили в злобного разочарованного человека. Не зря его прозвали «Гаррик — Каменное сердце».

Глава 15

Заплетая на ходу косу, Бренна медленно шагала по тропинке, ведущей в конюшню, и, открыв дверь, увидела Эрина, сосредоточенно накладывавшего мазь на поврежденную ногу кобылы.

— А я уже начал думать, что ты потеряла интерес к лошадям, девушка, — приветствовал он. — Сегодня утром я не отказался бы от твоей помощи, особенно когда понадобилось утихомирить

эту кобылку, которую так сильно лягнул проклятый жеребец, когда торопился поскорее вылететь из конюшни.

Бренна осторожно погладила лошадку по носу:

— Я думала, ты не захочешь видеть меня, пока Гаррик не даст позволения.

— Но он разрешил, еще вчера вечером.

— Правда?! — не удержалась Бренна и громко рассмеялась. — Значит, я опять победила!

— Насчет этого мне ничего не известно, — весело хмыкнул Эрин. — Он сказал, чтобы я нагружал тебя работой, пока не упадешь от усталости.

— Да, по крайней мере он умеет проигрывать с честью, — признала Бренна. — Однако я действительно готова трудиться до упаду. Ладно, давай-ка я все сделаю.

Эрин медленно поднялся, а Бренна встала на колени, чтобы занять его место около кобылы. Старик критически наблюдал, как девушка перевязывает рану, но Бренна не протестовала, понимая, что должно пройти время, прежде чем Эрин увидит, на что она способна.

— Скоро зима, — вздохнула она. — Пока я поднималась в гору, совсем замерзла — ветер просто ледяной.

— Ты будешь рада этой прекрасной погоде, девушка, после того как узнаешь, что такое зима в этих местах. Но ты права, холодов ждать недолго. Урожай был собран еще две недели назад, а солнце все ниже клонится к горизонту. Не пройдет и месяца, как ты пожелаешь согреться у адского огня.

— Только не это! Может, мне лучше спать с лошадьми, здесь теплее.

— Что ты такое мелешь, девушка? Разве хозяин позволит? — фыркнул старик.

— Ты думал, что он не разрешит мне даже работать здесь, но, как видишь, ошибся, — лукаво усмехнулась Бренна. — Гаррика не слишком трудно убедить. Кстати, а чем он занимается зимой, как проводит время?

— Здесь нечего делать, едва снег станет слишком глубоким. Хозяин обычно охотится или собирается с друзьями на пирушки. Часто отправляется с братом на север, за белыми медведями.

— А где Гаррик сейчас?

— Уехал на утреннюю прогулку.

— Он каждое утро ездит верхом?

— К чему столько вопросов, девушка? — Эрин как-то странно взглянул на нее. — Уж не влюбилась ли ты в хозяина?

— Конечно, нет! — возмутилась Бренна. — Но если я собираюсь остаться здесь, значит, должна как можно больше узнать о здешнем хозяине.

— Если? — Старик вскинул брови. — У тебя нет выбора, девушка.

— У меня есть выбор, Эрин, не сомневайся. Закончив работу, Бренна вскочила, отряхивая юбку.

— Что за дьявольщина у тебя на уме, девочка? — И без того сморщенное лицо конюха еще больше нахмурилось. — Предупреждаю, ради твоего же блага, не вздумай бежать, хозяин не пощадит тебя.

— Если отыщет. Неужели здесь не было человека, который не попытался бы сбежать, чтобы обрести свободу?!

— Да, было двое. Одна — женщина, скрывалась зимой в холмах, но хозяин легко нашел ее и привез обратно. Два дня она провела в холодной и едва не замерзла насмерть. Потом ее продали вместе с другими рабами.

— Но ты сказал, их было двое?

— В прошлом году сбежал молодой парнишка. Гаррика не было, и Хьюг сам разделался с несчастным: засек до смерти, в назидание другим.

— Холодная? — вздрогнула Бренна. — Неужели такое место действительно существует?

— Да, — мрачно кивнул Эрин, — там, пониже дома, она вырублена в скале и закрыта тяжелой дверью. Ульрик велел сделать ее, чтобы наказывать провинившихся, поскольку не любил пускать в ход плеть. В двери маленькое отверстие, забранное железной решеткой, чтобы проходил воздух. Но оно пропускает еще и холод зимой. Плохо приходится тому, кто туда попадает, однако хозяин иногда сажает в нее рабов.

— Не стоит опасаться за меня, Эрин, я не имею ни малейшего желания очутиться в холодной. Если я сумею сбежать, то навсегда покину эту страну, и никто на свете не сможет меня отыскать.

— Собираешься скрыться на корабле? — коротко рассмеялся конюх. — Но как, девушка? В этом фьорде стоят на якоре всего три судна: одно принадлежит хозяину, другое — его отцу, а третье — роду, живущему на противоположной стороне фьорда. Ни одно из них не выйдет в море до весны, да тебе с ними не справиться.

— Я и не собиралась, — сухо обронила Бренна, чувствуя, как холодное отчаяние охватывает ее.

В эту минуту послышался конский топот. «Великолепный конь достоин своего седока, могучего красавца викинга», — вынуждена была признать Бренна. На такое тело, как у Гаррика, можно любоваться бесконечно. А лицо... любая женщина просто упадет в обморок, обрати он на нее внимание! Мальчишески задорное, когда его обладатель улыбается, и такое мужественно-прекрасное, если становится серьезным. Да, Бренна никогда еще не встречала подобного мужчины. Конечно, не очень приятно сознавать, что она часами могла бы без усталости смотреть на него.

Несколько долгих минут Гаррик сидел неподвижно, удивляясь откровенно-дерзкому взгляду Бренны. Он сразу заметил, что девушка довольна собой и, без сомнения, считает, что одержала победу. Но так ли это?!

Постепенно уголки губ викинга чуть приподнялись в улыбке. Спешившись, он бросил Бренне поводья. Та поймала их на лету и повела жеребца в стойло, слуга выступил вперед, чтобы снять тяжелое седло, но Гаррик жестом отстранил его. Старик вернулся в конюшню, бормоча, что

его дряхлым костям совсем неплохо немного передохнуть.

— Лошадь нужно растереть, госпожа, — снисходительно бросил наконец Гаррик. — Займись-ка этим.

— Думаешь, не сумею? — оскорбленно отозвалась девушка. — Приготовил испытание?

— Нет, это просто приказ. Тебе дали поручение — выполняй, да побыстрее!

— Ты... О-о-о!

Она поспешно прикусила язык и лишь окинула Гаррика убийственным взглядом, прежде чем снять седло. Пришлось хорошенько потрудиться, и последний рывок едва не опрокинул ее навзничь. Девушка из последних сил водрузила седло на полку и, тяжело дыша, с торжеством посмотрела на викинга.

— Вот"

Гаррик, сложив руки на груди, прислонился к столбу, служившему опорой потолку конюшни.

— И это все? Ты не закончила, госпожа. Неужели я должен еще и объяснять, что делать дальше?

— Я могу ухаживать за лошадьми лучше тебя, викинг! — огрызнулась Бренна, хватая тряпку, чтобы вытереть вспотевшую спину жеребца. — Будь сегодня в седле я, он ни за что не лягнул бы кобылу!

— Хватаешься за любую возможность разыгрывать из себя мужчину! — ощерился он. — Но я видел тебя и другой, девушка.

— Убирайся! — взорвалась Бренна, залившись краской. — Я не нуждаюсь в твоём надзоре! Гаррик от души рассмеялся:

— Теперь еще и велишь мне покинуть собственную конюшню! Похоже, твоя наглость не знает границ?!

Бренна подняла глаза и не смогла сдержать широкую улыбку. На этот раз она уж точно перешла все границы.

— Ты прав, — признала она, забыв о гневе. — Оставайся, если хочешь, хотя не понимаю, к чему тебе это.

Гаррик воздержался от упоминания, что не нуждается в ее разрешении, и вместо этого молча наблюдал за девушкой, мысленно признавая, что она действительно знает свое дело.

— Как ты спала прошлую ночь? — спросил Гаррик, когда Бренна принесла коню овес, — Хорошо, — отозвалась она, глядя на него краем глаза и удивляясь столь внезапному сочувствию.

— Может, тебе не хватало моей уютной постели? — осведомился он, лукаво блеснув глазами. Но Бренна лишь усмехнулась:

— Я обнаружила, что моя новая кровать нравится мне гораздо больше, поскольку не приходится ни с кем ее делить.

Гаррик подвинулся ближе и, пользуясь неожиданно веселым настроением Бренны, приподнял ее подбородок.

— Что заставляет тебя думать, будто сможешь спать в ней одна?

И прежде чем Бренна смогла ответить, его сильные руки притянули ее к своей груди, а жесткие губы впелись в рот. Поцелуй оказался для девушки потрясением. Он был для нее первым, поскольку не стоило принимать во внимание грубые ласки Хьюга. От Гаррика исходила нежность, и Бренна забыла обо всем.

Но тут его язык, раздвинув ее губы, проник внутрь, и ощущения стали непереносимо острыми.

К собственному удивлению, Бренна обнаружила, что эта сладостная близость отзывалась в теле томительным наслаждением. Кровь застучала у нее в висках так, что закружилась голова и захотелось еще теснее прижаться к этому человеку. Она обвила руками шею Гаррика, вдавливаясь в его напрягшееся тело своим, женственным и мягким, и почувствовала, как он от неожиданности вздрогнул. Его руки стиснули ее еще сильнее, а поцелуй стал более требовательным.

Неужели всего лишь одна простая ласка могла разбудить в нем такую силу страсти? Боже, как ей хорошо сейчас! Только бы Гаррик не отстранился! Буйное пламя охватило девушку. Этот викинг — враг, но ее предательское тело ничего не желало знать. Она почти лишилась разума, опьяненная жгучими ласками, и лишь где-то в глубине души какой-то голос твердил, что это не правильно, нехорошо... она должна, должна остановить его! Наконец, пересилив себя, Бренна попыталась освободиться.

— Неужели возьмешь меня прямо здесь, на сене, в присутствии Эрина? — тихо рассмеялась она, поняв, что Гаррик не собирается ее отпускать.

Он так поспешно разжал руки, что Бренна пошатнулась и едва не упала. Наградой ей послужили мрачный взгляд и хмурое лицо. Затем он повернулся и почти выбежал из конюшни. Бренна с трудом подавила смех, опасаясь еще больше обозлить его. Ну вот, она выиграла еще один поединок, хотя на этот раз победа досталась совсем нелегко!

Глава 16

Прошло две недели с того дня, как Бренна начала работать в конюшне. Она и Эрин быстро стали друзьями: старик обращался с ней как с дочерью, а девушка с удовольствием работала с ним.

Закончив расчесывать гриву белой кобылы, Бренна ласково огладила ее бока. Когда вся работа бывала выполнена, Эрин иногда позволял Бренне брать на часок-другой одну из лошадей. На этот раз она выбрала бурого жеребца и, махнув на прощание Эрину, вскочила в седло и выехала со двора. Оказавшись на воле, девушка пустила коня рысью, а потом, добравшись до широкого луга, послала в галоп. Впервые за сегодняшний день она ощутила себя свободной. Не боясь, что темные волосы выбиваются из-под тугой повязки, она пролетела мимо растущих рядом деревьев и свернула на дорогу между скалами и фьордом, на мгновение забыв о бремени рабства и нелегкой жизни в этой чужой непонятной стране. Счастливое возбуждение, не испытываемое вот уже несколько месяцев, овладело девушкой. Небо безмятежно голубело, а вдали виднелись воды фьорда, поблескивающие на солнце. На губах Бренны играла улыбка, а в жилах вместе с кровью пели вновь обретенные радость и свобода. Она потеряла всякое представление о времени и не чувствовала ни малейшей усталости, а конь казался таким

свежим и полным сил, словно только сейчас покинул стойло. Но внезапно улыбка сменилась настороженной гримаской, когда на горизонте показались два всадника. Правда, Бренна еще не могла разглядеть их лиц — они были слишком далеко. Кто бы это мог быть? Только не Гаррик, поскольку он уже вернулся с утренней прогулки, и Бренна сама растирала его жеребца. Может, Хьюг и Ансельм?

Лицо девушки мгновенно приняло ожесточенное выражение при мысли о встрече с заклятым врагом. Но, когда они подъехали ближе, Бренна поняла, что перед ней совершенно незнакомые люди. Увидев черные волосы девушки, они, довольные, переглянулись и натянули поводья. Оба оказались высокими и светловолосыми. Бренне они почему-то сразу не понравились. У одного из них она заметила извилистый шрам через всю щеку. Они злобно смотрели на нее.

— Ты не из рода викингов с такими волосами! Пленная рабыня? — осведомился всадник со шрамом.

Бренна с трудом сдержала нахлынувшее бешенство и, выхватив из-за сапога кинжал, взвесила его на руке, выжидая подходящий момент, чтобы броситься в атаку. Заметив блеск лезвия, мужчины кивнули друг другу и в мгновение ока взяли ее в клещи: один попытался схватить поводья жеребца, другой — вырвать у нее кинжал. Бренна рванулась и полоснула ножом по ладони нападавшего. Незнакомец выругался и отдернул руку. На землю брызнула багряная струйка.

Лицо второго исказилось злобной гримасой. Не успела Бренна повернуться, как он стащил ее с лошади. Девушка ударилась о землю так сильно, что на мгновение потеряла сознание. Воспользовавшись этим, негодяй со шрамом выхватил у нее кинжал и вцепился в запястья. Второй, перевязав рану, грубо стянул Бренне руки над головой.

— Значит, любишь, когда тебя насилуют, девушка, — прорычал он и с размаху бросился на нее, придавив к земле. Бренна, почувствовав, как напряженная мужская плоть прижимается к бедру, начала яростно отбиваться, но мужчина был слишком тяжел, и она не смогла сбросить его. Одним яростным рывком он разорвал на ней рубашку, обнажив маленькие белые точеные груди. Девушка брыкалась, пускала в ход зубы, но бесплодная борьба лишь еще больше возбуждала насильника: он лихорадочно возился с завязками штанов, пытаясь высвободить набухший отросток, и уже приготовился вонзиться в беспомощное тело, как раздавшийся вблизи конский топот заставил его встревоженно поднять голову.

"О Господи милостивый, пусть это окажется друг, а не враг», — молилась она про себя и, решив воспользоваться замешательством незнакомца, попыталась сбросить его, но тот лежал на ней свинцовой тяжестью. Однако секунду спустя, к изумлению Бренны, мужчина быстро вскочил.

— Нам лучше убраться отсюда, — в страхе пробормотал он спутнику.

Наспех завязав штаны, он помчался к коню. Второй последовал за ним, и оба, пришпорив лошадей, умчались прочь. Бренна повернула голову и увидела Гаррика всего в нескольких футах от того места, где она лежала. Девушка не шевелилась, багровая от унижения, позабыв о пережитом несколько минут назад страхе. Подумать только, именно ему нужно было спасти ее, словно одну из тех слабых, беспомощных женщин, которых она так презирала! Да еще в таком виде, связанную, словно индюшка!

Бренна на мгновение закрыла глаза от стыда, а когда вновь подняла веки, с удивлением

увидела тревогу во взгляде Гаррика.

— С тобой не случилось беды, Бренна? — тихо спросил он, дотронувшись до ее щеки.

— Оставь меня в покое — выкрикнула она.

Гаррик отшатнулся, как от пощечины, а лицо мгновенно застыло.

— Вставай, — бросил он, поднимая ее на ноги, и, велев прикрыться, подтолкнул к своему жеребцу. — В последний раз ты ездила одна, — сухо объявил он. — Кто разрешил тебе выезжать со двора?

Бренна ничего не ответила.

— К сожалению, я не разглядел напавших и, хотя обязательно пошлю людей за ними в погоню, как только мы приедем, думаю, что найти их будет невозможно, это какие-то пришлые торговцы или бродяги. Скорее всего они постарались покинуть эти места. Однако они могли тебя убить! — рассерженно добавил он, поворачиваясь к Бренне. — Садись поскорее в седло! Я начинаю думать, что зря не послушался совета Хьюга продать тебя на невольничьем рынке в Хедебю!

По дороге домой он больше не сказал ни слова, а когда они въехали во двор, швырнул ей поводья своего жеребца и широко зашагал прочь.

Теперь Бренна видела Гаррика каждый день, по утрам, когда тот выезжал на прогулку. Возвращаясь днем, он неизменно отдавал ей поводья своего вспотевшего жеребца. Они не разговаривали. Гаррик не сказал Бренне ни единого слова с того дня, как спас ее. Он словно не замечал присутствия девушки, и всякий раз, спрыгнув с седла, мрачно нахмурившись, отворачивался и покидал конюшню.

Бренна часто недоумевала, почему он так ведет себя: может, он действительно не солгал тогда и презирает женщин, а берет их лишь тогда, когда испытывает потребность? Иногда Бренну задевало за живое сознание того, что он остался совершенно равнодушен к ее чарам, хотя она когда-то считала иначе. Сам же Гаррик обладал волшебной силой заставлять ее остро ощущать его присутствие, и она обнаружила, что думает о нем в самые неподходящие моменты, а это уже совсем никуда не годилось! И хуже всего то, что Бренна не может забыть того дня, когда Гаррик попытался унижить ее, но ничего не достиг. А теперь... теперь он, очевидно, совершенно выбросил из головы все мысли о ней.

Бренна отмокала в небольшой лохани. Голова покоилась на бортике, густые черные волосы плавали в теплой воде, окутывая плечи мокрым покрывалом. Настроение немного улучшилось, грусть на время развеялась.

Бренна была одна в маленьком домике перед жарко натопленным камином. Джейни и Модья находились в большом доме и, несомненно, прислуживали Гаррику за ужином.

Она не слышала, как открылась дверь, но почувствовала дуновение холодного воздуха и, вздрогнув, подняла голову. В дверях стоял очень высокий викинг, удивленно оглядывая Бренну изумрудными глазами.

— Иди туда, откуда пришел, викинг, и закрой дверь, пока я не схватила простуду.

Но викинг, захлопнув дверь изнутри, прислонился к косяку. Бренна взглянула вниз, желая убедиться, что волосы надежно прикрывают наготу, и с подозрением уставилась на нежданного гостя. Она никогда раньше не видела этого человека, но огромный рост напомнил ей о Гаррике, а смотреть на него было приятно: красивое открытое лицо, на котором светятся доброта и незлобивый юмор. Глаза смешливо прищурены, уголки губ подняты в улыбке.

Он, очевидно, не понял ее приказа, ведь Бренна говорила на родном языке. Конечно, она могла перейти на норвежский, но не хотела. Вместо этого она знаком велела незнакомцу уйти, но тот лишь покачал головой, а улыбка стала еще шире.

— Убирайся же, черт тебя возьми, — раздраженно завопила она.

— Не стоит расстраиваться, госпожа.

— Ты говоришь на моем языке? — Глаза Бренны расширились.

— Да, Гаррик научил меня, когда мы оба были маленькими, — объяснил он, развеселившись, увидев удивление на лице девушки.

— Кто ты? — наконец догадалась спросить Бренна.

— Перрин.

— Если ты пришел за Джейни, ее здесь нет, — понимающе кивнула Бренна.

— Вижу, — откликнулся Перрин, подходя еще ближе. — А ты и есть новая рабыня Гаррика! — Он скорее утверждал, чем спрашивал, не замечая бешеной ярости, моментально сверкнувшей в ее глазах. — Я много слышал о тебе.

— Как и я о тебе, — огрызнулась девушка. — И должна сказать, что не уважаю человека, отказавшегося признать собственного сына или бороться за то, чтобы навсегда увезти его мать отсюда.

Перрин ошеломленно отшатнулся, нахмурившись:

— Вижу, у Джейни слишком болтливый язык!

— Не стоит винить Джейни, — холодно бросила Бренна. — Она говорила о тебе только с любовью и гордостью и ни разу не упрекнула в трусости. Неужели тебе безразлично, когда другие мужчины тащат в постель мать твоего сына?

Глубокая боль исказила точеные черты Перрина.

— Не безразлично; Но пока я ничего не могу сделать. Джейни принадлежит Гаррику.

— И ты боишься попросить у него, — не скрывая презрения, бросила Бренна.

— Не этого я страшусь, девушка, а отказа, ведь тогда я не смогу попросить еще раз.

— Будь я на твоем месте, просто взяла бы, что хотела. Вы, викинги, кажется, только на это и способны!

К удивлению Бренны, Перрин неожиданно рассмеялся:

— Ты действительно так высокомерна и дерзка, как мне говорили. Вижу Гаррик еще не приручил тебя! Невзирая на гнев, Бренна невольно улыбнулась:

— Если хорошенько приглядишься, сразу заметишь, что именно Гаррик укрощен. Не такому, как он, со мной тягаться!

— Хотел бы я знать, согласится ли Гаррик с таким утверждением, — ответил Перрин, подходя к лохани. Но Бренна лукаво блеснула глазами.

— Тебе нравится то, что ты сейчас видишь, викинг? — поддразнила она, удивившись себе.

— Несомненно.

— Так вот, если намереваешься узреть больше, забудь об этом! Я сама выбираю любовников, не они — меня. И можешь быть уверен, тебе не быть в их числе!

— Храбрые слова, особенно для девушки, оказавшейся в моих руках! — Перрин громко, от души рассмеялся и опустил руку в воду.

— Осторожно, викинг, — холодно предупредила девушка. — Джейни никогда не простит, если мне придется ранить тебя.

— Ха! — хмыкнул он. — А ты, конечно, все ей расскажешь, правда?

— Обязательно.

Перрин невольно отступил:

— Тебе нечего бояться, девушка. Я не коснусь тебя.

— Я и не боюсь, Перрин, — улыбнулась Бренна. — И вообще ни одного мужчину.

— Даже Гаррика? — Перрин насмешливо поднял брови.

— Особенно его.

— На твоем месте, госпожа, — серьезно произнес Перрин, — я не стал бы относиться ко всему этому так легко. Не стоит недооценивать Гаррика.

И, повернувшись, он зашагал к двери, оставив Бренну удивляться столь неожиданному уходу.

Гаррик сидел в одиночестве за длинным столом, доедая жаркое, и грустно размышляя о своей невеселой судьбе. У его ног лежал пес, шумно постукивая хвостом по каменному полу и терпеливо ожидая подачки. Чаще всего Гаррик наслаждался этими спокойными минутами, но сейчас почти жалел, что не остался у родителей, вместо того чтобы торчать сейчас в холодном пустом доме. Ему не хватало семейного тепла, дружеской беседы и хорошей компании. А сегодня даже Ярмиллы не было: она оставалась в его доме, лишь когда он подолгу отсутствовал, а в остальное время жила со своим сыном.

Теперь, когда рабов было значительно меньше, Ярмила приходила только дважды в неделю, чтобы отдавать им приказания.

Гаррик рассеянно подцепил ножом кусок оленины и бросил овчарке. Скоро слуги окончат

работу и уйдут к себе на ночлег, а он останется совсем один в большом доме, и только Дог отправится за ним в спальню.

Три года назад Гаррик думал, что все будет по-иному. Как же он ошибался, надеясь на собственную семью и домашний очаг... сыновей, которые будут подрастать, оживляя тишину веселыми голосами, любящую жену, чтобы согреть его постель. Никогда еще на свет не рождалось большего глупца! Ни одна женщина не украсит его дом, не разделит судьбу. Ни одной Гаррик не сможет доверять настолько, чтобы подарить ей любовь, не откроет доверчиво душу.

Пес поднял голову, когда из кухни донесся пронзительный смешок Джейни. Через минуту в холл, удовлетворенно улыбаясь, вошел Перрин и уселся рядом с хозяином.

— Готов поклясться, когда ты приезжаешь, то проводишь гораздо больше времени с этой девчонкой, чем со мной, — добродушно проворчал Гаррик, обрадованный тем, что его одиночество наконец-то нарушено.

— Признаю, что нахожу ее компанию приятнее твоей. Последнее время ты вечно хмуришься, а она... всегда такая милая!

— Тьфу! Мне давно следовало бы догадаться, что она — единственная причина твоих наездов, — объявил Гаррик, притворяясь оскорбленным. — В таком случае убирайся! Я освобождаю ее от работы: пусть ублажает тебя!

— Ты ранишь меня в самое сердце, Гаррик! — воскликнул Перрин, поднося руку к груди. — Печальное зрелище, когда мужчина предпочитает общество женщины дружеской беседе!

— Верно, — серьезно отозвался Гаррик. — Тогда почему же тебя так долго не было? — улыбнувшись, спросил он. — На праздник не явился и с тех пор, как мы вернулись, — ни разу не приехал.

— Собираю урожай с тех немногих полей, которыми владею. В отличие от тебя, у меня не столько рабов, и без моей помощи им не управиться с жатвой.

— Мог бы и попросить помочь, Перрин! Мои поля были убраны месяц назад, а рабам совсем нечего делать, да и я бы поехал.

— Может, в следующем году... но с условием, что примешь плату.

— Неужели собираешься оценивать дружбу в деньгах? Нет, теперь ты ранишь меня!

— Я вспомню это, Гаррик, если вернешься с востока вовремя.

— А ты разве не поплывешь со мной? — удивился Гаррик.

— Еще не решил. Мать плохо перенесла без меня зиму.

— Но торговля прошла прекрасно, — настаивал Гаррик. — Может, мы слишком долго задержались у славян, и поэтому пришлось остаться. Обещаю, что этого больше не случится.

— Все в руках Одина, — покачал головой Перрин. — Посмотрим.

Но тут вошла Джейни с кружками эля, и мужчины замолчали. Гаррик заметил взгляды, которыми обменялись рабыня и Перрин, и почти позавидовал этой необременительной связи.

Хотел бы он вот так брать девушек, ничего к ним не испытывая, кроме похоти.

После ухода Джейни Перрин, усмехнувшись, наклонился поближе к Гаррику:

— Я случайно увидел сегодня новую рабыню — зашел в маленький домик, но Джейни там не было, а вместо нее застал темноволосую красотку. Она как раз купалась.

Глаза Гаррика потемнели:

— И?

— Удивляюсь, почему ты избегаешь ее, ведь твоя постель достаточно широка!

— Должно быть, ты не разговаривал с ней, иначе сразу бы понял, в чем дело, — проворчал Гаррик. — Настоящая роза, только шипы слишком острые!

— Ошибаешься, друг, разговаривал, и довольно долго, — ухмыльнулся Перрин. — Она дерзко соблазняла меня, лишь за тем, чтобы осыпать угрозами, если осмелюсь к ней прикоснуться.

— А ты коснулся? — нахмурился Гаррик.

— Нет, но любой мужчина на моем месте поступил бы иначе. Надеюсь, ты не станешь возражать, если кто-то захочет девчонку?

— С чего бы? Может, хоть это проучит ее! — буркнул Гаррик.

— Ты еще не сдержал обещания, данного на празднике? Я слышал, ты пообещал укротить новую рабыню.

— Хоть бы ты не напоминал мне об этой пьяной клятве! — поморщился Гаррик. Правда, он отчетливо помнил, что вовсе не был так уж пьян, скорее, раздражен постоянными издевками брата, утверждавшего, что ему никогда не покорить такую ведьму, как Бренна. Тогда, положив руки на тушу кабана, предназначенного в жертву богу плодородия Фрею, и выпив вина из священной чаши, он обещал перед всеми, что укротит упрямыцу.

Плохо же Гаррик знал, за какое трудное дело взялся! Пока что все его попытки ни к чему не приводили. Ничто не могло смирить Бренну, наоборот, она словно все время втайне торжествовала, и это глубоко задевало Гаррика. Однако он понимал, что бессмысленно уродовать ее нежную кожу плетью, кроме того, Гаррик не мог заставить себя пойти на такое. И, несмотря на то, что Бренна не склонилась перед его волей, однако все же служила ему, хотя и отказалась работать в доме.

— Так она по-прежнему ничего не делает? — спросил Перрин.

— Нет, она ухаживает за лошадьми.

— И ты это позволяешь?!

— На другое она не соглашалась, — нехотя выдавил Гаррик, еще сильнее хмурясь. Перрин весело расхохотался:

— Так девушка была права! Это ты укрощен, не она!

— Бренна так сказала?

Перрин взглянул в потемневшее от ярости лицо друга, мгновенно став серьезным.

— Брось, Гаррик! Я не хотел бы, чтобы девушка пострадала из-за моих неосторожных слов!

— Ничего я ей не сделаю, но, клянусь Тором, завтра утром она уже не будет так довольна собой!

Его словно окутало черное облако. Перрин вздохнул про себя, горько сожалея о поспешных словах и надеясь, что не станет причиной страданий девушки.

Глава 17

Гаррик, кипя гневом, медленно, словно нехотя, направлялся в домик рабынь. Бесшумно открыв дверь, он переступил порог. Мягкие красноватые отблески угасающего пламени легли на фигурку спящей девушки, и Гаррик, словно зачарованный, шагнул ближе.

Бренна крепко спала на подстилке у очага, свернувшись клубочком под старым шерстяным одеялом. Шелковистые волосы разметались по полу, расцвеченные огненными зайчиками, словно рубинами. Длинные темные ресницы полукружьями лежали на щеках, чуть приоткрытые розовые губы влажны, словно лепестки цветка.

Она выглядела такой прекрасной и невинной, что кровь Гаррика забурлила. То, что наяву она превращалась в дьяволицу, было мгновенно забыто. Гаррик наклонился и осторожно снял одеяло. Холодный воздух коснулся обнаженной кожи, и девушка, капризно нахмурясь, подтянула ноги к груди, чтобы вернуть утерянное тепло. Широкая ночная сорочка, без сомнения, одолженная толстушкой Модьей, скрывала женственные изгибы и выпуклости.

Гаррик ясно представил красную кожу, длинные ноги и изящные руки, упругие бедра и розовые холмики груди, впалый живот... А тонкая талия и округлые ягодицы, словно молившие о ласке, и бархатная шейка, зовущая к поцелуям...

Гаррик поспешно прогнал тревожащие мысли, пока дело не зашло слишком далеко и он не превратился в буйного жеребца, не заботящегося о приличиях и уединении. Молниеносным движением он прикрыл ладонью рот Бренны, чтобы заглушить встревоженный крик. Та мгновенно открыла глаза, но, прежде чем успела понять, кто ее похититель, Гаррик подхватил девушку, прижал к груди и вынес извивающееся обозленное создание в ночь.

Только добравшись до конюшни, Гаррик положил Бренну на сено. Она рассерженно смотрела на него, не обращая внимания на то, что волосы окутали плечи черным плащом. Но тут наконец лунный свет упал на лицо Гаррика, и девушка, узнав его, сразу же успокоилась.

— Ах, это ты, — выдохнула она тоном, ясно дававшим понять, что он не стоит ее волнений.

— А кого еще ты ждала?

— Одного из твоих приятелей. Того, которого зовут Байярд, и, клянусь, он не прочь отплатить за то, что я с ним сделала. Твой братец тоже рад бы унижить меня!

— Ты их боишься?

— Нет, но не настолько глупа, чтобы не принимать их всерьез!

— Вижу. Это только меня ты всерьез не принимаешь, верно? — проворчал Гаррик.

Бренна подняла на него удивленные глаза:

— Но к чему мне бояться тебя, викинг? Ты, конечно, не был слишком добр ко мне, но, по правде говоря, все не так уж и плохо.

Гаррик шагнул ближе, снова разгораясь гневом:

— Прикажешь нести тебя до дома или сама пойдешь?

— Не пойду. Не люблю, когда меня будят ради того, чтобы ублажать мужчину!

— Речь идет не о моем наслаждении, госпожа.

— Да? О чем же?

— А ты пойдешь?

Прежде чем она, сгорая от любопытства, успела согласиться, Гаррик взял ее за локоть и грубо подтолкнул к двери. Бренна зашагала вперед и споткнулась лишь тогда, когда острые камни впились в босые ноги.

— Почему ты остановилась? — с очевидным нетерпением спросил Гаррик.

— Хочешь, чтобы я изранила ноги? Кажется, тебе все-таки придется меня нести, — лукаво улыбнулась девушка.

Несколько мгновений Гаррик колебался, мрачно глядя на нее, прежде чем рывком притянул к себе и подхватил на руки. Бренна тут же крепко обвила руками его шею, на что Гаррик что-то неодобрительно проворчал и в несколько шагов добрался до черного хода и лестницы, ведущей на второй этаж. Перепрыгивая через две ступеньки, он поднялся наверх так легко, что, казалось, Бренна весила для него не больше перышка.

Только ступив в коридор, Гаррик разжал руки и позволил девушке соскользнуть на пол, но Бренна намеренно не разжимала рук чуть дольше, чем необходимо, прежде чем встать на ноги. Гаррик с совершенно бесстрастным лицом снова подтолкнул ее вперед.

Бренна не была в доме с того дня, как Гаррик лишил ее невинности, и теперь сразу же заметила разительные перемены. Резные золотые подсвечники были прикреплены к стенам, а между ними висели небольшие яркие гобелены с позолоченными бордюрами. На полу коридора лежал узкий ковер, черный с серебром и с вышитыми по краям золотистыми спиральями. Куда подевалась гнетущая унылая атмосфера, царившая в доме всего две недели назад?!

Бренна замаялась, увидев, что они подходят к покоям Гаррика, но тот втолкнул ее внутрь и закрыл дверь. Девушка круто развернулась, подбоченившись, яростно сверкая глазами:.

— Так ты обманул меня, викинг? С какой целью ты привел меня сюда, позволь спросить?

— Об этом мы и поведем разговор. Беседа будет долгой, и, зная твою нелюбовь к сквознякам, я выбрал эту комнату, потому что она самая теплая в доме.

— Как предусмотрительно с твоей стороны, — саркастически пробормотала она.

Но спальня и в самом деле оказалась уютной. В очаге полыхал огонь. Бренна заметила, что и

здесь все изменилось. Два одинаковых ковра с сине-золотым узором закрывали холодный пол. Стены украшали два огромных гобелена. Один изображал крестьян, трудившихся в поле под ослепительно голубым небом, другой — влюбленных на ярко-желтом фоне. В углу стоял диван без спинки, на ножках в виде львиных лап, покрытый дорогой синей с белым парчой.

Бренна с удивлением взирала на богатую обстановку, прежде чем решилась спросить:

— Ну а теперь, может, скажешь, зачем я здесь? И почему ты пришел за мной, как вор, тайно?

Гаррик пожал плечами и подошел к маленькому столу, где рядом с тарелкой сыра лежал мех с вином.

— Не знал, в каком ты настроении, поэтому не хотел рисковать очередным скандалом. Кроме того, боялся, что ты невзначай разбудишь женщин. Нет смысла лишать их отдыха лишь потому, что нам необходимо кое-что уладить.

Бренна негодуя застыла:

— По-моему, мы все уладили. Что тебе еще нужно?

— Мы ни о чем не договорились, госпожа.

— Но я же работаю на конюшне! — почти вскрикнула Бренна. — И содержу себя! Чего же еще ты хочешь от меня?!

Гаррик подошел к стоявшему у стены большому сундуку, вынул оттуда серую шелковую мантию, красиво отделанную белым мехом, и, подойдя к Бренне, остановился так близко, что та была вынуждена откинуть голову, чтобы взглянуть на него.

— Да, ты работала, с радостью, но не так, как хотел я. Тогда я разрешил тебе помогать в конюшне, потому что не видел иного выхода. Рабы не должны трудиться с удовольствием, госпожа, как это делала ты. — Гаррик помедлил, перед тем как добавить:

— Но больше этого не будет.

— Да?

Губы викинга скривились в ледяной усмешке:

— Мы начнем заново. Ты будешь выполнять домашнюю работу наравне с остальными женщинами и первым делом возьмешь это, — заявил он, вручая Бренне мантию. — На рукаве, подмышкой, немного разорвано. Зашей!

Девушка вне себя уставилась на Гаррика.

— Господи милостивый! — раздраженно вскричала она.

— Ни твой, ни мой Бог не смогут помочь тебе! Придется иметь дело со мной!

— Я не стану заниматься шитьем, Гаррик! — разъяренно процедила она — швыряя мантию на пол. — И ты это отлично знаешь!

Гаррик снова пожал плечами и, ничуть не расстроившись, вернулся к столу.

— Тогда останешься в этой комнате, пока не передумаешь, — бросил он через плечо.

— Нет, викинг, только пока не заснешь.

— Тогда, по-видимому, тебя снова нужно охранять. Дог! — позвал он, и белая овчарка спрыгнула с кровати. Бренна даже не заметила ее — белая шкура собаки сливалась с мехом горносталя.

— Оставайся у двери и следи, чтобы девушка не ушла, — приказал Гаррик.

Животное, казалось, понимало каждое слово и теперь, повернув голову, невозмутимо оглядело Бренну, прежде чем снова подойти к двери и лечь. Бренна окинула убийственным взглядом сначала пса, потом его хозяина.

— Я пыталась подавить свою ненависть к тебе, викинг, поскольку не ты виновен в моей разбитой жизни, но, вижу, это чрезвычайно трудно!

— Можешь ненавидеть сколько хочешь, госпожа! — цинично усмехнулся Гаррик. — Это ничего не изменит. Мои чувства к тебе немногим отличаются от твоих, поскольку до сих пор ты вела себя как злобная, невоспитанная женщина, от которой нечего ждать, кроме бед и скандалов! Ты словно заноза, колючка в ступне, от которой не знаешь как избавиться! Но по крайней мере мы знаем, чего ожидать друг от друга.

Он сделал большой глоток вина и, начал раздеваться.

— И что теперь?

— Мы очутились в тупике, и поскольку никто не хочет уступить, больше никаких споров сегодня не будет. В постель, госпожа!

— Я уже выпалась, — сухо объявила Бренна.

— И что?

— Ты можешь заставить меня оставаться в этой комнате, но спать в одной постели с тобой я не собираюсь! — взорвалась она.

— Вот как? — Гаррик поднял брови. — А я думал, что после той игры, что ты вела в последний раз, с готовностью сделаешь все с самого начала.

— Значит, ошибался! — огрызнулась Бренна, покраснев от стыда.

— Ладно, неважно. Поскольку я не против того, чтобы спать рядом с тобой, ляжешь здесь. Но не бойся, госпожа. Я не воспользуюсь твоим положением, раз уж тебе здесь не нравится. А теперь ложись. Если не желаешь спать, подумай хорошенько о своем упрямстве!

Тело Бренны не давало ей покоя, будило и заставляло бодрствовать: «Проснись, проснись, — словно кричало что-то внутри. — Пробудись, чтобы узнать, какое наслаждение ожидает тебя!»

Сонные грезы развеялись, и глаза девушки медленно открылись, полные изумленного восхищения. Странные ощущения, захлестнувшие ее, были реальными. Только теперь она поняла, что происходит.

Она лежала на боку, лицом к стене, подложив руку под подушку; одна нога поднята и согнута в колене, другая — вытянута. Под ней по-прежнему белое горностаевое покрывало, как и было, когда Бренна заснула рядом с Гарриком. Только теперь рубашка задралась до пояса, оставив ноги и бедра обнаженными.

Бренна лежала неподвижно, стараясь дышать ровно, словно еще не проснулась. Грудь Гаррика была прижата к ее спине, тепло его тела жгло сквозь ткань сорочки, сильная рука лежала на ее талии, пальцы нежно мяли упругий мячик груди. Бренна почувствовала на шее горячее щекочущее дыхание, как только ладонь Гаррика медленно поползла вниз, погладила живот, бедро, а потом легла между ног и начала агонизирующе-медленно подниматься вверх, пока не остановилась на мягком¹, поросшем темными завитками холмике, и замерла. Затем пальцы осторожно скользнули во влажную горячую плоть, напряженно вздрагивающую от наслаждения. Бренна в ужасе услышала, как с ее губ сорвался тихий стон. Она понимала, что нужно бежать, скрыться, но вместо этого почему-то медленно повернулась на спину, навстречу настойчивым ласкам. При виде горевших возбуждением бирюзовых глаз Гаррика на губах Бренны заиграла чувственно-призывная улыбка.

— Слишком крепко спишь, девушка! Трудно же тебя разбудить, — поддразнил он.

Бренну поразило, каким он может быть нежным и ласковым, хотя обычно вел себя резко и бесцеремонно. Но сейчас ни о чем не хотелось думать: приходилось признать, что она с нетерпением ждала этого момента. В последний раз, когда они были вместе, она испытала истинное удовольствие, хотя почему-то чувствовала, что может получить еще более ослепительное наслаждение.

— Я могла бы поклясться, викинг, что ты сказал, будто мне никогда не знать блаженства в твоей постели! — пробормотала Бренна, запутавшись пальцами в золотистой поросли на его груди. — Неужели не можешь сдержать слова, хотя бы на одну ночь?

— Похоже, госпожа, — хриловато пробормотал он, нежно прикасаясь губами к полураскрытым губам Бренны, — я дал слишком поспешную клятву. Но виновата в этом ты, ведь все мужские повадки мгновенно исчезают, стоит нам оказаться вместе в постели. Почему бы это? Не знаешь? — лукаво усмехнувшись, добавил он.

Бренна, пожав плечами, ответила такой же озорной улыбкой:

— Я поняла, что иногда гораздо выгоднее быть женщиной. И при этом не слишком застенчивой.

— Застенчивой, ха! Уж этого про тебя в жизни не скажешь.

— Рада, что ты это понимаешь, викинг, — отпарировала Бренна, обнимая его за шею, чтобы притянуть поближе. — По крайней мере ты не станешь удивляться тому, что я делаю.

Она впиалась ему в губы жадным поцелуем, и, несмотря на предупреждение, Гаррик был изумлен. Да, ее близость почти сводила с ума, вернее, красота и необузданная страсть Бренны заставляли его терять голову. Она словно настойчиво требовала, заставляла взять ее, и Гаррик подчинился.

Бренна широко раздвинула ноги, и он глубоко вонзился во влажные теплые глубины, сжимая упругие ягодицы, чтобы прижаться к ней как можно ближе. Гаррик почувствовал, как стройные ноги обвилились вокруг его бедер, и тут же затерялся в ослепительно огненном облаке пламени и блаженства, заставившего его изменить слову, сделав Бренну своей.

Тяжело дыша, Гаррик обмяк на миниатюрном теле Бренны, уткнувшись головой ей в грудь. Наконец он попытался откатиться, но она по-прежнему притягивала его к себе, не размыкая кольца ног и обнимая за шею. Гаррик вопросительно взглянул на девушку и заметил призывный блеск ее глаз.

— Покажи мне свою мощь, викинг, — выдохнула она, соблазнительно извиваясь под ним. — Продолжай!

— Клянусь богами, женщина, неужели у тебя совсем нет стыда? — не веря ушам спросил Гаррик.

— При чем тут стыд? — спокойно возразила она. — Разве может быть позором то, что нравится? Или я должна притворяться?

— Нет, но ни одна женщина до сих пор не просила меня ни о чем подобном.

— Не смей сравнивать меня с какими-то шлюхами, викинг! — вскинулась Бренна, разжимая руки. — Убирайся, если не в силах удовлетворить меня!

Гаррик сжал пытавшиеся оттолкнуть его руки и вытянул их над головой Бренны.

— Подобное поведение просто непристойно, ведьма ты этакая, — прорычал он и начал вновь врезаться в нее мощными толчками, одновременно впиваясь в ее губы.

Уже через мгновение искра желания превратилась в бушующий пожар, и Гаррик, выпустив ее руки, сжал лицо ладонями. Поцелуй становился все более жгучим, все более требовательным, а ее пальцы блуждали по его спине. Бренна тихо жалобно застонала, стискивая руками его шею с такой силой, будто от этого зависела вся ее жизнь. Даже ослепленный страстью, Гаррик заметил, с каким самозабвением она отдавалась ему... На какой-то момент Бренна застыла, впиваясь ногтями в его плечи, подобно хищному зверьку, и гортанным шепотом выдохнула его имя. В этот момент он очутился вместе с ней в столь желанном царстве оглушительного экстаза.

На этот раз Бренна не протестовала, когда Гаррик отодвинулся и лег рядом. Оба были не в силах пошевелиться и жадно втягивали воздух. Когда Бренна осторожно коснулась плеча Гаррика, он со страхом подумал, что не смог подарить ей блаженства и сейчас она потребует большего.

— До утра еще далеко, госпожа, — устало пробормотал он, прикрывая глаза. — Постарайся заснуть.

— Я только хотела поблагодарить тебя, Гаррик, вот и все.

Гаррик повернул голову как раз вовремя, чтобы увидеть нежную улыбку на губах Бренны, прежде чем она отстранилась от него и начала надевать ночную сорочку. Гаррик пристально смотрел ей в спину, вновь и вновь поражаясь многоликости этой женщины. Но эта сторона ее характера нравилась ему особенно.

Выражение лица викинга смягчилось.

— Иди сюда, девушка, — хриловато прошептал он и привлек ее к себе, зная, что она не станет сопротивляться. Бренна прижалась к нему теснее, и Гаррик, почему-то подумал, что привыкнуть к присутствию этой женщины не составит большого труда.

— Гаррик, как хорошо, когда не нужно ни о чем спорить, — сонно пробормотала Бренна.

Гаррик улыбнулся в темноте и, сам не сознавая того, крепче стиснул ее руки. Она действует на него, словно старое доброе вино! Еще одно такое признание, и он снова захочет ее!

— Да, Бренна, очень хорошо.

Глава 18

Бренна сидела за маленьким столом напротив Гаррика, угрюмо ковыряясь в миске с овсянкой и время от времени бросая на него разъяренные взгляды. Но Гаррик был слишком занят едой, чтобы их замечать.

Вот уже целую неделю он держал ее в этой комнате под охраной овчарки. Гаррик сам приносил Бренне еду, но оставлял ее одну на целый день и возвращался только к вечеру. После той ночи, когда он принес ее сюда, между ними не было близости, и он не протестовал даже, когда Бренна настояла, что будет спать на диване.

Проснувшись наутро после той бурной ночи, Бренна была полна отвращением к себе и к собственному поведению. И дело не в том, что она поступила как последняя шлюха — тело, женское тело предавало ее на каждом шагу! Именно оно побудило ее так бесстыдно предлагать себя, чтобы узнать истинные глубины наслаждения. Он зажег в ней огонь, о котором Бренна даже не подозревала... Но никогда больше! Этому восхитительному блаженству можно противиться! Да, подобного экстаза нужно опасаться — слишком дорогую цену приходится за него платить...

И хотя случившегося уже не изменить, но будь она проклята, если допустит, чтобы это повторилось. Только последняя дура могла поверить, что Гаррик передумает и согласится, чтобы она по-прежнему работала в конюшне, а не занималась домашней работой. После той нежности и ласк, которые они делили... нет, этого простить нельзя!

Бренна рассеянно протянула Дугу, лежавшему у ее ног, кусочек мяса, как привыкла делать это дома, где по замку бродило множество гончих. Только когда пес ткнулся носом ей в руку, снова прося подачки, Бренна сообразила, что наделала, и, подняв глаза, увидела, что Гаррик угрюмо уставился на нее. Прекрасно! Это гораздо лучше, чем самоуверенная ухмылка, так часто появлявшаяся на его лице за последнее время.

— Чем ты так недоволен, викинг? — деланно-невинным тоном осведомилась она, хотя глаза озорно сверкнули. — Боишься, что из-за меня лишишься преданности своей собаки?

Когда глаза Гаррика угрожающе потемнели, ее улыбка стала еще шире, и девушка безжалостно продолжала:

— Ты не знал, что мы подружались, не так ли? Но чего ты ожидал, заперев нас на целую неделю? Пройдет немного времени, и он даже головы не поднимет, когда я выйду из этой комнаты.

Гаррик окинул ее долгим холодным взглядом, прежде чем наконец ответил:

— Если это правда, госпожа, значит, пора поставить замок на эту дверь.

— Ты не посмеешь! — Лицо Бренны стало пепельно-серым.

— Посмею, не сомневайся, — ледяным тоном бросил Гаррик. — И сегодня же, если у меня не будет других дел.

— Я только подшучивала над тобой, — отступила Бренна, стараясь говорить как можно небрежнее. — Ты по-прежнему можешь доверять своей собаке.

— Ну да, зато тебе нельзя доверять, — подчеркнул он, устремляясь к двери.

— Сколько еще ты будешь держать меня здесь? — , взорвалась Бренна.

Гаррик обернулся, как-то странно ощерившись:

— Не я тебя здесь держу, госпожа, а ты сама! Тебе стоит согласиться служить мне, и можешь вести такую же жизнь, как остальные рабыни.

— Ты наглый надутый болван! — взорвалась девушка, вскакивая из-за стола и сжимая кулаки. — Сначала я увижу тебя в аду!

— А ты глупая упряmica! — пренебрежительно бросил Гаррик. — Только скоро ты поймешь, что я еще упрямее.

И с этими словами он покинул комнату, оставив Бренну в таком бешенстве, что та подняла кружку с молоком и швырнула в закрытую дверь. Осколки разлетелись по полу, молоко забрызгало стены. Но Бренна и не подумала остановиться, словно дух разрушения обуял ее. Она перевернула маленький столик, треск разбившейся посуды заставил пса метнуться в сторону. Решительно сорвав с кровати покрывала, она подскочила к сундуку Гаррика и разбросала содержимое по комнате.

Бренна так увлеклась, что не заметила появления Гаррика, и очнулась лишь, когда он схватил ее сзади и бросил на постель.

— Подобные капризы присущи скорее детям, чем взрослой женщине! — раздраженно бросил он, садясь рядом. Бренна поспешно повернулась на спину и увидела, как он размахнулся, чтобы ударить ее. Бренна безбоязненно смотрела на стиснутый кулак, словно подначивая Гаррика причинить ей страдания. Но тот слишком долго колебался, и запал остыл. Он с проклятием опустил руку и встал, глядя на Бренну с беспощадной яростью.

— Ты сама исправишь все, что натворила, девушка! До вечера приведешь эту комнату в порядок или ляжешь спать голодной. И если считаешь, что сможешь прожить без ужина, учти, что не получишь ни крошки, пока работа не будет выполнена.

Дверь с шумом захлопнулась.

— Что мне делать, Дог? — тихо спросила Бренна, словно это умное животное могло помочь ей найти ответ. — Умереть с голоду, только чтобы позлить его? Такое совсем мне не нравится, зато я покажу этому высокомерному негодяю, что никогда не покорюсь! Будь он проклят! Что только взбрело ему в голову?! Хочет сломить мою гордость и вывалить в грязи?

Все шло так прекрасно до этого! И теперь викинг решил уморить Бренну голодом! Да, он так и сказал и теперь не отступится! На этот раз придется сдаться именно Бренне!

Глава 19

Гаррик поднялся на пригорок и, остановив жеребца, спешился и пригладил растрепавшиеся волосы. Распрямив плечи, он долго смотрел на северное сияние, расцветившее черное небо; красочные сполохи бросали на землю таинственный свет.

Он провел почти весь день в бешеной скачке, временами даже не сознавая, где находится, пришпоривая скакуна, неустанно мчавшегося дальше и дальше. Однако смятение чувств по-прежнему будоражило душу, и выхода не было. Приговор, вынесенный им девушке, темным облаком висел над головой.

Сотни раз Гаррик проклинал себя за брошенные в гнев слова, которые могут стать причиной смерти пленницы. Неужели она действительно настолько упряма? И все из-за таких пустяков? Нужно было поддаться порыву избить ее! Однако сама мысль о том, чтобы нанести удар, изуродовать это прелестное лицо, была невыносимой! Но что будет, если он вернется домой и обнаружит, что в комнате все еще царит хаос? Стоит отступить на этот раз, и он никогда не сможет справиться с девушкой, а поскольку никто из них не подумает сдать ее, она наверняка умрет... Знай он характер Бренны немного лучше, можно было понять, как она себя поведет. Но кто объяснит ему? Кто подскажет?

— Глупец! — неожиданно воскликнул он вслух. — Есть человек, который откроет правду! Расскажет все об этой упрямыце, к которой я волей-неволей прикован цепями!

Гаррик повернул коня и направился к отцовскому дому. Не прошло и получаса, как он уже входил в дымный холл. Отец и брат были поглощены игрой в кости. Мать что-то шила.

— Хо! Что привело удачливого торговца в нашу скромную хижину да еще так поздно? — поддразнил Хьюг. — А я-то думал, ты все время проводишь, подсчитывая накопленные богатства!

— Нет, не все, только половину, — хмыкнул Гаррик, хотя был не в том настроении, чтобы пикироваться с братом. — Приехал, чтобы поговорить с одной из новых рабынь.

— Только поговорить? — фыркнул Хьюг и зашелся смехом в восторге от собственного остроумия.

— Довольно, Хьюг, — спокойно остановил сына Ансельм, хотя любопытство взяло верх и над ним:

— С какой именно?

— С любой родственницей Бренны. Неважно какой.

— Вот как?

Гаррик едва заметно поморщился:

— Отец, вижу в твоих глазах вопрос, но прошу, не нужно ничего говорить. Мне необходимо получить ответы!

— От родственницы Бренны? — ухмыльнулся Ансельм. — Хочешь узнать о ней побольше, так ведь?

— Да, хочу понять, до каких пределов может дойти ее гордость, — признался Гаррик.

— Ты мелешь какую-то чушь, Гаррик. Девушка доставляет тебе неприятности?

— Тебе хорошо говорить, именно ты восхищался ее сильной волей! Но тогда как ты мог подумать, что она привыкнет к новой жизни и смирится?

— Значит, девушка не угодила тебе? — вздохнул Ансельм.

— Еще не решил, стоит ли наслаждение, которое она дарит мне в постели ночью, тех бед и несчастий, какие причиняет днем.

— Отдай ее мне, — вмешался Хьюг. — Уж я знаю, что делать с этой ведьмой!

— Сломаешь ее дух и уничтожишь волю, — заметил Ансельм старшему сыну. — Сильная, гордая женщина стоит того, чтобы заполучить ее, и требуется много терпения, чтобы приручить ее, и не побоями и пытками, а нежностью и лаской. О Гаррик, если именно она поклянется тебе в верности, другой такой не сыщешь на всем белом свете!

— Знаешь по собственному опыту? — осведомился Гаррик, с любовью глядя на мать.

— Вот именно, — усмехнулся Ансельм, — хотя и понимаю, что не заслуживаю столь неизменной преданности. Иди, сын, ищи ответы. Рабыни спят в маленьком доме.

— Твой брат, кажется, глубоко встревожен, — дождавшись ухода Гаррика, заметил Ансельм, покачав головой.

— Мне бы его беды, — ухмыльнулся тот, но Ансельм не видел ничего смешного в создавшемся положении.

Услышав громкий стук, Корделла поспешно подбежала к двери, прежде чем остальные женщины успели проснуться. Скорее всего это Хьюг — ведь именно его она ожидала увидеть. Последние несколько дней Хьюг не приходил к ней по ночам. Она уже успела узнать, чего требовал в постели этот викинг — сопротивления на каждом шагу, и легко вошла в новую роль. Нельзя, чтобы Хьюг потерял к ней интерес, особенно если Корделла хочет добиться исполнения своих замыслов и желаний.

Хьюг Хаардрад должен посчитать себя отцом ребенка, которого носила Корделла. Она подарит — ему сына и тогда сможет быть спокойной за будущее. Все считали неуклюжую глупенькую жену Хьюга бесплодной, Корделла сама узнала это от Элоизы, сказавшей, что незаконнорожденных детей у старшего сына тоже нет. Может, в один прекрасный день ее обман позволит ей даже стать второй женой викинга! И хотя она точно знала, что малыш в ее чреве — не от Хьюга, но будет до конца стоять на своем, а Элоиза подтвердит это, поскольку Корделла не раз горько жаловалась, как тяжело пришлось ей в путешествии через океан, когда к качке добавились еще необычайно болезненные спазмы в животе, вызванные месячным истечением крови. Да, Корделла — поистине мудрая женщина! Сумела продумать все наперед, и уж по крайней мере ей здесь плохо не будет!

Открывая дверь, Корделла постаралась выглядеть как можно более равнодушной. Но на пороге стоял не Хьюг, а его младший брат, Гаррик. Она иногда видела его, когда тот приезжал навестить отца, и Корделла втайне была поражена красотой и мощью викинга. Хьюгу далеко до Гаррика. Но именно Хьюг станет когда-нибудь могущественным и богатым главой рода, поэтому Корделла предпочитала его.

— Ты сестра Бренны? — спросил Гаррик и, дождавшись кивка, угрюмо продолжал:

— Тогда я хотел бы поговорить с тобой, госпожа. Не прогуляешься ли немного со мной?

Обхватив себя руками, Корделла вздрогнула от ледяного сквозняка, игравшего ее домотканой юбкой:

— Сейчас возьму накидку.

— Не стоит, — отозвался он и, стряхнув с плеч тяжелый меховой плащ, набросил ей на плечи. — У меня не хватит терпения дожидаться.

Корделла прикусила губу, но покорно вышла вслед за Гарриком из домика, в котором жила с остальными рабынями. Она немного испугалась решив, что этот высокий викинг хочет ее и уводит от других, чтобы овладеть ею. И хотя Корделла с наслаждением отдалась бы этому гиганту, но такое приключение не входило в ее планы. Никто, кроме Хьюга, не спал с Корделлой с тех пор, как она попала сюда, и старший сын Ансельма предъявил на нее права.

— У меня неприятности, госпожа, — признался Гаррик, пока они медленно обходили поселение. — Мне нужна твоя помощь, и только ты можешь все объяснить.

Он рассказал о странном поведении Бренны, неразумном упрямстве, отказе служить ему и особенно о том, что случилось сегодня утром.

— Не знаю, покорится ли она на этот раз. Неужели эта девушка так мало ценит свою жизнь?

Корделле хотелось рассмеяться, но она не осмеливалась. Значит, Бренна ведет себя, как всегда! Корделла знала, что так и будет! А викинг... викинг искренне волнуется, чего Бренна, без всякого сомнения, не заслуживает. Может, теперь наконец Корделла сумеет отомстить!

— Истинная Бренна, — отозвалась Корделла. — Но она никогда не станет рисковать жизнью! — злобно бросила она.

— Однако она сражалась с моим отцом и даже ранила одного из викингов! Тогда Бренна не думала об опасности!

— Просто не верила, что с ней случится плохое, — как можно убедительнее объяснила Корделла, — полагала, что викинги не убивают женщин. Что же касается упрямства, это просто уловка, чтобы посмотреть, до каких пределов можно пойти и чего добиться. Она считает, что рабский труд недостойн ее, но, по правде говоря, просто ленива и будет счастлива, если сможет и пальцем о палец не ударить. Всю жизнь слуги выполняли малейшее ее желание.

— Но Бренна работала на конюшне, — возразил Гаррик. — Она заявляет, что не станет заниматься домашней работой.

— А ты сам видел, как она ухаживает за лошадьми? Или, может, задобрила или улестила кого-то, уговорив все делать за нее? Нет, дома было то же самое. Бренна всегда считала, что остальные, родственники и слуги, должны служить ей, как королеве, пока она сама проводит время с мужчинами деревни, кружа им головы, соблазняя, заставляя забыть жен и семьи.

— Ты говоришь о совершенно другой Бренне, не о той, кого я знаю и которая презирает мужчин.

— Но это всего лишь притворство, — схитрила Корделла. — Нет, настоящая Бренна — коварная кокетка с душой шлюхи. Она знает, как красива, и старается покорить каждого мужчину. Ей доставляет удовольствие видеть их у своих ног. Она даже завлекла моего мужа, который тоже потерял из-за нее голову.

— Но Бренна была девственницей!

— И по-прежнему ею осталась? — съехидничала Корделла и, хотя заметила, как мрачно нахмурился Гаррик, не устояла перед тем, чтобы не добавить:

— Если хочешь, чтобы она принадлежала только тебе, викинг, следи за ней получше, потому что Бренна никогда не удовлетворится одним мужчиной. Я хорошо знаю сестру.

— Но я не утверждал, будто хочу, чтобы она принадлежала лишь мне, госпожа, — резко бросил он.

Гаррик покинул дом отца еще более смущенный и расстроенный, чем прежде. Речи Корделлы пришлось ему не под душе, и настроение викинга окончательно испортилось.

Вскоре Гаррик уже стоял перед закрытой дверью своих покоев, но войти не спешил. Кто знает, что он найдет, переступив порог?

Неуклюже придерживая поднос одной рукой, он другой отодвинул засов и вошел. Пес немедленно оказался рядом, приветливо помахивая хвостом.

— Иди, Дог, — велел Гаррик, — твоя еда внизу. Подождав, пока овчарка потрусилась из комнаты, он захлопнул дверь ногой. В комнате горел единственный светильник, но даже в полумраке было видно, что везде царит порядок. Он шагнул дальше и, оглядевшись, обнаружил Бренну, сидевшую на стуле у очага. Поставив поднос, Гаррик подошел к девушке и внимательно посмотрел на нее, гадая, правду ли сказала Корделла. Неужели Бренна ведет какую-то игру? Но к чему ее сестре лгать?

— Почему тебя так долго не было? — спросила Бренна. — Я ужасно голодна.

Гаррик тяжело вздохнул: может, только голод заставил ее приняться за уборку?

— Да, уже" поздно, — сухо отозвался он и, подбросив дров в огонь, выпрямился, ожидая, что сейчас начнутся упреки. Однако Бренна молчала. Гаррик пристально уставился на девушку, и, почувствовав, что тоже хочет есть, уселся напротив нее за маленький стол. Бренна в глубокой задумчивости медленно ела.

— Значит, тебя задержали? — наконец спросила она.

— Нет, просто забыл, что ты ждешь моего возвращения, — довольно резко бросил Гаррик.

Но девушка внезапно рассмеялась, повергнув его в недоумение:

— Прекрасно. Я рада, что ты смог так легко забыть меня, викинг!

— Почему?

— А почему бы и нет? — улыбаясь, ответила она вопросом на вопрос. — Думаешь, я стремлюсь остаться в твоих мыслях? Вовсе нет, поскольку не знаю, что у тебя на уме. Хорошо или плохо, лучше уж мне держаться от тебя подальше и не слишком лезть на глаза.

— У тебя странный способ доказывать это, госпожа, — проворчал Гаррик, — во всяком случае, твое поведение до сих пор было именно таким.

— Так значит, ты все-таки думал обо мне? — весело осведомилась девушка. — Прости, Гаррик. Наверное, мне действительно придется вести себя по-другому начиная с этого дня.

— Какую игру ты затеяла, девушка? — Отодвинув миску, Гаррик пристально посмотрел на Бренну.

— Никакую.

— Значит, теперь соглашаешься мне служить? — спросил он, сбитый с толку столь внезапной переменной.

— Да, но разве ты не этого хотел? Я склоняюсь перед твоей волей, Гаррик. Как теперь ты себя чувствуешь, выиграв столь тяжкий поединок?

По какой-то причине Гаррик ощущал, что проиграл, но признаваться в этом не собирался.

— Рад, что ты наконец опомнилась.

— Ты не оставил мне иного выбора, Гаррик, — с легкой горечью ответила она.

Он наблюдал, как девушка ест, упрямо уставившись в стол. Почему она стала совершенно другой? После такого бешеного сопротивления, когда Бренна шла на все, лишь бы настоять на своем, и не боялась ни угроз, ни побоев, можно было ожидать, что она предпочтет провести несколько дней без еды, прежде чем сдастся. Неужели сестра в самом деле права, и все это лишь чистое притворство, желание посмотреть, чего можно добиться и каким образом приручить его?

— Твоя комната в полном порядке, Гаррик, — объявила Бренна, прервав невеселые размышления викинга. — Твоя мантия зашита.

Она отодвинула миску и встала.

— Если я тебе сегодня больше не понадобится, ты разрешаешь мне вернуться в маленький домик?

Гаррик чуть поколебался; глаза цвета морской воды потемнели:

— Нет.

— Вот как? Что же прикажешь сделать на этот раз?

— Пока ничего, но и с остальными ты больше жить не будешь, госпожа. С этой ночи тебе придется спать в покоях Ярмиллы, где она живет в мое отсутствие. Это напротив комнаты для шитья.

— Почему? — резко вскинулась девушка, подбоченясь и гневно сверкая глазами.

Брови Гаррика вопросительно поднялись, а в голосе слышалась легкая издевка:

— Я думал, что ты решила во всем подчиниться мне, госпожа. Значит, говорила не правду?

Он заметил, как негодуяюще выпрямилась Бренна, как гневно прикусила губу, но ответ прозвучал на удивление спокойно:

— Как пожелаешь.

И Бренна с холодным достоинством покинула комнату, оставив Гаррика удивляться собственному решению. Почему он так нуждается в ее близости?!

Глава 20

Усталая Бренна, потирая покрасневшие глаза, вошла в кухню. Этой ночью она почти не спала. Джейни уже хлопотала у стола: резала огромный кусок говядины на жаркое. Молодая женщина выглядела необыкновенно хорошенькой в чистой серой рубашке; медные волосы были аккуратно схвачены ленточкой на затылке. Она казалась отдохнувшей и свежей, что заставляло Бренну чувствовать себя еще более измученной. Завидев ее, пес вскочил и, оставив излюбленное место у вертела, подошел и начал тыкаться носом в руку, пока девушка не погладила его. Только после этого овчарка, виляя хвостом, вернулась к лакомым кусочкам.

— Доброе утро, — выговорила наконец Бренна, чтобы привлечь внимание Джейни.

— О Бренна! — воскликнула та. — Боже милостивый, мы так волновались! Когда хозяин тебя запер, не знали, что и думать! И не осмелились спросить у него, в чем дело, почему он был злой в последнее время.

— Просто он не желает, чтобы я работала с Эри-ном. Да еще подолгу ездила верхом, — пояснила девушка. — Требуется, чтобы я вместо этого трудилась в доме наравне с вами. Сама виновата, что он запретил мне выходить! Отказывалась сделать, как он хочет, вот и все!

— Но ведь теперь согласилась, — заметила Джейни. — Хозяин сказал, что с этого дня ты станешь нам помогать.

— Да.

— Кажется, ты атому не очень рада. Но здесь почти нет тяжелой работы, Бренна, — Дело совсем не в этом. Обидно, что Гаррик желает, чтобы я служила ему, как рабыня, хотя я была готова стать ему верной женой. Именно это убивает меня. Почему я должна покоряться ему, зная, что узы брака никогда не свяжут нас?

— Притворись, что вовсе не он считался твоим женихом, — посоветовала Джейни.

— Сомневаюсь, что это поможет, — усмехнулась Бренна и, зачерпнув овсянки из небольшого горшочка, вернулась к столу.

— Ты сказала, что здесь особенно нечего делать. Тогда почему же ты выглядела такой усталой, когда я впервые попала сюда?

— Потому, что без Гаррика здесь правит Ярмила, — с легкой гримаской ответила Джейни, — а поскольку у нее нет собственных рабов, ей нравится помыкать нами. Кроме того, она не выносит праздности. Заставляет убирать и без того чистые комнаты, лишь бы чем-нибудь занять нас. Хорошо, что, когда Гаррик дома, она является сюда только дважды в неделю!

— Но Гаррик знает о ее бессмысленной строгости? — спросила Бренна.

— Нет, но не стоит говорить ему об этом. В каком-то смысле Ярмила его родственница. Ее незаконнорожденный сын — брат Гаррика.

— Понимаю.

— Кроме того, она единственная, у которой здесь нет своей земли или фермы, так что хозяин нуждается в ней. У остальных за хозяйством присматривают жены, а Гаррик холост.

— Значит, он еще подумает, прежде чем упрекнуть ее или заступиться за вас?

— Скорее всего.

— Но это ужасно! — возмутилась Бренна. — Он должен узнать обо всем!

— Все не так плохо, как кажется, Бренна. Он большей частью дома, если, конечно, не считать последней зимы. Кроме того, хозяин не так много требует от нас, только, чтобы обед готовился вовремя, да белье и комнаты были чистыми, ну и к гостям относились почтительно и с уважением.

— И выполняли каждое их желание, — с отвращением добавила Бренна.

— Да, эти викинги любят позабавиться с женщинами, — улыбнулась Джейни.

— Похотливые ублюдки, ничего больше! — бросила Бренна, разъяренно сверкая глазами. — Может, я и рабыня, но уж этого от меня никто не дождется! Пусть хоть голодом меня уморит, не буду я шлюхой! Не буду!

— Он морил тебя голодом?

— Нет, только угрожал, — призналась Бренна. — Готов на что угодно, лишь бы сломить меня!

— Может, ты зря беспокоишься? Когда придут гости, снова спрячешься, как раньше, они придут к нам в маленький домик, но никто и не подумает искать в комнате для шитья.

— Я больше не вернусь в домик, — ответила Бренна, хотя так и не поняла, чем вызвано внезапное решение Гаррика. — Он велел мне жить в комнате Ярмиллы.

— Видно, тебе и впрямь не о чем тревожиться, — усмехнулась Джейни. — Кажется, Гаррик решил ни с кем тебя не делить.

— Будь это так, он не оставлял бы меня в покое по ночам! Но, по-моему, он совсем ко мне равнодушен.

— И до сих пор не взял тебя?! — в изумлении пролепетала Джейни.

— Взял, но только дважды, — процедила Бренна, побагровев от смущения. — И, поверь мне, пожалеет, если снова попытается!

— Без сомнения, это будет нескоро, — заверила Джейни. — Он старается вообще обходиться без женщин. И если узнаешь, в чем причина, может, поймешь, почему последнее время он сам не свой. Морна вернулась.

— Вернулась?

— Да, несколько дней назад. Перрин сказал. Муж ее умер от сильной простуды и оставил ее богатой вдовой. Теперь жди беды.

— Но почему? Джейни нахмурилась:

— Перрин говорил, что она снова собирается завлечь Гаррика.

— И он примет ее? — Бренну словно молнией ударило.

— Морна — его первая любовь, а такое не забывается. Но, по правде говоря, она его больно ранила, — призналась Джейни. — По моему мнению, только последний глупец может простить ее после того, что она сделала. Но кто знает, что на сердце у мужчины? — пожав плечами, добавила она.

— Только сам мужчина, да и то, если очень захочет этого, — с едва заметной горечью пробормотала Бренна, внезапно поняв, что отдаст все на свете, лишь бы проникнуть в мысли Гаррика.

Остаток утра и весь день Джейни и Бренна провели за стиркой. Бренна колотила белье валиком, пока Джейни кипятила воду, набранную из огромного чана, стоявшего возле дома, куда собирали дождевую воду, и развешивала одежду для просушивания. Бренна яростно терла туники и штаны Гаррика на стиральной доске, не обращая внимания на то, что они расползаются по швам и ей же придется потом все чинить. Поскольку солнце показывалось лишь на несколько часов, приходилось тщательно отжимать выстиранное белье и развешивать на сквозняке. Уже к вечеру работа была закончена, и тогда же Бренна впервые в жизни увидела северное сияние. Сначала она была напугана странным свечением, пока Джейни не объяснила, что зеленовато-желтые сполохи часто появляются на небе в это время года. Она также сказала, что огни бывают разноцветными — белыми, красными, голубыми и даже самыми красивыми — фиолетовыми. Бренна не могла дождаться, когда сможет сама увидеть все это. Чужая земля, земля многих тайн, так отличающаяся от ее родины, казалась совершенно иным миром.

Было уже совсем поздно, когда Гаррик наконец пришел ужинать. Взгляд Бренны неудержимо притягивали забрызганные кровью штаны, ярко-красное пятно на коричневой оленьей шкуре.

— Не знала, что у тебя есть враги в твоей же стране, — задумчиво посмотрев на него, чуть хрипловато выдохнула она наконец.

— Верно, но не их я встретил сегодня, девушка, — ответил он, медленно расплываясь в улыбке, — и должен разочаровать тебя — это кровь не моя, а лани, которую теперь разделяет Эвери.

— Эвери?

— Да, еще один из моих рабов.

Нарочитое напоминание Гаррика о подневольном положении Бренны не прошло незамеченным. Краска мгновенно залила ее лицо, а серебристо-серые глаза гневно сверкнули.

— Но, кажется, ты совсем неумело прикончил добычу! — презрительно бросила она, вновь оглядывая багровые пятна. — Не считаешь ли, что стрела в голову не портит шкуры и рана при этом крови гораздо меньше?

— Сначала ты готова держать пари, что разбираешься в лошадях лучше, чем я, — рассмеялся Гаррик, — теперь собираешься поучать меня, как нужно охотиться? Не перестаю удивляться тебе, Бренна!

На мгновение Бренне стало неприятно. Она почему-то терпеть не могла, когда Гаррик называл ее по имени. Раньше он делал это только в минуты нежности.

— Тебя ждет ужин, — бесстрастно выговорила она, стараясь как можно скорее ускользнуть. — Куда принести еду?

— Это означает, что ты будешь мне прислуживать? — спросил он слишком дерзко, как показалось Бренне, оглядывая ее с головы до ног. — А где остальные?

— Может, ты еще не понял, что уже поздно, викинг? — раздраженно прошипела Бренна. — Все уже давно ушли спать.

— А ты терпеливо дожидалась меня? Он, неожиданно оказавшись за ее спиной, начал снимать тяжелый меховой плащ.

— Да, перемена в тебе поистине поразительна, Бренна. Странно, что ты не отправилась к себе и не предоставила другим позаботиться обо мне. Неужели соскучилась?

Девушка, негодуя охнув, вскочила, оказавшись лицом к лицу с Гарриком:

— Ты, самодовольная свинья! Я скорее сяду за стол с последним ослом, чем с тобой!

Она решительно направилась к порогу, но не успела сделать и двух шагов, как услышала резкий окрик:

— Я не давал тебе разрешения удалиться, госпожа! Бренна устремила на него затуманенные бешенством глаза, но, сцепив зубы, молча ждала, что будет дальше. Безумная ярость затопила девушку при виде легкой улыбки, игравшей на губах Гаррика. Он попросту наслаждается происходящим!

— Ты подашь ужин, — не повышая голоса велел Гаррик, — но сначала наноси горячей воды в лохань. Я хочу вымыться.

— Вымыться? Сейчас? — не веря своим ушам переспросила девушка и, когда Гаррик кивнул, застонала. Руки и без того потрескались и болели от стирки и холодного ветра, непривычные к тяжелой работе и грубому мылу, а теперь еще придется сгибаться под тяжестью ведер! Бренна невольно помедлила.

— Что с тобой? — спросил Гаррик, заметив ее нерешительность. — По-моему, я достаточно ясно сказал. Ничего тут сложного нет!

— Сам и носи тогда, — прошипела Бренна. — Я не стану таскать воду по лестнице!

— Я и не просил тебя об этом, — пожал плечами Гаррик. — Вымоюсь здесь. Надеюсь, ты не возражаешь?

Бренне действительно нечего было ответить.

— Как пожелаешь, — сухо процедила она и, подхватив тяжелые ведра, направилась к гигантскому чану с дождевой водой на задах дома. Ледяной ветер забирался под юбку и

пробирал до костей. Девушка наполнила ведра и, едва не роняя их, так как ручки впивались в истертые пальцы, потащила к дому.

Гаррик придвинул лохань к очагу и молча наблюдал, как девушка льет туда холодную воду. Она нехотя вышла из теплой кухни и снова направилась за водой. На этот раз Гаррик встретил ее у порога.

— Займись ужином! — нетерпеливо рявкнул он, забирая ведра. — С такой скоростью мне всю ночь придется прождать!

Обрадованная, Бренна поспешила к очагу, даже самой себе не смея признаться, что под нетерпением Гаррика скрывается обыкновенная доброта. Потребовалось не одно ведро, чтобы наполнить лохань даже наполовину. Правда, Гаррик принес гораздо больше, воды, чем требовалось для купания, но Бренна ничего не сказала.

Стараясь не поворачиваться к нему лицом, Бренна выложила на тарелку тушеное мясо, приготовленное Джейни, и, положив рядом каравай плоского хлеба, наполнила кружку элем. Потом составила все это на поднос, так как не знала, где Гаррик будет ужинать. Скорее всего прямо здесь, поскольку огонь в холле почти погас. По правде говоря, Бренна не подумала затопить в его комнате, да и в своей тоже.

Поставив котлы с водой греться, Гаррик подошел к столу и уселся на длинную скамью. На этот раз Бренна стояла позади, разглядывая широкий разворот его плеч, золотистые волосы, завивавшиеся на шее, и мощные руки, бугрившиеся мускулами. Бренна покачала головой и попыталась отвести зачарованный взгляд. Вид этого человека пробуждал в душе странные ощущения, которые она не могла объяснить себе, и это ее пугало.

— Ты ужинала? — неожиданно спросил Гаррик, не оборачиваясь.

— Да, уже давно, — пробормотала девушка. Бренна прикусила губу, наблюдая, как Гаррик продолжает ужинать. Она все сделала, подала на стол, натаскала воду для ванны, но уходить из теплой кухни ей почему-то не хотелось. Правда, еще труднее было оставаться и испытывать странное воздействие, производимое на нее присутствием Гаррика этой ночью.

Обойдя вокруг стола, она очутилась лицом к лицу с викингом:

— Теперь мне можно уйти... Гаррик? Перед сном я затоплю очаг в твоей комнате.

Гаррик долго смотрел на нее, прежде чем ответить. Взгляд скользнул ниже, к мягким холмикам груди, чуть заметно поднимавшимся с каждым вздохом под грубой тканью сорочки, к изящному изгибу бедер, подчеркнутому чем-то вроде кожаного пояса. Одежда девушки была невзрачной и некрасивой, но ничто не могло скрыть ее неземную прелесть.

— Так что? — сухо процедила она, покрасневшись от смущения.

Глаза их снова встретились, и Гаррик весело улыбнулся.

— Разведешь огонь в моей комнате, госпожа, и сразу же возвращайся.

— Зачем?

При виде недоуменного лица девушки улыбка его стала еще шире.

— Ты не должна задавать вопросы хозяину, Бренна. Выполняй приказания да поторапливайся!

Девушка проглотила так и просившийся на язык дерзкий отваги поспешила покинуть кухню. Вскоре и так все станет ясно. Она развела огонь в покоех Гаррика и своей комнатке и медленно спустилась вниз, потирая заледеневшие на холодной лестнице руки. Бренна намеренно не торопилась и застала Гаррика уже стоявшим около лохани. Девушка принесла ему чистую тунику, чтобы он надел после купания.

— Замочи, а утром постираешь, — ухмыльнулся Гаррик, бросив ей снятую одежду. — Еще немного, и сможешь отдохнуть, — пообещал он, нагибаясь, чтобы развязать обмотанные крест-накрест подвязки.

Бренна смерила его убийственным взглядом, на который тот не обратил внимания, но сделала, как было велено. Когда Гаррик начал снимать штаны, девушка поспешно отвернулась, залившись краской. Неужели он будет купаться в ее присутствии? И как посмел обнажиться перед ней? Совсем лишился стыда!

— Вот и все, — услышала она, но продолжала стоять спиной к нему.

— Что гложет тебя, женщина? — удивился он и, поняв, что Бренна не собирается поворачиваться, рассмеялся и швырнул штаны к ее ногам. Раздался громкий всплеск воды из лохани, и только тогда она подняла штаны, положила в ведро к остальной одежде и осторожно посмотрела в сторону Гаррика. И вдруг она поняла, что не в силах отвести глаз от бронзового торса, могучих бугристых мускулов под светлой порослью завитков на груди, мощных рук, которые при необходимости могли прикончить медведя.

— Не хочешь присоединиться ко мне, Бренна? Только сейчас до нее дошло, что Гаррик заметил, как откровенно она уставилась на него.

— Нет! Я купалась утром! — густо покраснев, спохватилась Бренна.

— Что, может, хочешь потереть мне спину? Увидев веселые искорки в глазах Гаррика, Бренна почему-то пришла в ярость:

— Ни за что!

— А если я прикажу?

— Тогда узнаешь, как остры мои ногти! — предостерегла Бренна. — Я честно выполняю всю работу. Не требуй от меня большего, викинг, иначе потеряешь все, чего успел добиться!

— Ну вот, ты снова угрожаешь мне! — с притворным отчаянием воскликнул Гаррик. — Значит, не так-то уж ты изменилась, как хотела заставить меня поверить!

— Я согласилась стать служанкой в твоём доме, но не ублажать тебя, — спокойно ответила девушка, хотя глаза мятежно потемнели. — Можно Мне теперь уйти?

— Иди, — вздохнул Гаррик. — Утром Коран опорожнит лохань.

Бренна почти выбежала из комнаты и, поднявшись наверх, вошла в свою спальню и громко захлопнула за собой дверь. Однако тут же пожалела об этом. Теперь, услышав стук, Гаррик, несомненно, поймет, что вывел ее из себя. Почему он постоянно старается затеять спор и выйти победителем в этом поединке характеров? Неужели так будет продолжаться, пока она

окончательно не покорится ему? Нет, этот день никогда не настанет!

Бренна разделась и аккуратно повесила сорочку на единственный стул. В ногах кровати стоял, правда, небольшой сундук, но он был пуст, а своих вещей, чтобы положить туда, у Бренны не было: ночную рубашку и ту, что она надевала днем, ей выдали из кладовой, где хранилась одежда для рабов. Кроме этого, Бренна получила гребень из слоновой кости и пару тонких кожаных башмаков, слишком больших для ее крохотных ножек. Оставалось только с горькой усмешкой вспоминать о тех нарядах, которые она носила раньше.

Накинув ночную сорочку, лежавшую поперек кровати, девушка окончательно расстроилась — после стирки грубая ткань стала еще более колючей чем раньше. Но ничего не поделаешь — придется терпеть. Усевшись на постель, она расплела длинные шелковистые косы и расчесывала до тех пор, пока огонь не начал отражаться в их сверкающем потоке. Наконец Бренна легла под вышитое одеяло и постаралась уснуть, но почему-то глаза не хотели закрываться. Она не может успокоиться, пока не ляжет Гаррик!

Девушка прислушивалась к уютному потрескиванию дров, пытаясь убаюкать себя... Бесполезно. Тело напряжено, словно тетива, мысли лихорадочно мечутся в голове. Она ждала и ждала, пока откроется и закроется дверь ниже по коридору. Казалось, прошло уже несколько часов, но все было тихо. Почему ей так необходимо знать, что Гаррик лег, прежде чем заснуть самой?

Бренна нашла ответ, только когда дверь ее комнаты распахнулась. Откуда она знала, что он придет? Может, те дерзкие, жадные взгляды, которыми он окидывал ее, послужили предупреждением?

Он стоял на пороге в одной короткой шелковой тунике, небрежно схваченной поясом и открывающей светлые завитки на груди. Отблески пламени играли на обнаженных бедрах и длинных сильных ногах, которые через несколько минут будут лежать между ее собственными.

— Что тебе нужно, Гаррик? — спросила она гортанным шепотом.

— Тебя! — выдохнул он.

Девушка приподнялась на локте, не обращая внимания на рассыпавшийся по плечам водопад волос.

— Полагаю, это одно из тех мгновений, о которых ты упоминал раньше? Когда твое тело жаждет познать женщину?

— Вижу, у тебя хорошая память, — недовольно проворчал он.

— Почему бы и нет? В конце концов это не мужчина, не Гаррик желает меня, а всего лишь его тело, — небрежно бросила Бренна. — Хочешь взять меня здесь или предпочтешь свою постель?

Гаррик недоуменно нахмурился, не в силах понять причины такой внезапной уступчивости. Бренна, однако, совсем не была так спокойна, как выглядела, хотя его Колебания помогли сделать следующий шаг:

— Вижу, ты не можешь решить, Гаррик. Ну что ж, эта кровать слишком мала для тебя, так что придется пойти с тобой.

Грациозно соскользнув с постели, она с чувственно-призывной улыбкой подошла к двери и,

остановившись перед ним, нежно дотронулась до его груди.

— Или ты передумал, Гаррик? Скажи мне сейчас, прежде чем я шагну за порог.

Недоумение столь странной покорностью быстро сменилось раздражением:

— Нет, не передумал.

— Тогда пойдем, — велела она и пошла вперед. Сердце ее колотилось так, что, казалось, вот-вот выскочит из груди, причиняя сладостную боль. Он придет в бешенство, сообразив, что она провела его, но Бренна не собирается терпеть последствия этого гнева, пока ее не поймали, а уж такого она не допустит!

Добравшись до лестницы, девушка молниеносно метнулась вниз и помчалась к задней двери. Там, снаружи, так темно, что она отыщет подходящее укрытие, пока ярость и желание Гаррика не остынут.

Но она не предполагала, что дверь окажется запертой, и, прежде чем успела отодвинуть тяжелый засов, Гаррик оказался за спиной. Бренна громко закричала, когда он подхватил ее и перебросил через плечо с такой силой, что она на миг задохнулась. Но тут же придя в себя, начала вырываться и бить его кулаками по спине, так что Гаррик едва не уронил ее, пока нес по ступенькам. Громкий шлепок по ягодицам не охладил ее пыла, скорее, подогрел его.

Добравшись до своей комнаты, Гаррик пинком захлопнул дверь и, двумя прыжками оказавшись у кровати, швырнул на нее свою ношу, а потом выпрямился и с циничной улыбкой наблюдал, как Бренна откатилась от него подальше, готовая вскочить и бежать, если Гаррику вздумается преследовать ее. Но тот не шевелился.

— Из одной крайности в другую, верно? — заметил он, подбоченившись. — А я-то думал, что ты сможешь удержаться где-то посередине.

— Ты говоришь загадками, — настороженно бросила Бренна, с облегчением заметив, что он вовсе не кажется охваченным яростью.

— Разве? Тогда объясни, что означают эти выходки? Ты считаешь, это в порядке вещей, госпожа?

— Я не знаю, о чем ты говоришь, — вскинулась девушка, вызывающе подняв подбородок. Гаррик покачал головой и опустил руки.

— Да, мне следовало бы знать, что не стоит ожидать честности от женщины. Нужно было сразу понять, что ты попытаешься меня провести — уж слишком покорно вела себя, была слишком уступчива. И все-таки я не ожидал ничего подобного. С чего ты вдруг умчалась от меня, словно испуганная девственница? Что за игру ты ведешь, Бренна? Объясни мне правила.

— Никаких игр. Неужели ты действительно считал, что я раскрою тебе свои объятия?

— Да, особенно после нашей последней встречи, — усмехнулся Гаррик.

— Самодовольный негодяй! — взорвалась она, вновь обретя мужество. — Неужели забыл, как бесстыдно лгал мне?! Ты сказал, что не воспользуешься моим положением, но не сдержал слова! Конечно, во всем виновато лишь мое любопытство!

— Значит, именно любопытство заставило тебя так страстно отдаться мне? — пренебрежительно расхохотался Гаррик.

— Не правда! — вспыхнула Бренна. — Ты пробудил мою страсть, викинг, а не я — твою.

— Но тогда ты не пыталась ускользнуть. И, клянусь Тором, не разжимала рук, не хотела отпустить меня и бесстыдно требовала продолжать! Неужели ты отрицаешь это сейчас?

— Конечно, тебе этого не понять, — пожав плечами, Бренна лукаво усмехнулась. — Видишь ли, ты получил свое, но я не испытала наслаждения. — И, заметив, как мрачно нахмурился Гаррик, добавила:

— О, это не твоя вина. Просто у меня ушло больше времени на то, чтобы открыть тайну.

— Тайну?

— Да, дойти до конца. Понять, что делает это... соитие столь желанным. Ну, по вкусу тебе моя честность, викинг?

— И ты... я подарил тебе блаженство?

— Да, и я не стыжусь в этом признаться.

— Тогда почему же, гром и молния, ты пыталась сбежать от меня? — насупив брови, мрачно осведомился он.

— Только потому, что если мне и понравилось это, викинг, то вовсе не значит, будто я снова покорно приползу в твою постель и попрошу о милости! Мое любопытство удовлетворено, и в отличие от вас, мужчин, не имею ни малейшего желания продолжать и повторять этот... этот акт.

— Акт! — раздраженно фыркнул Гаррик. — Для этого есть слово и получше!

— Уж не любовь ли? — прошипела девушка. — Поскольку между нами горит лишь ненависть, в том, что мы делали, не может быть любви, ни с твоей стороны, ни, уж конечно, с моей. Ты сам признал, что лишь твое тело жаждет удовлетворения. Поэтому зачем приходите именно ко мне, ведь для этого сойдет любая женщина!

— Но я пришел к тебе! — ответил он с коварной улыбкой.

Глаза Бренны подернулись дымкой ярости:

— Ну так вот, я отказываюсь! Не желаю, чтобы меня использовали для удовлетворения своих низменных потребностей!

— Значит, отказываешься, — небрежно бросил он, по-прежнему недобро усмехаясь. — Меня ничто не остановит! Я хочу тебя и возьму! — Думаю, мне повезло, что твоя плоть не часто пробуждается! — Глаза девушки хитро блеснули. — Но скажи, ты когда-нибудь стремился найти жену?

— К чему мне она?

— Даже если это будет Морна?

Девушка намеренно попыталась возбудить гнев викинга, даже если за эти дерзкие слова могла понести наказание, но не ожидала такой ярости, от которой по телу пробежал озноб.

— Откуда ты узнала о Морне? — спросил он зловеще-спокойным тоном.

— Неужели тебе не известно, что никогда не следует вступать в поединок, не узнав предварительно все что можно о противнике? Я всегда следую этому правилу.

— Считаешь меня своим врагом?

— Несомненно, ты мне не друг и не союзник. Поэтому считай, что мы враги.

— Нет, — холодно бросил Гаррик — Я хозяин, а ты рабыня. Мы сражаемся словами, не оружием. А сейчас я устал от слов.

— Значит, позволишь мне уйти? — с надеждой спросила Бренна.

— Да... когда акт... как ты его называешь, будет закончен.

Внезапный рывок Гаррика застал Бренну врасплох. Охваченная паникой, она попыталась увернуться, но оказалась недостаточно проворной. Гаррик успел схватить ее за ногу и потянуть. Но Бренна рванулась с такой силой, что плюхнулась на пол. Несколько мгновений она не могла опомниться. Ушибленные локти ужасно ныли, а на глазах от боли выступили слезы. Бренна проклинала себя за то, что позволила прозрачным каплям покатиться по щекам. Теперь он увидит ее слабость! Слезы — женское оружие, она не станет пользоваться столь низменными уловками, чтобы разжалобить противника.

— Ушиблась?

— Какое тебе дело!

— Ушиблась? — резко повторил он.

— Нет, только нога болит, в том месте, где ты в нее вцепился! — солгала Бренна, поспешно вытерев слезы ладонью. — Отпусти меня, чтоб тебе пропасть!

— Нет, Бренна, — мягко ответил он. — Пока нет. — И, не отпуская ее щиколотки, Гаррик другой рукой приподнял подол рубашки. Бренна пыталась отбиваться свободной ногой, но он лишь рассмеялся, глядя на ее тщетные усилия. Бренна с ужасом наблюдала, как он встает с кровати, не выпуская ее ног.

— Прекрати, Гаррик! Отпусти, я сказала! Но он поднимал ее с пола все выше и выше, пока Бренна не повисла над кроватью, не зная, что делать: попытаться одернуть сорочку, сбившуюся почти к шее, или опереться руками о кровать, но, прежде чем она успела принять какое-либо решение, Гаррик осторожно опустил ее на постель, однако пальцев не разжал, наоборот, а, начал разводить ее ноги в разные стороны.

Когда он встал на колени, Бренна вновь рванулась, но Гаррик дернул ее обратно и молниеносно забросил ее ноги себе на плечи. Мгновенно упав на нее, он всем телом придавил ее к перине, так, что Бренна не могла ни пошевелиться, ни опустить ноги. Он даже не снял короткую тунику, распахнувшуюся от усилий, и его плоть прижалась к ее телу, ища входа.

— Ты гнусное животное, — прошипела она.

— Нет, я просто полон решимости взять тебя, Бренна, вот и все, — пробормотал он.

Девушка злобно уставилась на викинга:

— Пока ты ухитрился только возбудить во мне ярость, но если ты принудишь меня сейчас, Гаррик-, — к гневу прибавится ненависть, а последствия этой ненависти будут ужасны. Тебе больше не видеть мира и покоя в собственном доме!

Вместо ответа он вонзился в нее одним резким толчком, так что на глазах девушки вновь навернулись слезы от неожиданно-грубого насилия. Гаррик взял ее быстро, без нежности и ласк, а она все бросала ему в лицо проклятия.

Наконец он опустил ноги девушки. Как только Бренна обрела свободу, она буквально слетела с постели и, словно обожженная, бросилась в свою комнату.

Гаррик в отчаянии ударил кулаком по перине.

— Локи возьми ее! — пробурчал он. То, что представлялось приятной любовной игрой, обернулось очередным поражением. Такая «победа» радости не приносит!

Глава 21

В этом году первый снег лег на землю поздно, лишь в конце осени, и принес с собой метель, продолжавшуюся целую неделю. Реки и пруды покрылись толстым слоем льда, а по берегам намело сугробы высотой до пяти футов. Повсюду, насколько хватало глаз, расстиралось уныло-белое покрывало, и мало кто отваживался бросить вызов ледяному ветру и снежным заносам. Одним из этих немногих оказался Гаррик. Он уехал за две недели до того, как начался буран, и не вернулся даже после того, как снегопад улегся.

В тот день, когда ветер стих, Ансельм явился в дом Гаррика и привел с собой тонконогую грациозную кобылку с серебристой шкурой — Элоиза узнала от Линнет, что лошадка принадлежала раньше леди Бренне. Вот уже три долгих месяца эта темноволосая девушка не давала ему покоя, а недовольство сына новой рабыней отнюдь не улучшало его настроения. Ансельм уже жалел, что отдал Бренну Гаррику. И, хотя сам давно не видел девушку, зная бешеный нрав сына, опасался, что тот может окончательно сломить ее.

Ансельм подарил Бренну Гаррику в надежде, что ее ум и красота отвратят его мысли от стервы, превратившей веселого, жизнерадостного молодого человека в холодного циника. Когда Гаррик поговорил наедине с сестрой девушки, а потом, месяц спустя, с теткой, Ансельм предположил, что желание сына узнать побольше о новой рабыне — многообещающее начало. Однако именно после этого характер Гаррика стал поистине невыносимым, и Ансельм никак не мог понять, почему. Теперь сын неделями охотился в холмах, и отец почти не видел его.

Отлучки Гаррика становились все более долгими, а последняя поездка на север продолжалась вот уже больше трех недель. И хотя Ансельм начал слегка беспокоиться за сына, все же решил подождать еще несколько дней, прежде чем начать поиски, о чем неотвязно просила Элоиза еще с того дня, как разыгралась снежная буря.

— Эй, старик, как ты тут?

Эрин вылез из конюшни, завернутый с ног до головы в пестрый плащ из лоскутов меха.

— Ни к чему кричать, я и так слышу, — хрипло проворчал он.

Ансельм недовольно разглядывал раба:

— Вижу, Гаррик по-прежнему тратит меха на рабов!

— Да, мы одеты теплее, чем бедняги в твоём хозяйстве, — ухмыльнулся Эрин.

Ансельм ни от кого бы не снес подобного замечания, но к Эрину питал непонятную слабость. Старик служил еще его отцу, а теперь и сыну, и вот уже много лет Ансельм и Эрин шутили и подтрунивали друг над другом.

— Я привел новую кобылку, — объявил Ансельм, внезапно став серьезным. — В конюшне есть место?

— Еще бы, — буркнул Эрин. — Конечно, есть!

— Учти, она не для Гаррика.

— Вот как?

— Это подарок для кельтской девушки, — мрачно проворчал вождь.

— Клянусь всеми святыми, — прокудахтал Эрин. — С каких это пор ты одариваешь рабов?

— Не твое дело, старый бродяга. Где девушка? С остальными рабынями?

— Нет, она живет в большом доме. Ансельм удивленно поднял брови.

— Что ж, может, не такой уж я и глупец, в конце концов, — хмыкнул он.

— Хочешь узнать мое мнение? — вставил Эрин, насмешливо сверкнув глазами.

— Займись-ка лучше делом, — посоветовал Ансельм и направился к дому.

Бренна была на кухне, где проводила почти целые дни, поскольку это было самое теплое и приятное место во всем доме. На столе еще стояли остатки завтрака, рядом лежала тушка кролика, которого она начала свежевать к обеду.

В отсутствие Гаррика домом вновь правила Ярмила и сводила сума Бренну бесконечными требованиями и придирками. Но неделю назад старуха отправилась к себе и не спешила возвращаться. Без ее назойливого присутствия Джейни и Модья постоянно сидели в маленьком домике, и Бренна не имела ни малейшего желания высовывать нос за порог. Даже Эрин не появлялся, после того как принес ей провизии на две недели, и предпочитал греться в конюшне, возле лошадей.

Бренна от одиночества дошла до такого состояния, что готова была даже встретить Ярмиллу с распростертыми объятиями. Хотя они почти не разговаривали, Ярмила постоянно говорила сама с собой, и Бренна многое узнавала из этого монотонного бормотания. Например, что Ярмила испытывает глубокую, всепоглощающую ненависть к жене Ансельма, а заодно и к обоим сыновьям Элоизы. Бренна никак не могла сообразить, в чем дело, ведь Ярмила вела хозяйство у Гаррика. Знает ли тот об истинных чувствах старухи?

Бренна подложила в огонь очередное полено и, откинувшись на стуле, уставилась в

мерцающее пламя. Ей было трудно признаться в том, что она тосковала по Гаррику. И неважно, что при нем девушка жила в постоянном напряжении, не зная, что он потребует от нее в следующую минуту, и все время приходилось держаться настороже. А по ночам! О милосердный Боже! 110 ночам Бренна сходила с ума от волнения, ожидая, что он снова придет к ней. Но после той ночи, когда он изнасиловал ее, Гаррик не показывался.

Девушка была смертельно ранена подобным обхождением. Возможно, она простила бы его, прояви он хоть каплю нежности, как раньше. В ту памятную ночь он ласкал ее, и Бренне никогда еще не было так хорошо. Она не могла забыть красоту слияния их тел, несравненное жгучее наслаждение, которое Гаррик подарил ей. А потом... потом он властно держал ее в своих объятиях, словно в самом деле испытывал к ней какие-то чувства, и Бренна не могла насытиться близостью, которую они делили.

Но в последний раз... эта холодная жестокость... Господи! Как она ненавидела его за это! На следующий день девушка сбежала из дома и попыталась развеять гнев и ярость в бешеной скачке. Она и в самом деле почувствовала себя немного лучше, когда, возвращаясь, встретила Корана и предложила подвезти. Даже сейчас при воспоминании об этом на лице Бренны появилась улыбка.

Раб хмуро покачал головой, почти со страхом взирая на лошадь.

— Я и пешком дойду, госпожа Бренна, — объявил он.

— Но что ты делаешь здесь, в поле? — спросила девушка, прыгнув на землю и шагая рядом.

— Эвери и меня послали разыскать заблудившуюся корову.

— Нашли?

— Да. Эвери отогнал ее на пастбище.

— Ну же. Коран, не бойся, — уговаривала Бренна. — Не могу видеть, что ты бредешь в гору, когда до дома так далеко.

— Нет, — снова отказался раб, и Бренна наконец поняла, в чем дело.

— Ты никогда не ездил верхом?

Коран покачал головой и опустил глаза. Он был всего на год-другой старше Бренны. Высокий тощий юноша с приятным лицом, он никогда не жаловался на подневольное положение, и, поскольку Бренне нравился Коран, она не могла не посмеяться над такой нерешительностью.

— Пора бы и научиться. Коран! А теперь садись, не то я подумаю, что ты не хочешь побыть со мной!

Наконец Коран, глуповато улыбнувшись, кивнул, и Бренна помогла ему забраться в седло. Она уже давно не чувствовала себя такой веселой и беззаботной и с лукавым блеском в серых глазах прищипорил лошадь. Та рванулась вперед. Коран уцепился за Бренну, бормоча молитвы, но девушка только смеялась и подгоняла коня, заставляя Корана в ужасе сжимать руки. Она не видела всадника, стоявшего на вершине холма и наблюдавшего за ее проделками. Но для Бренны самым главным сейчас было то, что на душе стало немного легче, пусть и ненадолго. Однако хорошее настроение мгновенно сменилось тоской и гневом при виде рассерженного лица Гаррика, а поняв, что тот не собирается извиняться за свою жестокость, девушка

обозлилась еще больше.

Бренна грустно вздохнула. Вот уже два долгих месяца он не обращал на нее внимания. А потом начал неделями пропадать на охоте. Когда оставался дома, то возвращался очень поздно. Бренна часто гадала, уж не с Мерной ли Гаррик проводит время. Или навещает Джейни с Модьей? А может, рабынь отца... даже Корделлу — по-видимому, и та нравилась ему больше!

В такие минуты Бренна металась по комнате, доводя себя до потери рассудка. Она уверяла себя, что имеет полное право расстраиваться. Вместо того чтобы мирно заснуть, приходится ждать возвращения хозяина!

Как-то, когда Гаррик в третий раз появился почти под утро, Бренна назло ему отправилась спать. Совершенно пьяный и злой, он ввалился в ее комнату и, несмотря на то, что котел с ужином подогревался на углях, заставил прислуживать себе.

Он вел себя так повелительно-холодно, что девушка не решилась протестовать, хотя и была разъярена, чтобы испугаться. Она молча наполнила деревянную миску дымящимся супом и уронила на стол, расплескав на колени викинга половину содержимого. Несомненно, Гаррик обжегся, но не выказал недовольства, что значительно охладило запал девушки. Он велел ей уходить, и она поспешно побежала к себе. Назавтра о случившемся не было сказано ни слова.

Бренна вскинулась, услышав громкий стук в дверь. Сердце тревожно забилось, поскольку только Гаррик мог так стучать. Он, конечно, удивился, найдя дверь запертой. Но с тех пор, как она, пойдя по воду, обнаружила на крыльце убитого кем-то бродячего пса, все засовы тщательно задвигались. Увидев трупик, Ярмила побледнела, но ничего не объяснила, оставив Бренну гадать, кому пришло в голову сделать такое.

Она широко распахнула дверь, уже собираясь объяснить Гаррику, почему все заперто, но на пороге стоял Ансельм, в тяжелой меховой куртке, отчего он казался в два раза шире и толще.

На мгновение девушка застыла, и в ее серых глазах блеснула жгучая ярость.

Не задумываясь, Бренна метнулась к столу и схватила длинный нож, которым разделявала кролика.

Ослепленная яростью, она, забыв о всякой осторожности, ринулась в атаку. Но Ансельм, мгновенно оказавшись за спиной, стиснул ее запястье, а другой рукой принялся разжимать пальцы, пока нож не выпал. Сильный удар отбросил Бренну к очагу, так что она сшибла стул и почти потеряла сознание.

Она с трудом поднялась, тяжело дыша, наблюдая, как Ансельм поднимает нож. Поискав нет ли еще на кухне какого-либо оружия, он закрыл дверь и повернулся к девушке. Глаза их встретились, светло-голубые и серые, как грозовые тучи. Казалось, прошли часы, прежде чем Ансельм снова шевельнулся, спокойно подошел к столу и, выдвинув длинную скамью, сел.

— Я не желаю тебе зла, девушка, — ворчливо объяснил он и, откашлявшись, продолжал, уже более мягко:

— Ты опять не понимаешь меня? Неужели еще не обучилась нашему языку?

Бренна даже глазом не моргнула и не подумала двинуться с места, настороженно глядя на Ансельма. Что привело его сюда, ведь Гаррика нет дома?!

Ансельм повертел в руках нож и, нагнув голову, принялся рассматривать блестящее лезвие.

— Конечно, я понимаю твои чувства, — почти прошептал он. — Мне не за что ожидать от тебя доброты.

Бренна нахмурилась. О чем он?

Пришлось напрячь слух, чтобы понять речь Ансельма.

— Должно быть, мне не следовало приходиться. Прошло слишком мало времени, и ты не успела забыть, что я сделал и почему. Я ненавижу твой народ, девочка, за то, как они поступили с моим сыном. Ты поймешь меня, когда родишь собственного ребенка. Гаррик смог простить им, потому что научился у матери состраданию, но я... я не умею прощать. Мы гордые и мстительные люди, хотя я был не прав, когда задумал разрушить твой дом. Ведь ни ты, ни твоя семья ни в чем не виноваты. Это северные кельты захватили в плен Гаррика и держали в грязном подземелье почти год. Его, семнадцатилетнего мальчишку, морили голодом, давали мерзкое варево, которое и бродячая собака-то есть бы не стала, пытали ради забавы и не убили только потому, что хотели использовать его против других викингов, если снова случится набег. Когда Гаррику удалось сбежать и вернуться домой, от него оставалась лишь тень. Прошло не меньше года, прежде чем к нему вернулись силы, а раны зажили.

Ансельм наконец поднял на Бренну печальные голубые глаза, — Знаю, ты не понимаешь, о чем я говорю, девочка. Ты слышишь меня, но смысл слов остается для тебя загадкой. Может, это и к лучшему, — вздохнул он. — Ты мне нравишься. Я восхищаюсь силой твоего духа и жалею, что лишил тебя дома и родины. Правда, ты никогда не узнаешь этого, поскольку я мужчина, обладающий такой же глупой гордостью, как и остальные. Но по крайней мере стоит попытаться все объяснить, в надежде, что когда-нибудь твоя ненависть ко мне умрет.

Бренну так и подмывало заговорить с Ансельмом на его родном языке, дать знать, что она понимает каждое слово. Какое наслаждение — унижить этого высокомерного викинга... но ей не хотелось выдавать единственный секрет, который может помочь, если она надумает сбежать. Кроме того, она с ужасом узнала о том, что пришлось вытерпеть Гаррику в плену, и поняла, почему Ансельм так одержим жаждой мести, хотя и не могла простить ему гибель родных, разрушение дома и собственную страшную судьбу. В конце концов, Гаррик очутился в подземелье только за то, что совершил набег. Правда, его могли бы и убить сразу, а не пытаться и мучить ради забавы.

Ансельм встал и бросил на стол длинный нож. Бренна молча повернула голову и вновь украдкой взглянула на огромного викинга.

— Да, я знаю, ты заколола бы меня при первой возможности, — с привычной ворчливостью пробормотал Ансельм. — Но не пытайся сделать это. У меня нет желания умирать, особенно когда впереди еще много схваток, много счетов, которые надо свести, много внуков, которых будет некому баловать без меня до того, как я отправлюсь в Валгаллу, к Одину.

Подойдя к очагу, Ансельм протянул руки над огнем, стоя спиной к Бренне, словно подначивая ее броситься за ножом и нанести удар. Может, хочет показать, что доверяет ей? Так или иначе, девушка предусмотрительно решила остаться на месте. Он продолжал говорить, возможно, стараясь очистить совесть:

— С тех пор как я впервые увидел тебя, девушка, меня не перестают мучить тяжелые мысли. Однако я вижу, что тебе неплохо живется в доме моего сына.

И, лукаво взглянув на нее, добавил:

— Только Гаррик почему-то становится все мрачнее и угрюмее. Не в тебе ли причина? Ба! Что это со мной? Разболтался, словно ты собираешься ответить мне, даже если бы и понимала! Нет, должно быть, я в самом деле последний глупец, если говорю с девушкой, которая никак не возьмет в толк, о чем идет речь! И еще больший дурак, потому что привез рабыне в подарок породистую лошадь! Что нашло на меня... А, поздно об этом сожалеть, что сделано, то сделано. Гаррику это, конечно, не понравится, но, может, он позволит тебе ездить на серебристой кобылке, когда узнает, что на родине она принадлежала тебе.

Бренне пришлось опустить ресницы, чтобы Ансельм не увидел радостного блеска в ее глазах. Просто поверить невозможно! Уиллоу здесь? И подарена ей, не Гаррику, а ей!

Ансельм направился к двери. Бренна с любопытством смотрела ему в спину. Почему он сделал это? После всего зла, которое он причинил ей, такая доброта просто необъяснима.

Словно в ответ на невысказанный вопрос Ансельм обернулся:

— Эрин расскажет тебе о лошади. Я не ожидаю, что твои чувства ко мне мгновенно изменятся, но это по крайней мере начало. — Он хмыкнул:

— Вот, должно быть, удивишься и будешь долго гадать, что это на меня нашло.

Что бы то ни было, Уиллоу снова с ней! И теперь появилась надежда смело встретить ледяное дыхание зимы. Конечно, Бренне понадобятся штаны, чтобы защититься от холода.

Бренна внезапно закружилась по кухне, что-то напевая. Такой счастливой она себя не чувствовала уже много месяцев! И то, что этот драгоценный дар именно от Ансельма, не омрачило ее радости. Конечно, Гаррик мог запретить ей выезжать на Уиллоу после стычки с двумя незнакомцами. Девушка нахмурилась, но тут же пожала плечами. Пока его нет, никто не сможет остановить ее! А когда вернется... а, дьявол его возьми! Пусть только попробует воспрепятствовать ей!

Глава 22

Бренна вошла в конюшню и быстро закрыла за собой дверь, чтобы не напустить холода. Она была плотно закутана в тяжелый плащ из бобрового меха, который Гаррик как-то швырнул ей, когда последнее тепло растворилось в ледяном ветре и заморозках. У всех его рабов были собственные плащи или куртки, сделанные из старых шкур, сшитых вместе и считавшихся непригодными для торговли.

Бренна терпеть не могла свой плащ, хотя и чистый, однако очень колючий и невыносимо тяжелый. Она была уверена, что Гаррик специально дал ей самое неуклюжее одеяние, какое только мог найти. Но другого у нее не было, разве что придется совершить набег на кладовую, где хранились одежда, провизия и привезенные Гарриком сокровища. Именно это она и намеревалась когда-нибудь сделать с помощью Эрина. Кроме того, Бренне понадобится оружие для побега.

В конюшне было тепло, а едкие запахи лошадиного пота и навоза воскресили в ее сердце воспоминания о родине. Еще ребенком она почти целые дни проводила в конюшне, если не училась владеть оружием и не бегала повсюду за Энгусом.

Эрина нигде не было видно. Возможно, спит в каком-нибудь стойле? Однако Бренна не имела ни малейшего желания будить его. С трудом сдерживая возбуждение, она начала разыскивать Уиллоу. Заметив наконец серебристую кобылку, девушка со слезами на глазах подбежала к ней.

— О Уиллоу, моя милая Уиллоу, я уже не надеялась больше увидеть тебя! — заплакала она.

По правде говоря, Бренна давно начала сомневаться, что она вообще когда-нибудь встретится с тем, что напомнило бы о доме, поговорит с теткой или с сестрой. Как-то она попросила Гаррика отвезти ее к ним, но тот отказался без всяких объяснений, а Бренна была слишком горда, чтобы попросить еще раз.

Бренна крепко прижалась к шее Уиллоу; кобылка тихо фыркнула и покачала головой.

— Я так рада видеть тебя, — тихо сказала девушка, — что даже готова простить за то, что ты тогда сбросила меня. Жизнь здесь похожа на ад, но теперь мне будет легче!

— Кто там? — раздался голос Эрина. — О, это ты, девочка! Что привело тебя сюда?

Бренна нервно прикусила губу. Плохо, конечно, что приходится лгать Эрину, но она никому не могла доверить свою тайну, даже этому старику, которого считала другом.

— Вчера Ансельм пришел в дом, — наконец сказала она. — И долго говорил о чем-то, только я его не поняла. Поэтому и пришла спросить, чего он хотел.

Бренна снова повернулась к Уиллоу, но на этот раз радость в голосе была неподдельной.

— Я нашла свою лошадь, Эрин! Эрин довольно хмыкнул, не подозревая об обмане Бренны:

— Кобылка твоя, Бренна, подарок самого Ансельма!

— Он сказал, почему?

— Нет, только велел объяснить Гаррику, что лошадь отныне принадлежит тебе.

— Думаешь, Гаррик рассердится? — Бренна не смогла сдержать смех.

— Конечно, не сомневайся, ведь последнее время он то и дело злится. Уж не пойму, что это случилось с мальчиком? Он стал еще хуже, чем несколько лет назад, когда впервые показал характер!

— Хочешь сказать, когда Морна вышла за другого?

— Да.

— И думаешь, сейчас он не в себе, потому что Морна вновь вернулась? — допытывалась Бренна.

; — Честно говоря, не знаю.

Бренна, как и остальные, не могла понять, что творится с Гарриком. Он не был таким, когда Бренна впервые увидела его, наоборот, часто шутил и поддразнивал ее. Теперь она давно уже не слышала его смеха, а говорил он сухо и резко... если вообще обращался к ней. Порой Гаррик молчал целыми днями, словно вступил с ней в безмолвный поединок, где говорили лишь

взгляды.

Сначала Бренна считала себя причиной столь дурного настроения, хотя никак не могла понять почему. Наконец все прояснилось — виновата Морна, Морна, ставшая частью души Гаррика, хотя тот и считал, что ненавидит ее. Но ведь не зря говорят, что от ненависти до любви один шаг. Эта мысль неизвестно почему болью отдалась в сердце Бренны, и она постаралась поскорее выбросить ее из головы. Лучше об этом не думать!

— Я хочу прокатиться на своей лошадке, Эрин, — решительно объявила она. — Надеюсь, ты не возражаешь?

— Нет, но... — Эрин неожиданно осекся.

— Боишься, что я не вернусь? — улыбнувшись, договорила за него Бренна.

Старик пристыженно кивнул.

— Не волнуйся, меня еще не довели до того, чтобы я решилась покинуть дом Гаррика, — заверила она его.

— Но теперь у тебя своя лошадь, надежная и быстрая, которой можно довериться. Такая доставит тебя хоть на край света.

— Только не на родину, Эрин, — пробормотала Бренна, и в глазах ее на мгновение погас свет радости. — Ну же, помоги мне оседлать ее. Не помню, когда я в последний раз садилась в седло, а на Уиллоу ездила... как давно это было, словно в другой жизни. Я скоро вернусь, холод наверняка загонит меня домой, под крышу.

— По крайней мере ты стала считать этот дом своим, — покачал головой Эрин, помогая взнудать Уиллоу.

— Дом — там, где сердце, а сердце мое за морем.

— Ради твоего же счастья, девочка, надеюсь, что в один прекрасный" день твое сердце окажется здесь.

Гаррик пробрался через густые заросли низкорослых елей и сосен, но остановился на опушке, заметив всадника, пересекающего большое открытое поле, поросшее высокой сухой травой, покрытой неровными снежными сугробами. Силуэт незнакомца четко вырисовывался на фоне темно-синего неба, так, что и без солнечного света все было видно, как днем.

Гаррик натянул поводья и молча наблюдал, восхищаясь грациозным полетом серебристой лошади, копыта которой словно не касались земли. Однако кому она принадлежит? Гаррик раньше никогда ее не видел — ни у соседей, ни в конюшне отца и, уж конечно, не в своей собственной.

Всадник невысок и строен, не похож ни на отца, ни на Хьюга. Может, мать? Любопытство Гаррика разгоралось все сильнее до тех пор, пока шляпа незнакомца не свалилась на землю и черные как смоль волосы не разлетелись по ветру. И тут неожиданная буйная ярость мгновенно вытеснила все остальные чувства.

Бренна украла лошадь отца! Другого разумного объяснения быть не могло: она пытается

сбежать! Первым порывом было погнаться за ней, немедленно показать, кто здесь хозяин. Но тут, ощутив, как нетерпеливо переминается под ним жеребец, Гаррик сообразил, что усталый конь вряд ли может состязаться с полной сил кобылкой Бренны.

Прежде чем Гаррик успел принять решение, Бренна описала широкий полукруг и, повернув Уиллоу, попыталась на полном скаку поднять упавшую шляпу, вцепившись при этом в лошадиную гриву.

Гаррик оцепенел. Если лошадь сбросит девушку, та сломает свою глупую голову! Вновь кипит от гнева, он напряженно следил, как Бренна сделала новую, на этот раз успешную попытку. Теперь она остановила лошадь и, вновь высоко подбросив шляпу в воздух, поймала ее, совсем как ребенок, заполучивший наконец желанную игрушку. Даже на большом расстоянии Гаррик слышал ее звонкий веселый смех, смех прежней, непокоренной Бренны.

Пока Гаррик размышлял, как поступить, Бренна удивила его еще раз: пришпорив лошадь, она поскакала в направлении, откуда приехала. Гаррик немного успокоился, поняв, что девушка и не собиралась убежать. Тревоги относительно того, почему Бренна решила взять отцовскую лошадь, были забыты. Важнее всего, что она не пыталась скрыться. Теперь ее не придется наказывать, как беглого раба. Гаррик облегченно вздохнул — у него не было ни малейшего желания причинить Бренне боль.

Девушка давно скрылась из виду и успела спуститься к подножию холма, откуда начиналась дорога к его дому. Но отзвуки счастливого смеха продолжали эхом отдаваться в мозгу, как в тот день, когда он подслушал, что Бренна предлагает Корану подвезти того домой. Гаррика до сих пор мучило то, что она предпочитала общество раба его собственному.

Да, Бренна во многом была совсем еще ребенком. Ее выходки и вызывающее непокорство доказывали это, как, впрочем, и глупые проделки, свидетелем которых он только что был. Кроме того, она упрямо цеплялась за прошлое, далекое детство, когда ей позволялось все, даже разыгрывать из себя сына Энгуса, которого тот так хотел. Линнет многое поведала ему о Бренне, и рассказанное по большей части противоречило тому, что он узнал от Корделлы. Гаррик никак не мог понять, на чьей стороне правда, но был склонен поверить Корделле, поскольку ее обвинения были созвучны его представлению обо всех женщинах вообще. Но теперь мнение тетки о том, что Бренна еще не стала взрослой, со всей очевидностью подтверждалось.

О Боги! Он просто околдован! Он не смог выбросить из головы маленькую ведьму, как ни пытался. Гаррик надеялся, что долгое отсутствие поможет забыть Бренну, но даже когда преследовал добычу, девушка стояла перед глазами, а ее упрямство и своеволие постоянно занимали мысли. Конечно, Бренна окончательно помогла изгнать из сердца и души образ Морны... но какое это слабое утешение! Что белокурая сучка, что темноволосая мегера — все они одинаковы, никому нельзя доверять!

Гаррик повернул коня к дому. Он вез множество шкур, которые нужно выделать и приготовить к весне, когда он снова отправится торговать на восток. Гаррик даже выгнал из берлог двух бурых медведей и убил одного. Прекрасный предлог созвать друзей и устроить пир! Бренне это не понравится, но Локи ее побери! Медвежья шкура будет продана весной, возможно, заодно с Бренной. Это единственный способ избавиться от кельтской колдуньи.

Глава 23

Бренна стояла в кухне перед очагом, завернутая в теплое шерстяное одеяло, и с силой

растирала замерзшие и онемевшие от холода руки. Вряд ли она когда-нибудь сможет привыкнуть к этим морозам, но, когда в следующий раз высунет нос на улицу, постарается одеться потеплее.

Легкое постукивание привлекло внимание девушки. Нехотя отойдя от огня, она открыла заднюю дверь и впустила Джейни, Модью и Рейну.

— Зачем ты запираешься, девушка? Хозяину это не понравится, — неодобрительно покачала головой старуха, снимая плащ и вешая его у двери.

— Разве ты не знаешь, что я нашла убитого пса на пороге? — язвительно бросила Бренна.

— Мы все слышали о мертвой дворняжке, но это еще не причина закрываться на все засовы, — буркнула Рейна и, подойдя к очагу, подложила в огонь несколько поленьев. — Это, без всякого сомнения, дело рук Боргсенов, — продолжала она. — Кровная вражда между ними и Хаардрадами опять закончится чьей-нибудь смертью. Пока убивают всего лишь животных, но скоро дойдет и до людей.

— Какая вражда? — удивилась Бренна.

— Нет времени рассказывать, — вмешалась Джейни, снимая накидку. — Хозяин вернулся и велел готовиться к пиру.

Сердце Бренны бешено забилося при известии о том, что Гаррик снова дома, но воспоминание о последнем празднестве заставило ее тут же сжаться.

— Где он?

— Отправился приглашать соседей, чтобы привезти тушу убитого медведя, — весело сообщила Модья, очевидно, радуясь предстоящему веселью и появлению в доме множества мужчин.

— Эрин послал нас сюда вскипятить воду и убрать в холле. Коран принесет бочонки с элем из кладовой.

— И сколько же продлится этот пир?

— Трудно сказать. Сейчас зима, делать нечего, так что гости могут провести здесь несколько недель.

Как поведет себя Гаррик после трехнедельного отсутствия? Обрадуется ли, увидев ее? Но Бренна немедленно выругала себя за глупые мечты и начала усердно подметать холл. Она должна помнить, что поклялась ненавидеть Гаррика, и, уж конечно, даже не улыбнется ему в знак приветствия.

Поэтому к тому времени, когда Гаррик появился в холле, Бренна успела довести себя до бешенства. Однако, увидев его, стоявшего у тонкой перегородки, отделявшей кухню от насквозь продуваемого холла, почувствовала, как начала задыхаться, мгновенно забыв о гневе. Гаррик стоял рука об руку с Перрином, смеясь над какой-то шуткой друга. Вдруг он заметил Бренну, и взгляд воина, словно нежная ласка, коснулся ее. Она буквально затерялась в этих зеленовато-голубых глазах, все еще искрившихся весельем. Но ненадолго: какой-то ехидный голос в душе напомнил обо всем плохом, и девушка с сожалением отвернулась.

Прошло всего несколько секунд, прежде чем Бренна почувствовала, что Гаррик совсем близко,

за спиной. Он молча взял ее за локоть и потянул из холла. Они прошли мимо широко улыбавшегося Перрина, и, хотя в дом как раз входили Горм и остальные, Гаррик, ни на кого не обращая внимания, повел Бренну вверх. Та, онемев от изумления, не сопротивлялась и, только оказавшись на верхней площадке, постаралась вырваться.

— Куда ты тащишь меня, викинг? — хриплым шепотом осведомилась она.

— В постель, — коротко сообщил Гаррик и подхватил ее на руки, прежде чем Бренна успела сбежать.

— Но внизу собрались гости, — запротестовала девушка.

Гаррик от души рассмеялся, чего давно уже не слышала Бренна.

— Они могут подождать, а я — нет. И, прижав ее к груди, понес в свою комнату. Бренна задыхалась, охваченная жгучим желанием, но из последних сил пыталась воспротивиться ласкам Гаррика.

— Немедленно отпусти меня!

— Как пожелаешь, — коварно усмехнулся Гаррик и, уронив ее на постель, немедленно бросился следом, охватив коленями ее бедра. Бренна рывком села и попробовала оттолкнуть Гаррика, но это было все равно, что пытаться сдвинуть гору.

— Неужели нисколько не скучала по мне, девушка? — поддразнил он, снимая и отбрасывая пояс.

Бренна откинулась на локтях, высокомерно оглядывая Гаррика:

— С чего бы это? Ты здесь не единственный мужчина, викинг. — И застыла, потрясенная при виде внезапно ставших ледяными глаз Гаррика.

— Ты не смеешь спать ни с одним мужчиной, кроме меня.

Теперь настала очередь Бренны скрипеть зубами от гнева, и серые глаза угрожающе потемнели.

— А как насчет твоих друзей? Мне говорили, что ты позволяешь им брать любую рабыню, которой владеешь.

— Значит, ты наконец поняла, что я владею тобой, Бренна? — усмехнулся он.

— Нет, но твои гнусные друзья так считают! — взорвалась девушка.

— Ну что ж, на этот счет можешь не бояться, госпожа. Они больше не потревожат тебя.

— Так ты велишь им оставить меня в покое? — удивленно пробормотала Бренна.

— Да.

— Но почему? Уж конечно, не ради меня!

— Достаточно и того, что я пока не желаю делить тебя ни с кем, — небрежно бросил Гаррик. Глаза Бренны потемнели еще больше.

— Пока... пока? Ты просто омерзителен! А когда я тебе надоем, попросту бросишь на растерзание волкам? Ну так вот, позволь сказать тебе кое-что. Ты предостерег меня, чтобы я не заигрывала с другими. Теперь моя очередь. Предупреждаю, если найду мужчину, которого пожелаю, отдамся ему, будь это раб или свободный человек. И не тебе остановить меня!

— Я велю тебя выпороть, госпожа, — холодно бросил Гаррик.

— Тогда сделай это сейчас, и будь проклят, викинг! — взвилась Бренна. — Не допущу, чтобы мне угрожали!

— А ты только этого и добиваешься? — Сжав тонкие запястья, Гаррик развел ее руки в стороны и наклонился над ней. — Стараешься сделать все возможное, лишь бы отвлечь меня от цели, верно?

— Вовсе нет! — в отчаянии воскликнула она, извиваясь под ним.

— Тогда лежи спокойно!

Бренна почувствовала, как горячие слезы жгут веки, когда Гаррик отпустил ее руку, чтобы поднять грубую юбку и спустить штаны. На мгновение Бренна почувствовала себя шлюхой, грязной шлюхой. Но разве ему понять это?!

— Ненавижу тебя, Гаррик, — прошипела она, не помня себя, пытаясь не показать слабость и сдержать слезы.

Ничего не ответив, он раздвинул ее бедра и притиснул к кровати. Но тут, случайно взглянув в ее лицо, заметил катившиеся по щекам прозрачные капли и замер.

— Почему ты плачешь? — спросил он на удивление мягко. — Я сделал тебе больно?

— Нет, я могу вынести любые муки.

— Тогда почему же плачешь?

— Я никогда не плачу! — совсем по-детски огрызнулась Бренна.

— Тогда чьи же это слезы? Все потому, что я снова хочу любить тебя?

— Ты не умеешь любить, викинг, и способен только принудить беспомощную жертву.

— Но ты позволила бы мне любить тебя?

— Я... нет, ни за что!

Гаррик нагнул голову, поцелуем убирая соленые слезинки с ее щек и висков.

— Тогда к чему говорить о любви? — тихо спросил он.

— Ты все равно не поймешь.

— Ошибаешься, — прошептал он и, сжав ладонями ее лицо, нежно поцеловал в губы. — Тебе хочется, чтобы я не насиловал тебя, а ласкал. А еще лучше, чтобы вообще не дотрагивался.

Он снова завладел ее ртом, и руки девушки против ее воли обвили мощную шею.

— Разве не так, Бренна?

Бренна чувствовала себя словно беспомощная кукла в этих могучих объятиях и не помня себя машинально ответила:

— Да, ты прав.

— Тогда уходи.

Глаза девушки широко распахнулись, чувственный туман внезапно рассеялся.

— Что?!

Гаррик откатился от нее и завязал штаны.

— Можешь идти. Разве ты не этого хочешь?

— Н-не понимаю, — пролепетала Бренна ошеломленно и поспешно вскочила с кровати. — Значит, ты больше не хочешь меня? — с тревогой переспросила она.

Гаррик громко рассмеялся:

— Ты же утверждаешь, что ненавидишь меня, что не хочешь моих ласк, а когда я исполняю твоё желание, начинаешь спорить. Решай же наконец, что для тебя лучше, Бренна. Или ты передумала?

Серые глаза раскрылись еще шире. Негодуя охнув, девушка устремилась к двери и, сбежав по ступенькам, натолкнулась на Джейни, спешившую в холл с горой пустых кружек.

— Давай отнесу, — предложила Бренна и поскорее отобрала кружки, пока Джейни не успела отказаться. Войдя в холл, девушка застонала про себя, поняв, для кого предназначалась ноша. Оказалось, что за это время успели приехать Хьюг, Ансельм и Бай-ярд с двумя приятелями. Бренна стиснула зубы и зашагала к длинному столу, за которым устроились мужчины. Проходя мимо Перрина, она заметила, как тот лукаво подмигнул, и невольно улыбнулась в ответ. Сначала Бренна поставила кружки перед двумя незнакомыми мужчинами, так что те немедленно зачерпнули медовуху из огромной чаши посреди стола, потом подошла к Байярду, который, к счастью, о чем-то спорил с Гормом и не заметил ее. Оказавшись наконец рядом с Ансельмом и Хьюгом, Бренна окинула их полным отвращения взглядом, но тут же натянуто улыбнулась, заметив, что Гаррик не спускает с нее глаз.

Вдруг Хьюг ловко схватил ее за талию и усадил к себе на колени.

— Вижу, брат, ты все-таки укротил эту ведьму, — хмыкнул он. — Не думал, что это возможно!

— А разве я что-то обещал? — удивился Гаррик. Бренна сидела не шевелясь. Будь на месте Хьюга любой другой мужчина, она, может, и рискнула бы пофлиртовать с ним. Но этого... она ненавидела и презирала.

— Она у тебя уже три месяца, и ты так редко бываешь дома, что наверняка не дотрагиваешься до нее! Почему бы тебе не продать девку мне? — предложил Хьюг. — Даю три лучшие лошади — если хочешь, даже четыре.

Бренна пристально уставилась на Гаррика, ожидая ответа. Брови викинга были хмуро сведены, руки сложены на груди. Гаррик продолжал молчать, и Бренна почувствовала, как паника

охватила ее. Неужели он решит продать ее? Только сейчас девушка с ужасом поняла: Гаррик имеет право сделать с ней все, что угодно, а она не может даже протестовать.

Бренна уже была готова открыть секрет, умолять Гаррика не продавать ее, отказать брату, но нетерпеливый голос Хьюга остановил ее:

— Ну, что скажешь, брат?

— Ты мог с самого начала выбрать эту девушку, но предпочел ее сестру, — напомнил Гаррик.

— По правде говоря, просто не думал, что с ней можно справиться. Я хотел девушку с характером, но эта едва не откусила мне язык, стоило лишь поцеловать ее! Сдается мне, что она покорилась!

— Значит, теперь ты передумал? Собираешься завести гарем, как те восточные калифы. Твое счастье, что женился на послушной, тихой женщине, которая смотрит сквозь пальцы на твои шалости.

Гости громко смеялись, и даже Ансельм присоединился к общему веселью. Только Хьюг оставался серьезным, и Бренна вся сжалась, чувствуя, как впиваются в тело грубые пальцы.

— Ты не ответил, Гаррик, — холодно напомнил Хьюг.

— Зачем тебе эта девушка? — серьезно осведомился Гаррик. — Она не так уж покорна, как тебе кажется. Язык у нее острее лезвия меча, но тебе, конечно, этого не понять. Она упряма, своевольна, строптива и вспыльчива. Единственное ее достоинство — красота.

— Но именно по всем этим причинам я и хочу ее. Мне нравится ее неукротимый дух!

— Ты просто искалечишь ее, потому что слишком горяч и нетерпелив, Хьюг, — резко бросил Гаррик. — Однако все это не имеет значения, я пока не хочу продавать ее, — добавил он, смягчившись.

— Тогда я желаю, чтобы плутовка меня ублажила и сейчас же! — объявил Хьюг и поднялся из-за стола, не выпуская Бренну.

— Нет, брат, я не продам ее и ни с кем не хочу делить, — предостерег Гаррик, вскочив.

Хьюг немного поколебался, но наконец, нервно усмехнувшись, разжал огромные руки и снова уселся. Бренна стояла, словно прикованная к месту, ощущая, как напряжение давит на плечи нестерпимой тяжестью.

Все это время, пока сыновья спорили, Ансельм не произнес ни слова, но теперь, откашлявшись, строго предупредил Хьюга:

— Довольствуйся огненноволосой женщиной, которую оставил дома, и забудь об этой. Она принадлежит Гаррику, потому что я так велел, и если он когда-нибудь решит ее продать, то только мне, поскольку больше никто не даст ему столь высокую цену, даже ты.

Сыновья в полном недоумении уставились на отца.

— Но ты сам говорил, что не можешь оставить ее в своем доме, потому что боишься получить нож в спину, — напомнил Гаррик. — Почему теперь ты не прочь получить ее обратно?

— Я дал тебе эту девушку в надежде, что ты захочешь удержать ее у себя, но если нет, тогда я, скорее, освобожу ее, чем позволю, чтобы она принадлежала кому-то другому.

— Значит, заплатишь огромные деньги, только чтобы отпустить ее на волю? — удивился Гаррик.

— Верно.

— Но это просто неслыханно, отец, — запротестовал Хьюг.

— И тем не менее я так и сделаю.

Бренна в изумлении уставилась на Ансельма. Опять она должна быть благодарна ему! Будь проклят этот человек! Как она, зная все это, осмелится убить его?!

— Иди, присмотри за обедом, госпожа! — неожиданно резко приказал ей Гаррик.

Обернувшись, Бренна увидела мрачное лицо и зловеще нахмуренные брови и поняла, что Гаррику, очевидно, не по вкусу пришлись слова отца.

— Не стоит кричать, викинг, я и так прекрасно слышу, — надменно фыркнула она и зашагала прочь, однако все-таки нашла время, чтобы остановиться возле Перрина и прошептать ему на ухо:

— Видно, не дождаться тебе, пока он подобреет. Бедняжка Джейни!

— Это я бедный, — жалобно пробормотал он в ответ, но тут же ухмыльнулся:

— Но, думаю, все переменится, если ты хоть раз ему улыбнешься.

— Стыдись, Перрин, предлагать такое! — Бренна громко рассмеялась.

И направилась в кухню, не подозревая, что Гаррик провожает ее глазами, которые теперь приобрели оттенок бушующих волн в штормовом море.

Глава 24

Бренна не переставала восхищаться северным сиянием, поскольку, естественно, в жизни не видела ничего прекраснее. Она зачарованно смотрела на клубящийся в небе фиолетовый туман, окрасивший яркими сиренево-лиловыми оттенками землю, поля и постройки. Зачем ждать солнца, когда вместо этого можно любоваться буйным, хаотическим смешением красок? Если бы только не холод, Бренна могла бы стоять бесконечно, любуясь переливающимися огнями. Но ледяная стужа пробиралась под одежду.

— Пойдем, Коран, пока я не превратилась в сугроб!

Она поспешила вслед за молодым человеком. Тот тоже был окутан фиолетовым свечением и выглядел так, будто сошел с гобелена.

Сегодня, по чистой удаче. Коран спросил ее, не нужно ли принести какие-нибудь припасы из кладовой, прежде чем отправиться на отдых. Правда, все это могло вполне подождать до утра, но Бренна объявила, что ржаной муки на хлеб почти не осталось, и если Коран принесет ее сейчас, то сможет подольше поспать завтра утром.

Она заставила его подождать, пока вытаскивала два пустых мешка из-под тесного пространства под лестницей, где хранились еда и пряности, и, спрятав один под плащ, сказала Корану, что проводит его на случай, если понадобится что-то еще.

Именно такого случая она так долго ждала. Теперь можно даже украсть оружие и спрятать, пока не понадобится. Неплохо также, если она отыщет плащ полегче ее собственного, хотя, нужно признать, что этот греет лучше. К счастью, уже совсем поздно, и остальные женщины заняты в холле, убирая остатки жареной медвежатины, которую подавали на ужин.

Коран отомкнул крепкую дверь кладовой и поспешно зажег стоявшую у входа свечу. Бренна была разочарована, поскольку поняла, что здесь хранились одни лишь съестные припасы, хотя всего было в изобилии. Большой чан, почти такой же, как возле дома, чуть не до краев был наполнен ячменем, а другой — овсом. С крюков свисали куски солонины — тушки дичи и птиц, убитых Гарриком на охоте. У стен стояли бочонки с рожью, горными яблоками и сушеными фруктами. В больших мешках хранились горох, лук, орехи, а на полках лежали мешочки поменьше с травами и пряностями. То, что искала Бренна, наверняка было за другой дверью, во второй комнатке.

— А что там, Коран? — поинтересовалась она с невинным видом.

— Там хозяин хранит свои богатства.

— У тебя есть ключ?

— Да, только туда запрещено входить без разрешения.

— И ты никогда не входил в ту комнату?

— Входил, конечно, — с гордостью объявил юноша. — Четыре раза в год я чищу и полирую оружие, которое там лежит, и складываю выделанные меха.

— Не мог бы ты открыть замок. Коран? Мне так хочется взглянуть!

— Ни за что!

— Пожалуйста, Коран, — умоляюще прошептала Бренна. — Хозяин не узнает. Я просто посмотрю, пока ты насыпаешь зерно в мешок.

Коран медленно покачал головой. Очевидно, юноша смертельно боялся наказания. Однако Бренна была полна решимости настоять на своем.

— Невозможно, госпожа Бренна. Если хозяин узнает, меня ждет порка или кое-что похуже!

— Но он ни за что не узнает, обещаю, — настаивала Бренна. — Сейчас все веселятся в холле и даже не знают, где мы. Пожалуйста, Коран, ради меня!

Коран еще немного поколебался и наконец застенчиво улыбнулся:

— Хорошо. Но только пока я наполню мешок. Только ничего там не трогайте, — повернув ключ в замке, добавил он.

— Спасибо, Коран. Я этого не забуду. — Бренна порывисто нагнулась и поцеловала юношу в щеку.

Коран, смущенно опустив голову, подхватил мешок. Бренна широко распахнула дверь, чтобы пламя свечи осветило и вторую комнатку, и ахнула. Она ожидала увидеть сокровища, но не такое изобилие. На полу лежала небольшая стопка мехов, которой предстоит стать значительно выше до весны, а рядом стоял открытый сундук, полный роскошных тканей — шелков, парчи, бархата. На полках красовались прекрасные чаши, сделанные из меди, серебра и даже золота, украшенные драгоценностями, а рядом — резные серебряные кружки и блюда.

На длинном столе Бренна увидела множество драгоценных безделушек: статуэтки из слоновой кости и мрамора, золотые подсвечники, крошечные медные курильницы благовоний, осыпанный драгоценными камнями крест длиной в фут, шахматы из слоновой кости и много других редкостей. В красивой шкатулке из тутового дерева, выложенной бархатом, переливались украшения, слепившие взор, — рубиновые и алмазные ожерелья, наручные золотые и серебряные браслеты, резные или усаженные драгоценными камнями. Еще одна шкатулка, на полу, была наполнена золотыми и серебряными монетами.

Наконец внимание Бренны привлекло оружие, висевшее на двух боковых стенах. Арбалеты и стрелы, копья различной длины, топоры и двуручные мечи, а на отдельной полке — кинжалы. Бренна подошла поближе и взяла один, инкрустированный янтарем. Возможно, именно янтарь, любимый камень Тора, защитит ее. Впрочем, вряд ли она нуждается в помощи Тора!

Бренна оглядела арбалеты, которыми искусно владела, взяла один, вместе с колчаном стрел, спрятала все в привязанный к поясу мешок и сунула туда же меч. К сожалению, он не был таким легким, как ее собственный, но того, драгоценного, больше не существовало.

Она уже было хотела выйти из комнаты, но тут взгляд ее упал на пару черных кожаных сапожек. Это же ее! А рядом лежит одежда, в которой она хоронила отца! Именно этот костюм был на Бренне, когда она проиграла поединок с Ансельмом Хаардрадом.

Бренна поспешно схватила все в охапку и, запахнув плащ, вышла из комнаты, как раз когда Коран появился на пороге.

— Я и не знала, что хозяин так богат, — выдавила она, молясь, чтобы Гаррик не заметил пропажи.

— Да, это немногим известно.

— Но он еще слишком молод, чтобы успеть накопить столько сокровищ. Должно быть, в юности часто совершал набеги.

— Нет, — ухмыльнулся Коран. — Почти все, что ты видела, Гаррик привез с востока. Он умеет выгодно торговать!

Юноша запер кладовую, и они вместе вернулись в дом. Услышав громкий хохот и пьяные выкрики, Бренна распрощалась с Кораном и поспешно поднялась наверх, в комнату для шитья.

Хотя была уже середина ночи, девушка никак не могла уснуть. Она то и дело ворочалась с боку на бок, металась, стараясь зарыться поглубже в меха. В комнате был небольшой очаг, но сегодня Бренна не разожгла огонь и теперь жалела об этом. Странно, но она не помнит, было ли когда-нибудь так холодно дома. Правда, и там выдавались морозные зимы.

Дом... такой далекий... Никого не осталось, ни родных, ни друзей, ничто и никто не ждет ее там. Как она тоскует по отцу! Будь он жив, наверняка перевернул бы небо и землю, чтобы

отыскать дочь. Но все это хотя и светлые, но пустые мечты. Она скучает и по Линнет, которая так близко, но все же недосягаема. И, к своему ужасу, Бренна тосковала даже по сводной сестре.

Если эта жалость к себе не дает спать, то скоро она вообще расплчется, как ребенок!

Мгновение спустя девушка услышала скрип ступенек и громогласный окрик:

— Бренна!

— Клянусь всеми святыми, викинг, не хватало еще, чтобы крыша обрушилась! — пробормотала Бренна, подходя к двери. — Я здесь. Ты, конечно, успел уже разбудить мать своими воплями. Неужели не мог сообразить!

— Эта добрая женщина уже привыкла, что ее вечно поднимают среди ночи, особенно во время празднеств, — отозвался Гаррик во весь голос, так что Бренна невольно поморщилась.

— Ее муж, но не пьяный до полусмерти сын, — негромко упрекнула она. — Ну, и что тебе нужно в такой час?

— Я не пьян, госпожа, — неожиданно серьезно заверил Гаррик, широко улыбаясь всеми ямочками. — И хочу тебя. Очень.

Неожиданно рассмеявшись, он обнял ее за талию, поднял и понес в свою комнату. Переступив порог, он поставил Бренну на ноги. Она, настороженно глядя на него, отступила к дивану, воспользовавшись тем, что Гаррик запирает двери. Он обернулся, но не сделал попытки подойти к девушке.

— Не выпьешь ли вина со мной? — вежливо осведомился он.

Бренна поколебалась, не в силах разгадать, что за новую ловушку готовит ей Гаррик. Откуда эта внезапная смена настроения? Она прекрасно помнит, как он говорил, что рабам запрещается пить вино.

— Согласна, — выговорила она наконец и свернулась клубочком на диване, пока Гаррик наполнял чаши из меха с вином. В комнате горела единственная свеча, отбрасывая на стены и пол тусклый дрожащий свет, но Бренна ясно видела лицо Гаррика. Он действительно не был пьяным, как сначала показалось Бренне, и уже переоделся в темно-зеленые штаны и мягкие сапоги, отороченные белым мехом. Белая шелковая туника была вышита по подолу и длинным рукавам золотой нитью. На груди висел золотой медальон с единственным большим изумрудом в центре, вместо серебряного с гравировкой, который он обычно носил. Сейчас Гаррик выглядел ослепительно, и Бренна неожиданно поняла, что не может отвести от него глаз.

Он принес ей чашу. Девушка сделала маленький глоток, наслаждаясь сладостно-горьковатым вкусом, и опустила чашу на колени, наблюдая, как Гаррик разводит огонь в очаге. Она почти забыла о холоде, забыла обо всем, кроме того, что они вместе, рядом и нет нужды снова ссориться.

Пламя разгорелось, и в комнате стало почти светло. Гаррик взял чашу и, присев на диван рядом с Бренной, сделал большой глоток.

Бренна невероятно нервничала, не понимая, что последует теперь, ожидая и боясь, чувствуя, как дрожат крепко стиснувшие чашу руки.

— Вино тебе не по вкусу?

Она встрепенулась, но тут же виновато взглянула на Гаррика:

— Нет... то есть прекрасное вино. Гаррик понимающе усмехнулся:

— Если собираешься отвлечь меня под предлогом, что не успела допить вино, ничего не поможет. Однако я не спешу, госпожа, времени у нас много. Когда чаша опустеет, налью еще.

Бренна последовала его совету и проглотила опьяняющий напиток, надеясь немного успокоиться. Но ничего не помогало, хотя вино согрело кровь и ударило в голову. Чувствуя, как перед глазами все плывет, Бренна прилегла.

— Гаррик, если ты умрешь, что случится со мной?

— Собираешься прикончить меня ударом в спину? — весело осведомился Гаррик.

— Нет, я всегда сражаюсь честно.

Гаррик, вздохнув, задумчиво опустил глаза в чашу.

— Поскольку у меня нет ни сыновей, ни жены, все отойдет отцу, к твоей радости, Бренна, — сухо заметил он.

Бренна понимала, что имеет в виду Гаррик, но не могла признаться, что знает норвежский язык.

— К моей радости? Но почему? Я ненавижу твоего отца еще больше, чем тебя.

— Но станешь ли ты по-прежнему ненавидеть человека, который даст тебе свободу? Таково его желание, — раздраженно бросил Гаррик. — Теперь он жалеет, что подарил тебя мне.

Бренна вновь налила себе вина и, выпив его одним глотком, серьезно взглянула на Гаррика.

— Тогда верни меня ему или продай. Гаррик поднял с ее плеча непокорный черный локон и стал медленно накручивать его на палец.

— А что ты сделаешь для меня за это, милая Бренна, если я соглашусь?

Бренна в изумлении уставилась на него. Какова цена свободы?

— Все что угодно, — выдохнула она.

— И даже согласишься отдаться по доброй воле?

— Даже это, — не колеблясь, ответила девушка.

Гаррик отставил чашу и притянул Бренну к себе на колени, придерживая одной рукой за плечи, и, улыбнувшись, зарылся лицом в ложбинку на шее. Губы его обжигали, словно раскаленным клеймом, и девушка тихо застонала, пока ее рот не опалил жаркий, требовательный поцелуй, поцелуй, лишивший разума.

Уронив на пол чашу, Бренна притянула голову Гаррика к своей. Она окончательно потеряла рассудок и уже не думала больше о свободе, зная только одно: она хочет его всем своим

существом.

Бренна лишь тихо запротестовала, когда Гаррик отодвинулся и встал, но тут же улыбнулась, увидев, что он начал лихорадочно срывать с себя одежду. Девушка потянулась, лениво, чувственно, удовлетворенно, прежде чем последовать его примеру. Встав, она пьяно пошатнулась, хихикнув:

— Видно я слишком много выпила твоего драгоценного вина.

Гаррик, ничего не ответив, лишь усмехнулся и помог Бренне снять сорочку, а потом, подхватив на руки, понес к постели. Осторожно положив ее на мягкие меха, он лег рядом, и Бренна почувствовала поразительно нежное прикосновение для столь сильных мужских рук.

Его пальцы властно скользили по возбужденным соскам, животу, бедрам, вызывая непривычные восхитительные ощущения, — Ты можешь быть сладкой, как мед, если захочешь, — хрипловато прошептал Гаррик, вновь припав к ней губами.

— И ты тоже, — пробормотала она в ответ, запутавшись пальцами в его белокурых волнистых волосах.

— Моя кельтская красавица, — простонал он, проводя ладонью по ее гладкому животу.

Бренна сразу ослабела, хотя и пыталась сопротивляться. Острые ногти впились в его плечи, но Гаррик стойчески вынес боль и, вместо того чтобы стиснуть ее руки, поцеловал, безумным, опьяняющим поцелуем, словно океанской волной унесшим остатки ее воли.

Во всем мире остался лишь Гаррик, его томительные поцелуи, ненасытные ласки, тяжесть горячего тела.

Она, не переставая, повторяла его имя, пока он врывался в нее вновь и вновь, прижимая к себе, словно желая слиться навеки. Бренна исступленно целовала его горло, щеки, губы. Потом весь мир сосредоточился в лоне. Бренну подхватило и понесло куда-то ввысь, туда, где не существовало ничего, кроме ослепительного наслаждения.

Опьяненная вином и насытившаяся ласками, Бренна мгновенно заснула и даже не шевельнулась, когда Гаррик осторожно отодвинулся, чтобы достать одеяло. Укрыв ее и себя, он повернулся на живот и, приподнявшись на локтях, задумчиво, с необычайной нежностью смотрел в прекрасное спокойное лицо. Наконец он властно обнял Бренну и тоже погрузился в сон.

Глава 25

Из глубин сна Бренну вывел дикий шум. Увидев, что Гаррика в комнате нет, девушка спрыгнула с кровати, схватила первую попавшуюся под руку вещь — шелковую тунику Гаррика и, надев на ходу, бросилась из комнаты. Туника едва доходила ей до колен, но Бренна была слишком обеспокоена, чтобы думать об этом.

Слетев по ступенькам вниз, она спряталась в тени и со всевозрастающей тревогой наблюдала за разворачивающимися событиями. Оба длинных стола были перевернуты, скамьи разбиты, большие кувшины с медовухой опрокинуты на пол вместе с остатками завтрака.

Бренна в отчаянии оглядела зал. Несколько мужчин, мертвых или без сознания, валялись на

полу. Некоторые развлекались кулачным боем, остальные бились мечами или топорами. О небо! Как могла такая кровавая ссора произойти в столь ранний час? Господи, милостивый, где же Гаррик?!

Наконец ей удалось заметить Хьюга, сидевшего на скамейке у стены. Одной рукой он придерживал вспухшую челюсть, однако, по всей видимости, нашел в себе силы дружелюбно беседовать с кем-то, растянувшимся у его ног. Бренна опустила глаза и ахнула, увидев Гаррика!

Взгляд девушки был неотрывно прикован к кровавым пятнам, окрасившим его светло-коричневую тунику и штаны.

Бренну охватил такой страх, что, забыв обо всем, она бросилась к нему. Тот, лежа на полу, смеялся над какой-то шуткой брата, но, когда Бренна оказалась рядом и опустилась на колени, его смех замер. Гаррик в полном изумлении повернулся к ней, и яростное пламя в глазах заставило девушку отпрянуть и съежиться.

— Неужели у тебя совсем нет стыда, женщина? — резко бросил он, схватив и до боли сжимая ее руку. — Что все это значит?!

Бренна никак не могла взять в толк, о чем идет речь.

— Ты ранен!

— Нет, — проворчал Гаррик, — но даже если бы умирал, это еще не причина выставляться перед всеми этими мужчинами полуголой! Немедленно убирайся, прежде чем жажда крови не превратится в неудержимую похоть!

Девушка нервно огляделась и увидела, что многие прекратили драку и уставились на нее. Бренна и в самом деле представляла соблазнительную картину — незаплетенные волосы разметались по плечам, глубокий треугольный вырез почти обнажал груди.

— Я не подумала, Гаррик, — пробормотала она, покраснев. — Хотела только помочь тебе.

— Ты никогда не думаешь, госпожа, — жестко оборвал он, отталкивая ее. — А теперь, прочь из этого холла!

Бренна прикусила губу, чтобы остановить дрожь. Странный комок сжимал горло, не давая дышать, а в глазах стояли слезы. Она молнией метнулась из комнаты, прежде чем все успели заметить ее слезы, и тогда позор стал бы очевидным.

Нельзя, никак нельзя думать о прошлой ночи! Бренна вбежала в комнату для шитья и, с силой захлопнув дверь, упала на груды мехов, дав волю слезам. Но через несколько минут снова села, яростно растирая глаза.

— Я никогда не ревела, — прошептала она, — пока не встретила его! Но больше ни за что! Если Гаррик может унижать меня перед всеми, когда я бегу ему на помощь, дьявол пусть возьмет его! Больше я никогда не допущу ничего подобного!

Бренна порылась под грудой мехов и вытащила мешок, спрятанный здесь прошлой ночью. Не думала она, что украденные вещи так скоро понадобятся, но и не представляла, что Гаррик может быть столь бессердечным. Она медленно оделась в красивый мужской костюм, с удовольствием ощущая кожей мягкость тонкого черного бархата, и почему-то раны,

нанесенные ее гордости, словно начали затягиваться, уверенность в себе вернулась, и девушка вновь почувствовала, что может всего добиться.

Бренна сунула за пояс меч, положила в мешок несколько шкур и кожаные ремни, чтобы позже сделать леггинсы и нечто вроде рукавиц, затем она отправилась в комнату Гаррика и сняла с кровати одно из одеял.

Надев плащ, чтобы скрыть одежду, она бесшумно прошла к задней двери, но вдруг споткнулась о спящего Дога.

— Он и тебя выгнал из дома? — И, нагнувшись, Бренна потрепала мягкие собачьи уши. Животное лизнуло ей руку. — Ничего, старый дружище. Ты ведь уже гулял сегодня утром?

Бренна открыла дверь, но Дог выбежал за ней на мороз. Девушка уже научилась определять время дня по звездам. Странно называть это утром, когда небо совсем темное. Возможно, на юге Норвегии солнце и восходит совсем ненадолго, но здесь, на севере, оно едва показывалось в полдень за линией горизонта, окрашивая небо в темно-голубой цвет.

Бренна медленно приближалась к кухне, но Дог, очевидно, проголодавшись, ринулся прямо в открытую дверь. Увидев, что за столом никого нет, кроме Модья, резавшей лук для супа, она осторожно ступила за порог.

— Есть у тебя половина каравая, который я могла бы взять с собой?

Модья удивленно подняла брови:

— Да, но куда это ты собралась? Работы невпроворот. В холле ужасный беспорядок, и все нужно прибрать.

Бренна услышала доносившиеся из холла взрывы хохота.

— Так они больше не дерутся? Из-за чего возникла ссора, не знаешь?

— Это Гаррик виноват. Джейни была там и слышала, как Байярд сказал что-то такое, что Гаррику пришлось не по вкусу. Хозяин ринулся на него, как дикий вепрь, и тут словно все с ума посходили — такое началось! Все повскакали с мест, и началось настоящее побоище.

— Значит, теперь Байярд и Гаррик — враги?

— Нет, помирились. Это была просто дружеская стычка.

— Дьявол, чем же Байярд ухитрился так разозлить Гаррика? Джейни тебе не сказала?

— Нет, — вздохнула Модья, приглаживая непокорные пряди, выбившиеся из прически.

— Тяжелая выдалась ночь? — сочувственно осведомилась Бренна.

— Да нет, все не так уж плохо, — усмехнулась женщина.

— А Джейни?

— Джейни повезло — на этот раз Перрин сразу увел ее, так что никто и опомниться не успел.

Бренна не могла понять Перрина. Гаррик его лучший друг, но Перрин все же боится спросить

насчет Джейни, а ведь от этого зависит их счастье! Неужели Гаррик действительно так жесток, даже к друзьям?

— Ну что, Модья, дашь мне хлеба? Я просто с голоду умираю, но хочется сначала немного проехаться верхом, чтобы унять боль.

— Какую боль?

— Неужели не слышала, как грубо срамил меня Гаррик перед всеми своими приятелями?

— Он не постеснялся сделать такое? — воскликнула Модья.

— Видно, не постеснялся.

Модья, сочувственно поцокав языком, вынула из печи каравай и завернула в чистую тряпочку.

— Тогда поезжай, девушка.

— Если Гаррик спросит обо мне, не говори, как его слова меня ранили, просто объясни, что я ненадолго отправилась на прогулку и скоро вернусь.

— Как пожелаешь, Бренна. Но, по-моему, все-таки Гаррик должен знать, куда ты едешь.

Бренна, едва улыбнувшись, направилась к конюшне. Модья сделает, как ей велено, в этом можно не сомневаться. Гаррик считает, что раненая гордость не позволяет ей показаться в холле. Позднее, когда он сообразит, что Бренна сбежала, поймет, что всему виной его грубые слова.

Но дело было не только в этом. Девушке пришлось без обиняков признаться себе, что не может больше доверять собственным чувствам, особенно после прошлой ночи — слишком остро действовала на нее близость Гаррика. В его руках она превращалась в глину, из которой тот лепил все, что хотел. От его поцелуев ее сопротивление, ее воля таяли, словно лед, а этого невозможно вынести. Бренна привыкла управлять собой, своими эмоциями, но стоило Гаррику прикоснуться к ней, и она превращалась в куклу. Значит, нужно уйти от него... и как можно дальше... на край света.

Эрина нигде не было видно, и Бренна, войдя в конюшню, поспешно направилась к стойлу Уиллоу быстро оседлала кобылу, молясь про себя о том, чтобы не встретиться с Эрином. Ей не очень нравилось лгать Модье, но обманывать Эрина... это еще хуже, поскольку она искренне любила старика. К счастью, он действительно куда-то ушел.

Бренна взяла два больших мешка с овсом для кобылки и привязала их к седлу, а потом наполнила водой четыре меха. Все готово к отъезду.

Она направила Уиллоу по дорожке, ведущей от конюшни в лес, но остановилась, заметив бегущего следом Дог. Пес с каждой минутой лаял все громче, угрожая разоблачить Бренну.

— Назад! — приказала она, боясь, что кто-нибудь выскочит на шум. — Убирайся, Дог! — Она пришпорила лошадь, но пес не отставал. — Вернись домой, я сказала! Ты не можешь идти со мной!

Дог, с любопытством поглядел на Бренну и завилял хвостом.

— Ну хорошо, — вздохнула Бренна, — если ищешь приключений, можешь присоединиться ко

мне. Ну и странная мы троица! Пес, лошадь и беглая рабыня!

Она выехала в открытое поле, сама не зная, куда направляется. Свобода! Наконец-то свобода! И ни перед кем не нужно склонять голову!

Бренна остановилась на опушке леса и оглянулась на мрачный дом на вершине холма.

— Прощай, Гаррик Хаардрад из Норвегии, Гаррик — Каменное сердце. Не сомневайся, я всегда буду помнить тебя! — Она снова ощутила ком в горле. — Ты должна быть счастлива, Бренна, — укоризненно сказала себе девушка. — Теперь ты свободна.

На побережье почти не было дичи, а рыбачить Бренна не умела. Юг, куда она стремилась, был закрыт от нее фьордом. Восток... нужно бы ехать на восток, но именно туда прежде всего бросится на поиски Гаррик, поскольку ему и в голову не придет, что Бренна направится на север, где дуют ледяные ветры и еще гораздо холоднее, чем здесь. Значит, так тому и быть. На север!

— Сможем ли мы дожить до весны. Дог? К этому времени у меня будет много мехов, мы отыщем другое поселение около воды. Мы оплатим проезд на корабле, вернемся домой или по крайней мере окажемся подальше от твоей родины. Что ты об этом думаешь? — Животное преданными глазами уставилось на Бренну. — Или мы сумеем сделать это, или умрем... другого выхода нет, — ответила себе девушка.

Гаррик поднимался по ступенькам как раз в тот момент, когда Модья спускалась вниз.

— Где Бренна? — рявкнул он. — Если вздумала упрямитесь из-за того, что случилось утром, я не поленюсь отделать ее палкой!

Модья побледнела от страха:

— Я... я как раз собиралась поискать вас, хозяин. Она еще не вернулась. Уехала уже давно, и, боюсь, что-то случилось...

— Уехала? Куда? — перебил он ее, прищутив глаза.

Модья, съежившись, громко всхлипнула:

— С-сказала, что хочет покататься верхом... чтобы унять боль... из-за того, что вы строго обошлись с ней сегодня утром.

— Она сама это сказала?

— Только велела не говорить вам... я должна была объяснить, что она поехала на прогулку... ненадолго... но ее все нет, и, я опасаясь, как бы не приключилось чего плохого...

— Чего именно?

— Боргсены зарезали собаку, когда вас не было, и бросили на ступеньках крыльца. Некоторые считают, что теперь очередь за рабами. Они могли похитить ее или даже убить.

— В чем дело, Гаррик? — спросил Ансельм снизу.

Гаррик, сдвинув брови, спустился к отцу:

— Девушка говорит, что Бренна уехала покататься сегодня утром, и, конечно, на подаренной тобой лошади.

— Так ей понравился подарок?

— Без всякого сомнения. Настолько понравился, что она до сих пор не вернулась. Модья считает, что Боргсены могли схватить ее.

— Нет, я слишком хорошо знаю Летема Боргсена. Он не опустится до такой низости. Готов поклясться собственной жизнью.

— Согласен, но это означает только, что Бренна сбежала, — язвительно заметил Гаррик. — Сначала ты отдал ее мне, а потом снабдил средством скрыться подальше.

— Не меня нужно осуждать за это, сын, — рассердился Ансельм. — Не забывай, я сегодня утром был в холле и, хотя не слышал, что ты сказал девушке, зато все понял по твоему тону. Не слишком ли ты был суров с ней?

Гаррик разъяренно уставился на отца:

— Неужели не видел, как она была одета? Явилась в холл полуголой! И, готов побиться об заклад, нарочно! Корделла правду сказала, она любит заигрывать с мужчинами!

— Но я ничего подобного не заметил, кроме тревоги за тебя. Она боялась за твою жизнь, и как же ты встретил девушку? Гневом и руганью. Как плохо ты знаешь женщин, сын. Неудивительно, что Бренна сбежала от тебя.

Гаррик негодуя выпрямился:

— Ты ведешь себя так, словно сам равнодушен к ней. Это действительно так, отец?

— Нет, просто знаю ее лучше, чем ты.

— Без сомнения, ибо я вообще не понимаю ее.

— Я помогу тебе отыскать девушку, — хмыкнул Ансельм.

— Нет, я и сам сумею сделать это, — резко ответил Гаррик. — Ее необходимо проучить, и этот урок она не скоро забудет!

— Гаррик!

— Не вмешивайся, отец! Ты потерял все права на Бренну, когда отдал ее мне.

Ансельм вздохнул, глядя вслед удалявшемуся сыну. Этим утром его позабавила реплика Байярда, заметившего, что Бренна слишком быстро превратилась из дикой кошки в ласкового котенка, но все это может быть лишь уловкой. Очевидно, Гаррику пришлось не по душе это замечание, хотя и сказанное в шутку. Может, он и в самом деле питает к девушке какие-то нежные чувства? Только вчера он предупредил всех, что ни с кем не будет делить ее. И теперь это. Неужели молодые люди так и останутся вечными врагами?!

Глава 26

Бренна поворошила полешки в небольшом костерке и добавила туда хвороста, прежде чем устроиться на ночлег. В желудке ощущалась приятная сытость — этим вечером она разделила с собакой тушку зайца, поджарив свою половину, и теперь оставалось только заснуть. Пес улегся у нее в ногах, на подстилке из старых шкур.

Пока все шло гладко. В лесу было полно дичи, и, кроме того, Бренне удалось найти несколько незамерзающих родников, откуда она брала воду. Единственное, что угнетало ее, так это ледяной северный ветер, нещадно забирававшийся под одежду. Даже рядом с костром невозможно было согреться. Но, по счастью, снег был не очень глубоким, а метелей до сих пор не случилось. Здесь, в лесу, вообще почти не было сугробов.

Четыре дня прошло с тех пор, как она покинула дом Гаррика. Через три дня непрерывной скачки Бренна наткнулась на другой фьорд, загородивший дорогу, и была вынуждена повернуть на восток, хотя и не думала, что это теперь имеет значение: она хорошо замела следы копыт, и Гаррик никогда не отыщет ее. Еще два дня — и Бренна попытается найти убежище: густой лес или, возможно, глубокую лощину — и там построит хижину, где сможет перезимовать.

Гаррик наткнулся на маленький лагерь посреди ночи, но к тому времени слишком измучился, чтобы ощутить что-то, кроме легкого удовлетворения — наконец-то поиски окончены. Жеребец почти падал от усталости, и сам он отдыхал всего дважды с тех пор, как уехал из дома, да к тому же еще зря потратил день, обыскивая восточные холмы.

Он ожидал найти Бренну при смерти, голодную и замерзшую, и с облегчением вздохнул, увидев, что она вполне здорова, размялась и сладко спит. По вполне понятной причине, это совсем не понравилось Гаррику. Спешившись, он привязал жеребца около серой кобылки, подошел к огню и лег рядом с Бренной, стараясь не разбудить девушку. Завтра все выяснится.

Глаза Гаррика закрывались сами собой. Вскоре он провалился в глубокую пропасть сна. Бренна глубоко вздохнула, почувствовав странную тяжесть на груди, мешавшую пошевелиться. Потребовалось несколько мгновений, чтобы понять, что это не сон и чья-то мускулистая рука придавила ее к земле. Поборов желание закричать, девушка осторожно повернулась и, увидев, кто лежит рядом, едва не зарыдала от отчаяния. Это уж слишком, просто невыносимо!

— Ты! — взорвалась она, отбрасывая его руку и поспешно вскакивая. Гаррик сонно заморгал и инстинктивно потянулся к мечу, но, тут же опомнившись, обмяк и мрачно взглянул на Бренну, стоявшую, расставив ноги.

— Значит, проснулась наконец?

— Как ты нашел меня? — процедила девушка, дрожа от бешенства. — Как?!

Не обращая на нее внимания, Гаррик отбросил тяжелый плащ, отряхнул одежду.

— Да, ты лишний раз подтвердила мое мнение о женщинах. Ни одной нельзя доверять! — пренебрежительно бросил он.

— Твои суждения слишком поспешны. Я не обещала, что останусь с тобой, но если бы дала слово, то никогда бы не нарушила его. А теперь все же объясни, как ты меня нашел.

— Ты забываешь, Бренна, что я хороший охотник, — ответил он на удивление спокойно. — И ни зверь, ни беглый раб не смогут от меня скрыться.

Глаза Гаррика зловеще потемнели, но, по-видимому, ему пока еще удавалось держать себя в руках.

— Я ведь замела следы! Ты должен был искать меня к югу отсюда! Почему же повернул на север?

— Признаюсь, пришлось потерять день, обыскивая горы, но, когда я понял, что ошибся, повернул обратно. Поскольку я нигде не смог отыскать этого хвостатого предателя, — Гаррик окинул пса убийственным взглядом, и тот виновато опустил голову, — то понял, что он убежал за тобой. Ты совсем забыла, что собака тоже оставляет следы!

Было слишком поздно сетовать на роковую ошибку. Бренна, однако, понимала, что Гаррик зол на Дога, и не хотела, чтобы собака страдала из-за нее.

— Не вини Дога за то, что он последовал за мной, — попросила она. — Это я его уговорила, чтобы ты не смог взять его на поиски.

Гаррик коротко рассмеялся:

— Да, но в конце концов именно он помог найти тебя.

— И что теперь, викинг? — Бренна вызывающе вздернула подбородок и спокойно встретила гневный взгляд Гаррика.

— Отвезу тебя домой.

— Чтобы подвергнуть наказанию?

— Тебя предупредили, что произойдет, если попытаешься сбежать. Думаешь, если я позволял тебе согреть иногда мою постель, то буду снисходительнее?

Опять этот болезненный ком в горле!

— Нет, этого я от тебя не ожидала, — выдавила она, стараясь, чтобы не дрожали губы. — Просто думала, что ты меня не найдешь. А твои соседи тоже отправились на поиски?

— Я приехал один, — ответил он уже мягче, почти шепотом.

— Ну что же, я не вернусь, чтобы терпеть побои, викинг, — с обманчивым спокойствием ответила Бренна.

Гаррик пожал плечами и поднял с земли плащ, готовясь отправиться в обратный путь.

— У тебя вряд ли есть выбор.

— Ошибаешься.

Сердце девушки разрывалось оттого, что приходилось идти против Гаррика, но он не оставил ей иного выхода. Отбросив меховую накидку, скрывавшую оружие, она положила руку на рукоять меча.

— Выбор есть, Гаррик.

Гаррик в искреннем изумлении оглядел девушку с головы до ног и наконец понял, что она

вооружена.

— Где ты это взяла?

— Украла.

— И кто тебе помогал?

— Никто, — солгала она. — Взяла ключи от кладовой у Эрина, пока тот спал, а потом незаметно вернула.

— А эта одежда твоя? Ну конечно! — ощерился он. — Слишком хорошо сидит. Достаточно хорошо, чтобы соблазнить любого мужчину!

— Перестань! — вскрикнула Бренна, видя, как в его глазах вспыхнуло желание, смешанное с гневом.

— Значит, снова стараешься строить из себя мужчину, Бренна? — заметил он насмешливо. — И хочешь сражаться за свою свободу?

— Оставь меня в покое, и не к чему будет драться.

— Нет! — усмехнулся он, выхватывая меч. — Вызов принят.

Бренна досадливо поморщилась, но сделала то же самое. Она совсем не хотела этого поединка. В сердце почему-то не осталось ярости, только сожаление, что до этого дошло.

Гаррик бросился в атаку, пытаясь выбить у нее оружие, но Бренна вовремя отступила. Бок Гаррика открыт для удара... только она не может заставить себя нанести его. Гаррик снова атаковал. Он умело орудовал мечом и мог похвастаться недюжинной силой, но не обладал ни ее опытом, ни хитростью. Однако Бренна не хотела воспользоваться своим преимуществом, хотя возможность предоставлялась не раз, пока он пытался обезоружить ее.

Убить его, видеть Гаррика мертвым... сама эта мысль была невыносимой. Она только выбьет у него меч, как пытался это сделать он, а потом уедет.

Но в этот момент огромный медведь, каких она никогда не видела раньше, внезапно появился за спиной Гаррика. Бренна вскрикнула, но было слишком поздно. Зверь застал их врасплох, так что оказался почти рядом, когда Гаррик повернулся, желая посмотреть, что так напугало Бренну. Мощным ударом огромной лапы он сбил викинга на землю, и тот, отлетев, ударился головой о дерево и больше не шевелился. Бренна не веря своим глазам смотрела, как медведь с торжествующим ревом приближается к упавшему Гаррику. Наконец, опомнившись, она вскрикнула и в слепой ярости бросилась на чудовище. Держа меч обеими руками, Бренна подняла его над головой и изо всех сил вонзила в спину медведя. Но зверь не упал и даже не пошатнулся, только яростно зарычал и повернулся к смертельно побледневшей от ужаса Бренне. Та мгновенно поняла, что кинжал здесь бесполезен, и поэтому, метнувшись к мирно стоявшей у дерева Уиллоу, дрожащими руками вытащила из мешка арбалет. Медведь был уже почти рядом. Отбежав влево, подальше от лошадей, девушка вложила стрелу в арбалет и прицелилась. Стрела попала зверю прямо в горло, и тот, хрипя и царапая шею лапами, наконец тяжело рухнул в снег.

Облегчение было так велико, что Бренна упала на колени и вознесла Богу молчаливую молитву. Хотя тело охватила неудержимая дрожь, она неверными шагами добралась до

Гаррика и, затаив дыхание, приложила ухо к его груди. Плечо было изодрано в кровь медвежьими когтями, но голова, слава Богу, не сильно пострадала от удара об дерево, хотя шишка оказалась довольно большой.

Бренна подошла к лошадям и, оторвав полоску от попоны Уиллоу, намочила ее в воде и легкими прикосновениями начала стирать кровь с его плеча. Гаррик застонал и осторожно притронулся к затылку.

— Ты всегда ухаживаешь за своими врагами? — подозрительно глядя на Бренну, спросил он. Девушка, не отвечая, осматривала раны.

— Очень болит?

— Нет, словно онемело. Медведь убежал? Бренна покачала головой:

— Пришлось убить его.

Глаза Гаррика широко раскрылись:

— Он напал на тебя?

— Нет, собирался расправиться с тобой, — спокойно объяснила Бренна, избегая его взгляда.

— Сначала пытаешься прикончить меня, потом спасаешь жизнь. Почему? — Гаррик недовольно поморщился.

— Решись я в самом деле убить тебя, Гаррик, ты уже давно был бы мертв. Просто не могла заставить себя сделать это.

— Почему? — резко бросил он, хотя Бренна уже начала перевязывать ему плечо. — Ведь тогда ты бы обрела свободу.

— Сама не знаю. — В серых глазах Бренны светилась нежность. — Просто не сумела найти в себе силы.

Гаррик схватил девушку за руки и, притянув к себе, вытащил кинжалу нее из-за пояса.

— На случай, если вновь передумаешь.

Бренна ничего не ответила. Гаррик встал и потряс головой, чтобы немного прийти в себя, а потом, по-прежнему не отпуская, потащил ее к медвежьей туше. Он узнал зверя, которого сам выгнал из берлоги несколько дней назад.

— Кажется, я действительно недооценил тебя, Бренна, — нехотя признался он, разглядывая труп чудовища. — Ты и вправду умеешь обращаться с оружием. Жаль только, что тебе нельзя довериться.

— Если бы я принесла клятву на верность, викинг, ты мог бы доверить мне жизнь, — горько усмехнулась девушка. Гаррик вопросительно поднял брови.

— А ты принесешь мне такую клятву? — Он снова притянул Бренну к себе, до боли сжимая плечи. — Чего ты хочешь от меня?

— Свободу!

Гаррик гневно покачал головой:

— У свободной женщины много прав, в том числе право отказать любовнику.

— То есть по закону ее нельзя изнасиловать?

— Да.

Бренна застыла от негодования.

— Это все, что тебе нужно — снова и снова принуждать меня! И не все ли равно, я или другая? Ты ничего не испытываешь ко мне как к женщине. Не считаешься с моими чувствами и много раз доказывал это. Почему же все-таки я?

— Твое тело сводит меня с ума, Бренна. Достаточно и того, что я могу иметь тебя, когда захочу.

— Будь ты добрым и мягким человеком, я бы довольствовалась этим, Гаррик, — спокойно объяснила Бренна. — Но ты жесток и бессердечен.

Во взгляде Гаррика появилось нечто пугающее. Он прижал ее к себе с такой силой, словно хотел раздавить.

— Но тебе придется мириться со мной, госпожа. И ты дашь слово, что больше не убежишь.

— Никто не сможет принудить меня к этому, викинг, а если даже заставишь меня принести клятву, я не сдержу ее, потому что давала не по доброй воле.

— Тогда ты сама решила свою участь. Он потянул Бренну к лошадям и посадил на Уиллоу. Девушка покорно ждала, пока Гаррик собирал их плащи и оружие. Сев на коня, он отнял у нее поводья, словно боялся, что Бренна снова попытается скрыться. Но что навлекла она на себя своей упрямой гордостью?

Бренна вздрогнула, глядя в спину молчаливого Гаррика. Скоро все станет ясным.

Глава 27

Огромный каменный дом маячил перед ними, окутанный мягким голубым светом полярного сияния. Стояла глубокая ночь, когда Гаррик подвел лошадей к конюшне. Эрин поспешно вышел навстречу: на морщинистом обветренном лице сияли радость и облегчение, быстро сменившиеся отцовской строгостью.

— Постыдись, девочка, как ты могла убежать от нас? — проворчал он, хотя глаза весело сверкали.

— Я убегала не от тебя, Эрин, а от него, — ответила Бренна, не обращая внимания на Гаррика.

— Да, девочка, здорово ты меня перепугала, — продолжал Эрин. — Могла бы по крайней мере подождать до весны, хотя бы не мерзла в снегу.

— Довольно, Эрин! — велел Гаррик и грубо схватил Бренну за руку.

Девушке не удалось даже попрощаться со стариком: Гаррик бесцеремонно потянул ее к дому.

Когда они почти подошли к задней двери, он резко свернул направо, и Бренна немедленно остановилась:

— Куда ты меня ведешь?

Гаррик, не ответив, снова дернул ее за руку, Бренна упиралась, стараясь вырваться. Она уже поняла, что ее ждет впереди, только до сих пор не могла поверить.

В боковой стороне дома, выходящей на фьорд, виднелась маленькая деревянная дверца, с зарешеченными железным прутьями квадратиком. Гаррик распахнул ее. Из-за близости к фьорду в крохотной комнатке было сыро и темно, словно во влажной ледяной пещере.

Гаррик отступил в сторону:

— Твои покои, госпожа.

Бренна с ужасом взглянула на него:

— Неужели ты запрешь меня здесь?

— Это самое легкое наказание за побег, — нетерпеливо бросил он.

— Но как ты можешь так поступить после того, как я спасла тебе жизнь? Неужели это ничего для тебя не значит?

— Почему же, я благодарен.

— И таким образом доказываешь это, викинг, — язвительно прошипела Бренна.

— Если я прощу тебя, Бренна, каким примером это послужит остальным рабам? Те решат, что тоже могут безнаказанно сбежать.

Но Бренна не собиралась умолять о пощаде.

— И сколько ты продержишь меня здесь?

— Три или четыре дня, пока не расскаешься.

— И ты в самом деле надеешься проучить меня, викинг? — Бренна окинула его пренебрежительным взглядом. — Ошибаешься! Здесь моя ненависть лишь возрастет, решимость вновь сбежать от тебя еще больше окрепнет!

Гаррик рывком притянул ее к себе и властно поцеловал. Она назло ему ответила на его ласку. Он должен пожалеть, что сотворил с ней такое. Она заставит его пожалеть.

— Тебе нет нужды оставаться здесь, Бренна, — выдохнул он, — если дашь слово, что больше не оставишь меня.

— Но тогда остальные рабы подумают, что я значу для тебя больше других, — шепнула она кокетливо, обняв его.

— Так оно и есть, Бренна.

— Да, но ты все-таки собираешься запереть меня в этой холодной норе.

— Ты поклянешься, Бренна? Она поцеловала его в губы, легко поддразнивая, но тут же оттолкнула:

— Пусть дьявол унесет тебя, викинг. Я не буду твоей дорогой игрушкой!

И, высоко подняв голову, сцепив зубы, ступила в темную каморку, под стук захлопнувшейся двери. Почти немедленно Бренну охватил озноб. Она едва не закричала, не позвала Гаррика, но тут же упрямо закрыла рот ладонью. Она не станет ныть и упрашивать!

Как холодно... смертельно холодно... К счастью, у нее был плащ, обмотки для рук и леггинсы. Кроме того, на узкой скамье лежало старое шерстяное одеяло. Больше в комнате ничего не было, даже очага, а забранное решеткой оконце пропускало ледяной ветер.

Еды ей тоже не оставили. Бренна немедленно почувствовала волчий голод, хотя всего несколько часов назад разделила с Гарриком огромный кусок оленины.

Нет, он вернется! Не может не вернуться! Он не бросит ее на верную смерть!

Прошел час. Другой. Синий туман рассеялся, оставив только мрачную черную пелену. Бренна вздрогнула, чувствуя, как ломит кости. Кажется, она заболела...

Немного позднее она сбросила плащ, вместе с леггинсами и обмотками.

Он не вернется. Этот предательский комок снова ворочается в горле, а слезы жгут глаза. После всего, что им довелось пережить, после того, как она спасла ему жизнь, он мог так безжалостно бросить ее сюда. Она, конечно, долго не протянет здесь. И тогда он пожалеет. Прекрасный способ отомстить, только ее уже не будет, чтобы насладиться плодами мести.

Бренну снова начало трясти, так, что пришлось лечь на неудобную жесткую скамью. Вскоре она уже металась в полубреду, поминутно то сбрасывая, то натягивая плащ и одеяло.

— Я больна, а он даже не знает, — бормотала девушка, сама не сознавая, что говорит. — Нужно было сказать ему. Но какая разница, он все равно бы не смилостивился. Он — дикий зверь. Ему все равно...

Она вновь откинула голову, не вытирая слез, катившихся из невидящих глаз.

— Ты пожалеешь, Гаррик... пожалеешь... пожалеешь...

Глава 28

Гаррик в который раз перевернулся с боку на бок и всадил кулак в подушку. Как он ни старался, сон не приходил. Дьяволы в мозгу праздновали победу, бешено веселились и не хотели уняться. Проходил час за часом, а совесть беспощадно терзала душу.

Наконец он не смог больше вынести мучений. Спрыгнув с кровати, он накинул плащ и почти выбежал из комнаты. Оказавшись в холле, Гаррик быстро зажег факел и собрался с духом, чтобы храбро встретить пронзительный холод северной зимы. Уже через несколько секунд он оказался у маленькой каморки и, неумело повозившись с ключом, отпер замок.

Дверца со скрипом отворилась, и Гаррик согнулся в три погибели, чтобы войти. Переступив порог, он вставил факел в кольцо на стене и подошел к Бренне. Девушка свернулась калачиком на полу возле скамьи и, по всей видимости, спала. Рядом валялись одеяло и бархатный плащ.

Гаррик гневно скрипнул зубами. Маленькая дурочка! В таком холоде она к утру превратится в кусок льда! Должно быть, только этого и добивается!

Он опустился на колени и грубо тряхнул Бренну за плечо, но тут же замер, почувствовав жар, проникающий даже сквозь толстую бархатную тунику. Приложив ладонь к ее лбу, Гаррик со свистом втянул в себя воздух. Она вся горит в лихорадке!

— Боже мой, Бренна, что ты наделала?! Девушка открыла глаза и недоуменно уставилась на Гаррика.

— Почему ты обращаешься к моему Богу? Твои языческие боги рассердятся.

— Какая разница, чей это Бог? — рассерженно бросил Гаррик. — По-моему, между ними нет никакой разницы! Но я спрашиваю их и тебя: почему ты пыталась убить себя?

— Я не мертва, — еле слышно пробормотала Бренна, перед тем как глаза ее снова закрылись. Лицо Гаррика посерело.

— Но, умрешь, если не станешь бороться за жизнь, Бренна! Очнись!

Видя, что девушка не шевельнулась, Гаррик поднял ее и быстро понес в дом, в свою комнату. Там он положил Бренну на постель, укрыл теплым горностаевым одеялом и, подложив дров в очаг, вернулся к кровати.

— Бренна! Бренна!

Но девушка не приходила в себя. Гаррик снова тряхнул ее за плечо. Бесполезно. Бренна не поднимала ресниц. Паника охватила Гаррика. Он ничего не понимал в болезнях. Нужно позвать Ярмиллу. Она много знала о травах и зельях и даже вылечила Хьюга, когда тот в детстве болел сильной лихорадкой.

Гаррик выбежал из комнаты. Разбудив Эрина и приказав послать женщин в дом, он вскочил на коня и поехал за Ярмиллой. Через час они вернулись, и Ярмилла затворилась в спальне наедине с Бренной, запретив входить кому бы то ни было.

Гаррик неустанно мерил шагами холл. Вскоре потихоньку вошла Модья и принесла ему еду и вино, но Гаррик ни к чему не притронулся.

Эрин сидел за столом, с тревогой наблюдая за молодым хозяином.

— Она сильная девочка, — утешал старик. — Я за всю жизнь видел много таких болезней. Самое главное — охлаждать ее, когда поднимается жар, и согревать, когда трясет озноб.

Гаррик угрюмо уставился на Эрина, словно не слыша ни единого слова, и продолжал неустанно ходить, забыв о сне. Проходили часы, и день снова сменился вечером. В холле появилась уставшая, измученная Ярмилла. Гаррик затаил дыхание, но женщина, не говоря ни слова, лишь долго смотрела на него. Наконец Гаррик не выдержал напряжения:

— Лихорадка прошла?

Ярмилла медленно покачала головой:

— Прости, Гаррик... я сделала все, что могла.

— Что ты мелешь? — вскочил Гаррик. — Ей не лучше?!

— Сначала жар немного спал. Она даже выпила моего зелья и съела немного мясного отвара. Но потом лихорадка вновь вернулась, и ее начало рвать. Девушка ничего не может удержать, и теперь ей гораздо хуже, чем раньше.

— Но ты не можешь оставить ее без помощи! Сделай что-нибудь!

— Могу принести жертву богам, — предложила женщина. — Больше ничего не остается. Если боги будут довольны, то, может, пощадят ее.

Гаррик, побелев как снег, кинулся вверх по лестнице в свои покои. Эрин, просидевший весь день вместе с викингом, медленно, с усилием поднялся. На глазах старика блестели слезы.

— Девушка действительно настолько больна? — тихо спросил он.

Ярмила свысока посмотрела на Эрина.

— Действительно. И боги ей не помогут, — язвительно процедила она. — Зачем им какая-то рабыня? Она умрет еще до того, как настанет утро.

И с этими словами Ярмила вышла из холла, решив, что не стоит тратить время зря и пора возвращаться домой. Только оказавшись в одиночестве, она позволила себе удовлетворенно улыбнуться. Да, она в самом деле принесет жертву богам, но лишь для того, чтобы заручиться их помощью и попросить о скорейшей смерти девчонки... хотя вряд ли их содействие будет так уж необходимо. Ярмила дала Бренне верное средство, способное прикончить кого угодно, а при открытой балконной двери... смерть этой выскочки наступит неизбежно и скоро.

Ах, если бы только Ярмила с самого начала поняла, какую угрозу представляет новая рабыня, то наверняка бы нашла способ избавиться от нее еще до приезда Гаррика. Но она была так уверена, что он отвергнет девушку, как, впрочем, и всех остальных женщин. Однако желания тех, кто умеет ждать, всегда исполняются, а ждать Ярмилле долго не придется...

Войдя в комнату Гаррика, Эрин застал его стоявшим у постели. Викинг, казалось, состарился за эти несколько часов на десять лет: выглядел несчастным, измученным и потерявшим все человеком. В очаге горел огонь, и все же в спальне было невыносимо холодно.

— Если бы я только мог повернуть время вспять, все было бы по-другому, Бренна, — глухо бормотал Гаррик. — Никогда не прощу себя за это.

Эрин встал рядом с ним, встревоженно глядя на лежащую без сознания девушку.

— Она не слышит тебя, парень.

— Но когда я вошел, она что-то говорила, вернее, лепетала, совсем как ребенок.

— Да, скорее всего вспоминает прошлое. Я видел и раньше такой глубокий сон: это дьяволы населяют ум человека и забавляются, причиняя ему страдания.

Для некоторых это всего лишь забытье, для других — адские муки, от которых единственное избавление — смерть, и они зовут и приветствуют ее приход.

— Она не может умереть!

— Значит, ты любишь девушку, Гаррик?

— Любовь? Любовь для дураков! — рассерженно вскинулся викинг. — Никогда и никого не полюблю вновь!

— Тогда не все ли тебе равно, выживет девушка или умрет, если она для тебя всего-навсего еще одна рабыня? — мудро осведомился Эрин.

— Нет, не все равно, — выдавил Гаррик, внезапно обмякнув, словно ярость и гнев покинули его, оставив лишь опустошение и тоску. — Кроме того, она слишком упряма, чтобы умереть.

— Остается молиться, чтобы ты оказался прав, парень, — вздохнул Эрин. — Что же касается меня, думаю, Ярмила нагло врет. Господь всегда помогает страждущим и невинным.

Бренна сидела на коленях у отца, стискивая крошечной ручкой новый меч, украшенный сверкающими драгоценными камнями.

— Я не забыла поблагодарить тебя, отец? О папа, огромное, огромное спасибо! Мой собственный меч, сделанный специально для меня! Лучшего подарка я не могла бы пожелать!

— Ни красивого платья, ни драгоценного украшения? А твоя мать любила такие вещи.

— Это хорошо для девчонок! — Бренна скорчила пренебрежительную гримаску. — Они глупые и вечно хнычут! Я никогда не плачу!

Элейн толкнула Бренну в дымящуюся лохань. Вода оказалась обжигающе горячей, пар наполнял комнату, превращаясь в белый туман.

— Что бы сказал твой отец, узнай он, как ты дерешься с деревенскими мальчишками, да еще в грязи?!

— Он гордился бы мной! Я ведь победила, не так ли? У Иана подбит глаз, а у Доила губа распухла.

— Они позволили тебе взять верх, потому что ты дочь лорда Энгуса.

— Я не его дочь! Нет! И честно выиграла бой! А теперь вытащи меня из этой лохани, пока я не сварилась!

— Вы должны быть чистой и красивой, леди Бренна.

— Но вода слишком горяча. Почему так жарко?

— Бренна, ты позоришь отца. — Лицо мачехи выплыло из клубящегося тумана. — Когда только научишься вести себя как настоящая леди?

— Я вовсе не обязана тебя слушаться! Ты не моя мать!

Элейн быстро разогнала пар и встала перед самой лоханью:

— Теперь она — ваша мать, леди Бренна.

— Нет, нет, Элейн, я ненавижу эту злобную ведьму-вдову и ее дочь тоже. Почему отец решил

жениться на ней? Корделла всегда меня дразнит. А вдова — настоящая колдунья!

— Вы обязаны выказывать им уважение.

— Но почему? Они тоже ненавидят меня. Обе ревнуют к отцу.

— Может, в их сердцах и нет доброты, но вы должны быть великодушной и добиться того, чтобы они чувствовали себя здесь как дома.

Выслушав упреки, Бренна покорно наклонила голову:

— Если это так, постараюсь, но мне это не нравится.

...Неожиданно начал падать снег, густой, непроницаемой пеленой, окутывая землю ледяным покрывалом. Бренна бежала по замерзшему озеру, скользя и спотыкаясь. Она помахала рукой Корделле, стоявшей у дерева и завернутой в серебряную мантию; рыжие волосы пламенели огнем на снежной белизне.

— Постыдись, Бренна! Ты взрослая девушка, а ведешь себя как ребенок! Лед проломится, и ты утонешь!

Лед оглушительно-громко треснул, и Бренна упала в ледяную темную воду, как и предсказывала Корделла. Страшный озноб потряс тело, руки онемели от холода, и Бренна никак не могла выкарабкаться обратно, на безопасное место.

— Помоги, Корделла! Я замерзаю!

— Разве я не говорила, что ты упадешь?

— Делла, пожалуйста, протяни руку! Мне больно, ужасно больно!

— Будет больно и когда муж в первый раз возьмет тебя. Тогда узнаешь настоящие муки!

— Однажды в деревне я видела соитие мужчины и женщины. Это не выглядело так ужасающе, как ты рассказываешь, Делла!

— погоди, сама увидишь. Скоро за тобой приедет жених. И тогда начнутся твои страдания!

— Я не выйду за викинга. И вообще ни за кого. Разве я не отвергла два десятка поклонников?

— Выйдешь, Бренна. Твой отец дал слово. Где-то вдалеке появилась Линнет и медленно выступила из темноты навстречу Бренне. Наконец она подошла совсем близко. Лицо тетки было усталым и печальным. Молча она вытащила девушку из холодной воды и начала заворачивать в одеяла, пока Бренна не почувствовала, что сейчас задохнется от неприятного тепла.

— Энгус мертв, Бренна.

— Нет!!! — в ужасе вскрикнула Бренна. — Отец не может умереть! Это ложь!

Обитатели деревни, не скрываясь, плакали, когда Энгуса опускали в могилу. Солнце еще не встало, но даже в такое раннее утро стояла невыносимая жара.

— Викинги пришли, леди Бренна.

— Уиндхем! Так вот, значит, как викинги являются за невестой! Жгут и убивают?! Элейн, нет! Ты не должна умирать! Я не могу помочь тебе, тетя Линнет! Он сломал мой меч! Я никому не в силах помочь! Но прикончу его за то, что он сделал с моими людьми! Клянусь!

— Я Элоиза, жена Ансельма. Тебя отдадут Гаррику, моему сыну.

— Никогда не стану рабыней!

— Неужели я нашел способ укротить тебя, девушка?

"Он возьмет меня силой! Боже, как мне перенести муки, о которых говорила Корделла? Но где же боль? Корделла солгала! Заставила меня без нужды выказывать страх перед викингом. А ведь это было прекрасно. Он прекрасен! Такое великолепное тело, столько мощи и силы! Он заставляет меня забыть о ненависти к нему, лишает воли».

Откуда-то донесся смех. Это Корделла и Ярмила потешаются над ней. И Ансельм с Хьюгом вместе с ними.

"Он — животное! И нисколько не думает обо мне!

Как он мог так унижить меня перед гостями? Теперь я свободна от него. Гаррик никогда не найдет меня. Я не могу больше оставаться с ним, его прикосновение превращает меня в воск... лишает сил..."

Звон мечей. Оглушающий шум, от которого болят уши, и Бренна кричит, не в состоянии вынести пытки.

— Не могу убить тебя, Гаррик, даже чтобы получить свободу. Не знаю почему, но мысль о твоей смерти ужасно ранит...

Бренна задрожала:

— Мне так холодно... Я больна, а он даже не знает об этом. Но пожалеет, когда найдет меня мертвой. Как он мог так поступить со мной, когда я спасла ему жизнь? Холодно... холодно... смертельно холодно... Ярмила, закрой дверь, пока... пока...

Бренна плавала в теплом озере, даже сквозь закрытые веки чувствуя теплое, приветливое солнышко. Хорошо сознавать, что у тебя никаких забот и бед! Ни одна тревожная мысль не омрачала сознания. Она просто чувствовала, как в тело вливается целительная сила.

Девушка проснулась и вместо теплого озера увидела мягкую постель, которая, однако, по каким-то странным причинам казалась необычно жесткой. Бренна поморгала, пока не прояснилось зрение и не поняла, что находится в комнате Гаррика. С трудом повернув голову, Бренна увидела его, сидевшего на одном из стульев с высокой спинкой. Как странно он выглядит! Измученный, осунувшийся, в грязной одежде! Однако он улыбается ей! А в глазах такая нежность... не может быть!

— Ты плохо выглядишь, Гаррик. Заболел?

Гаррик облегченно засмеялся:

— Нет, девушка, со мной все хороню. А как ты себя чувствуешь?

Бренна попыталась сесть, но, застонав, откинулась на подушку.

— На мне места живого нет, словно меня избili палками! — Это ты решил наказать меня? — Она подозрительно взглянула на Гаррика.

— Как ты могла подумать такое? — обиженно пробормотал он. — Ты два дня не приходила в себя. Это из-за болезни ты так ослабела.

Подойдя к кровати, он натянул на Бренну покрывала.

— Женщины держат суп на углях в ожидании, когда ты придешь в себя. Сейчас принесу.

Бренна, немного успокоившись, улеглась поудобнее. Неужели он расстроен? Явно тревожится, словно она ему не безразлична.

Она так и не дождалась еды. Сон снова принял ее в свои объятия и унес в благословенную тьму еще до возвращения Гаррика.

Глава 29

Последний месяц года выдался ужасно холодным. Земля была занесена толстым слоем снега и покрыта льдом. Бренна почти все это время привела в постели, окруженная вниманием и заботой Джейни и Модьи. Даже Рейна как-то принесла ей горшочек специального супа с травами, известного своими целебными свойствами.

Женщины не знали, как угодить Бренне. Она была одной из них и едва избежала смерти. Кроме того, она стала любимицей хозяина, что с каждым днем казалось все более очевидным, хотя Бренна так не считала.

Когда Гаррик наконец объявил, что она достаточно окрепла и может вновь приступить к своим домашним обязанностям, Бренна с трудом смогла сдержать радость. Ей поручили обмазывать медом окорок небольшого кабана, и девушка с раздражением поняла, что Гаррик приказал всячески оберегать ее.

Бренна без стука распахнула дверь комнаты Гаррика. Тот молча поднял глаза от миски с едой, более удивленный ее приходом, чем грохотом ударившейся о стену двери. Не обращая внимания на ее вызывающий вид и потемневшие от гнева глаза, он продолжал есть.

— Ты уже давно должна быть в постели, госпожа, — наставительно заметил он, не глядя на Бренну. — День, без сомнения, был тяжелым, и тебе необходим отдых.

Но Бренна упрямо шагнула к столу.

— Пора тебе перестать зря беспокоиться, викинг. Я не калека! — сухо ответила она, пытаясь держать себя в руках, хотя знала, что спорить с этим новым, бесконечно благодушным Гарриком бесполезно. Она почти ненавидела его странную доброту. Теперь он был похож на отца, готового все простить избалованному ребенку, но она совсем не нуждалась в его прощении.

— Сомневаешься, что я здорова? — осведомилась она.

Гаррик, по-прежнему не глядя на нее, покачал головой:

— Нет. Однако не стоит переутомляться, Бренна. Ты едва не умерла, но боги были милостивы! Не считаешь ли ты, что в новую жизнь нужно вступать с некоторой осторожностью?

— Но это просто вздор! — забывшись, вскинулась Бренна. — Сначала держишь меня в постели дольше, чем необходимо, теперь обращаешься так, словно стоит дотронуться до меня, и я разобьюсь! Говорю же, я здорова! Милосердный Боже! — Бренна в отчаянии воздела руки к небу. — Я ведь не лентяйка и не люблю бездельничать! Сама вызвалась работать в твоей конюшне, но ты запретил. Если мне позволено трудиться лишь в доме, пусть будет так. Однако я должна все-таки делать что-то!

— Но твоя сестра уверяла меня в ином.

— Ты говорил с Корделлой?! — гневно воскликнула Бренна.

— Да, и довольно долго.

Бренна сжала кулаки. Мысль о Гаррике и Корделле, болтающих, смеющихся, сплетенных на постели в любовных объятиях, вытеснила из головы все остальное. Значит, она была права! Те долгие ночи, когда Гаррик приходил домой поздно, заставляя ее ожидать едва ли не до утра, он проводил с Корделлой!

— Бренна, подойди сюда!

— Что? — машинально пробормотала она, не слыша его.

— Подойди сюда, — повторил Гаррик. Девушка не шевельнулась и отказывалась посмотреть на него. Наконец Гаррик сам приблизился к ней и дотронулся до щеки. Бренна, дернувшись как от удара и отбросив его руку, отпрянула.

— Не смей прикасаться ко мне! — вскрикнула она. — Никогда больше не смей!

Гаррик недоуменно поднял брови;

— Тор, помоги мне! Что это с тобой, женщина?

— Ты... ты, должно быть, безумец, если считаешь, что я буду делить тебя с сестрой! Если хочешь ее, можешь получить, но ко мне больше и близко не подходи, или клянусь, я найду способ убить тебя!

— Но зачем мне твоя сестра, когда есть ты?! — Гаррик, лукаво сверкнув глазами, расплылся в улыбке. — Как такое тебе пришло в голову, ведь я сказал, что всего-навсего поговорил с Корделлой?!

— Но не спал с ней?

— Конечно, нет, но если бы и спал, почему это так задевает тебя, Бренна?

Девушка почувствовала, как вспыхнули щеки, и поняла, насколько глупой должна она казаться Гаррику. Устраивает сцены, словно ревнивая жена!

Она поспешно отвернулась, удивляясь собственному поведению.

— Бренна?

— Мне все равно, если ты возьмешь себе другую женщину, — тихо пояснила она, чувствуя, как знакомый отвратительный комок вновь подступает к горлу. — Буду только рада, что кто-то заменит меня в твоей постели, тогда хоть оставишь меня в покое. Но это нехорошо, не правильно, если ты захочешь овладеть и моей сестрой тоже. Неужели сам не понимаешь?

— И это единственная причина? Другой нет? Глаза девушки широко распахнулись:

— Другой и быть не может.

— Хорошо, не стану настаивать.

— Говорю же, никаких иных причин не существует! — Бренна обожгла его яростным взглядом.

Гаррик широко улыбнулся, глубокие ямочки обозначились на его щеках.

— Ты что-то слишком обидчива сегодня, — покачал он головой, подходя к сундуку. — Может, это немного улучшит твоё настроение?

Бренна пристально уставилась на него, на мгновение замороженная сверканием золотистых волос, упавших на лоб и придающих ему такой шаловливо-мальчишеский вид. Сейчас он совсем не походил на воина-викинга, бессердечного и жестокого хозяина, каким она его знала. Как не хотелось Бренне отводить взгляд от этого безупречно-красивого лица...

Наконец она посмотрела на шкатулку, которую Гаррик вынул из сундука, и глаза девушки загорелись любопытством. Только когда Гаррик подошел поближе, Бренна увидела, что он держит копию миниатюрного сундучка прекрасной работы, украшенного резным восточным рисунком и инкрустированного слоновой костью.

— Зачем это? — недоуменно спросила она, глядя в глаза Гаррику.

— Открой.

Бренна подняла крышку. Внутри, на подкладке из голубого бархата, лежали два одинаковых браслета в форме свернувшихся змей, с ярко-красными рубинами вместо глаз. Такие браслеты носили выше локтя, и Бренна знала, что викинги очень их ценили. Она видела такие у жены Хьюга, правда, гораздо грубее, но тем не менее она с гордостью выставляла их напоказ. Чем богаче человек, тем дороже браслет.

Те, которые показал Гаррик, выглядели очень изысканными. Бренна подняла один и удивилась его весу. Должно быть, он сделан из чистого золота.

Она встретилась взглядом с Гарриком. Его глаза сияли.

— Почему ты принес их? — удивилась она, возвращая ему шкатулку. Но Гаррик покачал головой.

— Чтобы подарить тебе, Бренна. Они твои, и шкатулка — тоже.

Бренна снова взглянула на браслеты и подозрительно уставилась на Гаррика:

— Зачем?

— Таково мое желание.

— Дарить рабыне дорогие безделушки? Бренна снова пришла в бешенство. Так значит, вот каким способом пытается викинг заглазить вину за то, что запер ее в этой ужасной норе?

— Но где и когда мне носить их, Гаррик? Пока стираю твою одежду или подметаю полы? Нет, не приму твои дары.

— Примешь! — резко бросил Гаррик. — И наденешь также платье, которое шьет для тебя мать! Все это будет на тебе, когда поедешь со мной на празднество в честь зимнего солнцестояния в дом моего отца.

— Твоя мать шьет для меня платье?! — Бренна была поражена.

— По моей просьбе, — коротко бросил он. Неужели Элоиза согласилась шить платье для рабыни? Конечно, мать Гаррика — христианка и от природы добросердечная и мягкая женщина, но тратить время на подобные занятия?! Еще удивительнее то, что Гаррик собирается взять ее с собой на пир!

— Не понимаю, Гаррик. Почему ты решил привести меня в дом отца, ведь всякий раз, когда я просила разрешения увидеться с родственниками, получала отказ!

— Тебе необходимо время, чтобы привыкнуть к новой жизни и чтобы ничто не напоминало о доме. Думаю, теперь тебе стало легче.

— Ты искренне считаешь, что я смирилась, и это после того, как только что попыталась сбежать?!

— Я не сказал, что ты смирилась, госпожа, просто немного приспособилась к людям, к дому.

— Но почему ты вздумал повезти рабыню на празднество? Таков обычай?

— Нет, но я не так уж строго придерживаюсь обычаев. Кроме того, нужно же кому-то угождать мне в постели!

Бренна охнула от неожиданности:

— А если я откажусь?

— Но ты не можешь отказаться, Бренна, — рассмеялся Гаррик. — Поедешь, куда мне будет угодно.

— Может быть. Но боюсь, без боя я не сдамся. Однако, — лукаво добавила она, — могу и согласиться... с одним условием, что мне будет разрешено носить мой кинжал.

— Согласен.

Бренна улыбнулась и шагнула к двери, унося дар Гаррика, с сознанием, что и на этот раз вышла победительницей. Гаррик стал слишком мягок, и взять над ним верх ничего не стоит.

— Что же до того, как угождать тебе в постели... поговорим об этом, когда время придет.

— Никаких разговоров.

— Все будет, как сказала я, можешь не сомневаться, — возразила Бренна и ускользнула, оставив Гаррика в одиночестве размышлять над ее словами.

День праздника настал раньше, чем хотелось бы Бренне. И, хотя ей не терпелось вновь увидеться с теткой и было о чем потолковать с Корделлой, которая наверняка пожалеет о той минуте, когда решила солгать сестре, все же тяжело было вновь оказаться в доме Ансельма, постоянно помнить о ненависти к нему, зная, что за многое должна быть благодарна... И так, Бренна появится там с Гарриком, перед всеми, не как рабыня, а как его женщина... но сможет ли она вынести такое унижение?

Она отчаянно пыталась придумать предлог, чтобы не ехать, но знала, что ничего не поможет и ей придется подчиниться. Сам викинг был в прекрасном настроении — и не поддавался никаким ее отговоркам. Бренна должна сопровождать его на праздник и конец. А если вздумает сопротивляться, он потащит ее силой.

Бренна в который раз взглянула на чудесное платье из богатого красного бархата, прошитого золотой нитью, красиво облегавшее ее стройную фигурку. Платье было совсем простым: без рукавов, с закругленным вырезом, какие носят викинги, — однако наряд украшал великолепный широкий золотой пояс с рубинами, в тон браслетам, подаренным Гарриком.

Джейни помогла Бренне причесаться, перевив черные пряди лентой в тон платья и уложив косы вокруг головы. Она совсем не завидовала тому, что Бренна будет гостьей в доме Ансельма, наоборот, радовалась за подругу и беспрестанно щебетала об удаче, выпавшей на ее долю.

Но Бренне было не до восторгов. В душе росло нечто вроде тоскливого страха, еще более усилившегося, когда Гаррик позвал ее. Она встретила викинга в холле и, пораженная, застыла, завидев его. Гаррик был тоже одет в бархат — тонкая золотистая ткань плотно облегла его тело. Красная нить, пропущенная через материю, контрастировала с переливами желто-оранжевого, а большие рубины красовались не только на поясе, но и на золотом медальоне, висевшем на толстой цепи. Бренна невольно задалась вопросом: специально ли было задумано, чтобы их наряды так красиво сочетались?

Волнистые волосы Гаррика отливали золотом в свете огня, но глаза казались странно-затуманенными, а взгляд — непонятно-тревожащим.

— Ты — драгоценность в бурном черном море, госпожа, — тихо пробормотал он, подходя к ней.

Перед таким откровенным восхищением нельзя было устоять. Бренна почувствовала, что краснеет.

— Великолепное платье, — с трудом выдавила она.

— Да, но на другой оно не казалось бы столь прекрасным.

Бренна окончательно смутилась:

— Не похоже на тебя — так беззастенчиво льстить, Гаррик.

— Я говорю только правду, — улыбнулся он. — Просто ты меня еще не знаешь.

— И начинаю понимать это.

— Пойдем, — нетерпеливо позвал он. — Пир, наверное, уже начался.

Бренна покорно кивнула и последовала за ним через кухню к тому месту, где висели их плащи. Но вместо ее старого плаща там оказался новый, из горностая, с широким капюшоном. Ошеломленная, девушка стояла неподвижно, пока Гаррик закутывал ее плечи в роскошный мех и осторожно опускал капюшон на темные, как ночь, волосы.

— Еще один подарок? — выдохнула она наконец, вопросительно глядя на Гаррика. Но тот лишь улыбнулся:

— Да. Богатые наряды идут тебе. Нужно почаще их носить.

— Я раньше не замечала за тобой особой щедрости, Гаррик. — Почему ты так изменился?

— Просто мне этого хочется, — пожал плечами викинг, вручая ей обещанный кинжал. Бренна сунула оружие за пояс и раздраженно топнула ногой.

— Господь милостивый! По мне так лучше, когда ты постоянно злился, по крайней мере это хоть как-то было понятно. Не терплю непоследовательных людей, — буркнула она и почти вылетела из дома под веселый смех Гаррика.

Клубы дыма, поднимавшиеся от огней в очагах и под вертелами, на которых готовилась еда, темными облаками повисли в холле, но Бренна предпочитала слезившиеся глаза ледящему холоду на улице. Она так замерзла, что пока не хотела снимать плащ, и, как оказалось, весьма кстати, поскольку, оглядев собравшихся женщин, заметила, что ни одна не была в таком богатом наряде. Щеки девушки побагровели при мысли о том, что подумают собравшиеся, увидев, как Гаррик выставляет ее напоказ перед всеми. Жалкая рабыня, одетая куда роскошнее свободных женщин! Да такое просто неслыханно! Бренна чувствовала себя избалованной шлюхой Гаррика, его игрушкой и знала, что остальные думают то же самое.

Неотвязные думы преследовали Бренну, обида и горечь не давали покоя. Девушка ничего не сказала, когда Гаррик оставил ее за столом, а сам отправился поздороваться с родными, она сидела неподвижно, словно каменная, опустив глаза на сложенные на коленях руки, зная, что взгляды почти всех присутствующих устремлены в ее сторону. Бренна так глубоко задумалась, что испуганно вскинулась, услышав голос Элоизы:

— Тебе понравилось платье, Бренна? Женщина смотрела на нее так дружески-приветливо, что Бренна немного успокоилась:

— Да, и я благодарю тебя.

— Тогда снимай поскорее плащ. Я не затем провела столько долгих часов над шитьем, чтобы ты скрывала новый наряд!

Бренна неохотно рассталась с горностаевым плащом, но почувствовала, что уже не так смущается, когда Элоиза сидит рядом. Она действительно была глубоко благодарна хозяйке дома за то, что та старается успокоить ее и дать время освоиться.

— Да, дитя мое, оно и в самом деле прекрасно подходит тебе, — улыбнулась Элоиза.

— Ты очень добра.

— Нет, я говорю правду. И готова, в свою очередь, поблагодарить тебя, Бренна.

— Но я ничем не заслужила твою благодарность. Элоиза посмотрела в сторону Гаррика, стоявшего рядом с отцом, и дружески сжала руку Бренны.

— Я давно уже не видела сына столь веселым и в таком хорошем настроении. Именно за это я и должна сказать тебе «спасибо».

Бренна снова вспыхнула:

— Ты ошибаешься.

— Вряд ли. Я прекрасно знаю, что он не хотел пасть жертвой твоих чар и сопротивлялся, как мог, но борьба была напрасной. Неужели ты сама не замечаешь разницы?

Бренна медленно кивнула, стараясь не встречаться взглядом с Элоизой. Она не могла заставить себя согласиться с женщиной, однако эти странные слова, как ни удивительно, согрели сердце и душу. Неужели причина разительной перемены в Гаррике со времени ее болезни — она, Бренна? Неужели он действительно влюбился в нее?

Но Бренна боялась даже думать о чем-то подобном и поэтому поспешно сменила тему:

— А где моя тетя? Могу я увидеться с ней?

— Конечно. Вот и она. Я оставлю вас, поговорите наедине.

Бренна тоже поднялась, как раз в тот момент, когда подошла Линнет. Уход Элоизы остался незамеченным. Бренна видела только тетку, и, когда они обнялись, по щекам девушки потекли слезы. Все, что пришлось вынести Бренне за эти месяцы, нахлынуло на нее. И хотя теперь наконец было кому признаться во всем, ее положение казалось не таким уж плохим по сравнению с судьбой тети.

Они уселись за стол, и Бренна никак не хотела отпустить руку Линнет. Она критически оглядела тетку, заметив, что та по-прежнему выглядит моложе своих лет. Голубые глаза сверкали живо и молодо.

— Тебе тут не очень плохо, тетя?

— Элоиза приняла меня как родную, — весело объяснила Линнет. — Да, моя жизнь просто великолепна!

— Как хорошо! Я так беспокоилась, но Гаррик до сих пор не разрешал мне повидаться с тобой.

— Он очень ревниво относится к тебе, старается не выпускать из виду. Я много слышала о тебе от Элоизы и знаю, что вначале ты была ужасно упрямой, как, впрочем, я и думала. И о твоём побеге знаю и о том, как ты едва не умерла. Я места себе не находила от тревоги! Но, слава Богу, вижу тебя здоровой, красивой и окруженной почетом.

— Почетом?

— Ты здесь гостя, а не рабыня Гаррика. Да, он оказал тебе большую честь.

— Мне известны причины такой чести, тетя, — сухо усмехнулась Бренна. — Он сам сказал. Я здесь только для того, чтобы служить ему в постели.

— Но, послушай, Бренна, — возразила Линнет, — для таких вещей здесь и без тебя полно женщин. И, кроме того, будь это так, ему вовсе не к чему дарить тебе столь дорогие подарки. Я была с Элоизой, когда Гаррик приехал и попросил ее сшить для тебя платье. «Пусть будет таким, как носят викинги, — сказал он. — Бренна теперь одна из нас и должна одеваться, как мы».

Бренна задумчиво свела брови:

— Но я не давала ему повода думать, что счастлива здесь. Гаррик знает, что при первой же возможности я снова попытаюсь сбежать. Почему же он считает меня одной из них?

— Должно быть, ты все-таки заставила его поверить этому. Но, Бренна, ты не смеешь и думать о новом побеге! Если тебе удастся скрыться и Гаррик тебя не найдет, я проживу остаток жизни в тревоге и тоске, не зная, где ты и что с тобой!

— Но если я вздумаю вновь бежать, тетя, то отправлюсь домой морем и возьму тебя с собой, — поспешно заверила Бренна, сомневаясь, что такой рискованный план может осуществиться. И хотя она пыталась утешить тетку, та еще больше погрузилась.

— Ах, Бренна, увидев тебя здесь, я обрадовалась, подумав, что ты наконец стала взрослой и забыла о своих буйных повадках. Умная женщина на твоём месте примирилась бы с судьбой, зная, что к прежней жизни возврата нет, и была бы благодарна судьбе за то, что сумела выжить и принять как должное участь, выпавшую на её долю.

— Как это сделала ты?

— Именно. Другого выхода нет, Бренна. Если мы станем бесконечно скорбеть о потерянной свободе, это приведет лишь к ненужным страданиям. По правде говоря, мне здесь не на что жаловаться. Я обрела в Элоизе хорошего, верного друга. Она не возражает против того, что мне иногда приходится делить постель с Ансельмом, не ревнует, и, кроме того, он по-своему нежен и добр. Теперь у меня тоже есть мужчина.

— Прекрати! Не желаю больше слушать!

— Будь же рассудительной, Бренна! Гаррик равнодушен к тебе, это совершенно очевидно. Сделай же свою жизнь с ним особенной, подари ему хоть немного счастья!

— Предлагаешь быть его шлюхой! — прошипела Бренна, невольно выдавая причину своих терзаний.

— Да, знаю, он не может жениться на тебе, но ты станешь для него как жена. Его великолепные подарки — разве не доказательство этому. В законах викингов говорится, что побочный сын может стать наследником, если у отца нет законных детей. Может, Гаррик никогда не женится, а решит до смерти хранить верность тебе одной. Твое будущее с ним окажется прекрасным и благополучным, даже без произнесенных обетов. Ты можешь рожать незаконных детей, но они все будут признаны и приняты.

— Моя гордость не позволяет смириться с этим. Когда-то я презирала семейную жизнь, но теперь поняла, что, лишь став супругой Гаррика, смогу обрести мира покой.

— Но жениться на рабыне запрещено!

— Знаю, — тихо ответила Бренна и, взглянув на Гаррика, улыбнулась. Наконец она высказала

все, что лежало на сердце. Да, Гаррик станет ее мужем, и она с радостью обменяется с ним обетами. Сама мысль о замужестве, жизни без постоянных стычек и ссор, без стремления одержать верх друг над другом наполнила девушку теплом и радостью. Да, она любит Гаррика!

Словно озарение снизошло на Бренну, озарение, которое она приветствовала звонким радостным смехом. Наклонившись, она обняла тетку.

— Я люблю его и сама не знала этого, но теперь все поняла. Я люблю его. И если ты и Элоиза сказали правду и Гаррик равнодушен ко мне, он женится. Иначе, я просто не смогу с ним жить.

— Бренна, ты истинная дочь Энгуса. Упряма и своевольна сверх всякой меры. Если ты действительно любишь Гаррика, то примешь его таким, как он есть, и не станешь требовать большего.

— И будь прокляты порядочность и правила приличия? Нет, тетя. Либо все, либо ничего, — твердо заявила Бренна и встала. — Где Делла?

— Пожаловалась, что нездорова, и пораньше легла в постель.

— Она знала о моем приезде?

— Да, как и все мы. Гаррику пришлось просить разрешения у отца привести тебя в его дом как гостью, чтобы не оскорбить Ансельма.

Бренна поджала губы. Подумать только, разрешение! Но разве не ее оскорбили?

— Мы позже поговорим, тетя, — сухо процедила она. — Надеюсь, к тому времени ты все-таки решишь поддержать меня, а не этих язычников-варваров.

Глава 31

Хьюг присоединился к Гаррику и, наполнив их кружки пенной медовухой из огромного чана, стоящего посередине длинного стола, уселся рядом с братом. Ряженые, надев на себя маски в виде звериных голов, танцевали и бегали по комнате, дразня и подшучивая над собравшимися гостями. Гаррик с трудом сохранял серьезное выражение лица, когда нахлобучивший голову барана человек, в котором он без труда узнал сводного брата, Фейрфекса, подкрался к Хьюгу сзади и опрокинул ему на голову ведро снега. Гаррик удивленно поднял брови, когда Хьюг, всего лишь рассмеявшись, просто стряхнул снег с плеч, даже не потрудившись обернуться и уличить злоумышленника.

— Да ты, я вижу, подобрел, брат. Или постарел? — громко расхохотался Гаррик. — Прежде тебе не по душе были подобные забавы на празднестве! Я уже готовился свалить тебя на пол, думал, разозлишься, обнажишь меч и попытаешься прикончить обидчика!

— А ты, как я вижу, разочарован, — хмыкнул Хьюг, тряхнув золотистой гривой.

— Нет, я совсем не в том настроении, чтобы сражаться!

— Так же, как и я — Значит, мы оба постарели и расслабились?

Гаррик откинулся на спинку стула и внимательно посмотрел на брата — Я считал, что радостнее меня на празднике никого не будет, но вижу, что и у тебя прекрасное настроение.

Выглядишь, словно смертный, которому при жизни позволили побывать в Валгалле, где он нашел все, о чем мечтал. Может, объяснишь, откуда такие перемены?

— Поздравь меня, брат, — расплылся в улыбке Хьюг. — Наконец-то и у меня будет ребенок!

— Это действительно прекрасная новость! — Гаррик искренне удивился, но все же с силой хлопнул Хьюга по спине. — Да и пусть родится у тебе мальчик, наделенный силой своего... дяди! — добавил он, подняв кружку.

— Соглашусь и на это! — заревел от смеха Хьюг.

— Должно быть, твоя жена вне себя от радости, — заметил Гаррик. — Долго же вам пришлось ждать.

— Нет, она в бешенстве. Всегда винила меня за собственное бесплодие, а вот теперь оказалось, что это она ни на что не способна. Новая рабыня, Корделла, забеременела от меня!

Почему-то радость Гаррика немного омрачилась.

— Уверен, что именно твое семя дало ростки?

— Да! — гордо подтвердил Хьюг. — Ты ведь тоже ни с кем не делил свою дикую ведьму, как и я Корделлу.

Гаррик нахмурился при упоминании о Бренне, вспомнив неприязнь, которую та затаила к сестре. Зря он все-таки дал ей кинжал. Останется лишь молить богов, чтобы Бренна не обратила оружие против Корделлы.

Он быстро оглядел комнату, пытаясь отыскать Бренну, но ее нигде не было видно. Несомненно, отправилась на поиски Корделлы!

Гаррик поспешно поднялся:

— Прошу прощения, Хьюг. Хочу найти Бренну, прежде чем она испортит отцу праздник. Она способна на любую проделку!

— Садись, Гаррик. Какой-то глупой девчонке, омрачить наш пир! Я хотел бы поговорить о твоём новом путешествии.

— Не может ли это немного подождать? — нетерпеливо бросил Гаррик.

— Если ты уйдешь сейчас, Морна подумает, что боишься встретиться с ней лицом к лицу.

— Морна?!

Хьюг показал на дверь, и Гаррик, обернувшись, увидел Перрина, по вполне понятной причине выглядевшего смущенным и сконфуженным, а рядом с ним — Морну. Она, как и всегда, выглядела настоящей красавицей. Светлые, почти белые волосы были оттянуты назад, подчеркивая скульптурные черты лица. Темно-зеленый шелк платья туго обтягивал соблазнительные изгибы. Их взгляды встретились, но глаза Гаррика потемнели, словно море в шторм.

Хьюг прав — он не может уйти сейчас. Повернувшись к брату, Гаррик медленно сел на прежнее место. Остается надеяться, что Бренна не совершит очередного необдуманного

поступка, о котором они все пожалеют.

В небе собирался красный туман, играя пламенными отблесками на бескрайней снежной белизне. Зловещий багрянец окрасил горизонт — буйный цвет ярости и крови.

Бренна несколько секунд смотрела на северное сияние, воображая, что багрово-фиолетовые стрелы — это окровавленные руки, тянущиеся к невидимым врагам. И причиной столь тревожащих душу фантазий было, несомненно, унижение, которое пришлось пережить девушке из-за лживых басен Корделлы. С трудом сдерживая гнев, Бренна отворила дверь в жилище женщин.

В комнате горели бесчисленные масляные светильники. Посреди комнаты был разложен костер, вдоль стен брошены тюфяки, и на одном из них лежала Корделла, заслонив рукой глаза; пламенно-рыжие волосы разметались по подушке.

— Кто там? — скучающе осведомилась она. — Хьюг? — И, не дождавшись ответа, снова спросила:

— Линнет?

— Нет, это я, Делла.

Корделла вскочила как ошпаренная, с лица медленно сбежала краска.

— Бренна... я...

— Что именно? — резко оборвала ее Бренна, подходя ближе. — Начнешь просить прощения? Хочешь покаяться в том, что я опозорилась перед мужчиной из-за твоего вранья? — Бренна, подбоченившись, яростно сверкая глазами, встала перед Корделлой. — Почему ты лгала насчет того, что происходит между мужчиной и женщиной?

— Потому что ты заслужила это! — Щеки Корделлы ярко вспыхнули.

— Но чем?! Какое зло я причинила, чтобы ты решилась так жестоко отомстить? Я хочу знать ответ, Корделла, прежде чем достойно наказать тебя!

Корделла снова побледнела, но все-таки попыталась оправдаться:

— Дунстан хотел тебя, а ты даже не понимала этого.

— Дунстан?! — нахмурилась Бренна. — Какой вздор! Он был твоим мужем.

— Вот именно, моим! — злобно взвизгнула Корделла. — Но он домогался тебя, и, знай ты правду, могла бы положить этому конец Ты же была слишком поглощена тем, что пыталась показать себя достойной гордости твоего отца, и не заботилась о чувствах других.

— "Но если ты говоришь правду, почему не рассказала мне? Знала ведь, что я не хотела ни одного мужчину, не говоря уж о Дунстане.

— Но как я могла признаться тебе или кому-то еще, что не смогла удержать любовь мужа?

— И поэтому заставила меня пережить кошмар наяву? Думала, что первым будет муж, но страшнее всего, что на его месте оказался враг, взявший меня силой! И дело не в том, что произошло и что я испытала! Впервые в жизни мужество покинуло меня, и я струсила,

струсила, как цыпленок перед ножом кухарки!

— Я рада, что тебе пришлось хоть немного страдать, потому что я испытывала бесконечные муки из-за тебя!

Во взгляде Бренны молнией блеснула свирепая ярость. Размахнувшись, она отвесила Корделле звонкую пощечину и, пока та пыталась прийти в себя, выхватила кинжал.

— Не мне осуждать тебя за раненую гордость, Делла! Будь у тебя хоть немного разума, ты бы поняла это. Жаль, что я не встретила тебя сразу после той ночи, когда викинг впервые овладел мною! Вонзила бы клинок в твое черное сердце! Но не думай, что тебе удастся отделаться и на этот раз!

Корделла не веря глазам уставилась на кинжал в руке Бренны:

— И ты осмелишься убить беременную женщину?

— Ты правду говоришь, Делла? — Бренна мгновенно отпрянула.

— Линнет знает. Спроси ее, если не веришь. Бренна не рассчитывала на такое. Она, конечно, не собиралась убивать сестру, поскольку в своей внезапно обретенной любви к Гаррику смогла найти в собственной душе великодушие и способность прощать. Но все же хотела напугать Корделлу, чтобы как следует проучить. Теперь же оставались лишь угрозы — угрозы, которые она никогда не приведет в исполнение.

— Ты слишком постаралась испортить мне жизнь, Делла. И если еще раз вздумаешь сыграть со мной подобную шутку, придется позабыть о том, что я христианка, и пронзить клинком твое лживое сердце. Я не посмотрю даже на ребенка!

Пока Бренна вкладывала кинжал в ножны, Корделла, успела обрести мужество.

— Ты не запугаешь меня, Бренна Кармахем! — ехидно ухмыльнулась она. — Хьюг защитит меня! И ты дорого заплатишь за то, что хотела сделать со мной сегодня!

— Неужели желание отомстить стоит твоей жизни, сестричка? — зловеще прошипела Бренна, прежде чем повернуться и вылететь из комнаты.

Бренна была в бешенстве. Свидание с сестрой закончилось совсем не так, как она ожидала. Просто невозможно поверить в столь бесконечную наглость Корделлы! Нет, она отречется от сводной сестры и никогда больше не увидит эту лживую ведьму! Конечно, единственная пощечина вряд ли может считаться достойным наказанием, но придется довольствоваться и этим.

Красный туман больше не освещал небо. Стояла почти непроглядная тьма, пока Бренна спешила назад, в дом Ансельма. Теперь она жалела, что была так резка с теткой, и, войдя в холл, огляделась, чтобы отыскать ее и попросить прощения. Но той нигде не было видно, поэтому девушка пробралась к тому месту, где сидел Гарри к.

Стоило Бренне опуститься на скамью рядом с ним, как ее смущение возросло вдвое. Множество глаз с любопытством уставились на нее, но взгляд Гаррика был самым настойчивым.

— Ты видела сестру?

— Видела.

— Надеюсь, она здорова?

— Ждет ребенка, — раздраженно огрызнулась Бренна, но тут же пожалела о собственной грубости.

— Но она здорова? — настаивал викинг.

— Когда я уходила, была жива и невредима, — пожала плечами Бренна, слишком занятая собственными мыслями, чтобы обращать внимание на его тревогу. Только теперь, осознав свои чувства к Гаррику, она по-иному взглянула на него. Заметив, что ему явно не по себе, она невольно задала себе вопрос, в чем причина, и решила каким-то образом дать ему понять о произошедшей в ней перемене. Только нельзя действовать слишком открыто, иначе Гаррик заподозрит что-то неладное и решит, что Бренна вновь намеревается сбежать.

— Я уже говорила, как великолепно ты выглядишь сегодня, Гаррик? — Бренна кокетливо улыбнулась ему.

Как она и предполагала, викинг скептически оглядел ее:

— Насколько я припоминало, у тебя была такая возможность, но ты ее упустила. Улыбка Бренны стала еще шире.

— Ну так я говорю тебе об этом сейчас: ты действительно похож на благородного лорда. Правда, таких титулов в вашей стране нет!

— Нет, конечно, — покачал головой Гаррик. — У нас нет лордов и королей. В каждом роду есть вождь, и в своем поселении он и лорд и король.

— Как твой отец?

— Да, — кивнул он, подняв брови. — Но почему ты спрашиваешь?

— Ты не думаешь, что пришло время, когда мне следует побольше узнать о твоём народе и о тебе?

— Что ж, вполне разумно, — усмехнулся Гаррик.

— У тебя большая семья?

— У меня есть дяди, тетки и много двоюродных братьев и сестер.

— Я знаю, у тебя два брата, но других нет? И сестер тоже?

Лицо Гаррика помрачнело.

— У меня была сестра, — с горечью ответил он. — Младшая. Последняя, родившаяся у матери. Но она умерла много лет назад.

Бренна почувствовала, как его боль пронзает ее сердце, словно острый меч. Странно, почему это должно так трогать ее?

— Мне очень жаль, Гаррик.

— Не стоит, — сухо процедил он. — Ты же не знала ее.

— Нет, но мне знакома боль потери тех, кого любишь. — Бренна осторожно коснулась его руки.

Гаррик молча стиснул ее пальцы и поднял глаза, в которых медленно таял гнев.

— Верю... что тебе действительно жаль. Бренна почувствовала непреодолимое желание прижаться к нему, ощутить силу его объятий. Даже сейчас при мысли об этом она поняла, что рана, нанесенная смертью отца, начинает затягиваться. Ей уже не было так одиноко в этом чужом мире.

И хотя теперь главным в ее жизни стал Гаррик, она еще не была готова открыть ему душу. Они никогда раньше не говорили так откровенно, и девушка радовалась возникшей между ними близости. Однако когда оба вновь замолчали, Бренну охватило неожиданное смущение, и она поспешила задать новый вопрос:

— Ты никогда не рассказывал о том, что перенес в плену. Странно, но, похоже, ты не испытываешь ненависти к моему народу за то, что они сделали с тобой. Почему?

— Кто поведал тебе об этом? — удивился Гаррик.

— Твоя мать, когда меня впервые привезли сюда. Она хотела объяснить, почему Ансельм напал на нас.

Бренна не стала говорить, что позже Ансельм во всех подробностях описал муки и пытки, через которые пришлось пройти сыну.

— Предпочитаешь не вспоминать об этом? — допытывалась она, видя, что на этот раз Гаррик не помрачнел.

— Да, я желал бы забыть то время. Но раз тебе так хочется знать, расскажу. Когда викинг отправляется в набег, он знает, что ежеминутно рискует либо погибнуть смертью истинного воина, либо попасть в плен и быть казненным, что страшнее любой смерти. Но я пошел на это и, оказавшись пленником, ожидал бесчестья и позора.

— Но разве это так важно? — перебила Бренна. — Именно погибнуть в бою?

— Это единственный способ достигнуть Валгаллы.

— Рая викингов?

— Хорошее сравнение, — пожал плечами Гаррик. — Но только воины могут попасть в Валгаллу.

Вспомнив уроки Уиндхема, Бренна не стала расспрашивать о том, что уже знала.

— Так ты ожидал позорной смерти?

— Да, — кивнул Гаррик. — Правда и то, что со мной жестоко обращались, и я не задумываясь расправился бы со своими мучителями, попадись они мне в руки, но правда и то, что, если бы не один из ваших людей, старый стражник, пожалевший мальчишку-пленника и отпустивший на волю, меня сегодня не было бы в живых.

— Именно поэтому ты не испытываешь ненависти ко всем кельтам? — И дождавшись, пока Гаррик снова кивнет, девушка добавила:

— А вот твой отец так не думает. Разве он не знает, что именно кельт помог тебе бежать?

— Знает. Но отец — человек поспешных суждений и винит всех в том, что мне пришлось вынести. Он шел дорогой мести и не сворачивал с нее, пока не встретил тебя. Теперь Ансельм жалеет, что разорил твою деревню и привез тебя сюда. Знаешь ли ты это, Бренна?

— Знаю. Твоя мать сказала.

— Но ты по-прежнему ненавидишь его? Бренну терзали сомнения — теперь она точно не могла сказать, какие чувства испытывает к Ансельму.

— Если бы такое случилось с тобой, Гаррик, если бы кельт обманом проник сюда, убил твоих родичей и захватил тебя в плен... ненавидел бы ты его?

— Конечно, — к удивлению девушки, признался он. — И не успокоился бы, пока не увидел его мертвым.

— Так значит, ты не осуждаешь меня за все, что я испытываю?

. — Нет, просто хотел узнать, по-прежнему ли ты горишь жаждой мести. Женщины обычно легче прощают, чем мужчины, и мыслят по-иному. Но ведь ты — исключение из правила, не так ли? — поддразнил он.

Бренна улыбнулась, желая поскорее покончить с темой, которую сама же затронула.

— Теперь я уже не так сильно ненавижу Ансельма, как раньше.

— Да? Откуда же такая перемена, госпожа? Не сама ли ты настаивала на том, чтобы получить оружие? И не собираешься ли ты обратить это оружие против меня, когда позже я попытаюсь предъявить на тебя права?

— Только не против тебя, Гаррик, — тихо призналась Бренна.

Наклонившись ближе, он приподнял ее подбородок и заглянул в глаза.

— Даешь слово, Бренна?

— Клянусь.

— Тогда ты и в самом деле изменилась. — Гаррик откинул голову и рассмеялся.

Девушка кокетливо улыбнулась:

— Но не так, как ты думаешь, Гаррик. Я могу забыть о кинжале, но тебе не так-то легко будет взять меня!

Гаррик, мгновенно став серьезным, добродушно пожаловался:

— Это несправедливо, девушка, не дать мне насладиться победой.

— Кто тебе сказал, викинг, что женщины ведут честную игру? — Глаза Бренны весело сверкнули.

Что-то пробурчав, Гаррик подчеркнуто отвернулся от нее и стал слушать Хьюга, хваставшегося

будущей победой на завтрашних скачках. Но Бренна больше ни на что не обращала внимания. Ей давно уже не было так хорошо. Впервые она и Гаррик говорили без гнева и вражды, не ссорились и не оскорбляли друг друга.

И если подумать хорошенько, неудивительно, что она влюбилась в этого викинга. В Гаррике было все, что восхищало Бренну в мужчинах: мужество, сила, стальная воля. И он мог иногда быть нежным, не говоря уже о том, что красивее человека она нб встречала.

Бренна сознавала, что он хочет ее. Тысяча незначительных признаков, сотни мелочей говорили о том, что она ему не безразлична. Даже другие замечали это, значит, так оно и есть. Ей хотелось показать, что и она неравнодушна к нему, но не знала, как это сделать.

"О Гаррик, я сумею завоевать твое доверие», — твердо решила Бренна, снова улыбнувшись. Она отодвинулась, чтобы дать слугам накрыть на стол. Наполнив кружку пенистой медовухой, Бренна встала и подняла голову. В это мгновение взгляды ее и Ансельма, сидевшего во главе стола, скрестились. Бренна поспешно отвернулась, не заметив его дружеской улыбки, но тут же увидела Перрина и ответила на его приветствие.

Ее внимание приковала женщина, сидевшая рядом с ним с гордой осанкой — ослепительно прекрасное создание, в темно-зеленом шелковом платье. Женщина могла бы считаться поистине прелестной, если бы не холодная злоба во взгляде ее ярко-голубых глаз. Бренна словно зачарованная не могла оторваться от них.

Странно, почему Бренна вызвала столь бешеную ярость у совсем незнакомой женщины? Но тут же поняла, что знает ее или по крайней мере слышала о ней. Морна! Конечно, Морна!

Так вот она какая, эта жадная, бессердечная тварь, нанесящая незаживающую рану Гаррику! Это из-за нее он не доверяет всем женщинам! И хотя и косвенно, но виновата во многих бедах Бренны! Создание, лишенное совести и порядочности!

Морна, без сомнения, снова хочет вернуть Гаррика, иначе почему бы ей смотреть на Бренну с такой ненавистью? Теперь Морна — богатая вдова, да и Гаррик уже не беден, и, конечно, она будет стремиться вновь заполучить его. Неужели она действительно думает, что прошлое давно им забыто?

Бренна сухо усмехнулась. Эта светловолосая красавица не получит Гаррика, по крайней мере пока есть она, Бренна!

Глава 32

Празднество продолжалось, а пьяные выходки собравшихся становились все неистовее. То и дело вспыхивали ссоры — викинги славились вспыльчивостью, и драки в пиршественном зале были делом обычным. Гаррик схватился с Хьюгом, но, к счастью, Ансельм успел вмешаться и погасить скандал. Хьюг и Фейрфлекс тоже затеяли перебранку, но и на этот раз Ансельм властно потребовал от сыновей разойтись, прежде чем пролилась кровь.

Однако не все стычки кончались так мирно, и многие хватались за оружие. Один викинг, к радости Бренны, совсем ей не знакомый потерял жизнь в поединке, начавшемся как дружеская схватка. Просто отвратительно, что здесь допускаются подобные вещи, а еще хуже то, что победителя приветствовали дружными и громкими криками.

Бренна начинала понимать, какое значение придают эти люди физической силе. Мощь

считалась наивысшей добродетелью. Слабый человек — просто неудачник, позор семьи и рода. Викинг скорее умрет, чем откажется лишний раз испытать силы.

Сидевшие за столами рассказывали сказки, истории и легенды, обменивались грубыми шутками. Бренна сидела подавленная, понимая, что Ансельм рассказывает о набеге на ее деревню. И хотя он сильно преувеличивал подвиги викингов, но воздал должное мужеству девушки. Бренна в это время наблюдала, как Морна качает головой, очевидно, не в силах поверить услышанному. Бренне безумно хотелось встретиться с этой красивой гадиной наедине и преподать ей урок, которого та заслуживает!

Ее желание чуть не исполнилось позже, глубокой ночью, когда почти все гости перепились. Морна попросила брата проводить ее домой и ждала у двери, когда тот принесет плащ. Бренна перехватила Перрина по пути из зала:

— Тебе не по нраву здешнее гостеприимство, Перрин?

Тот смущенно поежился:

— Нет, просто знаю, что моя сестра не ко двору в доме Ансельма, но все же настояла, чтобы я привел ее.

— Признайся, Перрин, она снова поглядывает на Гаррика?

— Да, она сама сказала, — пробормотал он. — И это тебе не по душе?

— Только если у Гаррика хватит глупости вновь прыгнуть в огонь, уже однажды обжегший его.

— Будем надеяться, что этого никогда не случится.

— Тебе не нравится такой союз? — усмехнулась Бренна.

— Морна — моя сестра, и с этим ничего не поделаешь, но я никогда не прощу ей того, как она поступила с моим лучшим другом.

— Ты не попрощался с хозяином, — задумчиво протянула Бренна. — Иди к нему. Я сама принесу Морне плащ.

Перрин, нахмурившись, покачал головой:

— Нет, девушка. Сестра и так ревнует Гаррика к тебе и будет более чем рада напомнить о твоём положении рабыни.

— Боишься за меня?

— Просто хорошо тебя знаю, — улыбнулся Перрин. — Это Морну придется спасать.

— В таком случае, — рассмеялась Бренна, — могу я проводить тебя до двери? При тебе она не осмелится задевать меня.

Перрин, казалось, колебался, но ослепительная улыбка Бренны перевесила, и викинг, вздохнув, согласился. Они столкнулись с изнывающей от нетерпения Мерной у самой двери. К этому времени она окончательно вышла из себя и гневно набросилась на брата.

— Просто поверить не могу, что ты можешь болтать с какой-то рабыней, пока я стою здесь! —

прошипела она сквозь стиснутые зубы, багровая от бешенства. — Как ты смеешь позорить свою сестру подобным образом, Перрин?

— Ты вовсе не так уж долго ждала, Морна, — устало перебил брат.

— Заговори ты с кем-нибудь другим, я не возражала бы, — негодуя продолжала она. — Но заставляй меня ждать... из-за нее?! Можно подумать, ты мало забавляешься с ней, когда навещаешь Гаррика!

— Но это совсем не так, Морна, — вспыхнул Перрин. — Гаррик ни с кем не делит эту девушку. Кроме него самого, до нее никто не смеет дотронуться.

Его слова еще больше обозлили белокурую вдову, и Бренна с трудом сдержала смех.

— Надень на меня плащ, рабыня, — презрительно оглядев девушку, бросила Морна и, когда Бренна притворилась, что не понимает, обернулась к брату:

— Ты говоришь на ее языке. Объясни, что ей велено сделать, — раздраженно сказала Морна.

— Ты слишком далеко заходишь, сестра. — Глаза Перрина сузились. — Бренна не принадлежит тебе, и ты не можешь ей приказывать.

— Она рабыня! — взвизгнула Морна, сверкнув глазами. — Делай, как я говорю!

— Что это твоя сестра так кричит? — с невинным видом осведомилась Бренна.

— Один помоги мне, — вздохнул Перрин. — Она требует, чтобы ты надела на нее плащ. Ей просто хочется сорвать на тебе зло.

— Ничего страшного, Перрин, — улыбнулась Бренна. — Скажи ей только, что я отказываюсь, а потом подай ей плащ и уходите. Вот и все.

Перрин с сомнением покачал головой, но все же последовал совету Бренны.

— Бренна не желает выполнять твой приказ, сестра. А теперь, нам пора идти, — сказал он и вышел из зала.

Морна, вне себя от ярости, устремила свирепые голубые глаза на Бренну:

— Я велю тебя высечь за это!

— Не выйдет, — ответила Бренна, не обратив внимания на то, что Морна потрясение отпрянула, услышав норвежские слова. — Прежде всего Гаррик не позволит этого, — продолжила она. — Но, кроме того, я с радостью перережу тебе глотку еще до того, как ты осмелишься позвать на помощь! Тебя никто не приглашал на этот праздник, и ни один человек не станет искать убийц.

— Ты не посмеешь коснуться меня!

— Попробуй и увидишь, — коварно усмехнулась Бренна. — Потребуй, чтобы меня высекли!

Но Морна колебалась чуть больше, чем следует:

— Ты еще пожалеешь о своих угрозах в тот день, когда я стану женой Гаррика!

— Этот день никогда не наступит!

— Не будь слишком уверена в этом, рабыня! — бросила Морна, устремившись к выходу.

Бренна прикусила губу. Не стоило открывать Морне секрет! Но что, если предсказание соперницы сбудется? Гаррик вполне может захотеть получить обеих:

Морну — в качестве жены, способной дать ему законных наследников, а Бренну — наложницей.

Девушка невольно вздрогнула. Нет, этого не должно случиться! Если она не сможет стать женой викинга, значит, жить больше не для чего. Однако у Бренны были все основания считать, что Гаррик неравнодушен к ней.

Обернувшись, Бренна увидела Гаррика. Тот стоял спиной к ней. Хоть бы он не слышал, что она сказала Морне, иначе обязательно начнет допрашивать, а она не сможет солгать ему. Неизвестно, как он воспримет это, вдруг разгневается на нее, чего ей совсем не хотелось.

Она уселась за стол рядом с Гарриком и сгорая от смущения ожидала, пока он заметит ее. Когда наконец он повернулся в ее сторону. Бренна затаила дыхание в ожидании его вопроса.

— Я скучал без тебя, — шепнул Гаррик, наклонившись ближе. — Где ты была?

— Прощалась с Перрином, — чуть помолчав, объяснила девушка и, когда Гаррик что-то проворчал в ответ, поспешно сменила тему:

— Мы скоро уходим?

— Устала?

— Да, — кивнула девушка, — день был долгим, и я слишком много выпила.

— Я с удовольствием вспоминаю еще один вечер, когда ты тоже слишком много выпила, — коварно ухмыльнулся Гаррик, — и была такой стговорчивой... согласной на все. А теперь?

— Нет, Гаррик. — Бренна опустила глаза. Но тот словно не расслышал ответа:

— Пойдем. Я нашел место, где можно провести ночь.

Бренна осталась на месте:

— Разве мы не поедем домой? Это ведь совсем недалеко.

— Не стоит тратить зря время, Бренна. Лошадиные скачки начинаются рано утром, и я хочу успеть. И, видя, как нахмурилась девушка, добавил:

— Может, я отвезу тебя, домой вечером, и тогда мы снова вернемся сюда на следующий день.

— Вернемся?

— Да, пир будет продолжаться не меньше двух недель. А теперь пойдем.

Бренна вздохнула, взяла протянутую руку, и они пошли за плащами. Вокруг по-прежнему бурлило веселье, лишь немногие, допившиеся до потери сознания, свалились на скамьи.

Элоиза и Линнет ушли к себе, но Бренна все же успела извиниться перед теткой за свою ничем не оправданную резкость. Ансельм и Хьюг были все еще полны бодрости и бились об заклад, кто кого перепьет. Остальные ставили на победителя.

Гаррик, перекрывая шум, громко попрощался, хотя никто не обратил на него внимания, и, подхватив Бренну на руки, быстро вышел. Крепко прижавшись к теплой груди Гаррика, Бренна чувствовала себя так, словно плывет, бесшумно скользя над укутанной снегом землей. Сердце неровно билось, голова шла кругом, но Бренна давно уже не ощущала такого покоя и счастья.

Когда Гаррик принес ее в конюшню, в пустое стойло, где на толстый слой соломы были горой навалены одеяла, Бренна с легким раздражением отстранилась от него, наблюдая, как он закрывает широкую деревянную дверцу, превращая стойло в уютную отдельную каморку.

— Именно об этом месте ты говорил?

— Теплее я ничего не смог найти, — ответил он, не глядя на нее и сбрасывая плащ.

— И ты полагаешь, что я буду спать здесь?! Гаррик, не обращая внимания на гнев Бренны, лишь улыбнулся:

— Ты не останешься в одиночестве!

— Но...

— Успокойся, девушка! — мягко перебил он, подходя совсем близко. — Это лучше, чем жесткая скамья в холле. Не согласна?

— Наверное, — оглядев импровизированную постель, нехотя кивнула она.

— И здесь нас никто не потревожит. — Его теплые пальцы коснулись щеки.

Бренна почувствовала, как в груди поднимается нечто вроде боли. Ей хотелось броситься в объятия Гаррика, однако этим ничего не достигнешь. Конечно, она обретет наслаждение, но надолго ли? Он не сделает Бренну своей женой, если та станет его преданной рабой.

Девушка нерешительно отступила, пытаясь найти тему, которая поможет оттянуть неизбежное:

— В этих завтрашних скачках... каждый может участвовать?

— Да.

— И я?

Гаррик было засмеялся, но тут же осекся:

— Любой мужчина, но не женщина.

— И тем более не рабыня, — процедила Бренна. «Боги, неужели эта женщина не может и дня прожить без того, чтобы не показать характер», — вздохнул про себя Гаррик.

— Чистая правда, — покорно кивнул он.

— Но я смогла бы одеться в мужской костюм, Гаррик. Дома меня часто принимали за

мальчика, особенно незнакомые люди. И мне доставило бы большое удовольствие обогнать твоего брата.

— Откуда ты знаешь, что мой брат будет участвовать в скачках? — осведомился он, прищурив глаза.

Бренна, побледнев, поспешно отвернулась. Как она может все объяснить и не признаться, что с самого начала понимала все, о чем они говорили?

— А разве нет?

К счастью, Гаррик не стал допытываться дальше.

— Да, но и я тоже. Хочешь и меня победить, госпожа?

— Нет, нехорошо будет, если я на глазах у всех побью тебя. — Бренна искоса глянула на него. — Достаточно, чтобы ты знал, что я в любой момент могу это сделать, — с лукавой улыбкой добавила она.

— Когда-нибудь я приму твой вызов, девушка, но сейчас у меня на уме гораздо более интересные вещи. — Гаррик разразился громким смехом.

Он потянулся к ней, но Бренна нырнула под руку Гаррика и метнулась к выходу, готовая открыть дверцу и исчезнуть. Обернувшись к викингу, она предостерегающе подняла руку:

— Ты знаешь, Гаррик, я не лягу с тобой добровольно. Лучше, переночую в другом месте.

Гаррик шагнул к ней, но не сделал попытки схватить.

— Я наслаждался твоим обществом сегодня, Бренна, — спокойно ответил он, — и надеялся, что ты подаришь мне еще большее наслаждение этой ночью. Но гоняться за тобой не стану. — Он лег на солому и взмахнул рукой, предлагая Бренне подойти поближе. — Ну, иди же, тебе лучше немного отдохнуть. Завтра снова засидимся допоздна.

Бренна не ожидала, что Гаррик так легко сдастся, и она уже досадовала на себя. Настороженность куда-то исчезла. Конечно, вряд ли она сможет заснуть рядом с ним, но по крайней мере стоит попытаться. Однако не успела Бренна растянуться на одеялах, как Гаррик оказался на ней, вдавив ее в солому всем весом своего тела.

Бренна яростно уставилась в его светившиеся торжеством глаза:

— Ты провел меня!

— Нет, девушка, — усмехнулся Гаррик, — просто я сказал, что не стану гоняться за тобой, и сдержал слово!

.Его губы прервали ее гневные протесты. Бренна попыталась отвернуть голову, но большие ладони Гаррика сжали разгоряченное лицо девушки. Страстное желание охватило ее и лишило разума...

Золотой пояс словно расстегнулся сам собой, подол платья поднялся до талии, и, прежде чем она успела пожалеть о совершенной глупости, оба остались обнаженными. Его руки ласкали ее тело, нежно глядя, словно обжигая огнем в тех местах, которых касались, искусные пальцы опаляли нежную кожу, и Бренна, окончательно потеряв рассудок, тихо застонала.

Больше ничего не имело значения, кроме этого безумного блаженства и ее любви к нему, желания, отчаянной потребности ощутить в себе эту твердую пульсирующую плоть.

И когда наконец Гаррик глубоко вонзился в нее, девушка громко вскрикнула от наплывающего волнами экстаза, такого ослепительного, такого естественного, словно они были созданы друг для друга. Бренна выпила его силу, а ее воля стала волей Гаррика. Даже когда все было кончено и они лежали, тяжело дыша, прижавшись друг к другу, сознание красоты того, что сейчас произошло, переполняло душу блаженством.

Прошло несколько минут, но Гаррик все еще не шевелился. Открыв наконец глаза, Бренна увидела, что он пристально смотрит на нее со странно мягким выражением. «Что может означать этот взгляд?», — подумала Бренна, и тут на память пришли слова, которые она выкрикнула, прежде чем унести на крыльях страсти.

Охваченная паникой, Бренна попыталась оттолкнуть Гаррика. Нужно немедленно бежать! Она не хотела открыто говорить о своих чувствах, во всяком случае, так скоро.

Но ее кулачки лишь бессильно били в грудь Гаррика, и наконец он стальной хваткой сжал руки девушки:

— Ты говоришь правду, Бренна? Ты любишь меня?

Девушка прикрыла глаза, чтобы не видеть его пронизывающего взгляда. Она может солгать, но тогда навеки потеряет его доверие, без которого больше не сможет быть по-настоящему счастлива.

— Да, люблю, — прошептала Бренна те же слова, которые мгновение назад непроизвольно вырвались у нее.

Взглянув украдкой на Гаррика, она увидела, что он ласково улыбается, и сердце ее дрогнуло.

— Ты уверена, Бренна?

— Да, Гаррик, я не могу ошибиться в собственных чувствах.

— Значит, можешь дать слово, что никогда больше не сбежишь от меня?

Вопрос удивил девушку, но она с готовностью ответила:

— Клянусь.

— Хорошо. Это был счастливый день, который я не скоро забуду.

Он лег на бок, рядом с Бренной, и та широко раскрыла глаза от изумления, не услышав тех слов, которых ждала.

— Это все, что ты можешь сказать мне, Гаррик?

— Я рад, что твоя ненависть ко мне растаяла, Бренна, — ответил он и повернулся к ней спиной. — Уже поздно, и я устал. Пора спать.

Бренна отшатнулась, как от удара. Он не сказал, что тоже любит ее... заметил только, как рад, что сердце Бренны смягчилось.

Девушка непонимающе уставилась на широкую спину викинга.

— Думаю, я подарила тебе больше наслаждения этой ночью, чем ты заслужил.

— Что?!

Но Гаррик и не подумал пошевелиться. Бешеная ярость ослепила Бренну, и она с силой толкнула его, заставив обернуться.

— Я хочу знать, каковы твои намерения, Гаррик. Ты женишься на мне? Он нахмурился:

— Но викинг не может жениться на рабыне. Ты же знаешь это.

— Твой отец освободил бы меня! Да и ты сам можешь сделать это!

— Нет, девушка, не выйдет. Я не женюсь на тебе, а если вздумаю дать свободу, потеряю навеки. — И, пытаясь успокоить ее, добавил:

— Но я оставлю тебя в своем доме навсегда, Бренна. Тебе ни в чем не придется нуждаться. И, кроме того, будешь мне как жена.

— Пока не состарюсь! — взорвалась девушка. — Тогда пустишь меня пастись, как загнанную клячу!

— Такого не будет!

— Слова, викинг, — вскричала она, не помня себя от боли, сжигавшей душу. — Если бы ты хоть немного знал меня, то понял бы, что во мне больше гордости и чести, чем в других женщинах. Я никогда не приду к тебе по своей воле без священных обетов! Ты — единственный мужчина, который станет моим мужем. И если ты откажешься, я никогда не буду знать мира и покоя.

— Со временем привыкнешь.

— Со временем моя любовь умрет под гнетом горечи и разочарования, и странно, что ты этого не видишь.

— Ты слишком много просишь, женщина, — коротко бросил Гаррик. — Я поклялся никогда не жениться.

— Или не любить?

— В моей душе нет любви. Она была убита давным-давно.

Гаррик взял руку Бренны и крепко сжал.

— Но именно к тебе я прихожу, Бренна, — мягко выдохнул он. — И ты мне не безразлична... я отношусь к тебе лучше, чем ко всем женщинам на свете. Но на большее я не способен.

— Ты можешь измениться.

— Нет, — медленно покачал головой Гаррик. — Мне очень жаль, Бренна.

— Мне тоже, — пробормотала она. «Потому что ты не оставил мне надежды, Гаррик», — добавила она про себя.

Сердце ее сжалось от боли и сожаления. Бренна отвернулась, чтобы скрыть навернувшиеся слезы и выплакаться, пока наконец не придет милосердный сон.

Глава 33

Огромные звезды ярко сияли на предутреннем небе. Одинокая женщина, то и дело озираясь, спешила к фьорду, туда, где были привязаны две маленькие лодки. Вокруг все было тихо, нигде ни души, и она, поежившись, плотнее завернулась в плащ.

Поспешно отвязав рыбацье суденышко, она прыгнула в него, и лодка медленно отчалила от деревянных мостков. Женщина заработала веслами, направляясь к противоположному берегу.

Замысел, осенивший ее этой ночью, казался слишком дерзким и опасным. Но теперь уже поздно пытаться изменить решение. Женщина намеревалась добраться до поселения Боргсенов. Они наверняка посчитают ее своим врагом, когда узнают, где она живет. Однако она надеялась, что увесистый кошелек заставит их забыть об этом. Никто, кроме Боргсенов, не сможет привести ее план в исполнение. По крайней мере женщина на это рассчитывала.

Течение несло ее вперед. Не прошло и получаса, как женщина оказалась на другом берегу. Она лишь однажды была здесь, давно, когда оба рода связывали узы дружбы. Тогда она приезжала как гостя в дом Летема Боргсена, на свадьбу его дочери с дальним родственником. Торжество было пышным и длилось почти месяц, и все люди, на много миль вокруг, собрались на пир. Но вспомнит ли она теперь дорогу в дом Боргсенов? Ведь прошло столько лет!

Женщина направилась в сторону от фьорда, поеживаясь от холода. Широкий меховой капюшон надежно скрывал лицо. Нельзя, чтобы ее узнали, тогда все может сорваться! Достаточно и того, что план не продуман во всех деталях!

Кажется, до дома Боргсенов осталось не больше половины лиги. Женщина облегченно вздохнула. Но тут оказалось, что ей не придется идти пешком так далеко. Не успела она зайти в густую рощу, как к ней галопом подскакали два всадника, прижав огромными конями к стволу дерева.

Оба громко смеялись над ее страхом. По хрупкой фигурке и тонким рукам они мгновенно распознали в ней женщину.

Один из молодых людей спешил. Он был завернут в пушистые меха, делавшие и без того огромного мужчину настоящим гигантом.

— Здесь девчонка, так рано и совсем одна! Должно быть, спешит на свидание к любовнику! Не стоит, крошка, ты уже нашла двоих вместо одного! Уж мы-то тебя ублажим!

Второй викинг по-прежнему сидел в седле. Он был не намного старше первого и выглядел таким же великаном. Губы его искривились в зловещей ухмылке, — Брось, Седрик, — нетерпеливо пробормотал он, хотя в голосе не было раздражения. — Как тебя зовут, госпожа? — наклонившись к женщине, спросил он.

— Эдозинда.

— Не знаю никого с таким именем, — заметил Седрик. — А ты, Арно?

— Нет. Откуда ты, госпожа Эдозинда? Женщина поколебалась, чувствуя, как безумно бьется

сердце.

— С... с того берега фьорда.

— Ты из клана Хаардрада? — Оба мужчины нахмурились.

— Дальняя, очень дальняя родственница.

— Но если пришла с того берега, наверняка знаешь, что здесь ты нежеланная гостья! — воскликнул Арно.

— Это измена, Арно, — воскликнул викинг помоложе. — Я же говорил тебе, уж слишком притихли эти Хаардрады. Они послали женщину, чтобы проникнуть в наши дома и убить нас во сне. Кто заподозрит ее?!

— Клянусь, это не правда! — вскрикнула женщина. — Никто не знает, что я отправилась сюда!

— Не лги, госпожа! Я — Седрик Боргсен, третий сын Летема. Хьюг Хаардрад убил моего брата, Эдгара! Если я почую обман и предательство, ты немедленно умрешь!

— Я не желаю вам зла, — дрожа от страха, настаивала женщина. — И пришла без оружия.

— Тогда почему шляешься там, где не просят?!

— Мне нужна ваша помощь.

— Пытаешься одурачить нас? — прошипел Седрик.

— Нет... нет! Кроме вас, мне не к кому обратиться, ведь я намереваюсь унижить Хаардрадов, а кто из их вассалов или родственников согласится на такое?! Только Боргсены в состоянии осуществить мой замысел!

— От твоих слов разит ложью. Какой Хаардрад решится предать людей своего рода? — допытывался Арно.

— Женщина... и такая, которая получит от этого большую выгоду.

— Давай слушаем ее, Арно. Меня разбирает любопытство.

— То, что я прошу сделать, не требует большого труда, и вам будет хорошо заплачено за это. Недавно Ансельм захватил кельтскую пленницу, красавицу с волосами цвета ночи и глазами словно серый дым. Она стоит на моем пути, и я хочу убрать ее.

— Убить?

— Мне все равно, что вы с ней сделаете, если поймаете, — отмахнулась женщина. — Можете удерживать у себя, сколько захотите, если, конечно, она не сбежит... а уж этого долго ждать не придется. Коли пожелаете, продайте ее в дальние страны и получите еще один туго набитый кошель. А если вздумаете прикончить — ваше дело.

— Но каким образом кража рабыни может повредить Хаардрадам? — удивился Арно.

— Ансельм отдал ее младшему сыну, Гаррику, и рабыня всего за несколько недель сумела приворожить его. Гаррик не может жить без нее и будет в отчаянии, если она скроется.

— Скроется?

В ответ раздалось злобное кудахтанье, отдаленно напоминающее смех.

— Все именно так и подумают. Гаррик обыщет небо и землю, чтобы отыскать девушку, но в конце концов оставит напрасные попытки. Однако если он решит, что ее увели силой, то не будет знать отдыха и сна, пока не добьется своего.

— Мне почему-то кажется, что это ловушка, — пробормотал Арно. — Стоит пересечь фьорд, и мы наткнемся на засаду.

— Знай ты Хаардрадов немного получше, давно бы понял, что они не из тех, кто унижится до обмана и хитростей. Они дерутся честно!

— Это верно, — неохотно согласился Седрик. — Хьюг пришел к нам и вызвал брата на поединок. Драка была на равных.

— Может, это и так, — недоверчиво покачал головой Арно, — но лучше обо всем рассказать твоему отцу. Он хорошо знаком с Хаардрадами. Глупо соглашаться на предложение этой бабы без ведома Летема.

— Намекаешь, что я сам не вправе ничего решать? — оскорбился Седрик.

— Нет, конечно, просто считаю, что неплохо бы получить совет мудрого человека. В конце концов, вот уже много лет между обеими семьями не было кровопролития, если не считать убийства нескольких ничего не стоящих коров и бродячих собак. Но эта ведьма может навлечь месть на наши головы.

— Да, но и сделать нас гораздо богаче, и без особого труда, — алчно усмехнулся Седрик.

— Но рабыня? — настаивал Арно. — Как ты объяснишь ее присутствие здесь?

— Друг мой, ты опасаясь урагана, хотя на небе еще ни одной тучки. Подержим девчонку на твоей ферме, пока не решим, что с ней делать.

Женщина шагнула ближе, с радостью заметив, что жадность приятелей перевесила подозрительность и осторожность.

— Не стоит бояться ни мести, ни кровопролития, — заверила она. — Нужно только сделать так, чтобы всем показалось, будто рабыня сбежала. Таким образом, и вы и ваш род останутся вне подозрений, а вам достанется еще и вот это. — Она показала мешочек с золотом. — Кроме того, сможете утешаться сознанием того, что причинили зло Хаардрадам и остались безнаказанными. Если дадите слово, что исполните мою просьбу, получите плату сейчас и больше никогда меня не увидите. Согласны?

Седрик, не советуясь больше с другом, кивнул:

— Сначала скажи, как лучше осуществить план, а потом мы дадим слово.

Женщина улыбнулась, уверенная в успехе задуманного.

Глава 34

Бренну разбудили громкие приветственные крики и топот копыт лошадей, уносившихся прочь от поселка. Первое, что заметила девушка, — в конюшне ни души. Значит, скачки уже начались!

Бренна быстро натянула платье, предварительно стряхнув с него солому, схватила плащ и поспешила наружу. Ледяной утренний ветерок быстро прогнал остатки сна, и девушка невольно удивилась: как можно было проспать всю эту веселую суматоху, когда мужчины готовили лошадей к скачкам!

Воспоминания о прошедшей ночи мучили ее, словно незаживающая язва, и сама мысль о том, чтобы остаться на празднике и веселиться, будто ничего не случилось, была невыносимой.

В толпе собравшихся Бренна заметила тетку и медленно подошла к ней. Линнет выглядела свежей и отдохнувшей и приветствовала племянницу теплой улыбкой.

— Я думала, ты придешь пожелать удачи своему викингу, — весело заметила она. — Он искал тебя.

— Если хотел добрых пожеланий, мог бы разбудить меня, — нехотя пробормотала Бренна.

— Что-то не так, девочка? Ты не очень хорошо выглядишь.

— Просто устала. Почти не спала. В конюшне так холодно.

Линнет сочувственно покачала головой:

— В моей комнате никого нет. Можешь прилечь там, если хочешь. Мужчины не вернутся до полудня.

— Нет, тетя. Я лучше поеду домой. Не имею никакого желания видеть сегодня Гаррика.

— Но празднество...

— Может продолжаться и без меня. У меня нет причин радоваться и возносить благодарность богам.

— Что случилось, Бренна? Вчера, когда мы разговаривали, ты выглядела такой счастливой!

— Вчера еще я была настоящей дурой.

— Это из-за Гаррика? Я... мы ошиблись, и он совсем безразличен к тебе?

— Нет, тетя, не безразличен... но, как выяснилось, этого недостаточно, — вздохнула Бренна и направилась к конюшне. — Совсем недостаточно.

— Бренна, подожди, — окликнула Линнет. — Он спросит о тебе. Что я скажу?

— Правду, — на ходу пожала плечами Бренна. — Я уехала домой и не собираюсь возвращаться. Увижусь с ним, когда вдоволь повеселится.

Отсюда до дома Гаррика было совсем недалеко, но Бренне путешествие казалось бесконечным. Она предоставила Уиллоу самой выбирать дорогу и ехала, не глядя по сторонам, мучительно перебирая в памяти подробности вчерашнего разговора и равнодушно-жестокие слова

Гаррика.

Оказавшись в конюшне, Бренна не встретила Эрина. Какая удача! Теперь не придется объяснять, почему она приехала без Гаррика. В доме тоже никого не было, и стоял такой же холод, как на улице, если еще не хуже. Бренна даже не стала разжигать костры внизу, а сразу поднялась к себе и уселась на кровать, тупо разглядывая трещину в полу.

Наконец гнев взял верх над апатией, и стал медленно разгораться, ища выхода. Вскоре она была уже вне себя от ярости, подогретой душевными муками. Поскольку Гаррика не было рядом, она решила сорвать злость на его дарах, швырнув, золотые браслеты в стену. Они лишь упали на пол, жалобно зазвенев. Разочарованная, Бренна не поленилась развести огонь и бросила украшения туда, но золото плавилось слишком медленно, что ничуть не удовлетворило жажду мести. Поэтому Бренна разорвала в клочья платье, и скоро обрывки алого бархата усеяли пол.

Словно только сейчас осознав, что натворила, Бренна отвернулась, чувствуя, как горячие слезы жгут глаза.

— Слишком большая роскошь для рабыни! Рабы не должны иметь ничего подобного! — крикнула она.

Однако очень скоро раскаяние и угрызения совести начали мучить ее. «Элоиза расстроится», — подумала Бренна, вспомнив о доброй женщине, согласившейся сшить ей этот наряд, и слезы потекли ручьем.

— Посмотри, что я из-за тебя наделала, Гаррик! Это твоя вина, и никого другого, — совсем по-детски пролепетала девушка и бросилась на постель. — Будь ты проклят, викинг! Мне никогда еще не было так больно!

Сон пришел неожиданно и не покидал Бренну почти весь день. Только какой-то шорох у двери комнаты разбудил ее. Девушка тут же выкарабкалась из-под одеял, не желая, чтобы ее застали в таком виде, но, прежде чем успела прикрыть наготу, дверь с шумом распахнулась, и с искаженным от бешенства лицом в комнату ворвался Гаррик.

— Я не давал тебе разрешения вернуться сюда, госпожа!

— Кому, как не мне, знать об этом!

— Однако ты все же поступила так, как захотела! — завопил Гаррик, прежде чем увидел испорченное платье.

При виде того, как она обошлась с его подарками, ярость разгорелась с новой силой. Одним рывком он сдернул Бренну с постели:

— Я пришел сюда, чтобы потащить тебя на праздник силком, если понадобится, но ты сумела перехитрить меня.

Щеки девушки вспыхнули, и, хотя Гаррик сжимал ее мертвой хваткой, Бренна не пыталась вырваться.

— Вряд ли твоему отцу понравится присутствие на пиру рабыни в грубом домотканом платье, так ведь, викинг? — издевательски осведомилась она, чтобы скрыть собственное унижение.

— Верно, — холодно бросил Гаррик, — и поскольку ты предпочитаешь одежду рабыни, отныне это все, что у тебя будет, девушка. От меня ты не получишь никаких даров!

— Я ничего и не просила!

Гаррик занес руку словно для удара, но вместо этого с силой оттолкнул Бренну, так, что она упала на кровать.

— Можешь оставаться в доме, раз уж тебе так нравится. Я найду другую, более покладистую, чтобы развлекала меня на пиру!

Слова жалили больнее пчелиных укусов.

— Думаешь мне не все равно? — крикнула Бренна прерывающимся голосом, боясь, что Гаррик по ее взгляду распознает ложь.

— Какое это имеет значение, все равно или нет? — бросил он, ранив девушку еще глубже. — Кроме того, с этой минуты ты будешь исполнять все мои желания, девушка, до сих пор я был слишком мягок с тобой.

— И что же ты сделаешь, викинг? — беспечно тряхнув головой, спросила девушка. — Возьмешь мою жизнь так же беззаботно и бездумно, как взял любовь?!

Гаррик долго, неумолимо смотрел на нее. Взгляд его скользил по изящным округлостям, упругим вздымающимся грудям, пока не остановился на этом гордом, прекрасном лице, в котором отражались вызов, отважный дух и негибимое упорство. Эта девушка, всегда такое буйное, неукротимое создание, сейчас, однако, казалась почему-то странно уязвимой.

— Нет, я не заберу твою жизнь, Бренна, — хрипло пробормотал он наконец, теряя голову при виде этого ослепительного тела. — Я возьму твою любовь... снова... сейчас!

И, прежде чем девушка успела оттолкнуть его, Гаррик упал на нее.

Бренна была потрясена и возмущена этим грубым нападением. Она не ожидала, что Гаррик способен на подобное, и, слишком разъяренная, чтобы думать о наслаждении, начала бешено сопротивляться, раздирая ногтями его обнаженные плечи и спину, пока кровь не закапала на постель. Но Гаррик не отстранился, не сделал попытки схватить Бренну за руки, продолжая толчками врываться в ее тело, пока не излил дар жизни и не обмяк, совершенно обессиленный.

Когда он встал с маленькой постели и начал возиться с завязками штанов. Бренна задрожала, задыхаясь от гнева. Животное! Он взял ее, стремясь удовлетворить лишь собственную похоть! Она никогда не простит ему этого!

— Помни мое предупреждение, Бренна, — процедил он, направляясь к двери. — Не смей покидать этот дом.

Даже сейчас Гаррик утверждал свою власть над ней, напоминая, что она принадлежит ему и может делать только то, что позволено хозяином. Ее любовь ему не нужна... не нужна... страсть, животная страсть — вот что он испытывает к ней, и ничего больше...

— Ты слышала меня, госпожа? Бренна обожгла его злым взглядом потемневших, словно угли, глаз:

— Дьявол возьми тебя, викинг! Чтобы тебе никогда не отыскать Валгаллу и вечно гнить в аду с дочерью Локи!

Гаррик побледнел:

— Это страшное проклятие, Бренна, пусть и брошенное в гнев. Иной может и убить за такие слова.

— Так сделай это! Прикончи меня! — завопила она. — Мне больше не к чему жить!

Гаррик, не отвечая, быстро вышел из комнаты, опасаясь, что не сможет совладать с собой. Он направился прямо в конюшню и, опять не заметив, что Эрина не было поблизости, вскочил на почти загнанного коня, которому пришлось столько проскакать сегодня утром. К тому же Гаррик проиграл брату, что отнюдь не улучшило его настроения, но самовольный уход Бренны оказался последним ударом.

Кипя от злости, Гаррик вылетел из конюшни.

— Будь прокляты эти изменчивые бабы! — выругался он. — Сначала твердит, что ненавидит, потом превращается в ласковую кошечку и клянется в любви, а теперь снова ненавидит! Я дал ей все, что мог, но нет, этого ей недостаточно! Локи возьми ее! Мне эти неприятности ни к чему.

Гаррик безжалостно пришпоривал скакуна. Сегодня ночью он потопит тоску в медовухе и забудет эту упрямую ведьму.

Глава 35

Бренна развела огонь в кухонном очаге и замесила каравай плоского хлеба, как это часто на ее глазах делала Джейни. После ухода Гаррика она еще немного поплакала, но вскоре поняла, как была глупа. Гаррик был готов разделить с ней свою жизнь, дать все, что мог. Нужно принять все и быть благодарной. Когда-нибудь он изменится и снова сможет полюбить. В конце концов, стала же она другой.

В доме было тихо, лишь изредка раздавалось потрескивание огня в очаге. Дог мирно растянулся под столом. Внезапно он поднял голову и насторожился. Теперь и она услышала шум снаружи.

Неужели Гаррик уже вернулся? Должно быть, стосковался без нее! Улыбнувшись, Бренна выжидающе посмотрела на дверь. Она открылась, но почему-то очень медленно. Ледяной воздух ворвался в комнату, и Бренна вздрогнула не столько от холода, сколько от внезапного сознания того, что ни Гаррик, ни один из тех, кого она знала, не станет входить в дом крадучись.

Какой-то мужчина осторожно ступил через порог: высокий, ростом с Гаррика, с золотистыми волосами и светло-голубыми глазами, закутанный в меховые шкуры разных оттенков. В руке незнакомец сжимал меч.

Бренна затаила дыхание. Она не знала этого викинга, но по удивленному взгляду незваного гостя поняла, что он ее тоже не знает. Пес подошел к ней, и его низкое рычание вернуло Бренне утерянное мужество. Кроме того, на бедре у нее висел кинжал, подаренный Гарриком, хотя короткий клинок, конечно, не мог сравниться с двуручным мечом.

— Бренна?

Девушка недоуменно подняла брови. Значит, он все-таки знает ее? Но нет, видно, он всего лишь хочет услышать ее имя. Должно быть, знакомый Гаррика. Скорее всего так и нечего бояться.

— Кто ты? — в свою очередь, осведомилась Бренна, но по выражению его лица поняла, что тот не понимает ее языка.

Девушка нерешительно прикусила губу, пытаясь сообразить, стоит ли показывать свое знание норвежского. Собака продолжала угрожающе рычать. Значит, чует опасность?

— Входи, Седрик, девушка здесь одна. Бренна, задохнувшись, развернулась и оказалась лицом к лицу с невесть откуда появившимся незнакомцем, и, прежде чем успела опомниться, молодой человек по имени Седрик схватил ее. Она испуганно закричала, но в это момент Дог обнажил зубы и вцепился в ногу викинга. Из раны хлынула кровь. Седрик завопил от боли и поднял меч, чтобы отрубить овчарке голову.

— Нет! — вскрикнула Бренна, хватая викинга за руку, и, забыв о страхе, попыталась помешать ему. Однако это было все равно, что стараться сдвинуть гору. Правда, собака легко отделалась, но отнюдь не благодаря ее усилиям. Второй викинг оказался проворнее и пинком отбросил овчарку.

— Она не убила бы пса, — предостерегающе пробормотал он. — И мы тоже не должны делать этого.

— А, все это глупости, дурацкие штучки! — хмыкнул Седрик и выпустил Бренну, чтобы осмотреть укушенную ногу. — Главное, Арно, девушка в наших руках.

— Мы будем все делать так, как велела нам эта женщина, — покачал головой Арно. — Я согласился пойти на это только при условии, что нас не заподозрят.

— Однако мешок с золотом немного поколебал тебя, не так ли? — язвительно заметил Седрик.

Арно, не отвечая, рассерженно" уставился на приятеля:

— Неужели мести собаке стоит ярости твоего отца?

— С чего это?

Арно, окончательно потеряв терпение, воздел руки к небу, не обращая внимания на то, что по плечу, словно змея, поползла свернутая веревка, которую он держал в руке.

— Должен ли я напоминать тебе, что Летем ненавидит распрю, которую затеяли ты и твои братья? Я уверен, да и ты тоже, что Летему не понравится затеянное нами. Если узнают, что мм наделали, мир, царивший последние несколько лет, сменится кровавой бойней.

Бренна молча слушала споривших мужчин, еще не понимая, зачем они явились, но чувствуя, что добром для нее это не кончится. Пес не сможет прийти ей на помощь — викинг слишком безжалостно ударил его, а Гаррик развлекается на празднике.

На мгновение Бренну охватил гнев на Гаррика — как он мог бросить ее здесь, одну, но тут же вынуждена была признать, что в этом лишь ее вина, и теперь Бог знает, какая ее ждет участь!

Не успел Арно договорить, как Бренна, осторожно скользнув к двери, пустилась бежать, пользуясь единственным шансом обрести свободу, но неожиданно ее ноги в чем-то запутались, и девушка упала лицом вниз, ссадив ладони о каменный пол, и с ужасом поняла свою ошибку: кто-то грубым рывком поднял ее на ноги.

Бренна с ненавистью уставилась в лицо викинга. Это он успел бросить веревку, сбившую ее с ног! Потемневшими от ужаса глазами, девушка наблюдала, как Арно вновь собрал короткий канат и обмотал вокруг ее запястий. Не глядя на Бренну и не замечая ярости и презрения, Арно крепко связал ее и повернулся к Седрику:

— Теперь у нас и лошадь и девушка! Поспешим, пока кто-нибудь не застал нас.

И, не дожидаясь ответа, быстро схватил старый плащ, висевший у двери, и набросил его на плечи Бренны, а потом, схватив конец веревки, потащил девушку за собой. Боже милосердный! Какой униженной, опозоренной и беспомощной чувствовала себя Бренна! Как они смеют обращаться с ней подобным образом?!

Они повели ее вдоль боковой стороны дома, мимо холодной, куда Гаррик однажды запер ее, к фасаду. Раздражение и ярость мешали ей сосредоточиться и оценить ситуацию. Бренна была окончательно сбита с толку. Что они замыслили?

Похитители направились по узенькой крутой тропинке к подножию холма. Там, на спокойных водах фьорда, гордо, словно спящий дракон, покачивался корабль Гаррика. Рядом красовалось еще одно величавое судно. Туда и привели Бренну, и вскоре она уже удалялась от знакомых мест, от возможного спасения... от Гаррика. Бренна изо всех сил пыталась справиться с охватившей ее паникой, угрожавшей завладеть мыслями и волей. Куда ее везут? И, что еще важнее, по какой причине похитили?

Она внимательно присмотрелась к викингам. Течение несло корабль вперед, однако мужчины пытались грести веслами. Если они пришли оттуда, куда направляются сейчас, то как ухитрились справиться с течением? И зачем нужно было брать огромный корабль, ведь все трое легко уместились бы в лодке?

Бренна начала понимать в чем дело, лишь увидев в темноте силуэт лошади, и, поскольку похитители не подумали привязать девушку к мачте, она подошла ближе и узнала Уиллоу. Это еще больше сбilo с толку. У Гаррика много прекрасных коней. Если эти викинги — пираты, воры и грабители, почему взяли всего лишь одну лошадь и единственную рабыню?

Девушка терялась в догадках, но в голову не приходило ни одного разумного объяснения. Она с нетерпением ждала, пока похитители заговорят, может, тогда что-нибудь удастся узнать, но оба, поглощенные своим занятием, молчали. По крайней мере они не вышли в море, а везли ее в глубь страны, и корабль уже успел причалить к противоположному берегу фьорда.

Пока лошадь сводили на сушу, девушка с тоской смотрела в глубокие воды. Если даже удастся сбежать от этих людей, то как вернуться к Гаррику? Корабль слишком велик, одной ей с ним не справиться, да и фьорд не переплыть — она не умеет плавать.

У деревянных мостков были привязаны две лошади. Бренну посадили на Уиллоу, без седла, мужчины тоже вскочили на коней, и все поехали в том же направлении, откуда явились: назад, к морю. Однако спустя немного времени они повернули на юг, от фьорда, все дальше и дальше от Гаррика...

Гаррик. Что он предпримет, обнаружив ее исчезновение? И поскольку Уиллоу тоже не будет в

конюшне, решит, что Бренна опять сбежала? Да, он может так подумать, но потом наверняка вспомнит, как она давала слово остаться... и, может, поймет, что Бренна прикинула его дом не по собственной воле. Но если и отправится на поиски, догадается ли он пересечь фьорд?

Ночь окутала землю тяжелым черным покрывалом. Ни одной звезды на небе. Да, в такую ночь нелегко найти дорогу домой, но похитители, казалось, прекрасно знали, куда ехать.

Прошло меньше часа, прежде чем лошади остановились. В полном мраке Бренна едва могла различить очертания дома и напрягала глаза, чтобы увидеть побольше, но времени не было: ее снова стащили с лошади и быстро отвели в жилище.

В доме стояла непроглядная тьма, в воздухе висел едкий запах не находящего выхода дыма. Мужчины разожгли костер, и Бренна оглядела убого обставленную комнату. На полу был брошен тюфяк, в центре стояли маленький столик и две скамейки, у огня валялись несколько горшков.

Правда, пол и стены закрывали меховые ковры, придававшие комнате более уютный вид. При ближайшем рассмотрении девушка заметила еще несколько мелких предметов — медную кружку на столе и четыре красиво раскрашенные стеклянные тарелки на полках. Над дверью крест-накрест висели два прекрасных боевых топора с украшенными янтарем рукоятями. В углу стояла еще одна полка с глиняной посудой, чашами, кубками и мисками, расписанными языческими узорами.

Наконец Бренна повернулась к похитителям. Арно сбросил меховые шкуры, в которые был завернут. Седрик с жадным интересом вглядывался в пленницу. Бренна почувствовала, как холодеет кровь в ее жилах.

— Может, я немного задержусь здесь, — медленно проговорил Седрик, не отрывая алчного взгляда от Бренны.

— Твои развлечения могут и подождать. — Арно, нахмурившись, покачал головой. — Мы уже говорили об этом.

— Знаю, — кивнул Седрик. — Эта женщина, Эдозинда, говорила, что девчонка — настоящая красавица, но такого я не ожидал, — не удержался он.

— Седрик!

— Ну хорошо! — раздраженно бросил викинг. — Я еду в дом отца, на праздник. Но утром обязательно вернусь. И возьму ее первым, Арно! Запомни это!

Арно покачал головой:

— Мне она ни к чему. Но чует мое сердце, что мы задумали дурное дело! Добром это не кончится!

— Просто ушам не верю! — рассмеялся Седрик.

— Говори, что хочешь. Девушка принадлежала другому мужчине, не хотела покидать его дом, и боюсь, он не успокоится, пока не вернет ее.

— Что ты говоришь?

— Из-за этого похищения начнется кровопролитие. Я чувствую... знаю...

— Если ты так хорошо осведомлен о том, что принесет утро, скажи, каким образом он ее отыщет?! — ехидно поинтересовался Седрик. — Подумать только, что я отдал свою дружбу трусу!

— Только потому, что мы друзья, я прощаю тебе слишком болтливый язык.

Седрик, не выказывая ни малейшего раскаяния, направился к двери. У самого выхода он обернулся, и выражение его глаз заставило Бренну сжаться.

— Позаботься о ней как следует ради меня, Арно, — сказал он и вышел.

Потрясенная девушка с надеждой взглянула на Арно, но тот не обращал на нее ни малейшего внимания. Да, от этого человека нечего ждать помощи. Он спокойно уйдет, пока его друг будет насиловать пленницу. Но она не позволит, чтобы это случилось, не позволит!

Постепенно прежнее мужество вновь вернулось к Бренне. Она смогла выстоять против Гаррика и не раз выходила победительницей. Сможет справиться и с Седриком! Он ожидает увидеть покорную жертву, но она разочарует его...

У нее остался кинжал. Почему-то похитители не отняли его: либо не подумали, что рабыня может быть вооружена, либо приняли рукоятку клинка, сверкавшую драгоценными камнями, за обычное украшение. Так или иначе, Бренна благодарила Бога за эту милость.

Арно топтался по комнате, занятый приготовлением ужина. Поставив на огонь большой горшок с супом, он собрал одеяла для постели Бренны, бросил их у очага и знаком показал, что она будет спать здесь, а сам отправился задать лошадям корм.

Бренна медленно побрела к одеялам. В горле стоял тошнотный ком страха. Завтра она либо убьет этого негодяя, либо умрет сама, если попытка не удастся. Но каким бы ни был исход, сейчас лучше о нем не думать. Соблазнительный аромат супа разлился по комнате. Бренна не ела весь день, но боялась сделать глоток, из страха, что ее сейчас же вырвет, и поэтому просто легла лицом вниз. Веревка натерла нежную кожу, и девушка хотела было разрезать ее, но решила не рисковать. Нельзя лишиться единственного оружия ради минутного удобства. Вместо этого Бренна вынула клинок из ножен и положила под одеяла, так, чтобы его можно было мгновенно выхватить. Арно не успел еще вернуться, как девушка заснула.

Глава 36

Викинг по имени Седрик не приехал ни на следующий день, ни еще через пару дней. Целую неделю Бренна оставалась наедине с Арно. За эти несколько дней терпение девушки почти истощилось. При каждом шорохе, даже вое ветра она вскидывалась, боясь появления Седрика.

Хуже всего, у Бренны не осталось даже надежды, что Гаррик отыщет ее, поскольку в первую ночь и три дня потом шел снег. Гаррик не догадается, что ее увезли на корабле, будет проклинать снег, скрывший дороги, и, конечно, направится к северу от фьорда, то есть в противоположную сторону...

Будь проклят снег! Будь прокляты Седрик и Арно! Будь проклята ведьма, подбившая их на похищение! Кто она? Неужели Корделла осуществила угрозу? Но она просто не могла успеть повидаться с этими людьми и не знает, где их искать. На память пришла отвратительная сцена

с Мерной. Именно она способна на такую подлость. Но ведь Бренна и без того успела нажать много врагов — Байярд, Горм и особенно викинг, которого она так опозорила, ранив в бою. Любой из этих людей мог послать какую-нибудь женщину сделать за него грязную работу и уговорить Седрика и Арно похитить Бренну.

На второй день Арно пожалел девушку и развязал веревку, стягивавшую ее запястья. В эту же ночь Бренна, убедившись, что он заснул, попыталась сбежать. Но Арно перехитрил ее, поставив у двери ловушку: тележку, груженную дровами, о которую девушка и споткнулась в темноте. И прежде чем она успела подняться, Арно уже тащил ее в дом. Бренна проклинала его, правда, на своем языке, которого Арно не понимал, и сопротивлялась изо всех сил. В конце концов викингу удалось усмирить Бренну и после этого он привязывал ее на ночь к железному стержню над круглым очагом, так что она не могла дотянуться до кинжала. Но днем он давал ей свободу.

Прошла неделя, и Арно тоже начал терять терпение — легко раздражался, постоянно ворчал, и Бренна, видя это, немного успокоилась. Возможно, что-то случилось с Седриком, и он вообще не вернется. Арно уже говорил, что с самого начала не желал привозить сюда Бренну и неохотно участвовал в похищении. Может, он отпустит ее к Гаррику?

Когда, девять дней спустя, от Седрика по-прежнему не было ни слуху ни духу, Бренна наконец сдалась и заговорила с Арно. Теперь ей нечего терять, поскольку тому не с кем было говорить.

Арно как раз готовил завтрак и явно был не в самом лучшем расположении духа, когда девушка подошла к нему.

— Твой друг, кажется, забыл о нас, — начала она, притворяясь, что не обращает внимания на полуиспуганный-полуизумленный взгляд викинга. — Сколько ты еще собираешься держать меня здесь?

— Ты хорошо говоришь на моем языке.

— Не хуже тебя.

— Но мне говорили, что ты недолго прожила в нашей стране. Должно быть, сумела найти хорошего учителя, иначе не смогла бы так быстро понять новый для тебя язык. Это твой хозяин?

— Он многому сумел научить меня, — спокойно заметила девушка, подходя ближе, — и в частности тому, что в этой земле ни один человек не может украсть то, что принадлежит другому, иначе можно дорого заплатить за преступление.

Ее предостережение явно попало в цель, и Арно, вздрогнув, вскочил из-за стола, словно Гаррик уже появился на пороге, как бог мщения.

— Молодой Хаардрад никогда не узнает, где ты!

— Со временем непременно узнает, — уверенно сказала Бренна. — Гаррик прекрасно знает всю округу и начнет обыскивать каждый дюйм, а если не найдет меня, волей-неволей будет вынужден переплыть фьорд и обшарить здесь все тропинки, фермы и дома.

— Нет, он попросту оставит все, как есть.

— Ты так думаешь, викинг? Но ты не принял в расчет, что я люблю Гаррика Хаардрада, а он

любит меня, — смело заявила Бренна, сознавая, однако, что ее слова — всего лишь полуправда. — Эта любовь связала нас, а любовь преодолет все.

Арно вновь сел и теперь смотрел на Бренну так пристально, что под его взглядом она почувствовала себя неловко.

— Может, и так, девушка. Но от меня ничего не зависит. Я только сторожу тебя здесь ради друга.

— И помог украсть меня! — напомнила девушка, обвиняюще указывая на него пальцем. — А потом не дал убежать. Значит, будешь отвечать наравне с приятелем.

— Перестань трещать, женщина! — взорвался Арно. — Ты нравилась мне больше, пока молчала, как немая.

— Сам знаешь, что я говорю правду. Гаррик не простит оскорбление, если ты немедленно не освободишь меня!

— Не мне это решать. Оставь свои речи для Седрика. Теперь ты принадлежишь ему.

— Раньше умру! — Бренна передернулась от омерзения. — Седрика здесь нет. — Она понизила голос. — Ты можешь отпустить меня до его возвращения.

— Он мой друг, девушка, единственный друг, — покачал головой Арно. — Я могу не соглашаться с тем, как он поступает, но остаюсь верным до конца.

— Однако этот «верный» друг навлечет смерть на твою голову! — предостерегла Бренна, хватаясь за любую соломинку, чтобы заставить его согласиться.

— В том, что ты говоришь, мало правды, поскольку Гаррик Хаардрад не подумает искать тебя здесь, а если и догадается, то слишком поздно, ведь к тому времени Седрик достаточно попользуется твоими прелестями, устанет от тебя и продаст в дальние земли. Знай, девушка, я предан Седрику и его семье. Моя ферма — на их земле. Я клялся на верность Летему Боргсену, отцу Седрика. То, о чем ты просишь, станет причиной моей гибели скорее, чем месть Хаардрадов.

— Тогда отведи меня к своему господину. Сам ведь говорил, что тот не одобрит все, что вы наделали.

— Довольно!

Бренна заставила себя попытаться в последний раз:

— Пожалуйста!

Но оказалось, она унижалась зря, поскольку Арно молча устремился к выходу, оставив измученную, раздавленную неудачей девушку в одиночестве. Когда викинг вернулся, Бренна не делала дальнейших попыток к разговору, а сам Арно предпочитал молчать. К полудню, наконец явился Седрик.

С того мгновения, как он вошел в комнату, Бренна почувствовала себя долгожданной добычей, попавшей в лапы изголодавшегося зверя. Глаза Седрика не отрывались от нее. Неумная похоть этого человека была так очевидна, что Арно, не осмелившись попросить объяснения по

поводу столь долгого отсутствия, смущенно отвел глаза.

Седрик сбросил плащ, и Бренна невольно воззрилась на обнаженные руки, бугрившиеся мышцами и покрытые шрамами. Он был олицетворением грубой силы, и Бренна понимала, как трудно справиться с мужчиной, твердо решившим покорить ее, овладеть, подчинить своей воле. Но никогда, даже в самом начале, Бренна не хотела убивать Гаррика, а с этим расправилась бы без сожалений.

— Ну что, моя прелестная пленница доставила тебе много неприятностей? — спросил Седрик Арно, не сводя глаз с Бренны.

— До сегодняшнего дня — ни одной.

— Вот как?

— Она говорит на нашем языке, Седрик, и очень хорошо.

— Это так, девушка?

Бренна не ответила, только придвинулась ближе к постели, где была спрятана ее единственная надежда. Нужно успеть подготовиться на случай нападения.

— Она также знает наши имена, — продолжал Арно. — Если Хаардрад когда-нибудь отыщет ее, девушка все расскажет. Говорил же тебе, не стоило похищать ее.

— По-моему, ты зря тревожишься! Нет нужды беспокоиться, он никогда не найдет ее.

— Ты скоро продашь ее?

— Вряд ли. Если Хаардрад явится сюда за ней, мы прикончим его, вот и все!

— Ты, кажется, окончательно потерял рассудок, Седрик?

— Довольно! Отец и так задержал меня слишком долго своими дурацкими поручениями! Послал привести какую-то дорогую лошадь, купленную у кузена! И все это время я ни о чем не мог думать, кроме девчонки, а теперь не стану больше дожидаться, чтобы взять ее! Она моя и принадлежит мне! И я буду делать с ней все, что захочу!! — Седрик неожиданно рассмеялся:

— Ну как, Арно? Останешься и будешь наблюдать? Или считаешь, что сейчас самое время засвидетельствовать почтение моему папаше?

Арно недобрым взглядом окинул приятеля и посмотрел на Бренну, но, не вынеся ее молчаливой мольбы о помощи, поспешно отвернулся и в бешенстве вылетел из комнаты, громко хлопнув дверью.

Он, конечно, и не подумает вернуться, чтобы еще раз попробовать урезонить Седрика, но Бренна на это и не рассчитывала. Арно приходилось выбирать между состраданием к пленнице и верностью другу, и, к несчастью для Бренны, победила преданность. Впрочем, викинг и не может поступить иначе.

Теперь началось настоящее испытание. Либо Бренна покинет этот дом, обагрив руки кровью врага, либо позволит этому молодому ублюдку взять себя силой и навеки потеряет надежду на любовь Гаррика. Гаррик ничем не лучше других мужчин — он тоже не захочет делить ни с кем свою собственность и, конечно, будет осуждать Бренну за случившееся, хотя она ни в чем не

виновата. Как несправедливы мужчины к женщинам!

Седрик еще не дотронулся до нее, хотя этот момент вот-вот настанет. Викинг подкрадывался медленно, шаг за шагом, словно змея, готовая напасть.

— Поди же сюда, моя красавица, — льстиво уговаривал он. — Ты ведь говоришь на нашем языке и знаешь, чего я хочу.

Девушка не ответила ни слова — за нее говорил взгляд огромных серо-дымчатых глаз. Эти широко распахнутые, потемневшие от гнева и отвращения озер жгли Седрика презрением. Однако его это ничуть не трогало и даже не удивляло.

— Значит, собираешься сопротивляться? — осведомился он, подняв брови и пренебрежительно скривив губы. — Что ж, попробуй, девочка. Уверен, ты дорого продала свою девственность, когда Хаардрад взял тебя в первый раз, но что тебе защищать теперь? Если предпочитаешь притвориться, что все еще невинна, будь по-твоему.

— Грязная свинья! — выпалила Бренна. — Попробуй коснуться меня и проживешь ровно столько, чтобы только успеть пожалеть об этом!

— О нет, моя крошка, мне не о чем жалеть! — Седрик лишь громко расхохотался. — Неужели ты действительно надеешься, что сюда сейчас ворвется твой хозяин и потребует отмщения! Нет, девочка, меня никто не остановит! Буду иметь тебя сколько и когда захочу!

Бренна вовремя решила придержать язык. Пусть думает, что она беспомощна, пусть, ничего не подозревая, попадет в мышеловку! Это ее единственный шанс, и она им воспользуется!

Седрик начал не спеша снимать оружие. Сначала меч, потом грубый топор с зазубренным лезвием. Сколько черепов расколол этот топор? Сколько людей пали жертвой этого молодого живодера? Так ли уж велик грех разделаться с ним? Разве у Бренны нет на это права?

Седрик приблизился к девушке, захватив ее врасплох. Бренна вскрикнула, но не от страха, а от сожаления — они свалились на пол слишком далеко от того места, где был спрятан кинжал, и теперь до него не добраться!

— Победитель получает все! — пробормотал Седрик, прежде чем разорвал ее сорочку до талии. Он попытался развязать пояс, и Бренна начала отчаянно сопротивляться. Кровь брызнула из рассеченной губы Седрика. Прорывав проклятие, он с такой силой ударил Бренну по лицу, что та почти потеряла сознание и сквозь дымку, заставшую глаза, наблюдала, как ее пояс растянулся словно сам собой, а сорочка распалась надвое.

Жгучая, мучительная боль скоро вернула ясность разума, как только Седрик, смеясь, стиснул ее обнаженные груди и начал безжалостно выкручивать их, щипать соски, впиваясь в нежную плоть, оставляя синяки и явно наслаждаясь ужасными криками пленницы. Попытки все продолжались, жестокие, бесконечные, пока наконец Бренна, не в силах больше выносить терзаний, не провалилась во мрак небытия.

Глава 37

Гаррик стоял в комнате Бренны, высоко подняв свечу и злобно уставясь на уже холодный пепел в очаге и два почерневших, хотя и сохранивших первоначальную форму браслета. Так вот, как она отплатила за его великодушие! Вот, как относится к его нежности и заботе!

Гаррик больше не стремился сдержать гнев: уже несколько дней домашние боялись подходить к нему. Да и почему он должен делать вид, что бегство рабыни ничуть его не задело? Слепящая ярость обуревала его с такой силой, что, попадись ему Бренна на глаза, он не задумываясь убил бы ее. Но найти беглянку не было ни малейшего шанса — на этот раз она слишком хорошо замела следы.

Никогда больше он не доверится женщине! Бренна дала слово, что не сбежит от него, и Гаррик верил, что она сдержит клятву!

— Глупец!

Он осушил кружку медовухи и вышел из комнаты. Нужно приказать сжечь все, что принадлежало Бренне. Пусть ничто не напоминает ему об этой лживой суке.

Гаррик отправился в столовую, где Модья как раз ставила на стол ужин.

— Где Эрин? — прорычал он.

— Сейчас придет. Эрин уже стар, хозяин, и теперь у него уходит больше времени, чтобы перейти через двор, — пытаюсь успокоить его, поспешно сказала Модья.

— Я не просил тебя защищать Эрина, госпожа, — проворчал Гаррик, ударив кулаком по столу. — Один и могучий Тор, помогите мне! Добьюсь ли я когда-нибудь послушания от собственных рабов?

Призыв к богам испугал Модью еще больше, чем ярость, и женщина вылетела из комнаты, словно эти языческие божества могли расправиться с ней. Когда Модья пробежала мимо Эрина, тот огорченно покачал головой, заметив побелевшее лицо и полные ужаса глаза женщины.

— Не стоит срывать гнев на бедняжке, — спокойно сказал он, зная, что непозволительно дерзок с хозяином. — Она ничего плохого не сделала и служит тебе, как умеет.

Гаррик разозлился еще больше:

— Ты слишком много берешь на себя, старик! Хорошо бы тебе помнить, кто здесь хозяин!

— Мне еще не изменила память, и я также прекрасно знаю, когда моему повелителю необходимы любовь и терпение.

Гнев Гаррика мгновенно остыл, но он попытался скрыть раскаяние под маской суровости и постарался поскорее объяснить, зачем ему понадобился Эрин:

— Расскажи еще раз, что происходило в тот день, когда Бренна сбежала.

— Опять? Гаррик, мы уже четыре раза возвращались к этому. Я объяснил все, что знал.

В этот момент в холле появился Перрин, но по его измученному лицу сразу было видно, что он не принес обнадеживающих новостей. Взглянув на друга, Гаррик отвернулся и продолжал допрос:

— Повтори свой рассказ, Эрин.

— Я не знал, что девушка вернулась, — вздохнул Эрин, — и того, что ты приезжал и уехал.

Проклинаю себя за слабость, за то, что умудрился заболеть в тот день, принесший такое горе.

— Не стоит упоминать об этом, Эрин, — резко оборвал Гаррик. — Повтори, что случилось.

— Я подумал, что никому не понадобится и отправился к Рейне за зельем. Она уложила меня в постель почти на весь день и, клянусь Богом, сумела к вечеру излечить. Я вернулся в конюшню поздно и услышал, как воет овчарка, словно гончая. Буран еще не начался, и ветра не было, так что даже мои старые уши разрывались от этих ужасных звуков. Я нашел пса одного в доме, но ничего не заподозрил, пока не понял, что он не мог развести огонь в очаге и посадить в печь хлеб, который к тому времени успел превратиться в уголья. И поскольку остальные женщины не приходили в дом, я послал Корана рассказать обо всем, что увидел. Ваших лошадей не оказалось в стойлах, поэтому я, естественно, предположил, что девушка все еще с тобой в доме Ансельма. Но прежде чем вы с Кораном успели вернуться, поднялась метель, и следы, которые ты так надеялся отыскать, скрылись под снегом.

Гаррик стиснул зубы, вспоминая, как проклинал небеса за буран, мгновенно уничтоживший все шансы быстро найти Бренну. Она исчезла без следа, и слишком много времени прошло со дня ее побега.

— И ты говоришь, что стоило открыть дверь, как Дог выскочил и помчался к парадной двери?

Эрин кивнул. Гаррик в бессильной злобе всадил кулак в ладонь:

— Я обыскал каждый дюйм земли к востоку отсюда, до самого подножия гор, но она словно сквозь землю провалилась!

— А горы? — наконец заговорил Перрин.

— Любой глупец знает, что никто не сумеет выжить там зимой, однако я перешел через более низкие холмы.

— А пес? Он живо разнюхал бы, где скрывается девушка, — заметил Перрин. — Ты не брал его с собой?

— Не смог найти, когда отправился на поиски в первый раз. Эрин сказал, что Дог вернулся на следующий день, мокрый и израненный. Несколько часов спустя — он сдох.

— Мне очень жаль, Гаррик. Я знаю, что ты взял его совсем маленьким щенком и вырастил.

Гаррик ничего не ответил. Ему еще предстояло свыкнуться с этой потерей, но пока он мог думать лишь о том, как найти Бренну.

— Я уверен, что она не сбежала, Гаррик, — упрямо сказал Эрин. — Она где-то там, одна, больная или раненая, а может быть...

— Только не говори, что она мертва, старик! — перебил его Гаррик с такой злобой, что Эрин пожалел о своих словах.

Перрин попытался ослабить напряжение, внезапно воцарившееся в комнате:

— Если пес вернулся мокрым... ближайшее озеро лежит к северо-востоку отсюда. Ты был там, Гаррик?

— Да, и к северу тоже. А мать отправилась на запад, к побережью.

— Я еще раз вместе с другими обыскал север и восток.

— Благодарю тебя, Перрин, за труд, но пора бросить поиски. Эрин не сказал ничего нового. Никто не смог узнать, в каком направлении она скрылась, я не нашел ни единого следа.

— Решил сдаться?

— Эта женщина коварна и хитра, как ни один мужчина. Однажды поклялась, что если вздумает сбежать, я ни за что не найду ее. В первый раз удалось вернуть ее лишь потому, что она взяла с собой собаку.

— Но что если Эрин прав, и она ранена и не в силах вернуться?

— В таком случае я отыскал бы ее. Нет, мой отец может продолжать разыгрывать из себя дурака, но я не таков. Бренна исчезла, и я не желаю, чтобы даже ее имя упоминали в моем присутствии.

Глава 38

Бренна очнулась от того, что по лбу и щекам поползли струйки ледяной воды. Кто-то опрокинул на нее целое ведро. Девушка задохнулась и закашлялась в полной уверенности, что тонет. Но тут ее глаза открылись, и вместе с сознанием вернулось ощущение страшной опасности. Однако она не смогла сразу понять, что угрожает ей, до тех пор пока свет не заслонила высокая фигура.

Седрик, голый, стоял в ногах Бренны, и та только сейчас заметила, что сама обнажена до пояса, а разорванная сорочка едва держится на плечах... Он разглядывал девушку с нескрываемой похотливой улыбкой, и Бренна едва не застонала вслух. Неужели все кончено? Неужели этот ухмыляющийся негодяй успел взять ее силой? Нет... нет! Разум не мог окончательно покинуть ее, оставив беспомощной перед лицом опасности!

— Значит, ты пришла в себя, — пренебрежительно бросил Седрик. — Совсем, как остальные мои женщины — немного боли, и сразу падают в обморок! Я надеялся, что ты окажешься другой, что сможешь выдержать все, что я вздумаю проделать с тобой!

Омерзительные воспоминания о слепящей боли мгновенно воскресли в мозгу. Опустив глаза, девушка заметила множество небольших синяков, покрывающих груди в тех местах, куда впивались его пальцы. Бренна поспешно попыталась стянуть края сорочки, но они вер время расходились.

— Гнусное животное, — прошипела она, сгорая от ненависти.

— Не нравится, как я добиваюсь наслаждения? — Седрик злобно хмыкнул. — Ничего, понравится, Бренна, — уверенно бросил он. — Со временем полюбишь все, что я делаю с тобой... поверь, есть много способов взять женщину, и ты найдешь блаженство в пронзительной, острой боли, и будешь молить меня причинять тебе все большую....

Девушку передернуло от омерзения. Теперь не осталось ни малейшего сомнения: она убьет его! Но как скоро? Что придется выстрадать, прежде чем представится подходящая возможность.

Седрик — настоящее чудовище, зверь с поврежденным рассудком. Бренна, словно скованная

злыми чарами, замороженно смотрела на него. С отвращением, но не имея сил отвести глаз. Шрамы, покрывавшие руки и торс Гаррика, казались ничтожными по сравнению с ужасной, хотя и давно зажившей отметиной на бедре Седрика. А чуть выше поднималась мужская плоть, столь могучая, что Бренна испугалась. В своей необузданной страсти и ярости он может просто разорвать ее. Но успел ли Седрик взять ее? А может, готовится снова изнасиловать? Она должна все знать! Если непоправимое свершилось, она никогда не сможет вернуться к Гаррику без груза невыносимого позора на плечах, зная, что все прекрасное и разделенное ими никогда не вернется.

Корчась от ужаса, девушка прикусила губу:

— Ты...

Она не могла заставить себя спросить... нет, нужно... нужно это сделать...

— Ты уже взял меня?

— А ты сомневаешься? — расхохотался Седрик. Бренна вскрикнула, но тут же снова услышала его смех;

— Нет, девушка. Я не овладею женщиной, пока она не сможет почувствовать силу моего копья! Женщина должна знать, кто хозяин, кто покорила ее, и тебе предстоит это испытать!

Бренна облегченно вздохнула, но радость продолжалась лишь мгновения. Она с ужасом поняла, что лежит на прежнем месте и не может выхватить клинок. Пока Седрик еще не набросился на нее, но этого недолго ждать. Как только он наклонился, Бренна быстро отползла в сторону, упиравшись в пол локтями и ступнями. Но Седрик все еще находился слишком близко, чтобы Бренна могла сбежать. И в следующий момент он с оглушительным боевым кличем ринулся вперед, подмяв ее под себя огромным телом. Бренна на мгновение задохнулась, но, сжав зубы, постаралась отогнать черные волны, снова угрожавшие поглотить ее. Ужас сковал ее. Но вместо того чтобы попытаться оттолкнуть насильника, девушка начала лихорадочно шарить по полу, умоляя Бога, чтобы оружие оказалось достаточно близко.

Сначала пальцы натыкались лишь на грязь под шкурами, и слепая паника охватила Бренну. Седрик уже успел раздвинуть ей бедра коленом, но в это мгновение пальцы девушки коснулись холодной стали. Быстро подтянув к себе клинок, она схватилась за рукоятку.

Бренна успела бы перерезать ему глотку, но тут Седрик, видя, что пленница не сопротивляется, заподозрил неладное. Заметив, что она вынимает из-под ковра руку с зажатым в ней кинжалом, он стиснул запястье девушки и начал грубо выворачивать, пока Бренна не почувствовала, что ее силы слабеют, однако она продолжала сжимать клинок, словно от этого зависела ее жизнь. Да так оно и было. Нельзя сдаваться сейчас, когда она почти победила!

Седрик встал на колени, сжал свободную руку в кулак и размахнулся, намереваясь опустить его на голову Бренны. В мозгу девушки промелькнули картины страшных пыток, которым Седрик, несомненно, подвергнет ее теперь, если она промахнется.

Отчаянным усилием, прежде чем тяжелый удар снова повергнет ее во мрак, Бренна попыталась отбросить его. Сжавшись, она резко выбросила вперед ноги, и хотя лишь одна попала в цель, Седрик с воплем перегнулся пополам и повалился лицом вниз. Бренна сама испугалась того, что наделала: подумать только, всего одно молниеносное движение повергло на пол могучего великана. Однако так и произошло — Седрик свалился на зажатый в ее руке клинок и теперь лежал неподвижно. Мертв?

Ее облегчение было столь велико, что Бренна улыбнулась, хотя едва дышала под весом огромного тела. Потребовалось немало времени, прежде чем девушка выбралась из-под него. Седрик лежал неподвижно. Если еще не сдох, значит, скоро умрет, но Бренна не испытывала сожалений. Ее грех не может быть так уж велик, поскольку если кто-то и заслуживал казни, так что именно он. Подумать только» скольких женщин он изувечил, изнасиловал, изуродовал...

Бренна поблагодарила Бога, что смогла отделаться довольно легко. Вряд ли кто-то будет скорбеть о смерти Седрика!

Эти мысли вихрем пронеслись в голове Бренны, но тело жило своей жизнью. При виде кровавой лужи, медленно расплывающейся по полу, около головы Седрика, к горлу подкатила тошнота, и девушка, отвернувшись, согнулась в приступе рвоты и продолжала корчиться еще долго после того, как в желудке ничего не осталось.

Наконец она поднялась, хотя спазмы в животе не проходили. Боже, сейчас должен вернуться Арно, и тогда она окажется в еще худшей беде! Рабыня убила свободного человека, викинга и к тому же сына вождя рода! Если Бренну найдут сейчас, ее жизнь кончена! Арно поднимет тревогу, по ее следу пустятся люди и собаки... Сейчас самое главное — успеть добраться до Гаррика, он сумеет защитить ее.

Бренна молниеносно собрала все, что сможет понадобится в дороге, — еду, одеяла, оружие Седрика, веревку, которой Арно связывал ее по ночам, и, на всякий случай, кремень. Сложив все это в ковер, она связала узлом и, схватив плащ, выбежала из дома. Ей быстро удалось найти наспех сколоченный загон, где стояла Уиллоу, но седлать лошадь не было времени. Бренна накрыла Уиллоу толстым одеялом, нашла мешок с овсом и выбралась наружу.

Небо было темно-синим, без единой звезды. Хоть бы дом Арно выходил на фьорд! Бренне необходимо выбраться именно туда!

Слева на расстоянии она заметила всадника. Это Арно! Уже возвращается!

Арно тоже увидел ее, и Бренна с ужасом поняла, что все страдания были напрасны. Но викинг не сделал попытки приблизиться к ней, просто остановился и долго смотрел вслед.

Бренна не стала тратить драгоценное время, удивляясь столь странному поведению. Арно, несомненно, будет потрясен случившимся.

Девушка вонзила каблуки в бока лошади и, прежде чем скрыться за деревьями, оглянулась и увидела, что Арно галопом мчится к дому.

Сколько времени у нее осталось? Арно позовет людей на помощь, и те пустятся в погоню... но сначала пусть попробует их убедить, что в смерти Седрика виновна женщина! На это уйдет не один час! Конечно, его гибель случайна, но если Бренну поймают, никакие объяснения не помогут. Господи Боже, вот уж что называется, из огня да в полымя!

Бренна скакала вперед и вперед, казалось, целую вечность, не останавливаясь, не замедляя скорости, пока не услышала впереди шум воды. Девушка облегченно вздохнула. Она уже начала бояться, что повернула не на север, а на юг. Страшно подумать, что бы произошло, если бы она сбилась с пути! Теперь оставалось только сообразить, как добраться до другого берега. Ей необходима помощь Гаррика!

Перед глазами Бренны возник дом на вершине скалы. А если она взберется на обрыв с

противоположной стороны и закричит что было сил? Услышит ли Гаррик? Вполне возможно, Надежда вновь вспыхнула в сердце Бренны. Она осторожно, шагом, подъехала к самому краю воды. Ни единого холма. Пологий берег, а вдаль — густой лес. Где же та скала, на которой стоит ставший таким родным дом?

Бренна пришла в отчаяние. Знать бы, где она находится? Куда увез ее корабль? И сколько теперь придется проехать, чтобы обогнуть фьорд? Она ехала прямо на север, по крайней мере надеялась, что именно туда держит путь.

— Боже милосердный, куда же мне теперь направиться? — вскрикнула Бренна вслух.

И, словно в ответ, Уиллоу повернула налево и побрела по берегу. На глазах Бренны навернулись слезы.

— Пожалуйста, Уиллоу, ищи верный путь! Пожалуйста!

Девушка почувствовала холод, лишь когда плащ распахнулся и ледяной ветер обжег кожу. Ее узел оказался достаточно большим и свешивался по обоим бокам Уиллоу, так что Бренна могла не удерживать его, поэтому одной рукой она вцепилась в гриву, а другой запахивала плащ.

Наконец на небе засияли звезды. Бренна не знала, сколько времени находится в пути. Час? Два?

Наконец она увидела знакомый пейзаж на противоположном берегу и почти рядом — отвесную скалу, на которой возвышался дом. Девушка едва сдержала радость. Глубокие воды разлучали ее с любимым, но она все преодолеет, и они снова будут вместе.

Бренна поднялась на утес, спрыгнула с лошади и, не щадя глотки, начала звать Гаррика. Не получив ответа, она подумала, что его, возможно нет дома. Гаррик скорее всего отправился разыскивать ее. Однако кто-то должен там быть! Недаром в воздух поднимаются клубы дыма! Но все двери, конечно, закрыты, и вряд ли ее услышат.

Девушка грустно вздохнула. Ничего не вышло! К тому же она охрипла, а горло разболелось так, что было трудно глотать. Проехать столько, и быть совсем рядом, и сознавать, что тебя не видят и не слышат! Даже если кто-нибудь выйдет из дому, она не сможет крикнуть достаточно громко.

Бренна в отчаянии опустила на землю, горько всхлипывая и не вытирая катившихся по щекам слез. Что теперь ей делать? Нельзя оставаться здесь до утра в надежде, пока Джейни или Модья откроют дверь, — Арно успеет найти ее раньше. Но как добраться до дома? Она не может ни плавать, ни управлять судном. А пересечь фьорд в лодке, значит, оставить Уиллоу... И тем не менее это казалось единственным выходом. Сердце Бренны разрывалось от тоски.. Но сначала нужно найти лодку.

Бренна вновь села на лошадь и направилась в ту сторону, откуда приехала.

Эту первую ночь она не спала, продолжая путь по берегу, мимо деревянных мостков, где в маленьком заливе покачивался корабль викингов. Других суденышек не было, поэтому Бренна скакала вдоль берега, пока не разболелась спина и не онемели ноги. Желудок давно уже перестал требовать еды.

Наконец уже поздним утром Бренна остановилась, боясь, что Уиллоу упадет от усталости.

Покормив лошадь, она растерла ее и отрезала несколько лоскутов от мехового покрывала, чтобы укрыть кобылку. Затем она, как могла, стянула разодранную рубашку обрывками кожи и, свернувшись клубочком, уснула на несколько часов.

Так продолжалось не один день. Короткий сон, поспешно проглоченная еда и постоянный страх перед преследователями Скоро припасы кончились, и пришлось охотиться на дичь. Бренна благодарила Бога за то, что захватила кремень и теперь может разводить огонь и не питаться сырым мясом. До сих пор она не осмеливалась разводить по ночам костер, боясь, что погоня близка.

На шестой день Бренна потеряла надежду отыскать лодку. Однако не отчаивалась, поскольку это означало, что Уиллоу останется с ней. Теперь нужно было лишь добраться до конца фьорда и обогнуть его. И тогда либо она в конце концов попадет домой, либо погибнет. По мере того как шло время, она все больше и больше убеждалась, что смерть близка — фьорд казался бесконечным.

Бренна подгоняла кобылу, стараясь ни о чем не думать, так было легче. Иногда она, давая отдых Уиллоу, шла рядом, еле передвигая ноги в шерстяных обмотках, едва прикрывавших ноги. Она охотилась, лишь когда слабела от голода настолько, что не могла идти дальше. Дважды она падала без сознания, и лишь Уиллоу, осторожно подталкивая ее мордой, возвращала к жизни. Преданное животное не давало ей умереть. Когда же наконец измученное, изболевшееся тело отказалось двигаться, Бренна впала в глубокий сон, продолжавшийся день и ночь. Даже Уиллоу не могла пробудить ее.

Наконец она проснулась немного отдохнувшей. Но теперь она была настолько подавлена, что не желала пошевелиться, предпочитая дожидаться смерти. Она просто лежала, укрытая одеялами, почти не защищавшими от холода, а ноги так онемели, что не чувствовали боли.

Уиллоу, как могла, пыталась вывести хозяйку из этого состояния, но девушка закрыла глаза, не обращая на нее внимания и мечтая лишь о том, чтобы любимая лошадка оставила ее в покое и дала ей умереть с миром. Когда же наконец Уиллоу потрусил прочь, Бренна поглядела ей вслед, ощутив острое чувство потери. Именно тогда она и увидела это великолепное по красоте озеро, раскинувшееся у подножия гор. Это означало, что она добралась до конца фьорда.

Глава 39

Целый день ушел на то, чтобы объехать озеро. Эта часть путешествия оказалось самой трудной и опасной. Бренне много раз пришлось въезжать в воду, чтобы объехать острые обломки скал, преграждавших путь. Теплое течение не достигало далекого острова, и Бренна едва не обморозилась, пока сушила одежду.

Она пересекла снежную пустыню, где повсюду громоздились высокие сугробы, оставшиеся после прошедшего бурана. Приходилось рыть снег, чтобы отыскать траву для Уиллоу, поскольку овес давно кончился. В поисках еды ей пришлось свернуть в сторону. Бренна проезжала замерзшие ручьи и озера и проклинала невысокие холмы, встававшие препятствием на ее пути. Она соорудила грубый лук, сделала тетиву из расплетенной веревки и вытесала топором стрелы. Теперь она могла охотиться. Но добыча попадалась редко, приходилось подолгу выслеживать ее, и Бренна не переставала удивляться, как это Гаррику удается привезти домой столько шкур.

С каждым шагом, приближавшим Бренну к дому, настроение ее улучшалось. Теперь она была

почти уверена, что скоро сможет увидеть Гаррика, и уже не чувствовала себя одинокой и потерянной. Порезы и волдыри, ноющие суставы — все это казалось лишь мелкими неприятностями. У нее будет достаточно времени вылечить ссадины и синяки и нарастить мясо на костях. Гаррик позаботится о ней и будет ухаживать, пока Бренна не поправится. Его любовь вернет ей силы. А в том, что он любит ее, хотя до сих пор не смог признаться в этом даже самому себе, она не сомневалась.

Эти мысли подгоняли девушку, поддерживали, когда отчаяние овладевало ею. Как, должно быть, волнуется Гаррик, обыскивая всю округу и надеясь найти ее! Но тем сладостнее будет встреча.

Наконец Бренна оказалась в знакомой местности. Это придало ей новые силы. Не будь Уиллоу так слаба и измучена, Бренна бы галопом преодолела оставшееся расстояние. Однако ушло почти два часа, прежде чем она взобралась на последний холм, откуда лежал прямой путь к дому Гаррика. Какое прекрасное зрелище! Она уже не надеялась увидеть его еще раз в этой жизни!..

Бренна открыла дверь конюшни и почти столкнулась с Эрином. Тот уставился на нее не столько удивленно, сколько испуганно.

— Ты вернулась из мертвых, — едва пролепетал он, бледнея.

Бренна нашла в себе силы слабо рассмеяться:

— Нет, я не умерла, хотя много раз была близка к гибели.

Эрин покачал головой. В его взгляде промелькнуло нечто вроде жалости.

— Ты не должна была убегать, девочка.

— Что?!

— Но если уж убежала, по крайней мере не стоило возвращаться.

Бренна покачала головой, спеша объяснить старику все, что случилось:

— Я и не думала убегать, Эрин. Меня похитили два викинга, живущие на том берегу.

Эрину очень хотелось поверить девушке, хотя все свидетельствовало о том, что она лжет. Однако не ему обвинять Бренну.

— Ты совсем исхудала, девочка. Сейчас приготовлю тебе поесть.

— Нет, пообедаю в доме. Гаррик там? — И, когда Эрин нерешительно кивнул, продолжала:

— Знаешь, я звала его с того берега, но никто меня не слышал, а оставаться было нельзя, того и гляди нагрянет погоня. Я убила одного из тех людей, которые увезли меня, по-моему, сына вождя.

— Ты сама понимаешь, что говоришь? Бренна? Но девушка, казалось, не слушала:

— Я потеряла счет дням. Пришлось обогнуть фьорд. Сколько времени меня не было, Эрин?

— Почти шесть недель.

— Так долго?

— Бренна...

— Позаботься о Уиллоу, Эрин. Ей пришлось перенести столько же, сколько мне. Бедняжка заслуживает отдыха и вдоволь еды. А я должна поскорее найти Гаррика. Больше не могу ждать.

— Бренна, девочка, не ходи в дом. Только сейчас девушка заметила, как встревожен старик.

— Но почему? — недоуменно спросила она.

— Ты там нежеланная гостя.

— Не мели вздор, Эрин — отмахнулась Бренна. — Может, Гаррик тоже считает, что я сбежала? — Она помрачнела.

— Да.

— Тем более мне следует как можно скорее поговорить с ним. Он должен узнать правду.

— Бренна, пожалуйста...

— Все будет хорошо, Эрин, — перебила девушка и направилась к двери.

— Тогда я пойду с тобой.

В доме было тепло, в очагах ярко пылало пламя. Соблазнительные ароматы наполняли воздух, возбуждая аппетит и заставляя еще острее чувствовать голод. За все эти долгие дни Бренна ни разу не поела досыта, старалась побольше оставить на завтра, поскольку не знала, когда в следующий раз ей удастся убить кролика или куропатку.

Первой Бренну увидела Джейни и, бросив месить тесто, медленно отступила. Заметив ужас в ее глазах, Бренна улыбнулась и обняла верную подругу. Бренна старалась сберечь силы, поэтому ничего не стала рассказывать, а Джейни была слишком напугана, чтобы о чем-то спрашивать. Бренна направилась к холлу, оставив Эрина объяснять случившееся...

Гаррик наклонился над очагом, яростно тыча кочергой в горящие поленья, словно атакуя невидимого врага. Бренна несколько мгновений наслаждалась прекрасным зрелищем, прежде чем подойти и стать за спиной Гаррика. Почувствовав ее присутствие, он быстро обернулся. Оба долго, молча рассматривали друг друга. Девушка заметила в его взгляде неприкрытое удивление и гнев, но, не в силах больше сдерживаться, бросилась ему на шею, прижимаясь изо всех оставшихся сил.

Она почувствовала, как окаменело и напряглось его тело, а руки не поднялись, чтобы обнять ее. Гаррик медленно отстранил Бренну:

— Значит, ты вернулась.

Бренна не могла вынести гнева и ненависти в его глазах и этого ледяного тона.

— Может, ты заблудилась? — тем же тоном продолжал Гаррик. — Или поняла, что не сможешь выжить одна в снежной пустыне?

— Она утверждает, что и не думала убегать, Гаррик, — вмешался Эрин, входя в холл. — Говорит, что ее силой увезли на тот берег.

— Именно это она сказала тебе?

— Я ей верю, — твердо заявил Эрин. — Это объясняет, почему Дог приполз домой мокрый и израненный. Должно быть, пытался переплыть фьорд.

— Или упал в озеро, когда хотел последовать за ней, что и стоило ему жизни.

— Дог умер?

Гаррик молча отвернулся. Бренна подняла измученные глаза на Эрина, и тот грустно кивнул. Милосердный Бог, только не это! Неужели она недостаточно страдала?!

Прозрачная слезинка поползла по щеке. Какая жестокая судьба! Она смогла добиться преданности собаки, только чтобы стать причиной ее гибели.

Гаррик, по-видимому, тоже так думал, однако разве можно было винить в случившемся только ее, Бренну? Она должна заставить Гаррика понять это!

— Арно ударил пса, — ошеломленно прошептала она. — Он отшвырнул его ногой, чтобы Седрик не убил его.

— Седрик!

— Именно они похитили меня, Гаррик! Ты должен верить мне! — заметив, что он с сомнением покачал головой, умоляюще воскликнула девушка. — Они приплыли на корабле, чтобы забрать и мою лошадь. И спланировали все так, чтобы ты подумал, будто я сбежала, и никто их не заподозрил.

— Но почему? — требовательно бросил Гаррик.

— Я так и не узнала ничего, кроме разве того, что какая-то женщина появилась в их поселении и уговорила похитить меня. Я несколько дней провела взаперти на ферме Арно, но, как выяснилось, права на меня предъявил Седрик. Когда он явился и захотел овладеть мною, я убила его и сбежала. Вначале я попыталась докричаться до тебя с противоположной скалы, но никто не услышал, а я не умею плавать и не смогла найти лодку, так что пришлось обойти фьорд, единственное, что мне оставалось.

— Убери эту женщину отсюда, Эрин, пока я ее не удушил!!

Эрин положил руки на плечи Бренны, но та нетерпеливо отстранилась:

— Это правда, Гаррик! Чистая правда! Во имя Господа Бога, к чему мне лгать?!

— Надеешься, что я прощу тебя и приму обратно, — ехидно бросил Гаррик. — Но слишком поздно!

— Ты мог бы все проверить, Гаррик! — Непрошенные слезы вновь брызнули из глаз. — Переплыть на другой берег и узнать, что Седрик действительно пал от руки женщины!

— Это будет означать и мою смерть, если меня застанут на земле Боргсенов! Должно быть, ты от женщин узнала имена членов рода Боргсенов! Им прекрасно известна эта нашумевшая

история, все до сих пор о ней сплетничают!

— Это не так! Спроси их! — истерически вскрикнула Бренна, видя, что Гаррик повернулся к ней спиной.

— Ты обличаешь себя своими же рассказами — никто не смог бы вынести того, что ты описываешь, и остаться в живых! Отвези ее в дом моего отца, Эрин!

— Почему туда?

Гаррик снова обернулся, и в его глазах застыла такая откровенная ненависть, что девушка невольно сжалась.

— Я намеревался, если найду, продать тебя на восток, туда, где с рабами обращаются как с купленной вещью и не позволяют им вольностей, которые я допустил как последний глупец! Но тебя мне преподнес отец, так что он вправе получить обратно свой дар.

— Пойдем, Бренна, — поторопил Эрин. Бренна чувствовала себя так, будто ее раздирают надвое. Откуда-то к горлу подступила горькая желчь, готовая удушить ее. Девушка была еще очень слаба, чтобы справиться с таким ударом, и рухнула бы на пол, не поддержи ее Эрин. Она позволила ему отвести себя к стене, отделяющей холл от кухни, но там остановилась и в последний раз оглянулась на Гаррика.

— Все, что я сказала, — святая правда, Гаррик. — Бренна говорила тихо, без всякого выражения, она чувствовала, что душа мертва. — Именно моя любовь к тебе и страстное желание вернуться помогли мне выжить в этом невыносимо тяжелом путешествии. Все это время я почти ничего не ела, едва не замерзла и много раз была на краю гибели. Но продолжала путь, думая лишь о том, что ты ждешь меня. Лучше бы я умерла. Тогда ты был бы по-настоящему счастлив.

Но он так и не обернулся. Бренна видела лишь его спину, прямую, негнущуюся. Оставалось только уйти. Девушка медленно побрела к выходу, согнувшись от непереносимой боли в груди. Она потеряла его. Все остальное уже не имело ни малейшего значения.

Глава 40

Эрин не осмелился послушаться Гаррика и, хотя был твердо уверен, что молодой хозяин не прав, прекрасно понимал, что того не переубедить. Сердце старика болело за Бренну. Девушка не заслуживала столь холодного приема. Если бы не та, первая, погубившая сердце и чистоту души Гаррика, он, несомненно, поверил бы Бренне. Но новый Гаррик, ожесточившийся, полный горечи, ничего не желал ни знать, ни слышать, и Бренна страдала за грехи другой.

По дороге к поселению Ансельма девушка не сказала ни слова. Эрин запряг для нее коня в повозку, обещая привести Уиллоу, как только та восстановит силы. Так в молчании они и добрались до дома старого хозяина, где Эрин и оставил девушку.

Линнет хлопотала над племянницей, сокрушенно восклицая при виде осунувшегося лица и невероятной худобы Бренны. Ей не разрешалось вставать с постели... впрочем, она была не в состоянии этого сделать. Любое желание девушки исполнялось, хотя она ничего не просила, и почти не ела, за что и выслушивала каждый день суровые наставления тетки. С каждым днем она слабела и все больше уходила в себя, ничего не объясняла и ни с кем не разговаривала до того дня, когда Корделла пришла навестить сестру.

— Линнет сказала, что ты час от часу таешь, Бренна, — злорадно заметила она, садясь на край кровати. — Какая радостная весть!

Бренна, казалось, ничего не слышала и с полным безразличием смотрела на сводную сестру. Это взбесило Корделлу больше любой язвительной реплики.

— Ты что, оглохла, Бренна? Я рада, что ты умираешь. По крайней мере не будешь пытаться отбить у меня Хьюга! А он, когда мой живот так вырос, начал заглядываться на других!

Бренна снова промолчала, и Корделла, вскочив, нервно заходила по комнате.

— Хьюг и его отец не знают, как угодить мне, — надменно объявила она. — Но у меня нет таких прекрасных даров, какими наградил тебя твой викинг. Ты просто избалованная испорченная девчонка, Бренна! И никогда не довольствуешься тем, что есть. Почему ты сбежала от него? А теперь явилась туда, где тебя вовсе не желают видеть! Я всегда теряю то, что мне принадлежит, стоит тебе оказаться рядом! Но только не на этот раз! Я не позволю отнять у меня Хьюга! Попробуй только, и я убью тебя!

Бренна пренебрежительно пожала плечами.

— Ты дура, Корделла! — еле слышно пробормотала она. — Я скорее сама умру, чем окажусь в одной постели с Хьюгом! Он омерзительное животное!

— Лжешь! Ты всегда хотела заполучить то, что мне дала судьба!

— Твои страхи совершенно беспочвенны, и от такой глупой ревности меня тошнит. Я ничего не желаю ни от тебя, ни от других. И никогда больше не взгляну ни на одного мужчину.

— Даже на своего драгоценного викинга, бросившего тебя ради другой? — визгливо засмеялась Корделла. — Да, я все знаю о Морне, его единственной истинной любви!

— Убирайся отсюда, Делла! — Бренна, впервые за много дней, села.

Сестра подошла к двери и, к удивлению Бренны, одарила ее по-настоящему доброй улыбкой.

— Вижу, характер у тебя все такой же несговорчивый. Может, еще поживешь немного, хотя бы назло мне? — Она вышла, оставив Бренну в полнейшем смятении.

В комнате появилась Линнет и при виде лица племянницы облегченно вздохнула.

— Тебе наконец стало лучше?

— Что это случилось с Корделлой? — осведомилась Бренна, не обращая внимания на вопрос тетки.

— Корделла очень изменилась с тех пор, как в ней зародилась новая жизнь. Поверь, она очень тревожилась, когда ты пропала и даже плакала. Призналась мне, как ужасно обидела тебя, и опасалась, что так и не сумеет повиниться в грехе.

— Мне трудно в это поверить.

— Мы все думали, что ты мертва, Бренна. Какую же глупость ты совершила, девочка! Бренна, вздохнув, снова легла.

— Я совершила лишь одну глупость — вернулась к Гаррику.

— Нет, дитя мое. Ты жива и теперь должна постараться восстановить силы.

— Мне так много нужно рассказать, тетя.

— Сначала ты должна поговорить с Элоизой. Она столько дней ждала, чтобы встретиться с тобой. Сейчас отыщу ее и принесу тебе обед. И на этот раз, — строго добавила Линнет, — съешь все, до последней крошки.

Бренна терпеливо ждала тетку. Она обязательно поправится. Оттого, что она валяется здесь, изнывая от жалости к себе, ни одному человеку не станет больно и плохо, кроме нее самой. И ей уже не безразлично будет она жить или умрет.

Внезапно на ум пришли слова Ансельма:

"Я скорее отпущу Бренну на волю, чем позволю, чтобы она принадлежала кому-то еще».

Она снова стала собственностью Ансельма, и, если верить ему, он скоро даст ей свободу, даже если для этого придется признаться, что Бренна слышала его тогдашние слова. А значит, ее страдания не были напрасными.

В комнату вошла Элоиза в сопровождении Линнет, которая несла большой поднос с едой. Бренна неожиданно почувствовала, как живот свело от голода. Ничего, она может подождать несколько минут!

— Я убила врага Хаардрадов и по закону викингов должна быть освобождена.

Женщины от изумления лишились дара речи, и Бренна поспешно рассказала все, что случилось с ней за эти несколько недель.

— Можете не верить мне, — заключила она, — подобно Гаррику. Но, Господь свидетель, я не произнесла ни одного слова лжи.

— Но это невероятная история, Бренна, — выговорила наконец Элоиза. — Ты должна признать: трудно поверить в то, что хрупкая женщина может перенести столь тяжелое путешествие в это время года.

— Конечно. Если бы не моя любовь к Гаррику, я бы погибла.

— Я знаю, что любовь может творить чудеса и преодолевать немыслимые препятствия, — согласилась Элоиза. — И я верю тебе, Бренна, — задумчиво добавила она. — Но другие не поверят.

— Мне все равно, что думают другие. Главное, убедить твоего мужа. Я не вынесу мысли о том, что прошла через такие муки напрасно. Я должна получить свободу.

— Я сейчас же расскажу ему твою историю, Бренна, но это не изменит того, что ты уже свободная женщина. И стала ею с той минуты, как Гаррик отказался от тебя.

Глава 41

Невероятное признание Элоизы, то положение, в которое попала Бренна, почти не волновали

девушку до тех пор, пока она полностью не оправилась. Да, она свободна, но живет под крышей Ансельма Хаардрада, ест его хлеб, и эта зависимость не давала Бренне покоя ни днем ни ночью. Она и так в долгу перед этим человеком. Нужно подумать, как отплатить за великодушие.

Прошло уже два месяца нового года, и приближалась весна, когда Бренна наконец решилась поговорить с Элоизой. Она отыскала женщину в большом холле. Та отдавала приказания слугам, не переставая работать за ткацким станком, на котором было натянато почти готовое прекрасное покрывало для постели.

Бренна не могла смириться с тем, что должна выпрашивать работу, чтобы прокормить себя. Она уже здорова и в состоянии платить за свое содержание.

— Миледи, — нерешительно начала девушка, — я не могу больше пользоваться вашим гостеприимством, ничего не давая взамен.

— Но ты зря беспокоишься, Бренна.

— Нет, это просто необходимо. Я не могу быть ненужным бременем в твоём доме.

— Ты свободная женщина и гостья, Бренна. Это просто неслыханно — брать плату с гостьи.

— Тогда я должна уехать, — упрямо объявила Бренна, понимая, что глупая гордость вновь ведет ее на опасный путь.

Элоиза, нахмурившись, покачала головой:

— Мой муж предупреждал, что этим кончится. Бренна на мгновение растерялась:

— Но откуда он мог знать это?

— Ансельм похваляется, что может предсказать твои поступки, и считает тебя одной из" настоящих дев-воительниц из рода викингов, для которых важнее всего их гордость и мужество.

Бренну уязвило то, что ее так легко разгадали, и еще больше мнение Ансельма. Как смеет он сравнивать ее со своими соотечественниками?!

— Значит, он знал, что я не останусь здесь надолго?

— По крайней мере так он объяснил мне, — призналась Элоиза, — хотя я не могла поверить, что ты поступишь так опрометчиво и покинешь наш дом, не зная, куда идти.

Ее слова больно укололи девушку.

— Такая уж я есть, миледи. Видно, моя судьба жить по законам чести.

— Знаю, Бренна, и сожалею, что была слишком резка с тобой. Когда-то и у меня был такой характер, но с годами я приучилась держать его в узде, надеюсь, и ты рано или поздно сумеешь это.

— Я уезжаю завтра утром и благодарю вас за то, что позволили остаться здесь ненадолго.

Элоиза, покачав головой, еле заметно улыбнулась:

— Если ты твердо решила, может, согласишься пожить до весны в маленьком домике, на нашей земле?

— Только до весны? — Бренна одновременно обрадовалась и огорчилась.

— Нет, сколько пожелаешь, Бренна. Но муж велел передать тебе, что весной, если ты захочешь, он отвезет тебя на родину.

Бренна восприняла новость со смешанным чувством. Единственной и давней ее мечтой было оставить эту холодную землю, но это было до того, как она отдала свое сердце Гаррику. Впрочем, что изменится, от того, что их разделит огромное расстояние? Между ними все равно океан, наполненный вместо соленой воды ненавистью и недоверием.

— Ты этого хочешь, Бренна?

— Да, — шепотом выдохнула девушка.

— Но разве тебе здесь не к кому вернуться? — печально спросила Элоиза.

— Нет, — покачала головой Бренна, отводя взгляд. — Теперь уже нет.

— Но здесь твои тетя и сестра. А я полюбила тебя и очень беспокоюсь, особенно потому что мой сын...

— Не упоминай о нем! — вскинулась Бренна. — Из всех людей на свете он самый ненавистный, злобный и недоверчивый! — Бренна осеклась, прикусив губу. — Прости. Гаррик — твой сын, и, конечно, в глазах матери лучше его нет в целом мире.

— Нет, сын совершил много такого, чем я не могу гордиться, — покачала головой Элоиза. Бренна попыталась заговорить о другом:

— А тетя? Вы отпустите ее со мной?

— Не знаю, девочка, — нахмурилась Элоиза. — Линнет и я стали близкими подругами, однако ты, вероятно, нуждаешься в ней больше. Но я подумаю и решу до твоего отплытия.

— А сестра и другие женщины из моей деревни?

— У них уже своя жизнь. Насколько мне известно, Бренна, они нашли свое счастье здесь.

— В рабстве? — с нескрываемым сарказмом поинтересовалась девушка.

— По этому поводу можно спорить бесконечно, Бренна, — улыбнулась Элоиза. — Знаю, что ты чувствуешь, и тебе известно мое мнение.

Бренна начала было протестовать, но Элоиза предостерегающе подняла руку:

— Твою сестру никогда не освободят, ведь она носит ребенка моего старшего сына. Кроме того, Корделла вряд ли захочет вернуться в разоренное поместье.

Бренна была потрясена. Она и не подумала об этом. Придется строить новый дом на месте старого. Даже если стены не разрушил пожар, она все равно не вынесет жизни в одиночестве.

— Ты сказала, что я могу пожить в другом доме до весны?

— Да, это недалеко, возле небольшого озера. Рядом есть и колодец.

— Я, конечно, заплачу за жилище.

— Конечно, — дипломатично подтвердила Элоиза, поняв, что не стоит и пытаться сломить эту упрямую гордячку.

— Семья, которая раньше там жила, отдавала в уплату часть урожая. Но поскольку ты не сможешь сделать этого, думаю, двух шкур в неделю будет достаточно. Знаю, что ты научилась охотиться с детских лет, так что тебе это будет нетрудно.

— Нет, ты слишком мало просишь. Я дам три шкуры в неделю, — решительно возразила девушка.

— Бренна! — упрекнула Элоиза.

— Я настаиваю.

Женщина только покачала головой, но невольно улыбнулась при этом.

— Тогда я, в свою очередь, настаиваю на том, чтобы снабдить тебя солью, поскольку у тебя будет больше мяса, чем ты сможешь съесть, и придется коптить его. Кроме того, возьмешь овес и рожь и сушеные овощи, ведь нельзя же питаться одним мясом.

Бренна удовлетворенно кивнула:

— Согласна. Я надеюсь, что сумею накопить достаточно мехов, чтобы оплатить проезд домой.

— Вот это уже ни к чему Бренна. Ансельм и слышать не захочет.

— Но так будет!

И, повернувшись, Бренна вышла из холла.

— Глупая гордость, — пробормотала Элоиза, воздев руки к небу, прежде чем снова вернуться к станку.

Глава 42

Маленький дом понравился Бренне, а Элоиза предусмотрительно послала слуг убрать в комнатах. Жилище оказалось достаточно теплым, к тому же было расположено около леса, где в изобилии водилась дичь. В доме было несколько горшков, чистые шерстяные одеяла, лук и капканы и даже смена одежды из мягкой шерсти и новый теплый плащ.

Единственное, чего не хватало Бренне, — лохани для мытья, видимо, потому, что совсем близко было маленькое озеро. Однако теперь оно замерзло, а каждый раз проламывать лед, чтобы умыться в холодной воде, — не самое приятное занятие. Придется ограничиться обтиранием, пока не станет теплее.

Бренна с радостью и волнением ребенка, получившего новую игрушку, устраивалась в новом доме. Поначалу она наслаждалась обретенной свободой, но вскоре это состояние сменилось чувством одиночества. Теперь, когда не с кем было даже поговорить, девушка постоянно думала о Гаррике. Когда же они как-то встретились, в лесу и разминулись, враждебно оглядев

друг друга, без единого слова, терзания Бренны стали еще мучительнее.

Она каждый день ездила на охоту, доводя себя до изнеможения, а потом еще допоздна выделывала шкуры, коптила мясо и готовила обед на завтра, прежде чем наконец без сил рухнуть в постель. Дни проходили, монотонные, однообразные, заполненные изнурительной работой, и это отвлекало Бренну от тяжелых мыслей.

Постепенно солнышко пригревало все жарче, лед начал таять, и дни становились длиннее, но вода все еще была ледяной, и Бренна, как ей этого ни хотелось, не могла искупаться в озере. Потом на деревьях распустились почки, расцвели первые цветы, и снег почти исчез. В Норвегию пришла весна.

Бренна была вне себя от радости, увидев подъезжающую к дому тележку. Она подумала, что это Линнет или Элоиза решила навестить ее и сообщить, когда Ансельм отправляется в плавание. Но она так истосковалась в одиночестве, что не расстроилась, увидев Джейни и Модью, которых привез Эрин.

Женщины, со слезами на глазах, обнялись, и Бренна повела гостей в дом, довольная, что накануне приготовила целый горшок тушеного мяса. Эрин захватил мех с вином, подаренный Гарриком на празднике по случаю окончания зимы, и все выпили за здоровье друг друга. Несмотря на протесты Бренны, Эрин отправился нарубить дров, поскольку чувствовал себя неловко в обществе щебечущих женщин. Сначала Джейни и Модья держались скованно, явно испытывая благоговейный трепет перед новым положением Бренны, но, выпив еще вина и почувствовав, что хозяйка искренне рада им, девушки разговорились, забыв о неловкости.

— Эрин рассказал, что случилось с тобой, Бренна, — начала Модья. — Чудо, что ты осталась жива.

Бренна только кивнула. Она почти не вспоминала о том страшном времени. Лучше навсегда забыть о нем.

— Гаррик стал теперь настоящим викингом.

— Что ты имеешь в виду, Модья? — спросила Бренна, горя желанием поскорее узнать о Гаррике, пусть даже из вторых рук.

— Такими людьми мать пугала меня, когда я плохо вела себя в детстве. Вечно злой, хмурый, особенно с тех пор, как ты уехала. Он стал еще хуже, чем когда Морна бросила его.

— Но с ним все в порядке, он здоров?

— Здоров, если ты об этом спрашиваешь. Правда, пьет все больше и больше, пока не засыпает, ко всеобщему облегчению.

— Ты, должно быть, преувеличиваешь!

— Хотела бы...

— Может, все-таки чуть-чуть?

— Нет, Бренна, — с грустью подтвердила Джейни. — Он оскорбил и оттолкнул всех друзей, даже Перрина, и тот больше не приходит.

— Мне очень жаль, — вздохнула Бренна.

— Он окончательно озверел, когда вернулся с того берега фьорда, — добавила Модья.

— Когда это было? — взволнованно спросила Бренна.

— Почти сразу после твоего возвращения. Он отправился туда, вооружившись до зубов, словно готовился к войне, но не пробыл там и дня. Мы не знаем, почему он решился на такое и что его так рассердило.

— Чудо, что он вообще выбрался оттуда невредимым, — продолжала Модья. — Повстречай он Боргсенов, наверняка не вышел бы живым из схватки.

— Расскажи об этой распре между родами!

— Неужели ты не знаешь? — охнула Модья. — Я думала, Джейни тебе рассказала.

— А я думала, что ты, — засмеялась Джейни.

— Может, хоть кто-то объяснит?! — нетерпеливо воскликнула Бренна.

— Нечего особенно объяснять.

— Видишь ли, — перебила Модья, любившая посплетничать, — прошло пять зим с тех пор, как все началось. До этого отец Гаррика и вождь рода Боргсенов считались лучшими друзьями, кровными братьями. У Летема Боргсена было три сына, самый младший, Седрик, только что вернувшийся из путешествия по морю, тот, кого ты, как говоришь...

— Продолжай, — оборвала ее Бренна.

— Настала осень — время отпраздновать сбор урожая и принести жертву богам. Ансельм созвал всю округу на празднество, и оба рода собрались вместе на пир. Веселье продолжалось несколько недель, и было выпито столько медовухи, что можно наполнить весь фьорд!

— Но что же положило конец столь крепкой дружбе? — перебила Бренна.

— Смерть единственной дочери Ансельма, Тиры. Говорят, она была красивой девушкой, только очень болезненной и застенчивой, и старалась не появляться на людях. Тогда ей исполнилось пятнадцать лет, но Тира никогда не бывала на празднествах, даже когда выросла и получила разрешение выходить к гостям. Так что можно понять, почему сыновья Летема Боргсена никогда не видели девушки и не знали ее в лицо.

— Но какое отношение они имели к Тире?

— Неизвестно, что произошло на самом деле, Бренна. Все считают, что Тира, устав от шума и пьяного веселья, пошла погулять. На следующее утро ее нашли за кладовой — лицо изуродовано, юбка задрана до талии, а бедра покрыты девственной кровью. В руке был зажат ее же клинок, вонзенный в сердце.

Бренна оцепенела от ужаса:

— Она убила себя?

— Никто не знает наверняка, но говорят, что Тира не вынесла позора и предпочла покончить с

жизнью.

— Но кто мог осмелиться на столь чудовищное преступление? — воскликнула Бренна, уже поняв, каким будет ответ.

— Сыновья Летема: Эрве, Эдгар и Седрик — все трое.

— Как же узнали об этом?

— Они сами выдали себя, узнав, кого изнасиловали. Все трое перепугались и сбежали. Представляешь, какой ужас — все были поражены скорбью. Веселье сменилось горестным плачем. Гаррик и Хьюг так любили свою сестру! Братья боролись за честь отплатить за смерть Тиры. Победил Хьюг. И неважно, что братья Боргсены думали, будто позабавились со служанкой, простой рабыней. Против рода Хаардрадов было совершено преступление, и обидчики не должны уйти живыми. Ансельм, Гаррик и их родичи вместе с Хьюгом переплыли фьорд. Ансельм был безутешен, как и его друг, Летем. Хьюг вызвал Эдгара на поединок и убил в честном бою, но когда собирался покончить с оставшимися в живых сыновьями Летема, Ансельм запретил, невзирая на протесты Хьюга и Гаррика. Члены семьи Хаардрадов вернулись домой, ожидая, что Боргсены отомстят. Но этого так и не произошло, если не считать, что время от времени на землях Хаардрадов находят трупы скота и бродячих собак. Обе семьи понесли потери, и вожди, по-видимому, решили оставить все, как есть.

— Какая трагическая история! Неужели никто не удивился тому, что Тира не звала на помощь, когда на нее напали? Может, несчастья и не произошло бы.

— Она была очень скромной девушкой и всего боялась, — ответила Джейни. — И, без сомнения, не решилась закричать, а может, ей просто заткнули рот.

— Говорят, Тира с самого рождения была слабым ребенком, — добавила Модья. — Еще чудо, что ее оставили в живых.

— Оставили? Что это значит?

— Таков обычай, Бренна, — с отвращением объяснила Джейни. — Знай я об этом, когда носила сына, тоже была бы в ужасе. Но, благодарение Господу нашему, малыш родился крепким.

— Что ты говоришь? Что это за обычай? — Бренна смертельно побледнела.

— Представляешь, — волнуясь, начала Модья, — новорожденный должен быть признан отцом, независимо от того, женат ли он на матери ребенка или нет. Как ты знаешь, для этих людей важнее всего сила и гордость. Они ненавидят слабость. Считается, что недостаточно сильные люди не могут выжить на этой суровой земле. Так что, если ребенок родился слабым или калекой, отец отказывается от него, и бедняжку просто относят в лес или к фьорду и оставляют там. Конечно, он погибает. Отца не мучают угрызения совести, он оправдывает себя тем, что младенец все равно бы не выжил и пришлось бы тратить на него еду и время, тогда как пища и уход нужны другим, крепким и здоровым детям.

— Но это варварство! — возмутилась Бренна, стараясь подавить подступившую к горлу тошноту.

— Что именно? — осведомился Эрин, внося охапку дров.

— Обычай отказываться от хилого ребенка и бросать его на произвол судьбы, обрекать на

смерть от голода и холода, прежде чем мать успеет хотя бы взять его на руки, — объяснила Джейни.

— Но какое же это варварство?! — вмешался Эрин, сбрасывая дрова у очага.

— А по-твоему, нет? — огрызнулась Бренна. — Ты такой же язычник, как эти викинги, Эрин, если признаешь этот омерзительный обычай.

— Вовсе не так. Думаю, это меньшее из зол. Спроси Джейни, она сама мать, разве ее любовь к сыну не возрастает с каждым днем, не становится сильнее?

— Верно, — согласилась Джейни.

— Что ты хочешь этим сказать, Эрин?

— Связь между матерью и младенцем крепка, но лишь в том случае, если мать увидит и узнает малыша.

— Значит, ты считаешь, что милосерднее убить ребенка при рождении, пока несчастная женщина не успела полюбить его? — возмутилась Бренна. — Но как насчет чувств матери, девять месяцев носившей младенца в чреве? Это ты в расчет не принимаешь?

— Знаю только, что один из моих сыновей родился мертвым. Мы с женой погоревали немного, но вскоре забыли дитя, которого так и не узнали. Потом на свет появился другой сын, которому принадлежала моя любовь, и всего через десять коротких лет я потерял его. Об этой кончине я скорблю по сей день, и сейчас воспоминания преследуют меня.

— Прости, Эрин, мне очень жаль.

— Да, ты сожалеешь, но понимаешь ли, Бренна? Неужели не видишь, что лучше потерять дитя сразу после родов, до того, как оно узнает, какова жизнь калеки, до того, как родители успеют полюбить его, чем пережить смерть ребенка позднее и едва не умереть самим от горя?

— Нет, этого я понять не в силах. Слабого ребенка можно сделать сильным, а калеку — научить заботиться о себе.

— Может, так принято в твоей стране, девушка, но это север, где большую часть года земля покрыта снегом и льдом. Хилый младенец может задохнуться даже от дыма костров, а если держать его подальше от очага — погибнуть от холода.

— Я никогда не соглашусь с тем, что викинги поступают мудро, так что довольно об этом, Эрин, — бросила Бренна и, отвернувшись, трясущимися руками начала накладывать жаркое в миски.

Она так радовалась старым друзьям, но теперь жалела, что они приехали. Все эти разговоры о расправах и убийствах детей ужасно расстроили ее. Она даже не смогла притронуться к еде, боясь, что желудок взбунтуется.

Гости болтали как ни в чем не бывало. Только Эрин задумчиво смотрел на Бренну. Та пыталась избежать его взгляда, и наконец, встав из-за стола, начала прибираться комнату. Но через некоторое время, повернувшись, обнаружила, что старик по-прежнему сидит, уставившись на нее.

— Почему ты так смотришь на меня? — раздраженно осведомилась она, не в силах больше выносить этой пытки.

Но Эрин, казалось, ничуть не смутился:

— Ты затяжелела, девочка?

Бренна даже себе самой боялась признаться в этом. Будь она проклята, если станет откровенничать с посторонними!

— Вовсе нет! — Я собиралась спросить то же самое, Бренна, — вмешалась Модья. — Ты действительно немного пополнела.

— Говорю же, ничего подобного, — вскипела Бренна, бессознательно прикрывая живот ладонями. — Никаких детей!

Ее не покидали тревожные мысли: что если Гаррик из ненависти к ней откажется признать ребенка? Что если ее, как и Корделлу, не отпустят домой? Но этого не случится! Вот-вот наступит весна, и Бренна покинет эту чужую землю.

Несмотря на столь бурную реакцию, Бренне не удалось разубедить друзей, и они остались при своем мнении.

Глава 43

Бренна провела бессонную ночь. Страшные картины ее будущей жизни сменяли одна другую. К утру она окончательно измучилась. Наконец пришлось признать суровую правду — в ее чреве растет ребенок.

— Дитя у маленькой девочки, — вздохнула она, жалея себя. — Мы оба будем играть, закатывать скандалы, истерики, капризничать и не слушаться взрослых. Боже, не хочу я быть матерью! Не умею!

Она снова, уже в который раз, заплакала. Хоть бы Ансельм увез ее, прежде чем окружающие догадаются! Нужно поскорее покинуть эту языческую землю и родить ребенка у себя на родине, где нет нужды бояться за его жизнь.

Бренна решила выйти из дома, но, когда открыла дверь, почувствовала, что боги норвежцев собираются помешать ей выполнить задуманное. Земля была укутана белым покрывалом свежеснежного снега. Откуда? Ведь сейчас уже середина весны!

Паника охватила растерявшуюся Бренну, и она, оседлав лошадь, с безрассудной скоростью понеслась к дому Ансельма. Спешившись, девушка отправилась на поиски Элоизы и нашла ее в компании Корделлы. Обе шили крохотные одежки для новорожденного. Знает ли Корделла, какая судьба может ожидать ее младенца, если тот родится слабым? А Элоиза?

Бренна уставилась на уже сшитые вещички, на мгновение забыв о цели приезда.

— Ты очень покраснелась, Бренна. Устала? — участливо спросила Элоиза, откладывая работу.

— Нет, это, должно быть, свет так падает, миледи, — пробормотала Бренна.

— Хотелось бы так думать.

— Миледи?

— О, мой муж заболел. Конечно, ничего серьезного, но он не может и дня спокойно провести в постели!

Словно в подтверждение ее слов из комнаты Ансельма донесся громкий вопль.

— Видишь?

, — Но когда он выздоровеет настолько, чтобы отправиться в путь? — с тревогой спросила Бренна.

— Думаю, что не очень скоро, дорогая. Правда, корабль уже почти оснастили, но тут начался снегопад, и теперь людям придется ждать, пока потеплеет, к тому времени Ансельм наверняка поправится.

— Когда же это будет?

— Очевидно, в начале лета. Прекрасное время года для путешествия!

— Лето! Я не могу ждать так долго! — Бренна едва не взорвалась.

— Но что с тобой, сестра? — вмешалась Корделла. — Я обрадовалась, узнав, что ты задержишься и не так скоро покинешь нас. Теперь ты сможешь узнать, кого я рожу.

Будущее материнство изменило Корделлу. Она больше не была злобной и завистливой ведьмой, думающей лишь о мести. Наконец-то и к ней пришло счастье.

— Видимо, у меня нет другого выбора, и, конечно, мне очень хочется увидеть твое дитя, Делла. Если пошлешь за мной, помогу, чем сумею, — кивнула Бренна и мысленно поклялась не допустить, чтобы ребенку причинили зло.

Немного поговорив с женщинами, она распрощалась, но, лишь ступила за порог, заметила въезжавшего во двор Гаррика. Бренна замерла. Рядом с ним, звонко смеясь, ехала Морна на коротконогой кобылке.

Взгляды Гаррика и Бренны на мгновение встретились, и девушка съежилась при виде ледяной ненависти в его глазах. Ей хотелось в этот момент спрятаться, скрыться, убежать подальше, лишь бы не видеть, не знать... не ощущать этого презрения. Уж лучше бы ударил...

Но звук голоса Гаррика не дал и шагу ступить. Какая пытка! Слышать нежные слова, обращенные к другой...

— Позволь, я помогу тебе спуститься, любимая! Бренна почувствовала, как внутри разрастается боль, угрожая задушить. Он говорил на кельтском языке, чтобы она поняла каждое слово. Как же он мог простить ту, которая предала? Почему не захотел поверить ей?

— Что ты сказал, Гаррик?

— Позволь я помогу тебе спуститься, — повторил он по-норвежски.

— Я знала, ты вернешься ко мне, — самоуверенно объявила Морна, — особенно после того, как избавился от этой кельтской ведьмы. Теперь ты снова станешь моим, станешь! Я в этом уверена!

— Неужели?

Но Бренна больше не могла вынести этого. Она пробежала через холл, не обращая внимания на оклики Элоизы и Корделлы, и, выскочив через черный ход, принялась яростно тереть глаза, из которых безостановочно лились слезы. Немного успокоившись, девушка добралась до конюшни и отыскала стойло Уиллоу.

Поняв, что Бренна не вернется, Гаррик немедленно разжал руки, лежавшие на талии Морны, и злобно уставился на открытый дверной проем, где секунду назад стояла Бренна. Он все еще видел это прекрасное лживое лицо, эту стройную фигуру... Как хотел Гаррик обнять ее... и в то же время боялся, что попросту удушит обманщицу, если подойдет ближе!

— Помоги же мне спешиться, любимый! Гаррик окинул Морну свирепым взглядом:

— Могу помочь тебе почувствовать холод стали моего кинжала!

— Что... что это с тобой?

— Никогда больше не смей подстерегать меня на дороге и преследовать! Если тебе дорога жизнь, Морна, и близко ко мне не подходи!

— Но я... я думала, все прощено и забыто! — воскликнула вдова. — Ты был так нежен, пока она... она... А, так ты притворялся, чтобы позлить ее! — взвилась Морна.

— Осторожней, Морна! — холодно предостерег Гаррик. — У меня не хватает терпения выносить твое присутствие!

— Гаррик, пожалуйста! Ты должен простить меня за прошлое. Когда-то мы любили друг друга. Неужели ты забыл?

— Нет, я помню, что ты клялась в любви. — Голос Гаррика звучал все тише. — И помню также, как ты побежала к первому попавшемуся мужчине, помахавшему увесистым кошельком перед твоими алчными глазами.

— Но я изменилась, Гаррик. Богатство теперь уже не важно для меня!

— Именно теперь! После того, как заполучила большое наследство, можешь говорить, что угодно! — резко проговорил Гаррик.

— Это не правда, Гаррик! Я хочу тебя! И всегда хотела!

— И я тоже... тогда. Теперь же скорее соглашусь гнить в аду, чем вернуться к тебе!

— Не говори так, Гаррик! — вскрикнула Морна.

— Убирайся!

— И все это из-за проклятой кельтской колдуньи! Какими чарами она тебя приворожила?

— Никакими. Она так же мертва для меня, как и ты. Ни одна из вас не дождет моего прощения!

— Ты...

Но Гаррик оборвал Морну, ударив кнутом по крупу ее лошади. Несчастное животное рванулось прочь со двора, а Морна, натягивая поводья, одновременно пыталась оглянуться на Гаррика, но он, презрительно пожав плечами, отвернулся.

Подумать только, что когда-то он любил эту женщину! Его притягивала лишь ее красота... да, Гаррик гордился, что женится на самой привлекательной и желанной девушке в округе. Но разве это можно назвать любовью? Когда он потерял Морну, то лишь гордость, сознание того, что ему предпочли жирного купца, заставили его страдать.

Мерной двигала жадность, Бренна же стремилась к свободе и не желала ни с кем делить свое тело, и ради этого она шла на все. Лгала, обманывала, изворачивалась. И хотя клялась в любви так же легко, как когда-то Морна, в словах ее не было ни капли правды... Ну что ж, на здоровье! Пусть наслаждается своей свободой, отправляется на родину и навсегда уходит из его жизни!

Гаррик вошел в холл и, прежде чем подойти к матери, попытался справиться с охватившим его гневом. Но вид сестры Бренны, такой довольной и счастливой, еще больше растравил и разбередил душу. Почему только Бренна, единственная из всех, не смогла привыкнуть?

— Где Хьюг? — холодно процедил он. Но Элоиза не подняла глаз от шитья:

— Мой младший сын наконец приехал, однако, кажется, забыл правила обычной вежливости, которым я так упорно старалась научить его.

Гаррик проглотил упрек. Улыбнувшись, он наклонился и поцеловал мать.

— Легко забыть, когда ни один викинг не оказывает подобных почестей своей матери.

— Истина, разбившая немало материнских сердец, готова поклясться в этом. Но ты наполовину христианин, Гаррик, и, хотя немногим это известно, я растила тебя по-другому.

Отложив работу, она наконец подняла сверкающие весельем глаза:

— Ищешь брата? Он погнал скот на пастбище.

— Когда?

— До того, как пошел снег.

— Значит, Хьюг задержится, — раздраженно бросил Гаррик. — Он хотел дать мне товары на продажу. Он ничего не говорил тебе об этом?

— Нет, но просил передать, чтобы ты его дождался. Хочет плыть с тобой на север, поохотиться на белых медведей, прежде чем ты отправишься на восток.

— Но уже слишком поздно охотиться на медведей.

— Ты чересчур торопишься покинуть нас, Гаррик. — Элоиза неодобрительно прищелкнула языком. — Совсем, как... — Она осеклась, и Гаррик поднял брови, но Элоиза лишь покачала головой. — Сам знаешь, даже одна шкура белого медведя может оправдать долгое ожидание. Беспокоишься, что не получишь достаточной прибыли, или просто хочешь поскорее уехать?

— Если я отплыву в середине лета, значит, не смогу вернуться этой зимой, — ответил Гаррик.

— Но тебе не обязательно забираться так далеко на восток. Хедебю тоже большой торговый центр.

— Булгар лучше, — мрачно заметил Гаррик. — Я подожду ровно столько, сколько понадобится, чтобы подготовить судно.

Он уже собрался уходить, но неожиданно остановился и оглядел холл.

— Ее нет, Гаррик, — вздохнула Элоиза.

— Кого? — вскинулся Гаррик.

— Той, которую ты ищешь. Выбежала из дома со слезами на глазах, как раз перед твоим приходом. Почему она плачет каждый раз, когда видит тебя?

— Она не плачет! — Гаррик негодуя застыл. — Сама клялась, что никогда не плачет!

— Но почему это так тебя расстраивает?

— Потому что все ее клятвы фальшивы!

— Кроме тебя, так никто не считает. Что же до меня, я верю, что история Бренны правдива с начала до конца.

— Неужели, госпожа? — ощерился Гаррик. — Тогда позволь просветить тебя. Она уверяла, что убила Седрика Боргсена, однако я видел его собственными глазами, и тот жив и здоров.

— Но когда ты встретил его?! — в испуге воскликнула Элоиза. — Пересек фьорд?!

— Совершенно верно. Я должен был собственными глазами убедиться, верно ли то, что она плела. И получил доказательство ее вранья.

Элоиза задумчиво нахмурила брови:

— Она просто предположила, что Седрик умер, вот и все. На самом же деле он просто потерял сознание.

— Ты слишком добра, мать, — поморщился Гаррик. — Бренна не заслуживает твоего доверия.

— Хотела бы я, Гаррик, чтобы именно ты постарался поверить в нее, — с неподдельной грустью вздохнула Элоиза. — Теперь мы скоро навек распрощаемся с ней, и мне так тяжело на сердце, так обидно терять друга.

— Она никогда не принадлежала мне, мать, так что и терять нечего, — горько бросил Гаррик и вышел.

Глава 44

Все последующие недели жизнь Бренны была такой же монотонной, если не считать того, что теперь девушка, охваченная лихорадочной потребностью заполнять каждую минуту напряженной работой, вкладывала все силы и энергию в повседневные дела, стараясь не думать о полнеющем теле и жизни, зародившейся в нем. Она еще упорнее пыталась забыть Гаррика и ту последнюю встречу, когда увидела его рядом с Мерной. Бренна намеренно

изматывала себя, чтобы вечером свалиться в одинокую холодную постель и мгновенно заснуть.

Бренна с нетерпением ждала новостей о здоровье Ансельма, но так и не дождалась. Приветливое солнышко быстро растопило последний снег, так что судно, которое должно отвезти ее домой, уже, должно быть, готово к отплытию. Но прошла весна, а гонец с известием о том, что пора собираться, все не появлялся.

Наконец девушка, не выдержав ожидания, решила сама отправиться в поселок. Она давно уже не бывала там, всякий раз откладывая поездку, боясь возможной встречи с Гарриком, и очень задолжала Ансельму. Накопленные меха служили прекрасным предлогом навестить Хаардрадов, но одновременно и риском: проницательные женщины с одного взгляда могли разоблачить Бренну и рассказать Гаррику о ее беременности. Однако ничего не поделаешь, она должна узнать, почему о ней забыли.

И хотя весна, пробудившая природу от долгой зимней ночи, была прекрасной в этих местах, лето опьянило ароматами цветов и сладостью воздуха.

Бренна наслаждалась долгожданным теплом до того дня, когда собралась в поселок. Она считала, что поступила весьма хитро и предусмотрительно, надев тяжелый плащ, скрывающий фигуру, но теперь чувствовала себя словно в раскаленной печи. Девушка колебалась, не зная, на что решиться. Может, лучше повернуть домой, пока не поздно? Так размышляя, как поступить, она въехала во двор, и молодой конюх принял поводья Уиллоу.

К облегчению Бренны, большой холл оказался почти пустым, если не считать сидевшей за столом тети., — Бренна! — обрадовалась Линнет и, бросившись навстречу племяннице, сжала ее руки. — Какое счастье видеть тебя!

— И тебя, тетя. Я надеялась, что ты приедешь навестить меня, особенно теперь, когда погода улучшилась.

— Прости меня, дитя. Я хотела, но здесь столько дел! Нужно сеять зерно, хорошенько убрать дом после зимы, все вычистить и вымыть. Так что все мы были заняты с утра до вечера.

— И ты помогала сеять?

— Да, как и все. Ансельм имеет обширные поля, и на некоторых еще идет работа.

— Викинг — фермер! — язвительно пробормотала Бренна.

— У Ансельма много рабов и не столь удачливых родичей, которым нужно помогать. Кроме того, многие викинги сажают зерно и разводят скот. Но ты, конечно, уже успела это узнать.

— Да, фермеры или торговцы, как Гаррик, — спокойно кивнула Бренна.

Линнет быстро сменила тему:

— Вижу, ты привезла Ансельму плату за дом, и еще сверх того. Много охотилась?

Бренна кивнула и бросила на пол большую связку мехов. По лицу и телу струился пот, но она ни за что не хотела снять плащ. Нельзя доверять такой важный секрет никому, даже тетке.

— Ты приехала заплатить долг, Бренна, или собираешься погостить немного?

— Я не могу остаться, тетя. Хотела только узнать, когда Ансельм отплывает. Ты что-нибудь

знаешь?

— Не могу сказать, — нахмурилась Линнет.

— Он все еще болен?

— Нет, тогда Ансельм быстро поправился, но сейчас его нет.

— То есть как это нет? — вскинулась Бренна. — Хочешь сказать, что он отплыл без меня?

— Нет, корабль стоит в заливе, Бренна. Но он отправился с Гарриком и Хьюгом на север, охотиться на белых медведей.

— Но как он мог?! — возмутилась Бренна. — Он же обещал отвезти меня домой!

— И выполнит обещание. Это Хьюг все придумал. Гаррик не хотел откладывать свои торговые дела и поездку на восток, но, поскольку Ансельму давно хотелось поохотиться с сыновьями, как в былые годы, Гаррик согласился.

— Когда же они вернутся?

— Скоро. Корделла вот-вот родит, а Хьюг хочет присутствовать при появлении на свет своего первенца.

— Ну еще бы! — ехидно кивнула Бренна. — Кто же вместо него будет изображать из себя Бога и решать, должен ли младенец жить или умереть.

— Господи, Бренна! — ахнула Линнет. — Что за бредовые мысли приходят тебе в голову?! Бренна в отчаянии заломила руки:

— Прости, Линнет. Последнее время я стала слишком раздражительной. Мне так хочется оказаться дома и вернуться к прежней жизни, к той, когда еще не было Гаррика и я не знала ни любви, ни ненависти.

Девушка выбежала из холла, пытаясь сдержать подступившие слезы. Где те дни, когда она не представляла, что такое скорбь, и не умела плакать? Теперь же у нее все время глаза на мокром месте.

В эту ночь Бренна проснулась от громкого стука. Еще не придя в себя, она сползла с кровати и, накинув одеяло, поковыляла к двери.

К удивлению девушки, на пороге стояла Элоиза. Лицо ее было встревожено.

— Я очень спешила, Бренна. Корделла тебя зовет.

— Ребенок?

— Да. Я не пришла бы сюда, но никогда не помогала при родах и слишком стара, чтобы начинать теперь, однако хотела сделать все от меня зависящее. Это мой первый внук!

— Понимаю... — ошеломленно протянула Бренна. Как странно видеть эту сильную женщину такой растерянной! Она всегда считала, что Элоиза чуть не с улыбкой может вынести любые тяготы и беды.

— Схватки начались сегодня утром, — запинаясь, пролепетала Элоиза, — но она никому ничего не говорила до самого вечера, а теперь кричит и умоляет тебя приехать. Поторопись, Бренна.

Не успела она договорить, как девушка, забыв обо всем, сбросила одеяло и потянулась к плащу. И тут Элоиза впервые за несколько недель смогла как следует разглядеть ее. Ошибиться было нельзя — пятимесячную беременность скрыть невозможно.

— Во имя Господа Бога! — задыхнулась Элоиза. — Почему ты не сказала мне, что тоже ждешь ребенка?

Было слишком поздно сожалеть о собственной беспечности, но Бренна тем не менее тяжело вздохнула:

— Поговорим об этом позже. Сейчас важнее всего Корделла. Мой ребенок родится только к зиме.

— Подожди, Бренна, — остановила ее Элоиза, положив ей руку на плечо.

— Это первый ребенок Корделлы. Может, не стоит ехать туда. Лучше не знать, какие муки тебя ожидают.

— Я уже присутствовала при родах, миледи, у себя дома, в деревне, и знаю, что роженица много часов подряд испытывает невыносимые боли. Корделла хочет видеть меня. Мы никогда не были близки, но это самое малое, что я могу сделать для нее.

Страдания Корделлы продолжались всю ночь, бесконечную мучительную ночь. Даже женщины, не отходившие от нее, еле держались на ногах. Элоиза не находила себе места, особенно когда агонизирующие крики, раздававшиеся из жилища слуг, доносились до холла, ужасные нечеловеческие вопли, раздиравшие сердце.

Неужели она сама кричала так же страшно все пять раз, когда рожала? Это объясняет, почему Ансельм был всегда таким бледным и испуганным, когда приходил навестить ее, словно страдал куда больше, чем жена. Однако в самом конце ее терзания облегчало зелье, приготовленное верной рабыней с Дальнего Востока. Если бы только она перед смертью открыла секрет этого зелья, Корделла тоже забыла бы о боли и не боялась появления будущих детей.

Потоки солнечного света заливали вошедшую в холл Бренну. Она выглядела жалкой и несчастной, словно боль сестры передалась ей. Рубашка промокла от пота, прекрасные черные волосы повисли спутанными прядями. Элоиза едва узнала девушку.

— Я и не заметила, что крики прекратились... значит, Корделла... ребенок...

— Все в порядке, миледи, — вздохнула Бренна, рухнув на высокий резной стул Ансельма. Она еле ворочала языком, глаза потухли, смертельно бледное лицо осунулось. — У тебя прекрасный внук, и Корделла мирно спит". Моя тетя и Уда пеленают ребенка.

— Внук! Хьюг будет так счастлив! А муж... просто лопнет от гордости.

— И важнее всего, — с горечью добавила Бренна, — что младенец здоров. Этого малыша не выбросят как старое тряпье. Ему позволят жить.

Элоиза долго молчала и наконец, заикаясь, пробормотала:

— Ты знаешь?

— Знаю. Ты спросила меня вчера, почему я никому не сказала о том, что жду ребенка. Теперь знаешь ответ. Меня никто не заставит остаться здесь и родить дитя в этой земле, где его право на существование зависит от других людей.

— Да, Бренна, это жестокий обычай, но мне самой стало о нем известно лишь недавно. Я потеряла двоих детей при рождении, перед тем как родила пятого, — прерывающимся голосом призналась Элоиза.

— Но они родились мертвыми?

— Мне так сказали. Когда же я все узнала, поверь, не могла заставить себя допытаться у Ансельма. Мое третье дитя выжило, хотя родилось слабеньким, но муж знал, как я хочу ребенка, после того как потеряла двоих. Девочка прожила много лет, но потом все-таки погибла.

— Мне рассказали, миледи. Поверь, я очень сожалею.

— Я хотела умереть, когда погибла моя дочь, — глухо прошептала Элоиза. — Ей не была суждена долгая жизнь. Уж лучше бы я не знала и не видела ее.

— Не правда! — резко вскинулась Бренна. — Только жестокая судьба отняла ее у тебя, но сохранились прекрасные воспоминания! И Тира имела право наслаждаться жизнью, пусть и недолго. Никогда не смирюсь с подобным обычаем! Мое дитя не будет рождено среди язычников!

— Я хорошо знаю своего мужа, Бренна. Он ни за что не отвезет тебя домой, по крайней мере до появления ребенка.

— Но я рожу лишь зимой!

— Значит, придется подождать до следующей весны.

— Нет! — вскрикнула Бренна, вскакивая так поспешно, что перевернула стул. — Он обещал!

— Но ты должна подумать о ребенке! Если на море разыграется шторм, ты можешь потерять его!

— Я думаю лишь о ребенке!

— Бренна, ты сильная женщина. Твой малыш родится здоровым. Нет никаких причин для страха.

— И ты можешь обещать мне это? Дать слово, что Гаррик и близко не подойдет к моему малышу?

— Но по здешним законам отец должен признать ребенка и дать ему имя. Не суди о Гаррике слишком поспешно. Я сумела вырастить его в христианской любви.

— Он — викинг и... и ненавидит меня теперь. И может не захотеть, чтобы мое дитя осталось жить.

— Но это и его ребенок, Бренна. Однако вот что я скажу тебе, — вздохнула Элоиза. — Гаррик

отплывает летом на восток и, поскольку его путешествие задерживается, может не вернуться до следующей весны.

Более твердых заверений Элоиза не смогла дать.

Глава 45

Ансельм и Хьюг вернулись с севера, но Гаррик, не заезжая домой, продолжал путь на восток. Бренна была почти уверена, что он не вернется к зиме. Теперь можно спокойно вынашивать ребенка, не боясь появления Гаррика.

Элоиза была права: Ансельм отказался отвезти Бренну на родину. Он сам приехал сказать ей об этом, взяв с собой Элоизу, чтобы та переводила. Встреча прошла не совсем хорошо, поскольку Бренна была в отчаянии оттого, что придется прожить здесь лишний год. Однако Ансельм был в прекрасном настроении, после того как увидел первого внука и узнал, что скоро на Свет появится второй. Он настаивал, чтобы Бренна вернулась в поселок. Та упрямо отказывалась, оскорбленная подобным предложением.

— Но это ради твоей же пользы, — объясняла Элоиза. — Ты больше не можешь жить одна.

— Могу и буду! — вскричала Бренна. — Ничего не изменилось. Я никогда ни от кого не буду зависеть!

— Пожалуйста, Бренна, подумай хорошенько. Тебе с каждым днем будет все тяжелее передвигаться. Нельзя продолжать жить, как раньше.

— Нет!

— Хоть раз забудь о гордости, девочка. Теперь тебе нужно заботиться не только о себе, но и о младенце!

— Ах, она все так же упряма, — мрачно заметил Ансельм. — И никогда не будет счастлива в этой стране. Если бы только мой тупоголовый сын не был таким безмозглым дураком, ничего бы не пришлось менять!

Элоиза неловко откашлялась:

— Неужели ты не можешь понять, Бренна?

— Я останусь здесь, миледи, и смогу позаботиться о себе. Мой растущий живот не мешает добывать пропитание. Я по-прежнему хорошо попадаю в цель и не собираюсь больше ездить верхом. Но лес близко, и дичи там много. Я не стану рубить дрова, а для костра достаточно и хвороста. Постараюсь ничем не навредить младенцу.

— Мы уверены, что так оно и будет, Бренна, — согласилась Элоиза. — И знаем, как велики твоё мужество и гордость. Но всякое бывает, и случается иногда непредвиденное.

— Я буду очень осторожна.

— Если не хочешь вернуться, — вздохнула Элоиза, — может, согласишься, чтобы кто-нибудь жил с тобой? Твоя тетя велела спросить, не позволишь ли ты ей приехать и остаться с тобой в этом домике? Тогда мы будем меньше волноваться за тебя.

Бренна не сразу ответила. Какое счастье, если тетя снова будет рядом! Есть кому рассказать о новых ощущениях, когда малыш начнет шевелиться и брыкаться в «животе или новое желтое пятно появится на лице... поговорить с тем, кого она любит и кому можно все рассказать.

— Но вы дадите тете свободу?

— Бренна, ты сама не знаешь, чего просишь!

— Дадите?

Элоиза повернулась к мужу:

— Бренна согласится позволить Линнет остаться, только если ты освободишь ее.

— Нет! Никогда!

— Но что сейчас всего важнее? — взорвалась Элоиза, потеряв наконец терпение. — Бренна может умереть здесь в одиночестве, или младенец погибнет. Кто-то должен быть умнее, если девочка никак не хочет признавать разумных доводов!

— Зубы Тора! — выругался Ансельм. — Наша жизнь была такой простой, пока я не привез ее сюда! — Ну?

— Делай как считаешь нужным, госпожа. Лишь бы об этой глупой девчонке было кому позаботиться.

— Линнет придет завтра утром, Бренна, и мы согласны освободить ее. Я пошлю также служанку, помочь справиться с тяжелой работой. Нельзя же, чтобы твоя тетя в таком возрасте рубила дрова или таскала воду.

— Хорошо, миледи, — улыбнулась девушка. — Но я по-прежнему хочу платить за этот дом. Не желаю ни для кого быть бременем.

— Никогда не видела столь упрямой девушки!

Представляю, как ты, на девятом месяце, отправляешься в лес охотиться на кроликов! Позора не оберешься! Какой скандал!

Бренна впервые за время их визита громко рассмеялась:

— Всю свою жизнь я была причиной скандалов и пересудов, госпожа.

Девушка мечтала о том дне, когда все будет кончено и она сможет взять на руки свое дитя. Она так хотела девочку, маленькую дочку, со смолянными волосами и серыми глазами. Только бы малышка ничего не взяла от Гаррика! Жизнь и так достаточно жестока к ней, новые разочарования ни к чему.

К концу лета дни стали короче, хотя Бренне казалось, что время тянется бесконечно. Она сильно отяжелела, но продолжала охотиться, хоть и не так часто, поскольку дважды в неделю находила на пороге свежее мясо или рыбу и, конечно, не могла все это выбросить. На заднем дворе кто-то оставил корову, и теперь Бренна в свободное время помогала Линнет и Илейн — служанке, присланной Элоизой, сбивать масло и делать сыр. Общество женщин пришлось по душе Бренне, но, когда мысли о Гаррике вновь начинали преследовать ее, девушка уходила в

лес, чтобы в одиночестве переживать муки отвергнутой любви.

Именно в один из таких дней она отправилась на охоту, хотя особой необходимости в этом не было. Погруженная в невеселые мысли, Бренна не заметила, как забрела в самую чащу. Наконец очнувшись, девушка огляделась, но не могла сообразить, где находится. Пришлось возвращаться по собственным следам.

Через некоторое время Бренну начало преследовать гнетущее чувство, что кто-то следит за ней. И хотя вокруг стояла тишина и не было ни души, ей стало не по себе. Она ускорила шаги.

И тут девушка увидела всадника, закутанного с головы до ног в плащ, слишком теплый для такой погоды, с надвинутым на лицо капюшоном, так что Бренна не могла понять, кто перед ней. Незнакомец на огромной лошади остановился не более чем в пятидесяти футах от нее. Страх охватил Бренну, ладони мгновенно стали влажными. Зарядив арбалет, она осторожно двинулась вперед, делая вид, что совершенно не встревожена. Отойдя на значительное расстояние, она немного успокоилась, но почти сразу же услышала за спиной конский топот.

Бренна развернулась как раз вовремя, чтобы выскочить из-под копыт летевшего прямо на нее жеребца. Тот промчался, едва не задев ее. Бренна не могла поверить в то, что происходит: незнакомец явно пытается убить ее! Увидев, как тот поворачивает коня, чтобы вновь напасть на нее, Бренна попыталась бежать. Но ноги отказывались нести отяжелевшее тело, опасность неумолимо надвигалась. Бренна подняла арбалет, но оказалось, что драгоценное время потеряно. Она ждала слишком долго, и теперь конь был почти рядом.

Удар в плечо отбросил Бренну на землю, хотя она успела выставить вперед руки. Девушка лежала, тяжело дыша, понимая, что не ранена. Однако, когда Бренна попыталась встать, острая боль пронзила живот, заставив надрывно вскрикнуть. Но тут она услышала злобный смех... смех женщины и постепенно затихавший на расстоянии стук копыт.

Боль вернулась, и жалобный вопль снова вырвался из груди девушки. И когда черные волны небытия уже готовы были поглотить ее, одна последняя мысль билась в голове: ребенок... ее дитя решило появиться на свет... но еще рано... слишком рано...

Бренна приоткрыла глаза и в ярком солнечном свете, струившемся сквозь листву, увидела Гаррика: золотистые волосы длиннее обычного, лицо полузакрыто взлохмаченной бородой. Почему он выглядит таким во сне, ведь наяву у него никогда не было бороды? Гаррик держит ее... нет, несет куда-то. Бренне хотелось побыстрее проститься, потому что даже грезы о Гаррике причиняли слишком много мук. Однако теперь боль стала другой — глухой, тянущей, неотвязной.

— Уходи, Гаррик, — прошептала Бренна. — Ты делаешь мне больно.

— Не шевелись, — ответил он.

Гаррик хотел, чтобы она страдала, и готов являться ей в снах вечно, лишь бы видеть ее терзания... Милосердный Боже, все это наяву!

Бренна вскрикнула, не узнавая собственного голоса. Сон кончился.

— Сначала лихорадка, потом она едва не погибает от голода и холода, и, наконец, это! Сколько раз она может встречаться со смертью и оставаться в живых?

— Неважно. Какая разница? Главное лишь одно — сможет ли она вынести все на этот раз?

Чьи-то тихие голоса, шепот... Голоса тети и Элоизы... Теперь еще один... мужской, низкий, словно доносящийся издалека.

— Где повитуха?

— Что это? — слабо пробормотала Бренна. Подошла Линнет и пригладила ей волосы. Почему она такая бледная? И словно постарела?

— Не трать силы на расспросы, Бренна. Вот, выпей это.

Линнет поднесла к ее губам чашу, и девушка с жадностью выпила, с беспокойством глядя на тетку, чувствуя, как новые волны боли разливаются по телу.

— Вы говорили обо мне? Я умираю?

— Пожалуйста, Бренна, ты должна отдохнуть.

— Я умру?

— Мы молимся о твоём выздоровлении, — вмешалась Элоиза. — Но у тебя идет кровь, Бренна, и...

— И мой ребенок появится на свет слишком скоро, — закончила за нее девушка, сжавшись от страха. — Он будет жить?

— Мы не знаем. Бывали случаи, когда дети рождались недоношенными, только...

— Продолжай.

— Они были слишком маленькими... слишком хилыми.

— Но мое дитя выживет! И даже если будет слабеньким, я сделаю его сильным!

— Конечно, Бренна, конечно, — кивнула Элоиза, чтобы успокоить девушку. — А теперь постарайся отдохнуть.

— Ты мне не веришь! — рассердилась Бренна, пытаясь подняться. — Я обязательно...

Не в силах договорить, девушка упала на постель. Казалось, ее внутренности пилят тупыми ножами.

Бренна закрыла глаза, чтобы хоть как-то справиться с болью, и только теперь поняла, где находится. Когда очередная схватка отпустила ее, Бренна свирепо уставилась на женщин:

— Почему вы принесли меня сюда, в его дом?

Почему?

— Не мы, Бренна.

— Тогда кто же?

— Гаррик нашел тебя в лесу. Отсюда ближе до его дома, чем до твоего.

В эту минуту Уда, женщина, которая помогла ребенку Корделлы появиться на свет, вошла в комнату и начала ощупывать Бренну.

— Нехорошо, — неодобрительно покачала она головой. — Кровотечение не такое уж сильное, но его вообще не должно быть.

Бренна, не обращая на нее внимания, повернула голову.

— Кто нашел меня? — спросила она у Элоизы. — Видел ли Гаррик женщину, которая пыталась убить меня? Я знаю, это была женщина. Я слышала ее смех.

— Кто-то пытался убить тебя?

— Женщина, на большом вороном жеребце. Она сбила меня на землю.

— Никто не может желать тебе зла, Бренна. Она, конечно, привиделась тебе. Это все отболи. Почудилось в бреду.

— Но схватки начались только после того, как я упала!

— Гаррик не сказал, что видел кого-то, кроме тебя, — удивилась Элоиза.

Бренна побледнела, вспомнив странный сон, в котором Гаррик нес ее на руках:

— Гаррик вернулся?

— Да, неделю назад.

Прежние страхи овладели ею с новой силой:

— Вы должны увезти меня домой. Я не хочу рожать здесь свое дитя.

— Тебя нельзя трогать, Бренна.

— Тогда вы должны поклясться, что не подпустите его к моему ребенку! — вскрикнула Бренна.

— Прекрати этот вздор! — резко оборвала Элоиза. — Гаррик так же хочет, чтобы малыш жил, как и ты.

— Ты лжешь!

Но тут оглушительная боль, куда сильнее прежней, вновь скрутила ее, и уже не осталось времени молить: пробивающийся к свету ребенок потребовал всей ее энергии, и снова Бренна почувствовала желание тужиться изо всех сил.

Гаррик стоял в дверях комнаты, ощущая себя более беспомощным, чем когда-либо в жизни. Он слышал все, что говорила Бренна, и ее слова впивались в него острым стальным клинком. Однако разве можно осуждать девушку за то, что она считает его слишком жестоким? Разве он когда-нибудь относился к ней иначе?

Мучительный вопль Бренны потряс Гаррика до глубины души. Подумать только, он хотел оказаться как можно дальше от нее, отправиться на Дальний Восток и никогда больше не видеть, но успел лишь добраться до Берки, как какая-то странная сила властно потянула его назад. Гаррик думал, что Бренна уже возвратилась на родину, и приехал домой только, чтобы

объявить отцу о своем решении — вернуть Бренну. Жизнь без нее для него невозможна, несмотря на ненависть, которую она питает к нему.

Но мать сказала, что Бренна все еще здесь, и, узнав причину, был потрясен. Хотя он не мог сразу же отправиться к Бренне, боясь расстроить ее, однако каждый день старался оказаться поблизости от маленького домика, надеясь увидеть любимую. И сегодня, слыша ее крики, увидев, что она без сознания, Гаррик совершенно потерял голову от страха.

— Мальчик! — воскликнула Уда, поднимая новорожденного за ножки.

Гаррик благоговейно смотрел на крошечное тельце. Уда встряхнула ребенка, покачала головой и снова встряхнула. Гаррик затаил дыхание, ожидая, что мальчик пошевелится или закричит.

— Беда, — покачала головой Повитуха. — Дитя неживое.

— Нет! — завопил Гаррик, врываясь в комнату, и, взяв сына огромными ладонями, беспомощно уставился на Уду. — Он не должен умереть! Бренна скажет, что я убил его!

— Младенец не дышит. Такое бывает со многими детьми. Ничего нельзя поделать.

Гаррик взглянул на неподвижного малыша:

— Ты будешь жить! И дышать! Рядом появилась плачущая Элоиза:

— Гаррик, пожалуйста! Ты только терзаешь себя!

Но он уже не слышал. Сердце раздирала невероятная мука от сознания того, что этот живительный воздух, который наполнял его грудь, не проникает в горлышко сына. И, склонившись к крошечному тельцу, сам того не сознавая, начал вдвухать воздух в посиневшие губы.

— Ай-й-й! — завопила Уда. — Что он делает?! — Повитуха с громким воплем выбежала из комнаты. — Он рехнулся! Сошел с ума! Но отчаянные попытки Гаррика вдохнуть жизнь в сына не удались. Однако времени на размышление не оставалось, и он снова попробовал сделать то же самое, накрыв губами рот и нос малыша, так, чтобы воздух проходил только в его глотку. На этот раз крошечная грудка поднялась, ручки шевельнулись, и новорожденный, задышав самостоятельно, издал такой громкий крик, что было слышно во всех уголках дома.

— Слава Господу за чудо! — воскликнула Линнет, опускаясь на колени, чтобы принести благодарственные молитвы.

— Это и вправду настоящее чудо, Гаррик! — тихо сказала Элоиза. — Только чудо сотворил ты сам. Именно ты дал жизнь сыну.

Гаррик передал матери вопящего младенца. Чудо или нет, но потрясение было слишком велико, чтобы у него остались силы говорить. Гаррик ощущал такую невероятную гордость, словно совершил величайший подвиг жизни.

— Нет нужды спрашивать, принимаешь ли ты сына, — сказала Элоиза, заворачивая младенца в одеяло и кладя у ног Гаррика, как полагалось по ритуалу.

Гаррик наклонился и, положив дитя на колени, брызнул на него водой из чаши, принесенной Элоизой, как когда-то сделал отец с его сестрой, а до того с ним самим и Хьюгом.

— Дитя это отныне будет носить имя Селиг, Благословенный.

— Хорошее имя, поскольку Господь действительно благословил его, — гордо кивнула Элоиза и снова подняла ребенка. — Теперь иди вниз и скажи отцу, что у него появился еще один внук. Он будет вне себя от счастья.

Но Гаррик, покачив головой, медленно подошел к постели Бренны. Глаза ее были закрыты. Он вопросительно поглядел на Линнет.

— Она потеряла сознание, когда родился младенец, — пояснила Линнет, вытирая пот со лба Бренны. — И не знает, как ты боролся за жизнь сына, но я все расскажу.

Но поверит ли Бренна?

— Я знаю, что она потеряла много крови. Выживет ли? — спросил он.

— Кровотечение прекратилось. Конечно, она очень слаба, как и новорожденный. Остается только молиться, чтобы к ним побыстрее вернулись силы.

— Не волнуйся, Гаррик, — успокоила Элоиза. Она обмывала громко протестующего Селига теплой водой. — Все, что ты сегодня сделал, не пропадет даром. И мать и ребенок будут жить.

Глава 46

В течение первой недели после рождения ребенка Бренна каждый раз просыпалась в страхе и никак не могла отрешиться от дурных предчувствий, пока наконец не убедилась, что малыш здоров. Тетка рассказала какую-то невероятную историю о том, как Гаррик спас жизнь ее сыну, но она не могла заставить себя поверить этому. Будь все правдой, испытывай Гаррик хоть какие-то чувства к сыну, уж наверное, пришел бы посмотреть на него. Но он ни разу не появился.

Бренна поправлялась очень медленно, зато Селиг быстро набирал вес. Для нее было огромным разочарованием сознавать, что не она вернула сыну цветущее здоровье. Бренна так хотела дать малышу все, что ему необходимо, но по какой-то причине: то ли из-за преждевременных родов, то ли потому, что в первые месяцы беременности ей пришлось перенести много бед, — через две недели молоко у нее пропало.

Девушка винила себя и не могла успокоиться, когда Элоиза настояла на том, чтобы привести кормилицу, женщину, потерявшую недавно ребенка, но вскоре поняла, что другого выхода нет. Кормилица только несколько раз в день брала ребенка, чтобы кормить его грудью, все же остальное время Бренна занималась им сама.

Она отдавала ему столько сил и энергии, что тетка даже ругала ее за это. Бренна очень боялась, что кто-то попытается отнять у нее малыша. Но, к счастью, это состояние длилось недолго, и Бренна поняла, что следует прислушиваться к советам старших. Она стала спокойнее чувствовать себя в присутствии сына и осознала, что не стоит мучить его слишком требовательной любовью. Бренна радовалась тому, что сама может заботиться о своем малыше: купать его, пеленать и одевать. И когда Селиг впервые улыбнулся ей, она почувствовала, он знает, что она его любит.

Наконец Бренна решила, что настало время вернуться домой, она и так пробыла у Гаррика слишком долго, почти три месяца. Может, потому, что за все это время ни разу не видела его.

Бренна не знала, где он спит и обедает, но не могла заставить себя спросить о нем, даже Джейни и Модью.

Ее старые подруги ворковали над Селигом каждый раз, когда приносили Бренне обед, и много раз говорили ей о том, как улучшилась их жизнь, с тех пор как родился малыш. Бренна не спрашивала их, с чем это связано, решив лишь, что с Гарриком. Очевидно, он ушел жить куда-то, скорее всего к Морне, поскольку Бренна пребывает в его доме и он не хотел ее видеть.

Когда она сказала тете, что настало время вернуться домой, та не возразила.

— Ты ведь будешь жить со мной? — с надеждой спросила Бренна.

— Пока, да. Но потом снова уйду к Ансельму.

— Ты ведь теперь свободная женщина, — запротестовала Бренна. — Зачем тебе жить с чужими?

— У меня там много друзей.

— И ты скучаешь по Элоизе? — вздохнула Бренна.

— Да.

— И отцу Гаррика?

— Мне не стыдно делить с ним постель, пусть и нечасто! — вскинулась Линнет.

— Я не судья тебе, тетя. Если ты этого хочешь, как я могу запрещать?

— Конечно, Ансельм по-настоящему любит лишь Элоизу, но и ко мне равнодушен. Кроме того, я тоже хорошо отношусь к Элоизе. Она истинный и верный друг. Странные у нас отношения. — Линнет засмеялась. — Однако я счастлива и довольна.

— Ты могла бы жить и лучше.

— Нет, Бренна, мне хорошо. Я знаю, что ты ненавидишь Ансельма, но...

— Нет, во мне не осталось ненависти, — перебила Бренна. — Когда Ансельм впервые взял на руки моего сына, я вспомнила, как он напал на наше поместье и какая ярость горела в его глазах. Однако стоило ему прижать к груди внука, лицо его озарилось такой любовью и нежностью. Он многое сделал для меня, и я благодарна ему за это. Правда, не знаю, смогу ли до конца простить его за содеянное зло, но ненависть никогда больше не встанет между нами.

— Я рада, — улыбнулась Линнет. — Думаю, ты наконец стала взрослой, Бренна.

Бренна вернулась к себе за день до первого зимнего бурана. Пробираясь через сугробы в поисках дичи, она чувствовала, что в самом деле привыкла к этой стране и ее суровому климату.

Шло время, однако Гаррик так и не приходил повидать сына. После празднования зимнего солнцестояния Линнет вернулась в дом Ансельма. Бренна скучала по тетке, но на этот раз не оставалась в одиночестве. Лила, кормилица Селига заменила Илейн и теперь жила вместе с Бренной. Корделла часто приезжала навестить сестру и привозила маленького Этола.

Бренна возвратилась с охоты раньше обычного, поскольку израсходовала все стрелы: долго не могла попасть в какого-то жалкого кролика. Увидев во дворе лошадь Гаррика, она застыла. Смешанные чувства боролись в душе, однако победил гнев. Как посмел он явиться сюда через семь месяцев после рождения сына?!

Бренна быстро вошла в дом и остановилась как вкопанная при виде открывшегося глазам зрелища:

Селиг сидел на коленях у отца, возле очага, и, громко смеясь, играл с застежками на плаще Гаррика. Гаррик удивился ее появлению, но Бренна ничего не замечала — она видела лишь счастливого, радостного сына и не смогла больше сдержать ярость, зная, что Селиг был лишен отцовской любви из-за ненависти к ней Гаррика.

— Тебе нравится имя, которое я дал ему? — неловко пробормотал Гаррик.

— Я приняла его, поскольку это единственное, что Селиг получил и получит от отца.

Гаррик осторожно опустил малыша на пол, и родители молча наблюдали, как он медленно ползет по соломенным подстилкам к игрушке, валявшейся под столом. Наконец малыш ухватил ее крошечными пальчиками, не сознавая, какое напряжение воцарилось в комнате.

Глаза молодых людей встретились, впервые за долгое время.

— Жаль, что ты застала меня здесь, Бренна. Больше этого не случится.

— Почему ты приехал?

— Посмотреть на сына.

— После стольких месяцев?

— Неужели ты действительно считаешь, что до этого дня я не видел его? Я бывал здесь не меньше раза в неделю, с тех пор как ты вернулась, стоило тебе отправиться на охоту. А пока ты жила в моем доме, я приходил к нему каждый день.

— Что?!

— Как только Селига накормят, я брал его на руки, прежде чем вновь отдать Лиле.

В глазах Бренны сверкнуло бешенство.

— И все скрывали это от меня?!

— Ты считала, что я могу причинить зло малышу, поэтому я старался видаться с ним втайне. Не хотел тебя расстраивать.

— Почему ты не сказала, что отец Селига приходит сюда?! — Бренна повернулась к кормилице, скорчившейся в углу и явно напуганной непонятными криками.

— Но у него есть на это право, госпожа. Хозяин не должен был скрывать любовь к мальчику.

Не успев задать вопрос, Бренна смертельно побледнела. Ответа она уже не слышала. Тщательно скрываемый секрет, что Бренна знает норвежский, был известен только Лиле, поскольку им приходилось как-то объясняться. Теперь же, из-за ее неразумного гнева, Гаррик

все узнал.

— Я пойду, Бренна.

Она испуганно взглянула на него. Гаррик собирается оставить без внимания роковой промах, но ей необходимо все выяснить!

— Ты слышал, как я говорила на твоём языке! Почему не обвинишь меня в том, что я скрыла это от тебя?!

Гаррик пожал плечами:

— Ты достаточно долго пробыла в этой стране, чтобы понимать наш язык, Бренна.

Сегодня его почему-то никак нельзя было вывести из себя, и Бренна не могла больше выдержать этого:

— Меня обучили вашему языку еще до того, как привезли сюда. Знание оказалось моим тайным оружием против тебя, Гаррик, единственным, которого ты не смог отнять, хотя я им так и не воспользовалась.

— Знаю.

— Знаешь?! — От неожиданности Бренна широко раскрыла глаза.

— Твоя тетя рассказала мне давным-давно. Я хотел получше понять тебя, и она поведала многое из того, что пригодилось потом. Кроме того, когда ты болела, то в бреду говорила на обоих языках.

— Но почему никак и никогда не показал, что тебе все известно?

— Хотел, чтобы ты сама призналась, — не повышая голоса, ответил Гаррик. — И, как видишь, так и случилось.

— Только теперь это не имеет значения.

— Имеет.

Бренна была потрясена неожиданной нежностью этого всегда резковатого голоса. Гаррик шагнул вперед и оказался прямо перед ней. Взгляды их снова встретились, и в его глазах не было ни гнева, ни ненависти... Его руки обвили вокруг нее, притягивая все ближе... и сердце Бренны на мгновение замерло, словно перестало биться. Горячие губы прижались к ее губам, и обоих охватило жгучее желание. Все эти бесконечные месяцы разлуки Бренна старалась не думать о Гаррике, хотя вот уже почти год, как между ними выросла стена обид, непонимания и недоверия. Однако, Бренна так сильно хотела его, хоть и притворялась перед собой и другими, что совершенно равнодушна.?

Гаррик продолжал прижимать ее к себе, не осмеливаясь пойти дальше из-за того, что Лила с нескрываемым любопытством глазела на них. Бренна хотела, чтобы это мгновение продолжалось вечно, но какой-то неотвязный дьявол в мозгу не давал забыть прошлое. Происходящее казалось сном, коротким сном...

Бренна уставилась на Гаррика затуманенными серыми глазами, пытаясь понять, откуда такая перемена.

— Что все это значит?

— Весна не за горами, Бренна. Отец дал слово, что отвезет тебя домой. — Он поколебался, пытаясь подавить свою неуместную в этот момент гордость. — Но я не хочу, чтобы ты уезжала.

— Тогда чего же ты хочешь? — Слабый огонек надежды загорелся в душе Бренны.

— Будь моей женой. Давай забудем прошлое и начнем все сначала.

Слова Гаррика звучали сладкой музыкой. Стать его женой... разве не этого она так страстно добивалась раньше... и даже уже готова была отказаться от своей мечты, так как Гаррик и слышать не желал об этом. Что произошло? Почему он так изменился?!

— Я нужна тебе, Гаррик, или ты предлагаешь мне это, зная, что я увезу с собой Селига?

— Я люблю сына и не стану этого отрицать.

— А меня?

— Я не стал бы просить тебя стать моей женой только из-за того, чтобы быть рядом с сыном. И хочу тебя, как никакую другую женщину на земле. — Он чуть крепче сжал ее руки. — Тысячу раз я пожалел о поспешном решении расстаться с тобой. Без тебя жизнь моя превратилась в кошмар.

— Ты любишь меня?

— Как ты можешь сомневаться... после того, что я сказал?

Радость и счастье Бренны не знали границ. Он любит ее и верит!

— Значит, ты наконец понял, что я говорю правду и что не пыталась убежать от тебя второй раз?

— Я готов забыть прошлое.

— Готов забыть?! Значит, все еще не веришь мне? — возмутилась Бренна.

— Ты клялась, что убила Седрика Боргсена, однако он жив, Бренна.

— Не может быть!

— Я сам его видел.

— Но... но он упал на мой кинжал, тот самый, что ты подарил мне. И не шевелился! Как он мог выжить после такого?

— Брось притворяться, Бренна! — резко оборвал Гаррик. — Я уже сказал, что согласен похоронить прошлое!

— Но ты не веришь мне! — вскричала она.

— Я знаю, почему ты ушла, Бренна, почему нарушила клятву. Тогда, в последний раз, я принудил тебя, взял силой, и такого простить нельзя. Я сорвал свой гнев на тебе и кругом виноват. Поэтому ты и скрылась, а потом вернулась, но не пожелала рассказать правду. Однако

все это больше не имеет значения. Я люблю тебя достаточно сильно, чтобы простить.

— Но недостаточно, чтобы доверять? Гаррик отвернулся, одним лишь этим красноречивым жестом давая ответ. Селиг неожиданно заплакал, и Лиля поспешила к нему. Бренна мрачно взглянула на сына, вновь с острой тоской сознавая, что тот никогда не будет знать отца. Надежда, только что так ярко загоревшаяся, теперь безжалостно потушена.

Но ничего не могло сравниться с тем чувством горькой утраты, когда она подняла голову и встретилась с горящим, исполненным желанием взглядом Гаррика. Несмотря на жестокие слова, он готов был на все, чтобы вернуть ее. Но как он мог? Неужели считал, что эта пропасть между ними ничего не значит?

— Уходи, Гаррик, — устало, без всякого выражения выдохнула Бренна, не пряча боли. — Я не могу стать твоей женой, зная, что ты никогда не удостоишь меня своим доверием.

— Может, со временем...

— Нет, это всегда будет стоять между нами. Как бы я хотела, чтобы все было иначе, потому что вечно буду любить тебя.

— Но, Бренна, прошу, хотя бы останься здесь. Не увози Селига так далеко от меня.

Бренна задохнулась, не в силах вымолвить ни слова. Господи, как тяжело и страшно видеть его страдания!

— Ты считаешь меня бессердечной, но я просто не выдержу от сознания, что ты близко, Гаррик. Быть рядом, любить тебя и знать, что нет никакой надежды соединиться... это слишком мучительно.

— У тебя еще есть время передумать, Бренна, и прийти ко мне.

Гаррик почти выбежал из комнаты, оставив Бренну рыдать на груди Лилы. Но слезы не помогли. Только время и огромное расстояние между ними когда-нибудь, может быть, приглушат боль потери.

Глава 47

Весна наступила быстро, и Бренне сообщили, что можно готовиться к отплытию. Уже через две недели она навсегда покинет эту землю. Однако эта новость почему-то не обрадовала Бренну. С каждым днем на сердце становилось все тяжелее, хотя она и была уверена, что приняла правильное решение. Невозможно оставаться рядом с Гарриком и не быть с ним, но именно этого она и не должна делать, пока он не доверится ей. Если бы только она могла смириться с таким положением вещей! Но тогда любовь рано или поздно умрет.

Больше всего Бренна горевала, глядя на сына. Малыш не признавал, как страдают его родители. Она лишает его отца и деда с бабкой! Разве это не жестоко?

.Бренна даже подумала было оставить Селига здесь, но тут же упрямо покачала головой. В сыне вся ее жизнь!

Бренна так и не смогла забыть свои страхи, терзавшие ее до рождения ребенка. И хоть и понимала, как беспочвенны теперь все ее опасения, продолжала тревожиться за малыша.

Правда, из хилого, недоношенного младенца он давно превратился в румяного крепыша, и ничто на свете не могло причинить вред, если не считать решения матери уехать и разлучить его с родными... Хорошо еще, что Селиг слишком мал и не сможет впоследствии вспомнить о своей жизни в Норвегии.

Бренна так горячо молила Бога о маленькой девочке с черными волосами, чтобы не иметь перед глазами живого напоминания о Гаррике! Селиг действительно родился черноволосым, а на живом красивом личике выделялись два бездонно-серых озерца, однако во всем остальном мальчик как две капли воды походил на отца. Глядя на этого родного человечка, она постоянно видела Гаррика и понимала, что, даже если бы Селит не появился на свет, ничто не могло заставить ее забыть любимого.

Лила, к удивлению Бренны, согласилась отправиться с ней, поскольку здесь у нее не было никого из родных — муж погиб еще до смерти новорожденного младенца. Кормилица объявила, что для нее нет в жизни никого дороже Селига и расстаться с ним выше ее сил. Бренна была искренне рада, она и сама успела привязаться к добродушной норвежке.

И вот настал последний день. Завтра утром Бренна поплывет на родину. Лила ушла, чтобы попрощаться с друзьями, а Бренна собралась отнести Селига повидаться с отцом в последний раз. Ее свидание с Гарриком тоже будет последним, и от сознания близкой разлуки сердце нестерпимо ныло.

. — Будь хорошим мальчиком, родной, — проворковала она, подхватывая Селига. — Твой отец не знает, что мы придем, но уверена, будет очень рад. — Она вздохнула, заметив испытующий взгляд малыша. — Благодарение Богу, ты не понимаешь. Для тебя путешествие по морю — всего лишь приключение, а для меня... — Она осеклась. Слезы душили ее, но, несмотря на нестерпимую боль утраты, Бренна по-прежнему была уверена, что поступает правильно.

Она взяла Селига и направилась к выходу, но дверь внезапно отворилась. На пороге стоял Гаррик. Грусть и подавленность отражались на его лице. Он явно испытывал неловкость. Бренна с сожалением вздохнула. Уж лучше бы к нему вернулись былая настойчивость и уверенность в себе... Как бы она хотела видеть прежнего Гаррика, такого, который сжал бы ее в объятиях, заглушил протесты поцелуями. Но теперь между ними стена, и прошлого не вернешь... И все-таки, может, она не должна винить Гаррика за то, что он ей не верит. После того, как он сказал, что видел Седрика живым, Бренна и сама начала сомневаться.

— Я должна была предупредить тебя Гаррик, что принесу Селига, чтобы ты мог провести с ним весь день.

— Отпусти мальчика, Бренна. Как странно звучит его голос! Неужели опять злитесь?

Бренна отнесла Селига в угол и дала игрушку.

— Можешь остаться с ним здесь, если хочешь, — смущенно пробормотала она. — Лила придет только к вечеру, а я хочу сходить попрощаться с Эрином и слугами, так что, если пожелаешь, побудь с сыном наедине.

Гаррик ничего не ответил. Бренна вдруг заметила, что он вооружен до зубов — никогда она еще не видела такого количества оружия за его поясом, а с руки почему-то свисала веревка.

— Зачем ты пришел, Гаррик? Похоже, ты приготовился к битве. — Она неожиданно почувствовала, как ледяной холод пронизывает тело до костей. — Собираешься покончить со мной? Если любишь Селига настолько, что готов убить меня ради того, чтобы получить сына,

тогда сделай это и поскорее, потому что я тоже не могу без него жить.

Гаррик покачал головой, явно пораженный столь смехотворным заявлением:

— Как бы я ни любил и ни хотел видеть рядом с собой Селига, я ни за что не смог бы убить его мать, Бренна.

— Тогда почему...

— Я сумел бы удержать тебя силой, и много раз думал об этом. Когда в прошлом году я отправился на восток, желая лишь быть подальше от тебя, то вскоре понял, как ошибался. Единственное, что мне нужно, — оставаться рядом с тобой до конца своих дней. Но лето было уже на исходе, и я решил, что отец давно увез тебя на родину. Поскольку именно он дал тебе свободу, то имел право знать, что я собираюсь вновь сделать тебя пленницей, и приехал сюда, чтобы сказать отцу, что отправляюсь к кельтам привезти тебя назад, в свой дом, навсегда, захочешь ты этого или нет.

— И... именно это ты намереваешься сделать сейчас?

Гаррик покачал головой.

— Ты слишком ценишь свою свободу... и я знаю это. Но есть и другое решение.

— С радостью выслушаю тебя, хотя не вижу выхода.

— Мы должны наконец все выяснить. Правда — вот что нам необходимо. Бренна, я молюсь всем сердцем о счастье получить доказательства того, что я зря не доверял тебе. Если ты действительно лгала, мы сейчас все узнаем, и тогда остается лишь надеяться, что ты никогда больше не скажешь мне не правду.

— Не понимаю, Гаррик. Ты не хотел верить мне раньше, а теперь у меня тем более нет доказательств.

— С этого дня я буду свято верить тебе, Бренна, никогда не усомнюсь в твоих словах, потому что люблю тебя, — серьезно, чуть мрачновато ответил Гаррик. — Но я все же должен узнать истину.

Он потянул за веревку, которую все еще держал в руках. Даже в своем смятенном состоянии Бренна возмутилась: неужели он посмел привести лошадь в ее дом?! Но в дверях показался не могучий жеребец, а связанный Седрик Боргсен, по лицу которого струилась кровь из длинного пореза на лбу. Бренна побелела как мел, словно при виде восставшего из могилы мертвеца. Седрик тоже побледнел, но быстро пришел в себя и надменно усмехнулся.

— Зачем ты притащил меня сюда, Хаардрад? — презрительно бросил он. — Тебе следует знать, что такое насилие не останется безнаказанным!

— Какое именно насилие, Седрик?

— Ты слишком долго ждал, чтобы свести старые счеты! — засмеялся Седрик, но веселье тут же испарилось, и нескрываемая ненависть зазвучала в словах. — Прошлое давно умерло! Твой брат убил моего, и наши отцы посчитали, что этого достаточно! Теперь ты снова жаждешь крови!

— Прошлое не имеет ничего общего с твоим пребыванием здесь. Ты должен ответить за новое преступление!

— Неужели?

— Ты знаешь эту женщину? — Гаррик подошел ближе и показал на Бренну.

Седрик с деланным недоумением уставился на Бренну, словно видел ее впервые, и расплылся в улыбке:

— Хорошенькая девчонка, раньше я ее не встречал. Бренна почувствовала, как все внутри сжалось, словно от удара, и подняла глаза на Гаррика, пристально наблюдавшего за ними обоими. Разочарование его было очевидным. Нет! Этого просто не может быть!

— Он лжет, Гаррик! — отчаянно воскликнула Бренна на норвежском, так, чтобы понял Седрик. В голосе девушки звучали боль и смятение. — Клянусь тебе, он лжет!

— Это уже не имеет значения, Бренна.

— Не правда! Имеет!

— Скажи ему правду! — повернувшись к Седрику, умоляюще попросила Бренна. — Поведай, как вы похитили меня!

— Эта девка безумна. — Седрик пожал плечами, разыгрывая недоумение. — Что за бред она несет!

— Лжец! — взорвалась Бренна, трепеща от безумной ярости. — Я думала, что прикончила тебя! Нужно было убедиться в этом, прежде чем бежать!

Она выхватила из ножен всегда висевший на бедре клинок:

— Но на этот раз я не промахнусь!

Гаррик выбил кинжал из руки Бренны прежде, чем она сделала шаг к Седрику.

— Он, связан и беззащитен, Бренна. Мы не убиваем безоружных людей.

Гнев и обида Бренны были так велики, что она пронзительно закричала. Подумать только, после всего, что ей пришлось пережить, после всех испытаний Гаррик предпочел поверить Седрику! И она ничего не может поделать! Но тут впереди неожиданно забрезжил крохотный огонек озарения, и надежда засияла в ее глазах.

— Мой клинок пронзил его грудь, Гаррик, — поспешно сказала она, — и хотя он не умер от раны, все равно должен был остаться шрам — доказательство, которое ты ищешь.

Гаррик подошел к широко ухмылявшемуся Седрику.

— У меня много шрамов! — уверенно заявил он. — Какой тебе хочется увидеть?

Но Гаррик тем не менее одним рывком разодрал тунику Седрика. Действительно, его торс был покрыт следами заживших ран. Опустив плечи и устало сторбившись, Гаррик подтолкнул врага к двери.

— Сейчас отведу тебя туда, где нашел.

— Не думай только, что это оскорбление пройдет тебе даром! — прорычал Седрик. — Из-за бредней какой-то полоумной ты напал на меня и притащил сюда, чтобы унизить!

Гаррик пожал плечами, слишком опустошенный, чтобы обращать внимание на угрозы. Он так надеялся на эту встречу, отказывался верить доводам здравого смысла и молил Бога о том, чтобы рассказ Бренны оказался правдой. Теперь же...

— Хочешь вызвать меня на поединок, Седрик?

— Ну уж нет, не такой я дурак! Зато будь уверен, мой отец обо всем узнает!

— Надеюсь, что так оно и будет!

— Гаррик, подожди! — окликнула Бренна, все еще не в силах поверить, что Гаррик так легко сдался. Он больше никогда и ни в чем не поверит ей, и, даже если она поклянется, это уже не будет иметь значения:

— Бренна, нет смысла продолжать!

— У него есть еще один шрам, непохожий на остальные, Гаррик! Длинный и извилистый, спереди, на бедре! Я видела, когда он пытался взять меня силой!

И не успела она договорить, как с ужасом увидела, что с лица Гаррика сползает краска. Седрик тоже побелел, но Бренна заметила это слишком поздно. Впавший в панику Боргсен сообразил однако, что нужно действовать, не теряя времени, и, подняв связанные, сжатые в кулаки руки, словно молотом ударил Гаррика сзади по голове. Тот покачнулся и упал, ударившись лицом о стол, а потом медленно сполз на пол и больше не шевелился.

Бренна не веря глазам смотрела на ужасную сцену — словно все повторялось вновь, как в тот день, в лесу, когда на Гаррика напал медведь. И теперь он лежал без сознания или мертвый, а зверь, по-прежнему живой, все еще грозный, оставался на свободе. Бренна огляделась в поисках кинжала, но было слишком поздно — Седрик завладел им и пытался перерезать веревки. Бренна подбежала к нему, но тот одним движением руки оттолкнул ее. Она не удержалась на ногах и упала, но тут же вскочила и кинулась к стене, на которой висел арбалет. И опять опоздала. Седрик, успев освободиться, схватил ее и ударом по лицу вновь сбил с ног.

— Хочу, чтобы ты знала, чего ждать, девчонка, — прошипел он. — Из-за тебя я едва не умер и наверняка сошел бы в могилу, не подоспей вовремя Арно и не перевяжи мне рану. Тогда я не мог последовать в "погоню за тобой, но хотел сделать это, когда поправился. Только какой-то раб сказал, что ты не вернулась и все считают тебя мертвой. Вижу, он солгал.

— Нет, — прошептала Бренна, — просто я обогнула фьорд, а это заняло много недель.

— Неудивительно, что Хаардрад не поверил тебе! — рассмеялся Седрик. — Если ты смогла вынести такое, значит, выдержишь и то, что я приготовил для тебя. Долго же тебе придется терпеть!

— Не будь глупцом! — пролепетала Бренна, холодея. — Гаррик хотел всего лишь узнать правду и только поэтому привез тебя сюда.

— И что же? Все шло хорошо, пока тебя не угораздило сказать о шраме! Когда-то в юности Гаррик ранил меня, и только я и он знали об этой отметине! Это было случайностью, глупой дракой, но ни он, ни я не забыли об этом.

Седрик с отвращением взглянул на поверженного соперника, и Бренна затаила дыхание.

— Если ты уйдешь сейчас, с распрями будет покончено. Обещаю, что Гаррик никогда больше не станет преследовать тебя.

— Да, думаю, ты способна на это. Твоя красота — большая сила. Но тебя уже здесь не будет, так что ты ничего не сможешь сделать. Пойдешь со мной, и все тут.

Седрик шагнул к Гаррику, вытаскивая из-за пояса клинок Бренны. Девушка, охнув, вскочила и, схватив Седрика за руку, повернула лицом к себе.

— Ты не можешь сделать этого! Он спас тебя от моего гнева! Спас!!

— Он должен умереть, как, впрочем, и ты. Но сначала тебе придется пройти через муки христианского ада. Твоя судьба решилась, когда ты пыталась расправиться со мной.

— Если ты поднимешь на него руку — умрешь сам, если не от моего кинжала — потому что я не оставлю надежды когда-нибудь расправиться с тобой, — значит, отомстят его брат или отец. Они не дураки и, если узнают, что Гаррик погиб, а я исчезла, сразу поймут, кто это сделал.

— Нет, девушка, они обвинят тебя, — засмеялся он.

— Я ни за что не могла бы убить отца моего сына, человека, которого люблю всем сердцем!

Сообразив, что она говорит правду, Седрик поколебался. Наконец он заметил Селига, сосредоточенно игравшего в углу деревянными игрушками и, к счастью, не потревоженного происходящим.

— Если ты так уж хочешь отомстить мне, увези туда, где Гаррик не сможет нас найти. Только ради себя же сохрани ему жизнь, — умоляюще прошептала Бренна.

Несколько мгновений он нерешительно смотрел на нее, затем кивнув, взял девушку за руку и потащил за собой. Бренна едва сдерживалась, чтобы не попросить Седрика позволить взять сына, но понимала, что не может подвергать опасности его жизнь. Правда, Селиг остался без присмотра, пока Гаррик не очнется, и, конечно, может натворить немало бед, но серьезной опасности не подвергнется. Гаррик позаботится о сыне.

Они сели на лошадей, на которых приехали сюда Гаррик и Седрик, и направились к дому Гаррика. Теперь, когда Бренна больше не волновалась за любимого, наступило время бояться за собственную участь. Однако она убеждала себя, что однажды уже смогла скрыться от этого человека и сделает это опять!

Они проехали совсем немного, когда из-за деревьев появился еще один всадник, женщина. К удивлению Бренны, Седрик натянул поводья.

Увидев Седрика и Бренну вдвоем, Ярмила встревожилась. Этот неотесанный болван слишком долго медлил, чтобы исполнить поручение, за которое ему было заплачено давным-давно. Зачем ему понадобилось явиться сейчас, когда Бренна собирается уехать, да еще взять с собой сына?!

Она так много раз пыталась разделаться с кельтской девкой, вставшей на пути к достижению цели. Когда Бренна тяжело заболела, Ярмила поила ее зельями, вызывавшими неудержимую рвоту. И была уверена, что, если оставить балконную дверь открытой, Бренна не доживет до утра. Однако девчонка выкарабкалась.

Плохо, конечно, что не сам Гаррик заболел и Ярмиллу не позвали ухаживать за ним. Тогда уж не пришлось бы беспокоиться о его будущих любовницах и ублюдках, которых он может зачать. Ярмила была убеждена, что ребенок Бренны родится мертвым после падения девушки в лесу. И снова ее заветная мечта не осуществилась.

Ярмилле снова придется искать способ разделаться с Гарриком и Хьюгом. А потом, очень осторожно, не спеша — и с их сыновьями. Но, по крайней мере, если Седрик наконец увезет Бренну, та не сможет больше родить Гаррику детей.

Бренна с облегчением вздохнула при виде Ярмиллы, но надежды быстро развеялись, когда та подъехала ближе, и Бренна узнала вороного коня — того самого, который сбил ее в тот страшный день.

— Помнишь меня, Боргсен? Я Эдозинда.

— А я думал, ты моложе, госпожа, — усмехнулся Седрик.

— Долго же ты медлил, чтобы закончить то дельце, за которое я уже заплатила, и золотом! — рассерженно бросила Ярмила, не обращая внимание на ехидное замечание.

— Просто считал ее мертвой, пока Гаррик не притащил меня сюда для допроса. Больше она не вернется, госпожа.

— Гаррик привез тебя сюда?! Где он? — возбужденно вскинулась Ярмила. — Ты прикончил его?

— Нет, оставил в живых. Но, госпожа, у меня нет времени для разговора с тобой. Он скоро придет в себя.

— Не беспокойся, Боргсен! — засмеялась Ярмила — Я позабочусь о нем и о его сыне. Он не последует за тобой!

— Нет, госпожа, не стоит, во всем обвинят меня!

— Глупец! — разъяренно завопила женщина. — Ее! А не тебя! Все можно свалить на нее! Каждый здесь прекрасно знает, как она ненавидит Хаардрада и его сына. Ансельм намеревался завтра увезти девчонку подальше от своей семьи, пока она не расправилась с ними!

— Она лжет, Седрик! — воскликнула Бренна. — Ее зовут Ярмила! Ансельм — отец ее незаконного сына!

— Да, и я ненавижу их всех, ничуть не меньше.

Но мой сын, именно он, станет наследником старика Ансельма!

— Хьюг — законный наследник, и у него родился сын! Неужели ты и их убьешь?! — ужаснулась Бренна.

— У Хьюга никогда не будет своих детей! Еще в детстве он перенес тяжелую болезнь,

лишившую его возможности иметь потомство. Теперь он всего лишь наполовину мужчина! Твоя сестра лгала, и я говорила об этом Ансельму, но тот не поверил! Поэтому они все тоже сойдут в могилу. Все сыновья Ансельма и их сыновья! Все, кроме моего!!!

И Ярмила, пришпорив коня, помчалась к дому Бренны.

— Ты должен остановить ее, Седрик! — вскрикнула та.

— Нет времени!

— Но на тебя будут охотиться, как на дикого зверя!

— Я оставил Гаррику жизнь, зная, что он пойдет по следу. Я скроюсь в Эрине или Финляндии, далеко отсюда!

— Она убьет моего сына! — завопила Бренна вне себя от страха, пытаясь повернуть коня. Но Седрик успел схватиться за поводья. Однако на этот раз только смерть могла остановить Бренну. Спрыгнув с коня, она помчалась назад, к Гаррику и сыну. Необходимо задержать Ярмиллу, во что бы то ни стало!

Но Седрик успел догнать ее и поднять на своего коня. Бренна сопротивлялась, как пойманная тигрица, но удар по голове поверг ее в беспросветный мрак небытия.

Глава 48

Воды фьорда были беспокойными, течение — быстрым, и Бренна пришла в себя только от сильной качки. Она полулежала в маленькой лодке. Страх не оставлял ее ни на секунду. Оттолкнувшись руками, она вдруг поняла, что не связана. Седрик, сидя к ней спиной, изо всех сил греб, спеша подальше удалиться от земель Хаардрадов.

Бренну охватило отчаяние. Все мысли ее были там, в маленьком домике, с Гарриком и Селигом. Господи, как остановить Ярмиллу, пока еще не поздно?! И не думая о том, что не умеет плавать, девушка бросилась в воду. Седрик еще не успел сообразить, что она уже пришла в себя. Бренна немедленно ушла под воду. На мгновение ее выбросило на поверхность, и она услышала пронзительный вопль Седрика, прежде чем пучина вновь затянула ее в глубину.

Быстрое течение понесло Бренну и ударило о доски, служившие опорой мостков. Она подтянулась повыше, цепляясь за мокрые столбики, и только теперь увидела, что Седрик повернул лодку и приближается к берегу. Боже милостивый, почему он не может оставить ее в покое и отправиться восвояси?!

Бренна попыталась добраться до берега, откуда было легко добежать до тропинки, ведущей вверх по обрыву. Но Седрик был уже слишком близко. Он схватит Бренну, прежде чем она успеет выкарабкаться из воды. Девушка вновь нырнула и, хватаясь за опоры, доплыла до другого конца мостков. Седрик был вынужден обогнуть длинную деревянную площадку, что дало Бренне возможность выиграть время. Однако именно в этом месте на много ярдов простирались скалы, преграждавшие путь к тропинке. Наконец, обдирая руки, хватаясь за острые камни, Бренна отыскала на берегу пологое место, откуда можно было выбраться из воды и успеть убежать. Силы ее быстро иссякали, а Седрик работал веслами, как одержимый.

Бренна начала взбираться на скалу, хватаясь за ветки, острые выступы и за все, чего касались

пальцы, чтобы не упасть. Она надеялась, что Седрик не сможет так быстро причалить к берегу, но тот уже выскочил из лодки и устремился следом, вопя, что на этот раз убьет ее. Теперь ей даже не за что было ухватиться, кроме гладкого отвесного камня. Бренна не могла больше ни карабкаться наверх, ни спуститься вниз:

Седрик был прямо под ней.

Толстые пальцы потянулись к Бренне и дотронулись до щиколотки. Она пронзительно вскрикнула, стараясь оттолкнуть его ногой, но Седрик упрямо пытался схватить ее. Наконец ей удалось ударить его по голове, и Седрик на несколько футов скалился вниз, но тут же вновь полез по отвесной скале. Сколько еще это будет продолжаться? Она добралась уже почти до тропинки, но никак не могла ступить на нее.

Бренна снова вскрикнула, когда руки Седрика потянулись к ней. И вдруг словно откуда-то издалека она услышала свое имя, заглушенное плеском воды. Сначала Бренна подумала, что это эхо играет с ней злые шутки, зря обнадеживая напоследок, перед смертью. Но тут снова кто-то позвал ее, на этот раз громче, и Бренна узнала родной голос.

— Гаррик! Скорее! Скорее!

Седрик в ужасе устремился вниз, оставив попытки расправиться с Бренной, и на ходу спрыгнул в лодку. От резкого толчка маленькое суденышко перевернулось, и Седрик свалился в воду. Течение подхватило его и понесло. Бренна видела, как он борется с неистовыми волнами, пытаясь выплыть. Раз, другой голова Седрика показалась на поверхности и больше не появлялась.

Бренна оцепенело уставилась в черные глубины фьорда, ничего не замечая вокруг. Такой ее и нашел Гаррик. Он потянулся к ней и, сжав руку, обвел вокруг гладкого валуна. Бренна упала в его объятия и не протестовала, когда он, подхватив ее, понес вверх по обрыву в свой дом. Усадив ее перед очагом, Гаррик поспешил принести вина.

— Нужно немедленно снять эту мокрую одежду, Бренна.

— Нет, дай мне сначала немного прийти в себя. Гаррик не возражал. Он опустился рядом на меховой ковер, стараясь не встречаться с ней взглядом.

Бренна понимала его состояние.

— Ты можешь простить меня? — выдавил он наконец.

— Молчи. Все будет хорошо. — Бренна нежно коснулась его щеки.

— Нет. Я причинил тебе столько горя. И едва не стал причиной твоей смерти, потому что посмел притащить сюда Седрика, вместо того чтобы сразу и безоговорочно поверить тебе.

— Я не виню тебя, Гаррик. Главное, что теперь ты доверяешь мне.

— Да, и всегда буду, — прошептал он, обжигая ее губы страстным поцелуем. — Теперь ты станешь моей женой?

— Если ты все еще хочешь меня.

— Хочу? — в полном изумлении закричал он. — Женщина, да как ты можешь в этом

сомневаться?! Бренна рассмеялась.

— Мы должны быть за все благодарны Господу, Гаррику! Тебе, мне и Селигу — всем нам грозила смерть. Где малыш? — испуганно спросила Бренна.

— В безопасности, не волнуйся, — Гаррику нежно притянул ее к себе, и она уронила голову ему на грудь.

— Страшно подумать, что случилось бы, не подоспей ты вовремя. Седрик хотел во что бы то ни стало отомстить мне за то, что я едва не убила его. Когда он услышал твой голос, то попытался сбежать, но так резко прыгнул в лодку, что она перевернулась. Седрик упал в воду.

Она невольно поежилась при мысли о столь жуткой смерти.

— Мне повезло еще, что твоя лошадь куда резвее моей. Я добрался до берега всего за несколько минут.

— Должно быть, тебя нес ветер, — улыбнулась Бренна. — Слава Богу, что ты вовремя пришел в себя.

— За это лучше поблагодарить нашего сына. Он начал колотить меня кулачками в грудь, без сомнения, считая, что нашел новую игрушку.

— Где ты оставил его? С Эрином?

— Нет. Как раз, когда я выходил с Селигом из дома, приехала Ярмила, чтобы попрощаться с тобой. Я попросил ее отвезти Селига к родителям.

— Гаррику! Нет! Скажи, что пошутил! — Казалось сердце ее разорвется.

— Но что случилось? Бренна вскочила:

— Она хочет убить его! И похвалялась, что расправится с вами обоими!

Гаррик ни на секунду не усомнился в ее словах. Они наперегонки помчались к конюшне и, оседлав коней, с головокружительной скоростью поскакали к жилищу Бренны. Позади дома Гаррику нашел следы коня Ярмиллы, ведущие в лес.

Они мчались по следу. Бренна почти ничего не видела от слез, однако старалась не отставать от Гаррику, шепча молитвы, прося Господа пощадить ее дитя. Когда Гаррику сбился с дороги в густом кустарнике, Бренне показалось, что она сейчас умрет от горя. Какая надежда у этого маленького, беспомощного существа спастись от этой ведьмы? Прошло слишком много времени.

Гаррик пытался уговорить Бренну ехать за помощью, но та не могла заставить себя отказаться от поисков, в тот момент, когда сын мог быть совсем рядом. И они продолжали путь, хотя и не зная куда, но слепо надеясь, что отыщут Ярмиллу. Внезапно Бренна действительно увидела ее. Она медленно ехала им навстречу. Пришпорив коня, девушка обогнала Гаррику и первая оказалась рядом. Но Ярмила была одна. Селиг!

— Где он?! — вскрикнула Бренна.

— Я не смогла сделать это сама. Я тоже мать. Не смогла. — Ярмила покачала головой, тупо уставившись на вытянутые руки.

— Где он, я спрашиваю?! — Бренна, прыгнув на землю, стащила старуху с коня и начала грубо трясти.

— Оставила там. — Ярмила показала куда-то в чащу.

— Где именно, Ярмила? — со странной мягкостью спросил Гаррик, подъехав.

— Недалеко. — Она подняла глаза, горевшие нездоровым блеском:

— Вот... вот... неужели не слышите, какой плачет? Фейрфлекс всегда так громко кричал. Я должна идти к нему.

Гаррик отъехал, и Бренна, вскочив в седло, последовала за ним. Она не испытывала ненависти к Ярмилле за предательство — несчастная явно потеряла рассудок. Но и жалости тоже не было.

Они нашли Селига под высокой сосной, и он действительно хныкал, поскольку острые иглы впивались в ручонки. Когда Гаррик отдал сына Бренне, она снова зарыдала, но на этот раз от счастья, уверенная, что уж теперь ни за что не спустит с малыша глаз, по крайней мере ближайшие годы.

На обратном пути они проехали то место, где встретились с Ярмилой, но той уже не было.

— Она давно уже задумала это, Гаррик. Именно Ярмила заплатила Седрику за мое похищение. И я узнала ее коня. Она — та женщина, которая пыталась убить меня в лесу.

— Но причем тут ты, Бренна? Не понимаю.

— Она боялась моего ребенка. Селиг — еще один наследник Ансельма, от которого Ярмила хотела избавиться, чтобы в живых остался только Фейрфлекс и получил богатство твоего отца.

— Должно быть, она давно уже сошла с ума, если надеялась, что такое сойдет ей с рук.

— Мне следовало бы давно понять, что только она всему виной. Я знала, что она ненавидела твою семью, но думала, что со мной хочет расправиться Морна.

— Морна?

— Она терпеть меня не может и стремится вновь завладеть тобой. И... и ты в самом деле собирался вернуться к ней, когда мы расстались.

— Значит, ты поверила, — нахмурился Гаррик. — Я так злился на тебя, что старался заставить ревновать. Но между мной и Мерной ничего не могло быть. Если бы мы и поженились много лет назад, то не по любви. Я добивался Морны из-за ее красоты, а она была не прочь стать женой сына вождя, пусть и младшего. Теперь я это понимаю.

— И теперь она ничего не значит для тебя?

— Конечно, нет, только напоминает, каким глупцом я оказался, когда так близко к сердцу принял ее измену. Но я был дураком по многим причинам. Можешь ты простить меня?

— Я прощаю тебя, Гаррик. — Бренна улыбнулась. — С этого дня ты будешь дарить мне только счастье и радость.

Через несколько дней состоялся суд над Ярмиллой, и она была изгнана из страны. Ее сын Фейрфлекс решил не покидать мать, поскольку та нуждалась в нем. Он ничего не знал о происках своей матери и был так же потрясен, как и остальные, когда узнал все. Бренна посчитала наказание слишком суровым, но теперь па первом месте была ее семья. И, когда Ярмила наконец убралась, для страхов не осталось места.

Глава 49

— Селиг спит?

— Да, любовь моя, — ответила Бренна и, забравшись в постель, прижалась к Гаррику. — У него живот болел, без сомнения, от всех тех сладостей, которыми пичкает его твой отец.

— Он действительно слишком балует его.

— С этим я не стану спорить, — усмехнулась Бренна.

— А почему, девушка, тебе вообще нужно спорить со мной по любому поводу? — с притворным возмущением набросился на нее Гаррик.

Бренна откинулась на подушку, делая вид, что страшно разгневана:

— Не думай, викинг, что, если мы женаты, твоя воля стала моей! Никогда не покорюсь! Гаррик, хмыкнув, привлек жену к себе:

— Ты упряма и своенравна. Это мне прекрасно известно. Не ты ли настояла, чтобы в день нашей свадьбы дать Джейни свободу? Теперь Перрин уж точно женится на ней! В твоих руках я мягче воска! Исполняю любое твое желание!

— Но ведь ты был так же рад за них, как и я! — усмехнулась Бренна.

— Еще бы! — Гаррик расплылся в улыбке. — До сих пор удивляюсь, как это я столько времени не подозревал об их любви? Почему Перрин ни разу не поговорил со мной о Джейни? Конечно, мы иногда ссорились, но после рождения Селига ни разу слова плохого друг другу не сказали.

— Перрин хотел купить Джейни, но боялся, что ты откажешь ему. Вспомни, каким ты был нетерпимым, как тебе трудно было угодить, особенно в последнее время!

— Да. Даже после того, как появился на свет Селиг, и я был вне себя от гордости и радости, но все же не находил себе места, потому что сгорал от желания приехать к тебе, умолять остаться, сказать, как люблю, но опасался, что ты отвергнешь меня. Да, пожалуй, можно понять Перрина.

— Значит, во всем виновата я, так ведь?

— Но ты и в самом деле была слишком упрямой, девушка.

Бренна, улынувшись, легко и дразняще коснулась губами его губ.

— И скорее всего навсегда такой останусь. Но ты все равно меня любишь.

— Разве?!

— Гаррик!!

Гаррик рассмеялся и крепко прижал ее к себе.

— Никогда не сомневайся в этом, Бренна. Никогда! Ты моя и навеки останешься моей, согласишься с этим или нет.

— О, я с радостью соглашаюсь. Со всем, сказанным тобой.

Сквозь открытую балконную дверь проникали лучи полуночного солнца. Оранжевые отсветы падали на сплетенную в объятиях парочку. Они были женаты вот уже целый месяц. Языческая церемония оказалась поистине прекрасной, но Бренна все же не теряла надежды когда-нибудь получить благословение Господа Бога и предстать перед священником.

Она больше не думала о возвращении на родину. Теперь ее дом был здесь...

mir-knigi.org